

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ПАНКЕЕВА

РАСПУТЬЯ.
ДОБРЫЕ СОСЕДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Бывает, возвращаются домой герои-победители, а там такое творится, что и показываться-то небезопасно, того и гляди, всадят нож в спину добрые соседи, давно присмотревшие бесхозный дом для себя. Поэтому возвращаться стоит осторожно, желательно внезапно, обязательно с внушительной силовой поддержкой и хорошо продуманным планом действий. А уж потом, отбив у жадных соседей охоту зариться на чужое, можно с ними и договориться о чем-нибудь — все ж соседи.

Уважаемые читатели! Поскольку электронные версии не помогут Автору писать новые книги, вы можете это исправить: web-money Оксана Петровна принимает на к о ш е л е к **Z765938819912** (удостовериться в этом, найти единомышленников, а также задать вопросы и следить за выходом новых книг можно тут: pankeeva.info)

Также ждем вас в социальных сетях : facebook.com/pages/Oksana-Pankeeva/ и vk.com/deltaworld

- [Оксана Панкеева](#)

- - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Оксана Панкеева

Распутья. Добрые соседи

ГЛАВА 1

А теперь, когда все знают друг друга, не могли бы вы заткнуться, пока я рассказываю, каков будет наш следующий ход!

Р. Л. Асприн

Астуриас внимательно оглядел собравшихся и подумал, Что он мог бы по праву гордиться собой. Ведь именно он свел наконец в одной комнате все заинтересованные стороны и организовал эту встречу на высшем уровне, хоть некоторые и

пытались упираться, не понимая своей выгоды. Ну, не то чтобы совсем на высшем — иномирские хозяева Санчеса все-таки побоялись рисковать своими особо ценными шкурами, и бессмертный наследник Повелителя тоже не почтил своим высочайшим присутствием сие собрание — по той простой причине, что его никто не приглашал. Зато первые прислали «юриста и ведущего менеджера компании», то есть высших сановников, уполномоченных вести переговоры, а от ордена явились наместник, первосвященник и главнокомандующий — фактически самая верхушка. Напротив расселись

будущие партнеры первых и преемники вторых.

Мистралия — молодой, но подающий надежды авантюрист Торрес. Несколько лет назад ему почти удалось выдать себя за внебрачного брата да Косты, и Астуриасу пришлось лично вмешаться, чтобы остановить зарвавшегося юнца. И как же прав он оказался, когда не пожелал губить такой талант и припрятал шустрого самозванца до лучших времен! Будто нюхом чуял, что рано или поздно да Косте понадобится замена.

Ортан — пришлось за неимением лучшего выковырять из забвения и

отряхнуть от пыли затворницу Монкар. Не особенно представительно получилось — привлекать к такому делу женщину, но, по правде говоря, она куда умнее своего бестолкового папаши. А уж о том, чтобы посвящать в истинную суть происходящего честного идиота Бакарри, и речи быть не может. Ради спасения отечества он еще способен потеснить у трона неудобных родственников, но услышь он, о чем здесь пойдет речь, — и вся обработка насмарку. Нет, пусть остается в неведении и честно исполняет роль символа, а потом эта хитрая интриганка женит его на себе и...

словом, дальше будет видно.

Эгина — давний поделльник Санчеса еще с прошлого лета, герцог Кефтедес, который так удачно ухитрился заболеть перед самым началом вторжения и отсидеться в удаленном поместье, не замаравшись в сотрудничестве с захватчиками.

С Галлантом, увы, не получилось — не успели, слишком уж быстро двинулись вперед объединенные войска северных держав. Пока присматривались, выбирали, искали подходы, и связи, столица была захвачена, окончательно спившийся Луи объявлен невменяемым и помещен под надзор целителей, трон

занял коронованный еще весной полугодовалый младенец Шарль, а власть прочно взяла в свои руки королева-мать. Пришлось исключить Галлант из схемы и отложить до тех времен, когда настанет очередь северных королевств.

— Ну что ж, господа, начнем. — Астуриас занял место во главе стола и еще раз с отеческой гордостью обвел взглядом высокие договаривающиеся стороны. — Как все мы знаем, уважаемые первосвященник Тибальд, наместник Глоув и главнокомандующий Хор столкнулись с проблемами, которые грозят в ближайшем будущем перерасти в

катастрофу... Я правильно излагаю, господа? Если мои сведения верны, вы, во-первых, еще пару лун назад опять потеряли связь с чертогами Повелителя, откуда получали инструкции и военную помощь. Во-вторых, незадолго до этого неприятного происшествия оттуда просочились слухи об исчезновении и даже возможной гибели самого Повелителя. И в-третьих, практически в один день с перекрытием портала северные королевства начали войну, которая длится по сей день и в которой вы пока не добились особых успехов.

— Между прочим, вы обещали

нам помощь, — заметил
первосвященник.

— И мы называли свою цену, —
напомнил Санчес.

— Потерять сейчас хоть один
излучатель для нас смерти
подобно, — недобро сверкнул глазами
Хор. — Нас и так давят как тараканов,
а если еще и маги подключатся...

— Вражеские маги, из-за
которых вы так нервничаете, сейчас
вовсю «подключаются» к армии
Конфедерации в вашем родном мире.
За прошедшие две луны они успели
отбить половину захваченных Оазисов
и уверенно теснят ваших
покровителей обратно в Чигинские

болота. Что до самого Повелителя, то его уже три луны никто не видел, и похоже, что слухи, увы, правдивы.

— Этого не может быть, — убежденно заявил глава ордена. — Повелитель — бог, он не может умереть.

Генерал и наместник переглянулись.

— Брат Тибальд прошел пять ступеней посвящения, — извиняющимся тоном произнес бывший старейшина. — Он... не может адекватно воспринимать некоторую информацию.

— Видите ли, — произнес юрист, тщательно изображая почтительное

сочувствие, — то, что люди не могут убить бога, — общеизвестно. Но истории разных миров помнят множество случаев, когда боги подвергались пленению и заточению. Кроме того, в случае конфликтов между самими богами...

— Повелитель — единственный! — Высокий голос первосвященника почти сорвался на крик. — Нет других богов, кроме Повелителя!

На этот раз многозначительными взглядами обменялись все.

— Что ж, хотя мы и не можем знать точно, что случилось с Повелителем, факт остается фактом

— он исчез, — подхватил разговор Астуриас. — И если я верно помню, не в первый раз. Прошедшей весной он уже пережил одно похищение, и тогда покойному наместнику Харгану пришлось хорошенько потрудиться, чтобы найти его и спасти. Теперь сделать это некому. Есть сейчас среди ваших магов хоть один равный по мощи полудемону и так же близко связанный с Повелителем, чтобы суметь отыскать его по ауре и своими силами отбить у похитителей?

— Как я полагаю, — горько прокомментировал Глоув, — Нимшаст не торопится на помощь наставнику, а радостно пользуется его

отсутствием для бесконечных поисков своего филактерия?

— Откуда у вас такие сведения? — почти одновременно с ним заинтересовался Хор.

Астуриас сделал картинный жест в сторону представителей компании.

— У этих господ есть свои люди и в том мире, и в этом.

— Тогда почему они не помогли нашим там?

— Уверяю вас, они делают все, что могут. Но много ли возможностей у шпиона, вынужденного держаться подальше от места действия, чтобы не нарваться на менталистов обеих противоборствующих сторон? Кстати,

известно ли вам, что куфти в полном составе дезертировали еще в день исчезновения Повелителя, а войско за прошедшие две луны уменьшилось на две трети? Причем не столько за счет боевых потерь, сколько из-за массового дезертирства и перехода на сторону противника.

— Как же Клюв допустил?..

— Он тоже дезертировал, решив, что вернуться к разбою будет безопаснее. Только халки и нежить верны до конца, люди же, увы, несовершенны, как любил говаривать покойный брат Чань. Кстати, прав ли я, предполагая, что ваши солдаты тоже потихоньку разбегаются?

— Давайте короче и по делу, — вмешался главнокомандующий. и Что вы хотите предложить и какова цена? Честно говоря, я уже готов вытащить этот проклятый камень из любого излучателя. В конце концов, их у нас целых три, но толку-то, если нас все равно лупят на нашей территории безо всякой магии. Еще несколько недель — и эта одноглазая ведьма осадит столицу.

— Совершенно верно. И насколько нам известно, она по-прежнему не настроена брать пленных. Некоторые вдовы так странно выражают свою скорбь... Но раз вы заговорили о конкретных

предложениях, мы тоже будем конкретны. Необходимости в действующем образце у наших партнеров больше нет. Через пару лун у них будет готова партия собственных излучателей. Проблема в том, что двух лун нет в запасе ни у вас, ни у них.

— Но если для нас это означает только временные дополнительные сложности в бизнесе, — подхватил ведущий менеджер, — то для вас, если я верно понимаю ситуацию, — вопрос жизни и смерти. Поэтому наше предложение будет следующим. Мы предоставляем вам возможность беспрепятственно и безопасно уйти из

этого мира, вы же в свою очередь оставляете нам все три ваших излучателя.

— Нет! — решительно вскинулся первосвященник. — Никогда! Ни за что!

Его спутники со значением переглянулись.

— Зачем же так категорично, брат Тибальд? — примирительно произнес наместник. — Настолько важное решение нельзя принимать с ходу, не обдумав как следует, не обсудив с верховными иерархами и штабом.

— Поддерживаю, — быстро добавил Хор. — Раз даже между нами

троими нет полного согласия в вопросе, мы не можем дать ответ здесь и сейчас.

В отличие от наместника он не был мастером дипломатических уверток, и на его физиономии легко читалось, что только необходимость объясняться с телепортистом — тоже, несомненно, посвященным — не позволяет ему прямо сейчас свернуть окаянному фанатику его тупую башку.

— Я уверен, — убежденно заявил глава ордена, в порыве верноподданности упустив этот жизненно важный момент, — верховные поддержат меня единогласно!

— Сколько вам потребуется на обсуждение?

Наместник и
главнокомандующий опять
понимающе переглянулись.

— Сложно сказать. Неизвестно, насколько затянется обсуждение, если мнения разделятся примерно поровну... Не лучше ли будет, если мастер Астуриас навестит нас в Даэн-Риссе... скажем, послезавтра. Возможно, к тому времени мы сможем хотя бы определиться с датой встречи. Не хотелось бы создавать неудобства уважаемым господам... Глоув почтительно кивнул в сторону представителей компании.

Астуриас, прекрасно уловивший намек, заверил, что конечно же ему не составит труда, и представители ордена чинно откланялись.

— И как это следует понимать? — с оттенком прохладного недовольства осведомился юрист.

Астуриас плюхнулся на одно из освободившихся мест и, ухмыляясь, достал из нагрудного кармана сигару.

— Считайте, что дело в шляпе. Этот несчастный оболваненный фанатик не доживет и до утра, не говоря уж о каких-то обсуждениях с прочими такими же ненормальными. Он здесь вообще был не нужен, пригласить его пришлось лишь по

одной причине — он бы все равно узнал, телепортист донес бы. Теперь, когда мы знаем, что пришельцы готовы договариваться через голову ордена, осталось только наладить перемещение, чтобы впредь они могли обходиться без телепортиста. В итоге они сделают все, что нам нужно, а всех этих посвященных оставят на растерзание. А мы пока можем заняться вопросами дальнейшего обустройства этого мира — сперва его южной части.

Сидящие за столом одновременно подобрались и посерьезнели. Начиналось самое интересное.

Начинался торг.

За годы работы Кангрем успел заметить, что лето в Хетми поразительно соответствует характеру здешних обитателей. Долгое, медлительное, душное, оно сонно ползло по выжженным до звона пустошам, сочилось изнуряющим зноем, от которого поневоле становишься вареным и расслабленным, жадно выпивало влагу из каждого клочка возделываемой земли и заставляло разморенных людей искать хоть какой-нибудь кусочек тени, чтобы укрыться от немилосердного солнца.

В тот памятный год, когда, казалось, сам мир встал вверх тормашками, неспешное хетмийское лето тоже сошло с ума. Оно неслось галопом, подпрыгивая на загривке скачущего грака, кренясь на поворотах, вздымая клубы пыли и не оставляя времени оглянуться. С того самого мгновения, когда потерянный агент впервые влез на любвеобильную Матрену и постиг незабываемое ощущение неуправляемого полета, оно осталось с ним навсегда и больше его не покидало. Казалось, сама жизнь превратилась в скачущего грака и понеслась — напрямик, вслепую, не видя дороги со всеми ее ухабами и

колдобинами, огромными скачками сигая через препятствия, стремительно увертываясь от летящих навстречу опасностей и откровенно игнорируя мнение всадника по любому вопросу.

...Сказали — герой пророчества, значит, будешь героем. Мало ли чего ты там хочешь, надо.

...Переводи давай. А что делать, больше некому.

...Вот тебе зверь, будешь на нем ездить. Научишься, куда ты денешься.

...Держи. И чтобы без брони под пули не лез. Да не шарахайся, это же не полный доспех, а только шлем и нагрудник. Потянешь, не барышня.

Это только с непривычки кажется, что тяжело, зато в случае чего целее будешь. Не прибежняйся, мой дедушка полное облачение носил почти до семидесяти.

...Твою кабину я припрячу. Может понадобится. Если что, скажем — разбомбило. А если ничего, верну потом. Зачем? Тебе пока лучше не знать, спокойней спать будешь.

...Смотри сюда. Вы стоите здесь. По сигналу движетесь вон туда. От пехоты не отрываться. В общем, держись рядом с Элмаром.

...Ваша задача — ворваться в ангар и уничтожить охрану. И чтоб на вертолетах ни единой царапины.

Задача ясна? Выполнять.

...Пока вторая рота подходит с севера, вы врываетесь через восточные ворота, которые вынесут уважаемые магистры, и создаете как можно больше шума, чтобы отвлечь противника. Это задача номер два. Задача номер один — не дать себя при этом убить. Вопросы есть?

У Элмара вопросов никогда не было. После второй или третьей операции Витька тоже отучился их задавать. Вернее, научился задавать сам себе и мысленно. И тут же предсказывать возможный ответ, после которого желание повторить что-либо вслух сразу пропадало.

После пятого или шестого штурма очередного Оазиса он сбился и даже считать перестал. Смысл происходящего он перестал улавливать еще раньше. Вернее, общий смысл был ясен с самого начала: уничтожить агрессора и вернуть захваченные Оазисы. Но вот более конкретные моменты, вроде планов на ближайшую неделю или причин того или иного распоряжения, становились все менее понятны. По мере того как крепло доверие между союзниками и расширялся их словарный запас, Витьку все реже звали переводить совещания при штабе, и часто оказывалось, что ему

известно не больше, чем любому рядовому бойцу. Элмара такое положение дел ничуть не напрягало. Кангрэм, предпочитающий точно знать, что делает, нервничал, терялся и не мог избавиться от навязчивого ощущения, что некая неведомая сила несет его, как пыль по ветру. Бесперывные марши по пустошам и телепорты, тренировки и бои, смертельная усталость и мертвецкий сон на чем попало, чистка доспехов и пересчет патронов, круговорот незнакомых лиц и навязанная роль героя — все слилось в один сплошной поток, который катился во времени и пространстве, подбрасывая на волнах

и кружа в водоворотах маленькую невесомую щепку по имени Виктор Кангрэм.

Он потерял ощущение времени настолько, что не успел заметить, как пролетели два цикла, и, когда безумная скачка внезапно кончилась, даже не понял, что случилось. Просто показалось, будто он с разгону врезался в невесть откуда взявшуюся стену. Головой. Во всяком случае, очень было похоже — искры из глаз, разрывающая череп боль и темнота... Словом, не самый приятный способ останавливаться.

Правда, все это Витька вспомнил лишь несколько дней спустя, а

поначалу, очнувшись в лазарете, не мог даже сообразить, где находится и как сюда попал. Единственной связной мыслью, посетившей его ушибленную голову, было что-то вроде «ну конечно же это должно было случиться именно со мной, как же иначе...».

И тут же, словно мироздание решило в придачу еще и поиздеваться, рядом жизнерадостно возгласили:

— Ну ты счастливчик!

Дотянуться до шутника и огреть его чем-нибудь тяжелым, как Витьке того хотелось, не было никакой возможности, поэтому он попытался хотя бы разглядеть обладателя

извращенного чувства юмора.

Незнакомый молодой врач с искренним восторгом взирал на пациента, даже не подозревая о его нехороших намерениях. Быстро и деловито убедившись, что «счастливчик» видит, слышит, понимает обращенную к нему речь, помнит, как его зовут, и в состоянии сосчитать до пяти, он возрадовался еще сильнее и повторил свое неуместное замечание. Причем, похоже, без всяких намерений поглумиться, а просто от полноты чувств.

— М-да? — недоверчиво простонал Витька, надеясь, что до

энтузиаста все-таки дойдет, какой бред он несет.

— Да ты сам посмотри!

Перед его носом возник некий предмет, в котором Кангрем с трудом опознал собственный шлем, тот, что на него когда-то чуть ли не силком напялил дружище Элмар. В верхней части шлема красовалась здоровенная вмятина.

— Получить пулю в башку, сверзиться с грака и отделаться сотрясением, вывихом и парой ушибов — это ж какое везение надо иметь!

Привычные размышления о соотношении удачи и невезения в

своей жизни были сейчас для Витьки непосильной задачей, поэтому он просто прикрыл глаза и неуверенно пробормотал:

— Наверное... не помню...

Как выяснилось впоследствии, что-либо вспомнить у него и не было шанса. Летящую пулю он, разумеется, видеть не мог, когда падал — был уже без сознания, только и осталось в памяти странное чувство, будто налетел с разгону на стену. Зато две следующие недели оказались удивительно своевременной возможностью оглянуться назад и утрясти в памяти сумасшедшие два цикла.

В лазарете он провел всего пару дней. Как только доктора великодушно разрешили «счастливчику» вставать, примчались братцы-принцы и сообщили, что сейчас дорогой друг отправляется к ним в гости. Ему все равно еще дней десять валяться, так почему бы не заниматься этим достойным делом в более комфортных условиях. Подышит чистым воздухом, отдохнет на нормальной человеческой кровати, а заодно познакомится наконец с кузенком Шелларом, а то ведь потом опять времени не будет. Разумеется, поинтересоваться его мнением ребята по привычке сочли излишним, но не

спорить же с ними, тем более когда они правы.

Насчет воздуха их высочества не соврали — даже дома не дышалось так легко, что уж говорить о Каппе. Небольшая, окруженная высоким прочным забором вилла, которую Мафей скромно назвал «дядиным охотничьим домиком», находилась, судя по всему, в лесу, вдали от городов, и на первый взгляд казалась пустой. Но не успели гости ступить на порог, как где-то на другом конце двора раздалось громогласное «бабах!» и дом в тот же миг ожил и наполнился звуками.

Сначала взревел аварийной

сиреной разбуженный младенец, и Витькина ушибленная голова немедленно напомнила о себе. Затем послышался встревоженный женский крик, и почти одновременно радостный девичий визг: «Ой, как бумкнуло! Я знаю, это называется алхимия!» Потом последовала отрывистая команда «Всем оставаться в комнатах!» и топот. Еще пару секунд спустя хлопнуло, открываясь, окно и ровный мужской голос, не затронутый всеобщей паникой, спросил:

— Мартин, это ты?

— Извините... — отозвался невидимый мальчишка откуда-то издалека. — Я, кажется, переложил

селитры...

— Ты не поранился?

— Нет.

— Что-нибудь загорелось?

— Нет...

— Отбой тревоги, —

невозмутимо скомандовал мужчина, и окно опять захлопнулось.

Женский голос, мгновенно сменив волнение на возмущение, воззвал к незадачливому пиротехнику, требуя немедленно идти сюда и самостоятельно укачивать это чудовище, а также угрожая все рассказать матери.

— И почему Шеллару кажется, что здесь скучно? — хихикнул Мафей.

— Потому что ему и правда скучно, — проворчал Элмар. — Думаешь, проделки этого Хорхе-Джошуа-Марти-на-и-как-там-его-еще могут развлечь Шеллара?

Это не проделки, а эксперименты, — вступился за юного шкодника Мафей, сам только недавно вышедший из возраста, когда что-то вроде «бросить в костер горсть патронов и посмотреть, что будет» считается интереснейшим экспериментом.

— Ага, вроде твоего стола, — поддел брата Элмар и кивнул на дверь. Пойдемте.

Кангрэм покрепче вцепился в его

плечо и поковылял вперед. Боль в голове усиливалась, в глазах все плыло, и, похоже, знакомство предстояло отложить до более удобного случая.

В коридоре их встретила девушка с ворохом грязного тряпья в руках. Чем-то смутно знакомая, но в таком состоянии Витька не смог бы ручаться за свою память.

— Шеллар у себя? — спросил Элмар после быстрых приветствий.

— А вы к нему? Сейчас туда ходить не надо, я только что закончила перевязку и он еще не совсем одет для приема гостей. К тому же гостю, кажется, нехорошо.

Сударь, что с вами?

Братья догадались обратить внимание на гостя и тоже переполошились. Всякие визиты и знакомства немедленно были забыты, Витьку отволокли в приготовленную для него комнату, уложили в постель, чем-то напоили и оставили очухиваться, пообещав зайти завтра.

Как оказалось, малолетний экспериментатор со своими шумовыми эффектами уберег дорогого гостя от невиданного позорища, помешав принцам представить его кузену по всем правилам. Честно говоря, без позорища не обошлось все равно, но

при этом, по крайней мере, не присутствовала толпа зрителей.

Проснувшись утром относительно бодрым и даже в силах самостоятельно передвигаться, Витька высунулся в распахнутое окно, чтобы получше рассмотреть местную природу, и чуть не вывалился от неожиданности. На открытой веранде в удобном кресле с высокой спинкой восседал его давний знакомый — тот самый вредный конторщик, с которым они так мило повздорили прошлым летом у Гаврюши. Как будто вот прямо сейчас во времени перенесся, такой же чопорный, безупречный, наглухо застегнутый, даже, кажется, в

тех же покрывах, разве что побрякушек поубавилось. Сидел, зараза, и чинно пил чай, словно и не в лесу, а на светском приеме.

— Доброе утро, едва заметно улыбнулся он, тоже, разумеется, заметив торчащего из окна гостя. — Как самочувствие?

— Да ничего, получше... — Витька провел пятерней по волосам и облокотился на подоконник. — А ты здесь откуда? Охраной заведешь?

Знакомец улыбнулся шире, словно хотел рассмеяться, но в последний момент передумал.

— Чаю? — любезно предложил он, кивая на столик рядом с собой.

Витька засомневался. Не то чтобы он ждал подвоха или не хотел чаю, но, во-первых, этот конторщик по-прежнему его раздражал, а во-вторых, он задницей чувствовал — что-то тут не так. Истолковав его раздумья по-своему, собеседник с той же невозмутимой любезностью пояснил, как найти выход и где в комнате умывальник и шкаф.

— Ага, спасибо, — отозвался Витька и пошел умываться, размышляя между делом, всерьез ли все это было сказано или же в качестве издевательского намека на то, что без напоминания он не догадается умыться, а без объяснений

не найдет дверь. Не хотелось бы, чтобы их вторая встреча опять кончилась дракой, вроде в прошлый раз вполне мирно расстались... Да и забияка из него сейчас никакой, честно говоря.

Выползти на веранду оказалось труднее, чем он думал, и к столу пришлось подбираться уже держась за стену, но от предложенной помощи он все же отказался. Вот еще! Тут идти-то два шага... А кресло вправду удобное, как раз для таких вот увечных, у которых голова не держится без подпорок.

Конторщик протянул ему чашку и придвинул поближе сахарницу и

тарелку с плюшками. Выглядел он вполне доброжелательно, вроде бы не собирался напоминать о давней размолвке и честно пытался поддержать дружескую беседу.

— Элмар говорил, вам здорово повезло, что шлем выдержал.

Вот так, только подумаешь о человеке хорошо, а он тут же... Знать бы, нарочно или как тот доктор?..

— Да при чем тут везение, просто шлем крепкий! Слушай, давай на «ты», а? Когда ко мне обращаются как к барину, я себя полным дураком чувствую.

— Охотно, — улыбнулся собеседник и потянулся за

чайником. — Однако ты не прав насчет шлема. Это не нагрудник, и стопроцентной защиты от пуль он не дает. Зависит от мощности оружия, от расстояния и еще от нескольких факторов. Потому я и упомянул о везении. Что именно из сказанного вызвало у тебя такое раздражение?

— А что, заметно? — Витька слегка растерялся, словно его застучали на чем-то предосудительном.

— Да, и весьма.

— Не обращай внимания. Просто... давай о чем-нибудь другом. Вот, например, как у тебя дела?

— Смотря с чем сравнивать, но я

все же склонен думать, что хорошо.

— Чем ты тут занимаешься?

— Большой частью скучаю. —

Конторщик слегка пожал плечами и с видимой неловкостью добавил: — Извини, тебе не кажется, что уместнее всего было бы для начала спросить, как меня зовут? Подозреваю, если происходящее между нами недоразумение затянется еще немного, ты решишь, будто я над тобой потешаюсь, а это будет обидно, как всякая неправда. Я полагал, что ты догадаешься сразу, но, видимо, Элмар неправильно меня описал и у тебя сложилось превратное впечатление.

К чести агента Кангрема, он не поперхнулся чаем, не подавился плюшкой, ничего не уронил и даже не произнес ничего непечатного. Только подумал, что Элмар действительно малость ошибался, уверяя, что его кузен считает себя непривлекательным без всяких причин. Что же до остального... Да уж, мог бы и сам догадаться. И про контору, и про занудство, и про хитрые комбинации. Даже костыль вон, за креслом стоит, только в глаза не бросается.

— Ну, по его рассказам трудно было бы догадаться... — Он отставил чашку и протянул руку через стол. —

Раз так, будем знакомы, ваше величество.

— А как же наш только что достигнутый переход на «ты»? — усмехнулся король, тоже протягивая руку. — Кстати, ломать пальцы при знакомстве не обязательно.

— На этот раз я и не осилю, — усмехнулся в ответ Витька, чтобы скрыть неловкость за мальчишескую выходку при прошлом прощании. — А насчет «ты» — это не шутка?

— Согласись, было бы глупо с твоей стороны внезапно воспылать почтением, всего лишь узнав о статусе собеседника. Да и представь, как мы будем выглядеть, когда придут Элмар

с Мафеем, которые и с тобой на «ты», и со мной, а мы между собой с почтительными реверансами.

— Убедил.

— В таком случае на чем мы остановились?

— Погоди, я немного утрясу в голове вот это все... Потому как малость неожиданно получилось, а голова у меня после сам знаешь чего соображает еще плоховато.

— Можешь делать это вслух, — на полном серьезе предложил Шеллар. — Мне тоже очень любопытно, что наплел тебе Элмар.

— Да ладно на Элмара наезжать. Он мне все это рассказывал в те дни,

когда тебя тут дружно хоронили, сам понимаешь, что ни слова плохого я о тебе не услышал.

— К твоему сведению, Элмар не сказал бы обо мне ничего плохого, даже если бы со мной все было в порядке. Мне интересно, что он наплел хорошего, потому что он склонен к излишествам и наверняка все преувеличил.

Витька снова решительно отставил чашку.

— А разве неправда, что ты внедрился в самую верхушку ордена, развалил им там все, организовал уничтожение двух излучателей и подстроил так, чтобы Повелитель сам

себя упокоил?

— Я надеюсь, он не уверял, что я проделал это в одиночку?

— Об этом речь не заходила, но я и сам не маленький, понимаю, что в одиночку такие вещи не делаются. А правда, что ты вычислил службу «Дельта» и сам раскрутил, кто такой Макс?

— В том деле у меня тоже были хорошие консультанты. Но откуда об этом известно Элмару?

— А, извини, это мне уже не он сказал, а Макс... Я же говорил, что торможу немного... Что ты там увидел?

Его величество, уставившись

куда-то в сторону, торопливо шарил за креслом, пытаясь ухватить костыль. Витька прервал рассуждения о своих временных (по крайней мере, он на это надеялся) тормозах и проследил за его взглядом. В следующий миг он тоже судорожно зашарил по подлокотникам, ища подходящую точку опоры, чтобы успеть встать, пока поднимающаяся на веранду женщина к ним приблизится.

Нельзя сказать, чтобы она сияла красотой или излучала какую-то особую сексапильность, не было в ней и того небрежного величия, которым потрясала мэтресса Морриган, да и вряд ли все это можно было

рассмотреть под фиолетовым покрывалом, окутывавшим высокую стройную фигуру от макушки до полу. Но даже не видя лица, неведомым шестым-седьмым-десятым чувством контуженый кавалер почему-то ощутил исходящую от нее тихую грусть. Это была самая печальная женщина, какую ему доводилось видеть, и настолько возвышенна она была в своей безмолвной печали, что казалось кощунством вообще с ней заговорить.

По неуловимо изменившемуся лицу короля Витька понял, что не один он такой дурак, и ему стало немного легче от понимания, что это

вовсе не глюки и не больная фантазия его сотрясенных мозгов.

Женщина приблизилась и отбросила с лица покрывало. Ее лицо действительно лучилось светлой, нежной печалью.

— Здравствуй, — неожиданно ласково произнес король и, склонившись, поднес к губам ее руку. Костыль, однако, при этом не выпустил.

— Ну что ты вскочил, сядь... Она неловко оглянулась на Витьку, и тут его как назло угораздило пошатнуться. Совсем чуть-чуть, но женщина все равно заметила. — Вот и вы тоже... Сядьте, прошу вас.

— Сию минуту, — пообещал Шеллар, выпрямляясь. — Только позволь сперва представить вас. Виктор, друг и соратник Элмара. Принцесса Тина, моя кузина и сестра Элмара.

Витька заметался, судорожно пытаясь за секунду-две сообразить, что ему теперь делать: кланяться, целовать даме руку или просто сказать какую-нибудь светскую банальность?

Разумеется, ничего не сообразил — даже со здоровой головой двух секунд на это не хватило бы.

Принцесса чуть склонила голову в его сторону и повторила:

— Сядьте же.

Увечные кавалеры, тяжело опираясь на все, что могли найти, вернулись в надежные объятия кресел.

— Ты хотела обсудить подробности нашего маленького заговора или просто навестить пришла? — поинтересовался король.

Его печальная кузина едва заметно улыбнулась в ответ.

— Не станем же мы обсуждать эти подробности при гостях.

— Я могу уйти... — Витька дернулся в кресле, цепляясь за достойный повод смыться, чтобы не выставить себя дураком и дальше.

— Нет-нет! — хором

воскликнули заговорщики. А его величество добавил:

— Лучше расскажи нам, как... О, прошу прощения, кажется, у нас еще гости... так и чашек не хватит...

В облачке телепорта проявился неожиданный визитер, и Витька раздраженно отвернулся, уставившись в чашку, чтобы не здороваться. Неприязнь между ним и главой Темной Канцелярии была глубоко взаимна, хотя они столь же взаимно старались ее не демонстрировать из уважения к чувствам общих друзей. Чем лично он не угодил надменному эльфу, Витька не знал. Сам же он, охотно признавая многочисленные

достоинства господина Раэла, все же не переносил, когда на него смотрят как на вошь и брезгливо поджимают при этом губы.

— Приветствую, — коротко бросил Раэл, ни к кому персонально не обращаясь. — Шеллар, мы можем уединиться на полчаса? Поступила кое-какая информация, нужно срочно скорректировать наши планы.

— Да, конечно... Король без лишних слов схватился за костыль и принялся выволакивать из кресла свое шарнирно-суставчатое величество. Извините, я вас оставляю... Развлеките пока друг друга сами.

И предательски слинял, оставив

совершенно растерянного Витьку наедине с грустной принцессой.

С минуту бедняга натужно ворочал мозгами, изыскивая способ завязать беседу, который бы не выглядел идиотским, затем сдался и предложил даме чаю.

Нет, спасибо. Я завтракала. И он уже остыл. — Она виновато подняла глаза, словно извиняясь за отказ. — К тому же как повод для беседы чай совершенно бесполезен. Расскажите лучше, как там Элмар. Если вам не трудно говорить.

— Нет-нет... Говорить — ничуть... Правда, я иногда торможу и могу глупость ляпнуть... Вы не

обращайте внимания, если что... Элмар... у него все хорошо. Я видел его вчера. Они с Мафеем привезли меня сюда. Сейчас, наверное, готовятся к штурму следующего Оазиса... А я вот тут... это... сижу.

«И, как водится, выставляю себя идиотом», — мысленно закончил он, пытаясь сгрести в кучу мысли и сказать хоть что-нибудь уместное.

— Что с вами случилось? Вы ранены?

— Нет, просто по башке стукнуло крепко... Потому я и несу всякую чушь... Впрочем, нет, это я вру и пытаюсь себе польстить. Такой дурак я по жизни.

— Вы слишком суровы к себе. Это лишь смущение, а не глупость. Вы всегда смущаетесь, когда вас внезапно бросают наедине с малознакомой дамой?

— Нет. Не всегда. Просто когда сидишь перед принцессой в одной майке, поневоле чувствуешь себя беспросветно ущербным. И когда тебя просят развлечь человека, который чем-то расстроен, а причины тому ты не знаешь, становится боязно вообще что-то говорить, чтобы не расстроить еще больше... или, не дай бог, не обидеть.

Бедняжка честно попыталась улыбнуться веселее, но без особого

успеха.

Неудивительно, что вы так подружились с Элмаром. Та же прямолинейная откровенность в каждом слове. Пусть вас не смущает ваш вид, эта одежда вам идет. И не стоит придавать большое значение выражению моего лица. Я всегда такая. Вряд ли у вас получится меня развлечь, но огорчить уж точно не сможете.

— А могу я спросить... — осторожно начал Витька, надеясь все-таки вызнать, о чем с ней можно говорить, а о чем лучше не заикаться. — Что вас настолько расстроило?

Печальная принцесса опять опустила взор, теребя в пальцах край покрывала.

— С тех пор прошло уже полгода, все давно в прошлом. Я просто никак не могу привыкнуть... Хорошо, что Шеллар нашел мне занятие, — это отвлекает, позволяет думать о чем-то полезном и нужном.

— Это вы о «маленьком заговоре»? — уточнил Витька, убедившись, что о своем несчастье Тина говорить не намерена.

— О да. — Когда сквозь завесу грусти проглядывала улыбка, ее лицо словно освещалось изнутри и вызывало бешеное желание найти

того, кто ее обидел, и немедленно оторвать ему голову. Заговоры у нас с Шелларом всегда получались удачные. Надеюсь, на этот раз судьба не изменит устоявшейся традиции. К сожалению, рассказать пока не могу.

— А против кого вы сговаривались раньше?

— Как это водится у детей и подростков — против наставников и родителей.

— А потом?

— Последний наш заговор оказался логичным завершением нашей беззаботной юности, после чего мы надолго расстались. Сейчас Шеллар приглашает меня вернуться в

Орган, когда все закончится... Не знаю... Может быть, и стоит... А вот вы... там, в своем мире, чем занимаетесь?

— Я?... Ну... Это... воюю.

— А раньше, до войны?

— Ну... у меня была небольшая лавка.

— Так вы купец? — Это было произнесено со столь искренним удивлением, что Витька, не сдержавшись, опять уточнил:

— А что, не похож?

— Вы больше похожи на воина. То ли война вас сильно изменила, то ли вы всю жизнь занимались не своим делом.

— Ну, может быть... Честно говоря, торговля у меня всегда шла плохо. С другой стороны, у нас эти два занятия тесно связаны, торговец должен уметь постоять и за себя, и за товар, иначе просто не выжить. А если еще с третьей посмотреть... наверное, я действительно изменился.

«И когда я вернусь домой, меня первым делом упекут на долгую реабилитацию, поскольку то, во что я за эти два месяца превратился, нельзя выпускать на улицу. Пять лет на Каппе — само по себе почти диагноз, но даже эти пять лет несравнимы с тем, что сотворили со мной эти два месяца. Дело даже не в том, что я

научился стрелять на скаку, рубить из седла, метать топор, резать глотки и сворачивать шеи одним движением. Дело в том, что я научился это делать не задумываясь, не колеблясь и без сожаления. Я стал таким же, как Максов безбашенный сын, который как-то признался, что временами сам себя боится. Если раньше я просто мог понять, как и почему он устроил бойню за гаражами, то теперь я легко могу сделать то же самое...»

Громко хлопнула входная дверь, и на крыльцо выкатилась молодая женщина в просторном сарафане, под которым выпирал округлый живот.

— Ваше высочество! звонко и

жизнерадостно крикнула она, вперевалку взбегая на веранду. — Его величество вас зовет, говорит, срочно надо обсудить что-то важное! Ой, извините, доброе утро.

— Спасибо, сейчас иду. — Принцесса грациозно поднялась и легким прикосновением остановила горе-кавалера, который тоже вознамерился встать, чтобы попрощаться. — Нет-нет, сидите. Может быть, мы еще вернемся. В любом случае, мне было очень приятно с вами познакомиться.

— Да, мне тоже... — неловко пробормотал Витька, опять чувствуя себя со всех сторон дураком, причем

на этот раз без всякой видимой причины.

Юная особа меж тем бодро втиснулась в кресло, недавно покинутое его величеством, и без всяких церемоний придвинула к себе булочки и последнюю чистую чашку.

— Я Ольга, — представилась она, на мгновение отвлекшись от ограбления сахарницы. — А вы дядя Витя, я знаю, Диего рассказывал, как он вам пылесос зарезал. Кстати, спасибо, что его приютили. Как он там сейчас? Он не собирался приехать?

— Не знаю, честно говоря... То есть с ним все в порядке, вчера он

меня навещал живой и здоровый, но не знаю, придет ли. — Витька слегка расслабился, смекнув, что далее изображать из себя нечто советское не требуется. Затем все же оглянулся на дверь, за которой исчезла печальная принцесса Тина, и не смог сдержать любопытство. — А можно нескромный вопрос?

— Мм?.. — с готовностью отозвалась Ольга, успевшая уже запихнуть в рот полбулочки.

— Ты же знаешь эту даму, что сейчас ушла? — Обращаться на «вы» к молоденькой девчонке, величающей его «дядей», было выше его сил.

— Да, конечно. А разве его

величество вас не познакомил?

— Познакомил, конечно. Я хотел узнать, что с ней случилось. Почему она такая... такая грустная?

— У нее муж погиб, — сочувственно понизив голос, пояснила Ольга. Даже булочку отложила. — Еще весной, в первые дни вторжения. Она его любила очень.

— Вот черт! — искренне огорчился Витька. — И надо ж мне было ее спрашивать...

— Да не переживайте, хуже, чем есть, от ваших вопросов не станет. Вы к нам надолго?

— На недельку, наверное. Как

получится. А что?

— Просто любопытно. Когда живешь в такой глуши, каждое новое лицо всегда вызывает интерес.

— Скучно, наверное?

— Есть немного. Вообще-то книги мне привозят, и здешняя детвора скучать не дает, но... просто все чем-то нужным и полезным заняты, одна я как дура. И почему его величеству понадобилось, чтобы я здесь сидела? Неужели боятся, что во дворце со мной что-то случится? Или что я растреплю ка-кой-нибудь секрет? Так мне их все равно не доверяют... Ну, я понимаю, Тереза здесь нужна, потому что его

величеству необходим рядом врач. Бедного Мартина сюда запроторили, потому что отец за него боится до безумия. Вот уж кому действительно скучно, потому он и шкодит все время. Лолу мэтр Алехандро запихнул сюда примерно по той же причине... или просто мэтры боятся, что она про камень разболтает, она же сущий ребенок. С малышом тоже понятно — надо спрятать. А меня-то зачем? Неужели Диего попросил? Или у его величества опять какие-то недоступные для понимания планы, согласно которым меня тоже надо спрятать подальше? Или просто мне что-то угрожает, а я и не знаю?

— Я не знаю тем более, — устало вздохнул Витька. — Вот у его величества и спроси.

— Ага, скажет он... Ой! Чуть не забыла! Тереза просила вам напомнить про таблетки, которые вам на столик положили, чтобы вы их принимали три раза в день после еды.

— Спасибо. А много здесь народу живет? Ну, кроме вас с королем? И кто они все?

— Терезу вы знаете, наверное, — это невеста Жака. Мартин — сын мэтрессы Стеллы и мэтра Мануэля. Маленький Кендар — ребенок его величества. Лола — внучка мэтра Алехандро. Еще здесь няня, кухарка и

четверо егерей, вроде охраны. Вот теперь вы еще. А остальные забегают на часок-другой. Я Диего уже три дня не видела, скучаю ужасно... Она приостановилась, потом вздохнула и полезла за очередной булочкой. — Хотя чего мне-то жаловаться... его величество как проводил Киру на войну полтора месяца назад, так и вовсе с тех пор не видел. А он же всегда за нее переживал ужасно... Представляю, что с ним делается все эти полтора месяца. Оттуда и письма-то идут по неделе.

У порога опять закружился телепорт, и девушка, оборвав рассказ, с надеждой уставилась в ту сторону

наверное, ожидала ненаглядного супруга. «Вот ведь черт, — невольно подумалось, — почему-то у нормальных людей жены как жены, одного меня угораздило... И стрелка этого, матерщинника и хулигана, любят и ждут. И королева за своего чопорного хромого зануду любого врага порвет, как тряпку. И доморощенного растамана Орландо жена может сколько угодно ругать, но нипочем не бросит. И эта печальная принцесса — черт знает каким он был, ее покойный муж, но уж полгода как его нет, а она до сих пор по нему тоскует. И Дэн со своей Соней живут уж сколько лет душа в душу. Только я

умудрился подобрать шалаву, которая вильнула хвостом, едва узнала, что меня лишают лицензии и выгоняют с работы... И меня еще пытаются уверить, что свою невезучесть я сам себе придумал!»

Просторная гостиная охотничьего домика в этот вечер была забита до отказа. Кроме традиционно присутствующих королей (кого удалось собрать) и придворных магов, на широких скамьях и немногочисленных стульях разместились глава Темной Канцелярии со своим верным инспектором, принцесса Тина, Амарго, Жак, Элмар и Мафей.

Кантор, пришедший последним, искал взглядом свободное место, не нашел и присел на ближайший подоконник. В спину немедленно кольнуло неприятное ощущение чужой магии — видимо, комната была окутана защитой от подслушивания.

— Итак, если кто-то из присутствующих еще не в курсе... — Шеллар выпрямился в кресле, оторвавшись от каких-то карт на столе, и оглядел компанию, дабы убедиться, что все собрались. — Сегодня утром мы получили сообщение... Чего тебе, кузен?

— Я хотел спросить, почему не

позвали Виктора. Я здесь, разве ему не следует тоже знать?..

— Ему я объясню все сам немного позже. Я общался с ним сегодня утром и обнаружил, что он, во-первых, еще не настолько хорошо себя чувствует, чтобы высидеть несколько часов в шуме и духоте, а во-вторых, из-за недавней травмы все, что требует умственных усилий, вызывает у него затруднения. Думаю, через несколько дней нашему другу станет лучше, и можно будет объяснить ему все, что его касается. Позволю себе продолжить. У нас возникли незапланированные трудности. Наши люди на юге

передали абсолютно достоверные сведения, что противник перед лицом грядущего поражения предпринял попытку спастись от окончательного разгрома, договорившись о почетной капитуляции с некими господами, которые, в свою очередь, очень заинтересованы в переделе власти. Предварительная договоренность уже достигнута.

— Астуриас, падла! — не удержался Орландо.

— Кефтедес, мерзкий слизняк! — в один голос с ним прошипела королева Андромаха.

— Только не говори, что Гейран Бакарри! — взмолился Элмар.

— Если быть совсем точным, на переговоры его не позвали. Там отметилась наша незабвенная Алиса. Но исполнение практической части предстоит именно ему, независимо от того, что ему будет позволено знать об истинном положении дел. Я рад, что уважаемые коллеги столь быстро ухватили суть происходящего. Именно так дело и обстоит. В отличие от посвященных ордена, которые в любом случае будут сражаться за Повелителя до последнего вздоха, пришельцы из соседнего мира, не оболваненные ритуалами, отнеслись к ситуации с понятным здравомыслием. Не в их интересах ждать, когда до них

доберутся Кира, Александр и наши союзники с Ледяных островов, которые питают к агрессорам глубоко личные нехорошие чувства. Гораздо выгоднее найти кого-нибудь не столь категорично настроенного, с кем можно решить дело полюбовно. С другой стороны, всегда отыщутся господа, готовые договариваться с кем угодно ради возможности прорваться к власти. А возможность выпадает редкая. Это не банальный переворот, чреватый гибельными последствиями в случае непредвиденных осложнений — к примеру, кто-то донес, кто-то не поддержал, спецслужбы сработали эффективнее, чем ожидалось, или

просто нелепая случайность помешала. Это почти легальный доступ к высшей власти. Чуть-чуть подсуеетиться, быстрее законного короля принять капитуляцию — и на трон восходит победитель, освободитель, спаситель и защитник народный. А опоздавшему в лучшем случае вежливо указывают на дверь. Худших же вариантов я могу предположить до дюжины. В нашей конкретной ситуации наиболее вероятные сценарии следующие: меня объявляют изменником, Орландо — самозванцем, а с Александром внезапно что-то случается. Да, не забыл ли я упомянуть, что одним из

условий договора является передача победителям оставшихся трех излучателей в рабочем состоянии? Что, как вы понимаете, означает для магов невозможность повлиять на происходящее.

— Пстой... — встрепенулась королева Эгины. — Ты хочешь сказать, что они готовы жить в мире без магии, лишь бы иметь возможность им править?

— Я хочу сказать даже больше. — На обычно бесстрастном лице Шеллара промелькнула тень горькой усмешки. — Ради этого они готовы продать наш мир с потрохами и даже покупателей уже нашли.

Должен сообщить всем, кто этого еще не знал, что пришельцы из мира Повелителя — не единственные чужаки на нашей земле. К нам давно и внимательно присматривается еще один мир, намного более развитый технологически, чем та помойка, где нашел приют Скаррон. До сих пор они не решались сюда сунуться, потому что их удерживал договор с эльфами, ограничивающий экспансию в другие миры. Сейчас у них появилась возможность элегантно его обойти. Если послушные им правительства создадут свой собственный Международный Совет и пригласят их сюда, у них появится

законная возможность здесь обосноваться. Чего мы не должны допустить ни в коем случае.

— Извини, Шеллар, — подал голос Элвис, — ты знал об этом давно и не просчитал возможность подобного исхода событий?

— Как это — не просчитал? — Его величество приподнял брови. — Зачем же, по-твоему, в конце позапрошлой луны я велел Флавиусу устранить очередного наместника?

— Можно ли объяснить подробнее, а то я по-прежнему не улавливаю связи.

— Можно, разумеется. Вон, вижу, мэтр Максимильяно уже сделал

хитрое лицо — наверное, связь уловил... Итак, в очередной раз лишившись наместника, руководство ордена сделало то же, что делало в подобных случаях прежде: делегация верховных иерархов в ближайший сеанс явилась в «чертоги Повелителя» и попросила назначить нового. Будучи особой достаточно предсказуемой, Нимшаст опять снарядил с этой миссией мэтра Кайдена, который, как вы знаете, работает сейчас на нас. По моей рекомендации мэтр взял с собой одного из соплеменников-телепортистов якобы для сопровождения. Прибыв на место и располагая достаточным количеством

времени, он пожелал ознакомиться с положением дел в регионах, с каковой целью посетил правительственные здания в Гелиополисе, Арборино и Лютеции. Разумеется, всюду его сопровождал телепортист, который во всех упомянутых местах взял ориентиры. Несколько дней спустя Мафей и Орландо привезли в Белокамень уже группу телепортистов, иммунных к действию излучателя, и их коллега провел их по всем уже известным ему точкам, чтобы и они могли эти ориентиры получить. С тех самых пор у нас появилась возможность в каком-нибудь непредвиденном случае

быстро перебросить войска в столицы.

— А почему ею до сих пор не воспользовались?

— Тому есть две причины. Первая мы обещали не привлекать куфти к нашим внутренним разборкам без крайней на то необходимости. Вторая — телепортистов не так много, и они не настолько сильны, чтобы перебросить сразу много людей. Армия у нас получилась немалая, и оптимальным вариантом было двигаться на юг своим ходом, постепенно освобождая захваченные земли и устанавливая там надлежащий порядок. Вот сейчас как

раз сложилась ситуация, когда запасные возможности можно использовать.

— Когда? — коротко обронил Пафнутий.

— Дата еще не определена. Думаю, что слишком рано выступать не стоит. Лучше будет подождать, пока они договорятся, назначат конкретное время, организуют и спланируют свои действия, и вмешаться в последний момент. В этом случае, во-первых, они не успеют ничего переиграть, а во-вторых, нам же меньше проблем. Как я уже упоминал, количество людей, которых мы сможем перебросить,

ограничено, поэтому численность вероятного противника для нас имеет значение. Когда пришельцы уйдут, оставив столицы на одних только Небесных Всадников, наша задача окажется гораздо проще.

— Но успеем ли мы получить информацию? — заинтересовался Элвис.

— Все сведения о переговорах и их результатах Флавиус будет получать в течение нескольких часов из первых рук. Дон Диего, — Шеллар указал дымящейся трубкой на Кантора, — будет связываться с ним каждую ночь. Мы будем в полной готовности. А пока мы можем

заняться обеспечением этой самой готовности. Прежде всего, следует позаботиться о том, чтобы часть наших войск вернулась в Лютецию. Мне будут нужны паладины и «Бойцовые коты», Александр пусть сам выберет, кого он возьмет, Орландо... Лучше всего было бы, конечно, вытащить с гор твоих старых друзей, но, боюсь, они не успеют...

— На этот счет не беспокойтесь, неожиданно подал голос Амарго. — Успеем. Только не в Арборино, а в какую-то из северных столиц.

Шеллар заинтересованно прищурился и пристально на него посмотрел, словно искал

подтверждений какой-то догадки.

— Так вы ее все же не уничтожили?

— Почему-то я не удивлен, — ухмыльнулся Толик, не обращая внимания на укоризненный взгляд шефа. — Я еще прошлым летом заметил, что мэтр запаслив, как правоверный хомяк. Но там же была только одна?

Заинтересованные взгляды его величества и обоих эльфов переместились на папу, который вдруг соорудил такое невинное лицо, что даже Кантор, поглощенный переживаниями о предстоящих визитах к Флавиусу, это заметил.

— Вторую мы припасли в Пятом Оазисе.

— А как вы их запитать собираетесь? — влез в разговор Жак, которого практическая сторона дела интересовала больше, чем подозрительное происхождение загадочных находок.

— Ну... — Папа скромно потупился и с видимой хитрецей во взгляде покосился на эльфов. — В этом вопросе мы, честно говоря, рассчитываем на вашу помощь.

— А теперь ты почему удивлен? — В словах Раэла, обращенных к Толику, звучала откровенная издевка, хотя лицо

осталось просветленно-неподвижным. — Ты разве никогда не слышал продолжения той знаменитой поговорки, которую так не любит наш друг Макс? Если вор-маг сталкивается с проблемой, решить которую не может, он обязательно найдет кого-нибудь, кто сделает это за него.

— Это вообще разные поговорки! — сварливо перебил его папа. — И скажите еще, что это не в ваших силах.

— Что я думаю о твоих гениальных идеях, я объясню тебе позже наедине, — изрек Раэл. — Что до практического их исполнения — посмотрю, что можно сделать. Пока

ничего не обещаю.

— Когда вы скажете что-то определенное? — Шеллар поспешил опять взять обсуждение под свой контроль, пока господа не наболтали тут чего попало.

— Несколько дней, полагаю.

— Хорошо. Тогда все, что касается Мистралии, обсудим отдельно через несколько дней. А теперь, если все уяснили для себя текущую ситуацию и вопросов больше нет, можно перейти к более конкретным задачам и разработать предварительный план действий по остальным двум направлениям.

Первые пару дней обеда в тайной королевской резиденции Витьку угнетали. Хотя никаких церемоний при этом не происходило, особой роскоши не замечалось и всем было в высшей степени наплевать на его манеры, одного вида его величества хватало, чтобы испортить гостю настроение. Витьку раздражало в нем абсолютно все — и безупречный внешний вид, и непринужденный жест, которым король расправлял салфетку, и манера есть, и темы для застольных бесед, и даже то, что все это делалось не нарочно, а просто по привычке. Мало того — пронизательный Элмаров кузен

наверняка все это понимал и, кажется, находил чрезвычайно забавным.

Кроме них за обедом обычно присутствовали девушка-врач, молчаливая няня, глазастый мальчишка, изо всех сил старавшийся выглядеть солидно, Максова беременная невестка и кто-нибудь, кто окажется в гостях на момент обеда. В среду это была печальная принцесса, которая почему-то решила остаться и продолжить знакомство, в четверг Жак и Элмар. В пятницу в гости занесло отважного кабальеро, доблестного истребителя пылесосов и шмякунов. Вернее, занесло его еще с четверга — около полуночи Витьку

разбудили смех и возня в одной из соседних комнат, и он долго потом не мог уснуть и мысленно ругался на несознательных соседей. В пятницу веселая парочка выползла только к обеду, причем оба выглядели немного сонными, а кое-кто еще и не в настроении.

Как прошла ночь? — любезно поинтересовался король, небрежным, но безошибочным движением заправляя за ворот салфетку.

— Нормально, — отозвался мистралиец, — если не считать того, что родная дочь отпинала меня ногами по почкам не хуже голдианского бандита.

— Добро пожаловать в сообщество отцов, — усмехнулся его величество. — А в остальном? Новости есть?

— Да. Рассказывать?

Если тебе удобно совмещать рассказ с едой.

— Предварительная дата операции — двадцать четвертое. Ночью — эвакуация, утром — захват.

— Исходные точки?

— В Мистралии кабина установлена в одном из притонов в порту. В Эгине — в подсобных помещениях Большой Арены. В Органе, — Диего ухмыльнулся, словно приглашая присутствующих

оценить иронию обстоятельств, — в загородном доме семейства Монкар.

Король понимающе усмехнулся в ответ, Ольга простодушно ахнула, помянув какую-то змею, Витьке же названная фамилия ничего не говорила. Что-то знакомое, где-то слышал, но вспомнить лучше и не пытаться. Особенно если слышал он это от Элмара в ту памятную ночь с бочонком. Гораздо больше его заинтересовало упоминание о кабинах. Это что же получается, после всей той чистки, которая перетрясла агентство «Дельта» в прошлом году, в нем еще осталось такое количество продажных шкур, что они тут кабины

возят куда хотят и расставляют где попало?

— Куда же Алиса подевала папеньку? — продолжал расспросы его величество. — В городском особняке у нее одни гости, в загородном доме — другие...

— Отослала в провинцию, чтобы не путался под ногами и не перемешал ненароком одних гостей с другими.

— Точное время уже известно?

— Время начала эвакуации — час ночи. Операция по захвату начнется, как только последний солдат покинет этот мир.

— Как-то двусмысленно

звучит, — заметил Шеллар. —
Кстати, не намерены ли хозяева
Астуриаса хорошенько кинуть бедных
капийцев? Наш источник случайно
не упоминал, куда их обещали
переправить и куда намерены
отправить на самом деле?

— Обещали куда-то в северные
леса, а на самом деле — кто знает.
Если и собрались кинуть, с
«преемниками» это не обсуждали.

— А вампиров куда они
собрались девать? Отправят с
остальными, оставят себе,
попытаются прикончить или же
обманом забросят куда-нибудь в
безлюдные места, чтобы сами

передохли?

— Себе не оставят, это точно. А вот куда отправят — не сказали.

— Послушайте! — не выдержал Витька. — Вы или объясните мне, о чем речь, или выгоните за дверь, а то я чем дальше, тем сильнее чувствую себя мебелью.

Диего умолк и вопросительно уставился на короля, словно ожидая то ли высочайшего решения, то ли просто команды. Навострила ушки и Ольга.

— Вы, несомненно, правы, — повинился Шеллар. Примите мои извинения. Конечно, я объясню вам все, но позвольте отложить этот

разговор до окончания обеда и все же дослушать донесение моей столичной агентуры, поскольку дон Диего должен отправляться обратно. В ваше отсутствие у него прибавилось переводческой работы, и его наверняка с нетерпением ждут. Кстати, Кантор, как вернешься — скажи нашим мэтрам, что они будут нужны мне сегодня вечером. И предупреди Кайдена, что в следующий понедельник нам понадобится он сам и один телепортист. Возможно, придется привлечь к делу и старика Ушеба, но это мне надо еще обдумать. А вся группа телепортистов нужна будет в

ночь на четверг.

— Опять какое-то коварное злодейство задумали? — подозрительно прищурился Диего. — Не подумайте, я не из праздного любопытства, меня же мэтры обязательно спросят, и с таким пристрастием, что лучше сказать сразу.

— Именно коварное злодейство, — рассмеялся король, ничуть своего коварства не стесняясь. — Я тут подумал, что, если в последний момент кто-то достойный доверия раскроет глаза обманутому руководству ордена, это весьма облегчит нам задачу. Святые

братья начнут выяснять отношения с удирающим «небесным воинством». Принимая во внимание фанатизм высших посвященных и послушание низших, без драки не обойдется. Поскольку оружие у пришельцев более совершенное, победа будет за ними, и нам останется только добить случайных выживших. В то же время незапланированная драка на несколько часов задержит их отбытие, поломают планы их деловым партнерам и вынудит нервничать, суетиться и действовать уже не по плану, а по обстоятельствам. Думаю, стоит попробовать, но конечно же предварительно надо обсудить.

— Ну вы как всегда, — с неожиданным раздражением произнес мистралиец. — Еще не уяснили, что всякое коварство вечно выходит вам боком?

— Вовсе нет, — словно не замечая его тона, отозвался Шеллар. — Я имею в виду, не всякое, а только то, которое мне приходится воплощать в жизнь собственноручно.

— Да? А чем кончилась ваша гениальная интрига на поминках прошлой весной?

— Полной и несомненной победой. Некоторые издержки имели место, признаю, но, если ты помнишь, в тот раз мне тоже пришлось лично

запачкать руки. Более того — самым безнравственным образом подставить друга... Кстати, о нем. В последний свой приезд Жак напомнил, что откладывает бракосочетание уже две луны. Сначала ждали, пока поправлюсь я, потому что он непременно хотел видеть меня на своей свадьбе. Пока ждали меня, уехала Кира, и теперь ждут ее, а то без нее тоже комплект гостей будет неполным. Дождались до того, что теперь придется как-то вписаться между приездом Киры и нашим отбытием в Даэн-Рисс, потому что с нами уедет Тереза, а без нее свадьбу уж точно не сыграть. Поэтому очень

тебя попрошу, когда вернешься в тот мир, найди отца Жана и строго-настрого предупреди, чтобы с двадцать первого по двадцать третье был трезв и готов в любой момент провести церемонию. Позже день можно будет уточнить, но все равно пусть заранее морально готовится.

— Да он и так все время трезв, — ухмыльнулся Диего. — Ему там не наливают. Он страдает и жалуется, а святой Феандиль всякий раз торжественно заверяет, что это великое испытание, ниспосланное бедному пьянчуге Создателем для укрепления веры.

— И он верит? — искренне

заинтересовался Шеллар.

— Да как же ему не верить? Во-первых, он вообще верующий, во-вторых, Феандилля он всегда слушает с раскрытым ртом, как особу, приближенную к Создателю, а в-третьих, он и сам заметил, что трезвый образ жизни усиливает его способности.

— Значит, есть надежда, что перед церемонией его не придется насильно протрезвлять магическим путем. Это замечательно. Продолжай.

— Флавиус еще спрашивал насчет инструкций. Что делать лично ему и его людям.

— Это тоже подлежит

обсуждению. Думаю, завтра мэтр Вельмир передаст тебе окончательные результаты. Что еще?

— Вроде все.

— Кузину и дядюшку не навещал?

— Сегодня — нет. Но их регулярно навещают Толик с Раэлом.

— И у них до сих пор ничего, все так же тихо? А то ведь лето заканчивается, пора возвращаться...

— Да, похоже, их уже оставили в покое. История с камнем закончилась, скрывать подпольного мага больше нет необходимости, Мафея напрасно пытались выследить пару лун и, кажется, уже попрощались с этой

идеей. Да и до конца лета — имеется в виду по их календарю — действительно осталось всего три недели, всем уехавшим пора возвращаться — у тетушки работа, у Насти учеба, Татьяне тоже надоело сидеть у родственников, да и маэстро Гаврюша помирает там со скуки. Дэн собирается съездить за ними на следующей неделе и заодно свозить Сашу, чтобы еще раз показать тамошним магам. А то ведь ерунда какая-то получается с этим пророчеством. То ли в той истории что-то пошло не так, то ли вовсе не о Саше шла речь, но в последний раз никаких изменений не обнаружили.

— Последний раз был на следующий день после той самой истории, когда доктор Рельмо навещал родину, чтобы восстановить разрушенные обереги? — уточнил Шеллар.

Да, вот тогда он последний раз показывал Сашу тамошним шаманам, и никаких изменений в ней не обнаружили. Она еще так расстроилась...

Его величество задумчиво отодвинул тарелку.

— Вот и еще одно пророчество, которое не сбылось ожидаемым образом... Неужели теория Мафея все-таки верна и пророчества не

учитывают участия иномирцев? Если бы это можно было проверить точно...

— Или предсказанная пакость еще случится в эти три недели, — помрачнел Диего. — Когда все уже расслабились и ничего не ждут. А с Мафеем вы по-свински поступили.

— Не начинай то же самое по тридцать второму разу, — поморщился Шеллар. — Знаю, что это было в высшей мере некрасиво с нашей стороны, но он сам виноват. Ему предоставили возможность решить эту ситуацию самостоятельно и достойно, он не сумел. Кстати, если Раэла или Толика не затруднит

совершить пару перемещений между Бетой и нашим скромным жилищем, я был бы рад видеть юную барышню и мэтра Дэна... скажем, свадьба Жака будет удобным поводом для встречи. А уж как будет рад Мафей, можно даже не объяснять. Полагаю, и Виктор будет рад. Правда ведь?

Э-э-э... Ну да... — Витька слегка растерялся, услышав такое. — В смысле, я не знал, что вы с Дэном знакомы.

— Не только знаком, но и многим ему обязан... Я слышу шаги в коридоре или мне кажется?

— Не кажется, — слегка помрачнел Диего. — Я их слышал еще

на крыльце. Кстати, это Орландо, так что прощайтесь с десертом.

Как обычно улыбающийся король Мистралии ворвался в гостиную, жестом приветствуя сразу всех и одновременно шаря взглядом по столу.

— А Кантору, как всегда, жаль кусочек пирога для несчастного монарха в изгнании! — Прежде чем эта насмешливая фраза была произнесена, Орландо уже сидел за столом и тащил с блюда упомянутый кусок пирога с ягодами, — Будь это мороженое, вообще убил бы, наверное.

Услышать в ответ что-то не

менее ехидное он не успел из-за вмешательства высших сил, то есть деятельного Шеллара.

— Кстати, раз уж ты здесь... Кантор, не перебивай, у вас еще будет уйма времени на ругань. Орландо, сегодня вечером надо будет собрать всех здесь. Дело сдвинулось, пора прорабатывать детали. Вы там на завтра никаких военных действий не планируете? Отлично, тогда слушай внимательно и, будь добр, ничего не перепутай...

Мистральицы понимающе переглянулись, мгновенно забыв про взаимные подколки. Витька, хоть и не имел чести знать его величество так

же хорошо, как старые знакомые, все равно прекрасно их понимал. В искусстве построения окружающих король Шеллар ничуть не уступал своему придворному магу, и во время очередного приступа организаторской деятельности лучше находиться от него как можно дальше. Желательно в другом мире. Хотя тоже не всегда помогает. Ион даже Ольга помрачнела и занервничала, хотя уж ее-то ко всем этим делам точно никто привлекать не будет...

И только тут Витька сообразил, что, заслушавшись, едва не прозевал одну заметную странность.

На протяжении всего разговора

король внимательно следил за девушкой. Непонятно почему и по какой такой государственной необходимости, но он точно почти на каждой фразе тайком бросал взгляд на Ольгу, словно отслеживал ее реакцию на сказанное. Это еще что за игра? Неужто он ее в чем-то подозревает? Ну не собирается же он и ее задействовать в своих «коварствах», чем вообще может быть полезна при захвате правительственных зданий женщина на девятом месяце? Интересно, если его спросить — скажет или увильнет от ответа?

ГЛАВА 2

Мне уже много раз приходилось быть свидетелем того, как Кремер проигрывает Вульффу подобные споры. Ведь, в сущности, он добивался невозможного.

Р. Стаут

— Иного я и не ожидал, — с легкой усмешкой прокомментировал Шеллар, неторопливо ковыляя по тропинке вдоль забора. Сегодня он впервые сменил костыль на обычную

палку, и это немедленно сказалось на скорости и ловкости передвижения. — Прямые вопросы в лоб — лучшее, что у тебя получается в искусстве общения.

— Что-то я не заметил, чтобы это особо срабатывало, — откликнулся Витька, стараясь скрыть досаду. Черт, никогда не угадаешь с этим Элмаровым кузенком, когда он откровенен, а когда интриги плетет. Ладно бы он чего-то одного придерживался, а то ведь и так, и эдак бывает, вот и попробуй найти правильный подход для каждого случая...

— Разумеется, — охотно

согласился король. — Срабатывает подобная тактика только в тех случаях, для которых она оптимальна. Что до заданного вопроса... было бы глупо отрицать то, что все равно заметили, но позволь мне воздержаться от подробностей. Дело всего лишь в том, что мне нужна от Ольги кое-какая информация, которой она почему-то не хочет делиться. И наблюдал я за ней именно для того, чтобы определить причину и найти способ эту причину устранить или обойти. Ты очень меня обяжешь, если не будешь влезать в это дело и задавать Ольге вопросы, которые у тебя так хорошо получаются. Мы с

ней давно и хорошо друг друга знаем и любую проблему можем решить между собой, а твоя прямолинейность только испортит все.

— Ладно, понял, — покладисто согласился Витька. Лезть в чужие проблемы, в которых сами участники понимают больше, чем непрошенный помощник, действительно дело дурное и бесполезное. — Тогда растолкуйте то, что обещали. Кто тут у нас с кем договаривается, по какому поводу, кто там кому хозяин, кто змея и где чей папенька, потому что я в ваших недомолвках потерялся.

— С чего бы начать... — призадумался Шеллар, немного

замедлив шаг. — О прошлогодней истории с продажными агентами в службе «Дельта» тебе известно или для начала следует рассказать тебе и это?

— Макс рассказывал, хоть и вкратце. Так что, прошлогодняя чистка не помогла?

— Частично помогла, но, поскольку верхушку она не затронула, повторение прошлогодней истории было лишь вопросом времени. Лишившись большей части своих людей в агентстве, корпорация полностью перевела собственную деятельность в этом мире на нелегальное положение. Еще до

вторжения с Каппы на континенте была создана автономная сеть подпольных кабин, началась контрабандная торговля и шла подготовка к очередной серии переворотов. Неожиданное появление «небесного воинства» с их магоподавляющими излучателями оказалось для контрабандистов поистине даром богов.

— Еще бы... — Витька невольно присвистнул, представив себе перспективы от такого «подарочка». — Да они бы ради этих излучателей мать родную продали, лишь бы получить себе такие же и избавиться от эльфов и ограничений

на освоение иных миров.

— Примерно этим они и занимались все лето и большую часть весны. Технологию они получили довольно быстро, сторговавшись с представителями Скаррона, но вот готовых кристаллов им никто не дал. Пришлось производить естественным путем, а растут они долго. Пару недель назад, обнаружив, что просто не успевают обзавестись собственными излучателями раньше, чем наши войска доберутся до последних трех работающих, господа озаботились и заторопились прибрать к рукам хотя бы то, что есть, чтобы иметь возможность продержаться до

подхода первой партии новых. Как раз на днях они договорились. Оккупантам надо спасать свои шкуры, пока до них не добрались Кира с Александром, и передачу трех излучателей они сочли приемлемой платой за возможность отсюда убраться. Дальнейший расклад тебе понятен или объяснять подробно?

— Ну, то, что вам надо хорошенько подсуетиться, чтобы не остаться без королевств, я понял. Но... дальше-то что будете делать? Ну, захватите вы эти три последних излучателя, ну, уничтожьте. Но через какое-то время их наделают еще, и вернутся же, сволочи.

— Над этим идет работа в двух направлениях. В вашем мире эльфы и шархи ищут место производства кристаллов, на Каппе наш агент ищет способ иммунизации от воздействия излучателей.

— А если не найдут?

— Тогда будет много крови, разруха и хаос. И здесь, и там. Потому что мы будем драться за свой мир до последнего, а как эльфы отреагируют на открытый разрыв договора — можешь себе вообразить. Раэл на эту тему изъясняется исключительно тонкими намеками, но, имея хоть некоторое представление о теории магии, можно сделать кое-какие

ВЫВОДЫ.

— Например?

— Ну вот самый простейший пример, который первым приходит в голову даже не сведущему в магии человеку. Ты слышал когда-нибудь о гремлинах? Ага, по лицу вижу, что слышал и все понял.

— Если они это сделают... — На продолжение Витьке не хватило слов, но менее впечатлительный король недрогнувшим голосом закончил за него:

— Это будет означать, что они не видят иного способа закрыть сообщение между мирами и намерены дорого продать свои жизни. Я же

надеюсь, ты взрослый человек, знающий жизнь, и не питаешь иллюзий касательно дальнейшей судьбы эльфийских дипломатов и вообще всех, кто останется на Альфе в момент отключения магии?

Витька конечно же не питал. И осознание масштабов грядущей катастрофы выразил двумя простыми словами, понятными даже коронованным особам.

— Именно, — согласился Шеллар. — Я тоже так считаю.

— А эльфы что, не понимают? Чего ж они так медленно и неторопливо ищут?

— Потому что им сейчас

приходится действовать втрое осторожнее, чем обычно. Малейший прокол с их стороны будет на руку врагам, стоит попасться на самом незначительном нарушении — и из него раздуют вселенский скандал и используют как повод для оправдания будущих действий.

— Так что же делать-то?

— То, что мы делаем и так. Бороться. Или ты имел в виду лично себя?

— А я-то что могу сделать? Ну, кроме того, что изображаю из себя героя пророчества, как полный придурок?

Король остановился и впервые за

весь разговор посмотрел ему в глаза. Пристально, испытующе и беспощадно.

— Например, не выстрелить в спину Элмару, когда тебя об этом попросят. Или прикажут.

— Да ты охренел вообще! — в полный голос взвыл Витька, с трудом представив себе нечто подобное. — Да с чего?!

— Тебе виднее, на чем тебя можно поймать. — Сутулые, угловатые плечи его величества коротко дернулись. — Купить — нет, такие не продаются, а вот принудить... есть множество способов. И самый простой ты сам

себе прекрасно представляешь.

— У меня никого нет, — резко рубанул Кангрэм. — Никого, ни детей, ни жены, ни родителей, даже подружки и то нет. Да и с друзьями негусто. Только Дэн, но уж он-то себя в обиду не даст. Да и не посмеют... Как тебе вообще могло прийти в голову?..

— Подобные вещи просто обязаны приходиться в голову, — без малейшего смущения, а скорее даже наставительно произнес король и опять двинулся вперед. — < Мне скорее непонятно, как можно отвергнуть вариант не рассматривая, только потому, что он на первый

взгляд кажется этически сомнительным. Я склонен тебе верить, ты действительно не из тех, кто может предать. Но все же будь готов к тому, что тебе рано или поздно это предложат. Или прикажут. По обстоятельствам.

— Но зачем? Чем кому-то мешает Элмар?

— Само его существование на этом свете плохо согласуется с основным тезисом вражеской пропаганды. А если он еще и заговорит, им останется тихо прикнуться плащом и закопаться, где стояли. Потому что одно слово Элмара перевесит все возможные

«свидетельства» о моей якобы измене. Пока он на Каппе — он, по крайней мере, в относительной безопасности, но его возвращения очень постараются не допустить.

— Он сам-то об этом знает?

— Конечно знает. Но подобное знание ничего не гарантирует. Такие люди, как мой кузен, хороши в честной драке, но обычно оказываются совершенно беззащитны против подлости... Да, собственно, что я тебе объясняю, ты ведь сам точно такой же.

С полминуты Витька не мог выговорить ничего вразумительного, пытаясь переварить очередное

королевское откровение и найти в нем хоть какой-то смысл.

— Ты трезв вообще? — наконец выговорил он. — Да чтобы найти в нас что-то общее, простой человеческой фантазии не хватит!

— В таком случае сделай что-нибудь со своей фантазией, — насмешливо отозвался Шеллар, — поскольку это общее видят все, кроме тебя. Неужели ты ни на минуту не задумывался о том, почему вы так легко и быстро спелись? Или ты, как обычно, усмотрел в этом лишь очередную выходку судьбы, на которую привык валить все, что с тобой происходит?

— Вот еще, для того чтобы подружиться, не обязательно иметь что-то общее. Противоположности тоже притягиваются. Ты же с Элмаром тоже дружишь с детства, а что у вас общего, кроме роста? Я уж молчу про Орландо.

— Не обязательно, — покладисто согласился Шеллар. — Но в твоём случае о противоположностях речь не идет. Вы действительно похожи, как все любимцы Вечного Воителя. И ничего удивительного, что тебе так не везло в искусстве и торговле, — только по своему пути человек может идти, не спотыкаясь на каждом камне и не падая в каждую канаву. Сейчас,

когда ты встал на свой путь, разве не чувствуешь, как изменилась твоя жизнь?

— Не особенно. Правда, честно говоря, у меня не было времени об этом задумываться, но все равно... В «честной драке», как ты это называешь, я себя тоже пробовал. Кончилось это плачевно, а если бы не хорошая медицинская страховка, могло кончиться и хуже. Вплоть до самого худшего.

— Абсолютно непобедимых не бывает, каждый рано или поздно встречает противника сильнее себя. Это нормально. Думаешь, Элмару мало доставалось или тот же Кантор

никогда не видел обратной стороны своего пути? Любая драка — это всегда два воина, две стороны. А то и больше. И покровитель один на всех. Кто-то оказывается сильнее, кто-то слабее. Поражение — это не конец пути, если ты его пережил. Но ты почему-то предпочел свернуть. Кстати, могу я поинтересоваться причиной? Если, конечно, это не будет расценено как праздное любопытство.

— Не настроен я откровенничать, — буркнул Витька. — Особенно с тобой и трезвый.

Король широко ухмыльнулся.

— Судя по последней твоей фразе, ты именно это и делаешь. Ибо прозвучала она более чем откровенно. Интересно, а если тебя как следует напоить, ты поведешь себя так же, как Элмар? То есть вывалишь все, что на душе, не помня, кто перед тобой, и наутро будешь о сказанном бурно сожалеть?

— Сожалеть я буду о выпитом, — огрызнулся Кангрем. — А кто передо мной, я помню всегда, сколько бы ни выпил. И если я пьяный с кем-то откровенничаю, это значит, что я и трезвый ему доверяю. А что до тебя... Я столько не выпью.

— Чем же я заслужил такое

недоверие? Неужели всему виной лишь стиль общения и манера одеваться? Или я и тебе подсознательно напоминаю какую-нибудь сволочь, с которой ты когда-то имел несчастье столкнуться?

— Поменьше слушай Толика. — Витька досадливо поморщился, пытаясь скрыть смущение, но это у него не особенно получилось — чтобы еще и не покраснеть в такой ситуации, надо уметь регулировать кровообращение, как шархи. — Зойкин адвокат был ростом мне по плечо, и у него были пузо, лысина и кучерявая черная борода. На тебя он ни разу не похож. Просто что-то в

тебе есть... Я это нутром чую, а объяснить не могу. Умом-то я понимаю, что ничего такого, но все время, что я с тобой общаюсь, я словно постоянно ожидаю подвоха. Не знаю почему.

Элмаров кузен понимающе кивнул, уставившись себе под ноги.

— Могу объяснить. Дело не во мне, дело в тебе. У вас, воинов, есть свое чутье не нюх, как у нас, а что-то сродни инстинктам диких животных. И вот этим, как ты изволил изящно выразиться, «нутром» ты чувствуешь свою беззащитность перед такими, как я. Ту самую, о которой я упоминал несколько минут назад. Это тебя

бесит, отталкивает и провоцирует на агрессию.

— Что, Элмар тоже?..

— Нет, на момент нашего знакомства Элмар еще не имел опыта общения с этой категорией людей. И с первых же минут понял, что каким бы я ни был — я на его стороне. Между нами никогда не было противостояния. Зато с Кантором мы постоянно бодаемся. Хуже, чем с тобой. При всем взаимном уважении. Вот такие вот классовые проблемы... Нет, не пытайся с ходу что-то возражать, подтверждать или вслух размышлять над услышанным. Потом, когда будет время, спокойно, наедине

с собой все это обдумай.

— Думаешь, поможет? — попытался пошутить Витька, но усмешка вышла кривая и не особенно веселая.

Король слегка дернул правым плечом.

— Какая разница? В любом случае, о таких вещах задумываться следует. Очень много интересного можно узнать о жизни и о самом себе — если, конечно, не кривить душой и принимать все как есть. И кстати. Меня совершенно не трогает твоя майка, и тебе нет никакой необходимости изменять привычной манере одеваться.

— Да мне по хрену, что ты думаешь о моей майке! — сердито ругнулся Витька, заливаясь краской пуще прежнего. — Я просто не хочу больше выглядеть идиотом, если опять появится твоя кузина.

— Вот как? — Его величество слегка замедлил шаг — то ли от удивления, то ли устал уже ходить кругами вдоль забора. — Если я верно помню вкусы кузины, полуголые мужчины ей всегда нравились намного больше, чем одетые. Закономерно, что она в итоге влюбилась в эгинца.

— Послушай, я не собираюсь ее очаровывать, а просто хочу выглядеть

цивильно в ее присутствии. Она заслуживает уважения, согласен?

— О, если такова твоя манера выражать уважение, не смею возражать. Однако из этого следует, что твоя обычная манера расхаживать в чем попало призвана выражать пренебрежение? Да-да, я знаю, что я зануда, и не стоит с таким видом хвататься за голову.

— Да ты ж кого угодно достанешь! Неужели, по-твоему, все вокруг только и делают, что ходят, размышляют «Почему я так поступаю?» или «Почему мне нравится то и не нравится это?» и только и ждут, когда ты об этом

спросишь, чтобы выложить готовый ответ?

Король остановился, переводя дыхание, и зачем-то оглянулся на дом.

— Нет, конечно. Я знаю, что обычно люди подобными вопросами не задаются и ответов на них не знают. Потому и спрашиваю, чтобы ты хоть раз об этом задумался и, может быть, лучше понял сам себя.

А тебе не приходило в голову, что обо всем этом я за свою жизнь наговорился с Дэном, причем так наговорился, что меня от этих разговоров уже тошнит?

— Настолько, что твой бедный друг даже заговаривать об этом не

решается?

— Это он тебе сказал? Или ты сам придумал?

— Если он действительно мог сказать что-то подобное, значит, я не «придумал», а «угадал».

— Да ни хрена ты не угадал! Мы перестали об этом говорить просто потому, что отпала необходимость. Вот когда я в лавочку устроился и все вроде устаканилось, так и перестали. А тут ты вдруг решил меня жизни поучить. Может, хватит ерундой заниматься да вернемся в дом? Ты уже находился, как я вижу.

— А ты как себя чувствуешь? В силах еще немного погулять или тоже

вернешься?

— А чего я один буду, как дурак, вокруг дома слоняться?

— Я хотел попросить тебя прогуляться с Тиной. Или каким-то иным способом ее занять, чтобы беседа с Ольгой, которую я запланировал на ближайшие пару часов, прошла в должном уединении. Откладывать ее дальше нельзя, а Тина вдруг приехала как раз сейчас.

— Пару часов? Ты припух, что ли? Что я буду делать все это время? Ходить кругами в почтительном молчании?

— Зачем? Просто поговори с ней.

— О чем? О жизни на Каппе?

Говорить-то придется мне, она почти все время молчит! И врать придется через слово, а я не могу ей врать!

— Скажи ей правду. Элмару ведь сказал, и ничего, мир не рухнул. Тебе так трудно оказать даме небольшую любезность?

— А ее ты спросил? Или сейчас тоже попросишь в качестве «небольшой любезности» выгулять и развлечь увечного воина? Чтобы мы надоедали друг дружке, а не тебе?

— Не говори глупостей. Ты чем-то привлек ее внимание, это еще в прошлый раз было заметно. А в последнее время она настолько утратила интерес к жизни, что я готов

хвататься за любую, даже самую призрачную ниточку, способную вернуть мою бедную кузину в мир живых. И если это будешь ты, то демоны с ним со всем, пусть будешь ты. Ты хотя бы живой и отвечаешь, когда к тебе обращаются.

Хотя все это здорово смахивало на уже знакомые манипуляции, при помощи которых ему в свое время всучили Матрену, отказаться Витька не смог. Может быть, потому, что впервые за всю прогулку услышал в обычно спокойном и размеренном голосе собеседника искреннюю боль и горечь.

До крыльца его величество едва дополз — видно, перестарался с гулянием на первый раз. Или просто увлекся разговором, как с ним это обычно бывает. Скорей всего, второе, потому что взъерошенный и сердитый дядя Витя выглядел примерно как Диего после очередных «десяти минут», затянувшихся на три-четыре часа.

Наскоро обменявшись приветствиями, король, вдруг понес совершенно несуразную чушь о лесных ягодах, птичках и ежиках, непостижимым способом привязав все это к дальней беседке и не менее дальним лесным краям, где прошло

дяди-Витино детство, сделал вывод, что непременно и вот прямо сейчас же надо гостю все это показать, но сам он уже не в силах ходить, а Ольга к тому же не знает где, и не будет ли так любезна дорогая кузина...

И так ловко он заморочил всем головы, что Ольга опомнилась, только глядя в спины удаляющимся гостям, а сами они, судя по всему, спохватятся не раньше, чем добредут до упомянутой беседки.

— Ваше величество! — укоризненно заметила она, провожая взглядом смущенного дяденьку и его печальную спутницу. — Вы что, у цыган уроки брали? Еще немного, и я

бы полезла за кошельком, хоть у меня его и нет! Если вам надо спровадить лишние уши, неужели нельзя просто объяснить?

Король не то улыбнулся, не то поморщился и опустил в кресло, вытянув больную ногу.

— Дело не в лишних ушах. Я хотел, чтобы они пообщались между собой наедине. Может, Тина хоть немного отвлечется, ее так редко что-то интересует... Но не мог же я сказать им об этом прямо. Пришлось воспользоваться известным мошенническим приемом. Полагаешь, у меня бы и с кошельками получилось? Может, стоит

попробовать?

— Вы еще в сводничестве себя попробуйте, — посоветовала Ольга.

— О нет, с этим точно не получится. Тут надо особое чутье иметь, вот как у Кантора, например, или у мэтра Максимильяно. Кантор тебе ничего не говорил на эту тему? Я имею в виду, о Тине.

— Ваше величество, кажется, вы опять заритесь на мой кошелек, которого нет. Вы же сами просили их обоих пообщаться с вашей кузиной, и, помнится, оба вам честно отчитались о результатах.

— Нет, я не об их успехах, вернее, отсутствии оных. Мне

показалось, что наш гость чем-то заинтересовал Тину, и я хотел уточнить, правда это или мне все же показалось. Я, честно говоря, боюсь надеяться... И за нее боюсь. Она же целыми днями может сидеть и мысленно разговаривать с покойным супругом. Разве это нормально? Она даже сквозь Кантора смотрит, как будто он стеклянный!

— Ага, он так и сказал, — согласилась Ольга. Но в вашем вопросе он ничем не поможет, чтобы Диего что-то почуял, это должно быть нечто более конкретное, чем интерес. Вы просто подождите.

Шеллар тихо вздохнул и достал

из кармана трубку, кисет и спички.

— Сомневаюсь, что дело пойдет дальше рассказа об иных мирах, но надеюсь, что он ее хотя бы отвлечет. Мне, например, всегда было интересно слушать рассказы переселенцев.

— О да, я помню, — невольно улыбнулась Ольга.

— Да, прекрасные были времена. Впрочем, нам ничто не мешает иногда к ним возвращаться. Ты родишь, я поправлюсь, Элмар победит всех врагов и вернется, Жак с радостью избавится от ежедневной работы и опять примется бездельничать... С Кантором и так все в порядке в кои-то

веки. Мы соберемся как прежде, рассядемся в столовой Элмара, будем пить и болтать о всяческих приятностях, словно и не было ничего этого... Прости, я что-то не то сказал? Что с твоим лицом?

Ольга едва удержалась, чтобы еще и губу не прикусить для полного признания, насколько жутко ей сейчас слышать мечтательные прогнозы его величества, когда перед глазами все та же сцена из повторяющегося сна... Увы, заемный магический дар при всей его полезности ничем не мог помочь, когда надо просто удержать лицо...

— Я боюсь, — почти честно

ответила она. — Вот вы говорите, как все будет здорово, а мне страшно... Может, я просто с вашей кузиной пообщалась не вовремя или просто такая впечатлительная стала из-за беременности...

— За кого именно? — Лирическая мечтательность его величества мгновенно исчезла, сменившись знакомой острой серьезностью. — Если тебе что-то приходит в голову, это может быть неспроста, и лучше об этом сказать сразу. Ты не владеешь своим даром и можешь не придавать значения действительно важным предчувствиям, поэтому лучше

разобраться. Так о ком ты подумала в тот момент, когда я предавался мечтаниям? Кого недоставало в той счастливой картине будущего, что я пытался нарисовать?

Ольга глубоко вдохнула, словно перед долгой речью, и почти шепотом выдохнула:

— Вас.

Раз уж он об этом заговорил и дал такую возможность предупредить себя, не раскрывая всей правды, грех не воспользоваться... Может, теперь он будет осторожнее, что-то изменит в своих планах, что-то такое сделает, чтобы этот проклятый сон стал просто не нужен...

— Так. — Король отвел взгляд и продолжил набивать трубку, словно главная проблема уже решилась сама собой и остались только мелкие детали, не требующие слишком пристального внимания. — Значит, я Любопытно. А при каких обстоятельствах?

— Но... я не знаю... — растерялась Ольга.

— Так, давай еще раз и сначала. — Его величество зажал зубами трубку, отодвинулся от Ольги подальше и чиркнул спичкой. — Насколько мне успели доложить, твои временно обретенные способности включают в себя два магических

феномена, как это обычно принято у шархи: один на восприятие и один на воздействие. Воздействие происходит путем неосознанного выбора оптимальных слов и действий для конкретной ситуации, а восприятие — путем моделирования будущих событий во сне с целью последующей коррекции. Я все верно изложил?

Ольга печально кивнула, в который уж раз понимая, что попалась с потрохами и что играть в недомолвки с его величеством — задача не для таких наивных дур, как уважаемая маэстрина.

— В таком случае что мешает тебе рассказать мне твой сон

подробно? Более того, что мешало тебе сделать это раньше?

— Вы бы опять наворотили чего-нибудь, пытаясь поспорить с судьбой, как в тот раз. А все, что делается в этих снах, завязано на меня. Только на меня и мои поступки. Да и рассказывать там нечего. Я ведь не видела саму... само... в общем, что произошло, я не видела. Мне просто об этом сказали. Ну и тот полнейший конец света, который вокруг этого известия творился. А там... то есть тогда...

— На месте действия тебя не было, — подсказал король. — Позволь уточнить, именно по этой

причине ты просила взять тебя с собой, когда я упомянул о возвращении в Даэн-Рисс?

Ольга только кивнула, на этот раз оттого, что из-за подступивших слез не могла выговорить ни слова.

— Так вот почему тебя так огорчил мой отказ, хотя я в высшей степени разумно объяснил тебе его причины? Ты надеялась, что, присутствуя там, сможешь что-то изменить? Каким же образом, позволь полюбопытствовать? Надеюсь, в твои намерения не входило опозорить меня навеки, заслонив собой, или что-то столь же бессмысленное и рискованное?

— Я не зна-аю... — протяжно шмыгнула носом Ольга. — Но после этого хотя бы сам сон должен был измениться! Тогда я бы увидела, что там конкретно будет, и могла бы уже думать, что можно сделать!

— Тогда я обещаю, что обязательно возьму тебя с собой.

Правда, придется взять и Кантора, иначе, боюсь, меня убьют намного раньше и прямо здесь...

— Вы же сумеете объяснить ему все, правда? — всхлипнула Ольга. — Так, как вы умеете? Потому что если я скажу ему правду, он упрется и нипочем не согласится... А врать ему бесполезно, почует. Да и не хочу я ему

врать.

— Не плачь, прошу тебя. Все будет хорошо. Конечно же я объясню все Кантору, но прежде нам надо выяснить, что именно мы собираемся предпринять. У нас есть на это одиннадцать дней. Пока же давай договоримся, что свои сны ты будешь просматривать внимательно и сообщать их содержание мне сразу, как только проснешься.

Ольга согласно кивнула, ладонью размазывая по щекам слезы.

— Вот и замечательно. Носового платка у тебя, как всегда, нет? Приятно видеть хоть что-то незыблемое, когда мир вокруг

рушится. Возьми мой.

Свадьба получилась скромной и непритязательной. Основную ее часть заняла религиозная церемония, которую жених честно выстоял с серьезным выражением лица, затем гости быстро и официально выпили по бокалу вина и, проводив поздравлениями и пожеланиями исчезающих в телепорте новобрачных, расползлись группами по двору.

Первыми испарились Мафей с Сашей, которые только и ждали окончания официальной части, чтобы без помех поболтать. Доктор Рельмо проводил их загадочной улыбкой и

направился в дом вместе с его величеством и Виктором. Амарго с семейством тоже скрылись из виду, и по суровым лицам супругов можно было предположить, что юного алхимика с множеством имен ждет серьезный и неприятный разговор о подобающем поведении. Кантор хотел было увести Ольгу и поговорить наедине — вдруг она знает, зачем Шеллару понадобилось тащить их обоих с собой в Даэн-Рисс, где наверняка будет опасно? — но не успел. Ольга чуть ли не бегом ринулась к Кире, и обе дамы удалились в сад, шепотом о чем-то переговариваясь. Наверное, опять все

о тех же предстоящих родах, которых Ольга боялась больше, чем подозрительной королевской авантюры. И если он правильно догадался, то присутствие мужа при этой беседе будет неуместным.

Вернулся Орландо, отчитался, что новобрачные доставлены благополучно, и снова исчез в телепорте — на этот раз с Элмаром, Азиль и священником, который тоскливо оглядывался на всеми покинутый столик с напитками.

Принцесса Тина, по обыкновению погруженная в себя, побрела куда-то прочь, словно лунатик. Александр дернулся было за

ней, но к нему подскочил папа, придержал за рукав и принялся что-то вполголоса объяснять. Кантор заинтересованно наострил уши, но ничего не расслышал и неторопливым шагом двинулся в их сторону. Уж очень любопытно стало, что такого важного обнаружил папа, чего он сам не разглядел.

— Вы это серьезно?! — громко воскликнул Александр, и на лице его отразилось изумление, граничащее с мистическим ужасом.

Окончательно заинтригованный Кантор прибавил шагу, уже не притворяясь «просто гуляющим», а целенаправленно двигаясь к ним с

намерением поздороваться и присоединиться к разговору. Его сразу же заметили и разговор прервали — вернее, папа отвлекся и не ответил на вопрос. То ли не хотел продолжать при Канторе, то ли специально ждал, чтобы не повторять по два раза.

— Вы действительно считаете, что он не воображаемый? — настойчиво повторил Александр.

— Да, — серьезно кивнул папа и повернулся к Кантору. — Ты знаешь, что подслушивать нехорошо?

— Я не подслушивал! — оскорбился тот. — Я увидел и понял, о чем речь. А поскольку меня его величество тоже привлекал... к тому

же делу; я решил, что ты поделишься со мной открытием. Как наставник с учеником, как старший коллега с младшим... Мы же все-таки коллеги в каком-то смысле.

Папа печально усмехнулся.

— Только не в этом, сынок. Некромантия — не тот раздел магии, где мы могли бы считаться коллегами.

Теперь изумился и Кантор.

— А некромантия тут при чем? Разве вы говорили не о... — Он невольно умолк и лишь указал взглядом направление, в котором удалилась принцесса Тина.

— Да, о тетушке, — согласно кивнул Александр. — Мэтр

Максимильяно считает, что дядюшка в самом деле с ней говорит.

Кантор вопросительно уставился на отца.

— Да, я так сказал, — раздраженно подтвердил тот. — Но это предположение, которое еще надо проверить. Если ваше величество согласится мне помочь...

— Я? — еще сильнее удивился король Эгины.

— Вы ведь с вашим дядюшкой кровные родственники, верно?

— А вам нужна кровь? — уточнил Александр с полной готовностью отлить сколько потребуется.

— Нет, просто ваше присутствие. Кровью нас снабдит обыкновенная домашняя курица, которая, надеюсь, найдется на кухне и которую нам сейчас принесет младший коллега.

Кантор пару мгновений поколебался — не послать ли папу подальше за такую наглость? — но любопытство победило, и он молча отправился за жертвой.

Беседка в дальнем углу двора поразительно напоминала ту самую верхушку дворцовой башни, на которой они прощались весной. Только вместо откормленных степенных голубей по перилам

шустро прыгали стремительные нахальные воробьи, а вместо неба их окружали разросшиеся кусты орешника.

— Правда-правда, я совершенно серьезно, — заверила Саша в ответ на изумленный возглас «Не может быть!», которым Мафей встретил новость.

— Но как? Ведь ты же проверялась после того, ничего же не было! Или они все-таки ошиблись?

— Не думаю, что ошиблись, задумчиво опустила глаза девочка, заинтересовавшись шевелением в траве у входа. — Скорей всего, это действительно произошло позже.

— А что случилось позже? —
Опомнившись от первого
впечатления, Мафей бросился
выяснять подробности. — Неужели у
той истории было продолжение, о
котором мне никто не сказал?

Из травы вынырнула любопытная
мордочка ежа и тотчас снова
скрылась.

— Нет, — покачала головой
Саша. — Ничего такого, о чем бы ты
не знал.

— Тогда как? Почему? Или у
этого отката отсроченное действие?

Саша загадочно улыбнулась и
задорно тряхнула челкой.

— Ну что ты, так не бывает. Да и

сам подумай — что особо выдающегося я сделала во время той заварухи, что могло бы повлиять на мое состояние? Нет, сама заваруха получилась знатная, но я-то чем отличилась? Смирно полежала под столом? Тоже мне поступок. Осознала, как сильно меня любит папа? Так это я много лет назад осознала. Храбро поговорила с совершенно безопасным дяденькой? Уж трусихой я никогда не была. Из всех сил старалась помочь? Тоже ничего нового, да и, если честно, там было больше жажды приключений, чем сознательности. Нет, все верно — тогда я ничего не совершила.

— А что такого случилось потом? Как-то же тебе удалось?..

— Не знаю... — Саша задрала голову, присматриваясь к распластавшейся по стволу белке. — Мне ничего не объяснили. Даже дедушка Молари не знает, хотя он и служит Справедливому. У меня есть гипотеза, но это только догадки, ничего более.

— Ну так скажи! Может, у меня тоже догадки возникнут, поломаем головы вместе, как раньше...

— Мне кажется, все дело было в тебе. Ну, помнишь, как нам запретили встречаться, как стерли тебе ориентиры?

— И даже не заикаются о восстановлении! — обиженно напомнил Мафей.

— И не заикнутся, пока все не разрешится хоть каким-ни-будь образом. Так вот, мне кажется, что дело именно в том, как я к этому отнеслась. Не знаю, понял ли ты, но я еще тогда поняла, что они были правы. Нам с тобой может сколько угодно не нравиться их решение, мы можем огорчаться, обижаться, расстраиваться из-за вынужденной разлуки, но поставить свои желания и чувства выше общей необходимости — не можем. И Ма, и Эрула склоняются перед Байненом.

Наверное, в том и было все дело — согласиться в душе с неприятным выбором, отказаться от претензий, понять правоту тех, кому пришлось нас разлучить. Может, я и ошибаюсь, но других объяснений у меня нет. А у тебя есть?

— Откуда? — горько вздохнул Мафей. — Я ведь даже не знаю, где ты была и что делала все это время. Как любит говорить Шеллар, «не хватает информации».

— Преимущественно дома, — грустно улыбнулась Саша. — И уверяю тебя, там не происходило ничего интересного, если не считать периодических набегов Аленкиного

антрополога. Да и его я аккуратно спланировала папе, чему антрополог несказанно обрадовался — папа ведь знает намного больше меня, и вообще он родился на Бете. Рассказывать-то особенно нечего. Да и не так уж это важно. Главное — я все-таки вырасту и теперь уж точно приеду к тебе.

— Скоро?

— Не так скоро, как хотелось бы. Закончу школу. Уеду учиться на Бету — теперь, когда с откатом покончено, меня все же будут учить. Одновременно пройду удаленный курс в каком-нибудь человеческом институте. Потом еще специальные курсы подготовки... Словом, тебе

придется подождать. Ты умеешь ждать?

— Не знаю, — честно признался Мафей. — Но все равно буду. Обязательно. Сколько понадобится.

Не очень и много. Несколько лет. Все ж не две тысячи. Кстати, как там поживает дедушка Ушеб?

— Да как... Перетряс совет старейшин и на том успокоился. Посмотрел на мир поближе, разобрался, что не до империй там сейчас выжить бы. Ковыряется дальше со своими каналами, если все пойдет как надо, через пару лет кувфи избавятся от болота и смогут расселяться дальше к морю, а в

пустоши пойдет вода, и эти земли можно будет возделывать. Молодые маги, которых наши мэтры научили защите от радиации, загорелись идеей разработать на основе этого заклинания способ очищать зараженную территорию.

— Если получится, будет просто здорово! А у вас тут как?

— Я здесь и сам редко бываю... Лучше у Шеллара спросить.

Он уж точно знает все.

— В том числе, что можно говорить мне, а чего нет, — лукаво прищурилась Саша. — Ну, вернемся к ним или еще здесь посидим?

— Как скажешь. Ты, наверное,

хотела и Шеллара повидать, и Виктора, может быть, и Диего тоже...

— С одной стороны, да, хотела бы. С другой — ты, наверное, хотел бы больше времени провести со мной. А с третьей — успели ли они обговорить все те дела, которые нас не касаются, и не помешаем ли мы им?

— Тогда посидим еще, — решил Мафей. — Шеллар любит обсуждать дела подробно и обстоятельно, меньше часа это никак не займет.

— Это верно, — согласилась Саша, опять присматриваясь к осторожной белке, которая не торопилась спускаться с безопасного

дерева. — Послушай, Мафей, а ты умеешь приманивать животных?

— Хочешь погладить белочку? — улыбнулся принц.

— Да! И чтоб она взяла у меня орешек с руки!

— Вообще-то это не моя специальность, но могу попробовать.

— Попробуй! А вдруг получится!

Требуемой курицы на кухне не оказалось. Вернее, она оказалась совсем не в том виде, какой был нужен папе для ритуала.

— А она что у вас, одна была? — со слабой надеждой уточнил Кантор, печально созерцая порционные куски

на разделочной доске.

— Три, — сочувственно пояснила кухарка. — И они все здесь.

Она была бы и рада чем-то помочь такому симпатичному мужчине, но воссоздать из разделанного и уже замаринованного мяса живую курицу не смогла бы при всем желании.

Придется искать Орландо, если он не позабудет вернуться. Без телепорта курицу не добыть...

Он ощутил легкое прикосновение чужой руки к плечу и резко обернулся, едва удержавшись от более привычной реакции на подкрадывание сзади.

— Зачем тебе курица, маэстро? — чуть заметно усмехаясь, поинтересовалась мэтресса Морриган. — Решил попробовать себя в другой разновидности семейной магии?

— Отец просил, — пояснил Кантор, вспоминая, что на церемонии мэтрессы не было. — А вы что же, все это время прогуливались здесь невидимой? Жак имел наглость вас не пригласить, и вы...

— Ну что ты, — засмеялась Морриган и, непринужденно подхватив его под локоть, направила к выходу. — Тереза не позволила бы Жаку поступить столь хамски. Меня

конечно же официально пригласили. Но я прекрасно знаю, что он не хотел меня здесь видеть. Да и, честно говоря, не люблю находиться вблизи от мест, где творятся христианские обряды. Такой аллергии, как у Силантия, у меня не бывает, но фантомная чесотка тоже явление неприятное.

— Это как? — не понял Кантор.

Это когда чешется хвост, — с улыбкой пояснила волшебница. — Его на самом деле нет, а он чешется. И гребень тоже. Поэтому я прогулялась по саду, подальше от места действия. А чтобы не возникало глупых вопросов, пришла сюда невидимой.

— Ольга вас точно видела.

— Я прекрасно осведомлена о ее способностях, поэтому предупредила заранее. А зачем Максу курица в такой неподходящий для некромантии момент? Кто ему вдруг понадобился среди свадьбы и почему сеанс нельзя было отложить до более удобного случая?

— Принц Ставрос, — вполголоса пояснил Кантор. Оглядев почти опустевший двор, он нашел папу и пошел к нему.

Морриган резко прекратила улыбаться.

— Можно было хотя бы сегодня не трогать Тину?

— Он ее и не трогал. Он изловил Александра — я так понял, для ритуала нужен кровный родственник...

— Ох уж эти молодые магистры... — вздохнула мэтресса. — Вечно изобретают колесо вместо того, чтобы спросить старших... Пойдем, я ему все объясню.

— А вы тоже знали?

— Что именно?

— Что ее высочество не сходит с ума, а действительно разговаривает с умершим мужем?

— Скажем так, предполагала. Чтобы сказать точно, надо обследовать ее, а я не хотела ее

тревожить. Но раз и Макс заметил, значит, я была права... Нет, ты только взгляни на эту недовольную физиономию! Дорогой коллега не рад меня видеть!

— Да ладно вам, — невесело ухмыльнулся Кантор, — Это он меня не рад видеть. Без курицы. И сейчас какую-нибудь гадость скажет.

— Где курица, «коллега»? — издевательски поинтересовался папа.

— В маринаде, — огрызнулся Кантор.

— Макс, не нужна тебе курица, — уныло сообщила Морриган. — Не найдешь ты его там, где обычно встречаешь умерших.

Папа мигом подобрался, словно кот, завидевший беспечную птичку на расстоянии прыжка.

— Ты тоже заметила? Ты что-то знаешь?

— Да любой хороший некромант знает, — печально шевельнула плечами мэтресса. — Явление, правда, редкое, и мало кто сталкивался на практике, но в теории описано досконально.

— И что это тогда? Не дух и не призрак, это точно, их я вижу не хуже вас, классических. Но что-то же есть, совершенно точно!

Морриган так же печально кивнула.

— Конечно, не дух. Если рассматривать духа как сущность. Это... как бы частица сущности. Поэтому ты ее чувствуешь, но визуально определить не можешь. Так бывает при создании стабильной низшей нежити. Если некромант достаточно силен, его магия перебивает естественное течение посмертия и разрывает неуспокоенную посмертную сущность. Часть ее сознания уходит в зомби или скелет, но эти формы нежити пользуются лишь малой частью бывшей личности. Все остальное повисает... не могу точно сказать где, на этот счет теоретики до сих пор не пришли к

единому мнению. Но эту неиспользованную часть может вытянуть к месту, предмету или человеку по тонкой ниточке эмоциональной связи. Поэтому Тина разговаривает с покойным мужем, а мы не видим призрака и думаем, что она теряет рассудок.

— То есть... — неуверенно переспросил Александр, мой дядюшка теперь... зомби?

— Скорей всего.

— И что теперь делать?

— Что всегда — найти, упокоить и похоронить, со всеми надлежащими обрядами.

— Нет, с тетушкой что делать?

— Вот это самое и делать. Когда посмертная сущность воссоединится и уйдет своими путями, Тина больше не сможет говорить с покойником. Возможно, некоторое время еще будет пытаться, но он перестанет отвечать.

— И ты до сих пор молчала! — упрекнул ее папа.

— Я не смогла ей сказать. Вернее, в случае необходимости могла бы, но необходимости не было. Она бы только расстроилась, и больше ничего бы не изменилось. А ты не спрашивал.

— Я — нет. Но вот Шеллар... он не просто спрашивал, а мозги всем вывернул наизнанку!

— Меня он не спрашивал. А по собственной инициативе предоставлять свои мозги Шеллару на выворачивание я не считаю разумным.

— Ну да, — ворчливо согласился папа, — пусть другим выворачивают, а ты в сторонке постоишь, тебя же не спрашивали...

— Макс, брось ворчать и скажи спасибо, что вообще сказала. К тому же я уверена, что Шеллара ты интересовал не как некромант, а как менталист... и еще немножечко как специалист по любовной магии. Наверняка ведь просил отвлечь, развлечь... скажешь, нет?

Папа только безнадежно махнул рукой.

— Это все равно не сработало бы. Я, конечно, честно попытался, но исключительно затем, чтобы Шеллар от меня отстал. И Диего, полагаю, поступил так же. Тут даже мой покойный папенька ничем не помог бы. Наш дар слишком... поверхностен для такого дела. Легкомысленная интрижка — не то, что могло бы «отвлечь и развлечь» в нашей ситуации. Связь между Тиной и ее супругом была слишком прочной, чтобы так легко разорваться. Они искренне любили друг друга много лет, им даже в голову не приходило

поглаживать на других мужчин и женщин, и смерть в этом раскладе ничего не изменила. Ее высочество — дама обстоятельная и серьезная, полужнакомый чужой мужчина не сможет заменить ей покойного мужа лишь на том основании, что жив и хорош собой. Чтобы она переключилась на кого-то живого, он должен вызвать в ней столь же серьезные чувства.

— Ты это Шеллару сказал? — перебила Морриган.

— Разумеется.

— Он понял?

— Он вздохнул и отстал.

Возможно, понял. А может быть,

переключился на поиски кого-то поосновательней, чем мы с Диего. Ты же знаешь Шеллара, он запросто мог решить, что если для спасения кузины требуется найти мужчину, которого она полюбила бы всерьез, то надо ей в этом помочь. А методичный перебор всех доступных кандидатов — способ как раз в стиле Шеллара. Он, кажется, даже Витьку не пропустил.

— Почему «даже»? — Мэтресса, похоже, чуть ли не обиделась. — Чем он хуже других?

— Да не хуже он, просто ему это все надо, как его Матрене — хинская грамматика. На женский вопрос он забил прочно и основательно лет пять

или шесть назад, чтобы поменьше усложнять себе жизнь... Ну чего ты ухмыляешься, при его работе это и правда только дополнительные сложности создает.

Морриган продолжала ухмыляться, выразительно щурясь при этом, словно довольная кошка.

— То-то, стоит ему на меня взглянуть, у него прямо на лице бывает написано, как я ему безразлична.

— А ты попробуй дождаться, чтобы он это сознательно проявил, — тем же тоном отозвался папа. — Ты долгожительница, времени у тебя полно...

— Думаешь, если сама предложу
— откажется? — продолжала
дразниться почтенная мэтресса.

— От Азиль он сбежал, — подал
голос Кантор. — Так что вполне
может.

— Другой вопрос, что сбежать от
мэтрессы Морриган не так просто,
если она того не хочет, — поддакнул
папа, — Но речь ведь шла не об этом.
Откажется, конечно.

— Азиль для него в первую
очередь женщина товарища, потому
он и отказался, — фыркнула
Морриган.

— Ты — тоже, — пожал плечами
папа. — Можешь сколько угодно

объяснять, что у вас с Вельмиром давно все кончено, но Витька не слепой и не тупой. Кроме того, это не главная причина. Но я не хочу обсуждать его с кем бы то ни было, так что на этом мы свернем дискуссию и сойдемся на том, что участие в этой конкретной аванюре его величества Витьке просто в тягость. Навязываться дамам противно его натуре, даже если женщина всерьез ему понравится, он охотнее откажется от мысли о взаимности, чем попытается ее добиться. А Шеллар заставляет именно что навязываться.

— Что-то я не заметил, чтобы ее

высочеству не нравилось его общество, — не смолчал Кантор. — Вряд ли ему придется навязываться.

— Важно не то, что есть на самом деле, а как он сам считает, — вздохнул папа. — А он искренне убежден, что недостойн такой женщины, как Морриган или Тина, и даже интереса для них представлять не может. Ну вот перекос у человека в мозгах, и что-то исправить тут можно только естественным путем. Разъяснения и увещевания пройдут мимо. А теперь прекращаем недостойные сплетни, потому что их объект появился на крыльце и вот-вот подойдет сюда.

На крыльце в самом деле показался Виктор, с обычной миной, выражающей покорность судьбе и готовность стоически перенести ее очередной неприятный сюрприз. Оглядевшись по сторонам, он заметил их и, поколебавшись пару секунд, подошел.

— Привет. Вы принцессу не видели?

— А что? — заинтересованно проворковала Морриган.

— Да Шеллару кто-то сказал, что она ушла одна в сад, он заволновался и не нашел ничего умнее, чем отправить меня на поиски. Нет, ну он что, нарочно?

— Она ушла вон туда, — с готовностью указал Александр.

— А вы что же, все видели, и никто не догадался остановить или проводить?

— Она не хотела, чтобы ее провожали.

— Может, стоит сказать об этом Шеллару, чтобы больше не делал из меня идиота?

— Вовсе нет, — с непонятым Кантору пылом возразил король Эгины. — Напротив, Шеллар, скорее всего, заметил, что вы, — один из немногих, чье присутствие не утомляет тетушку, потому и просит вас. Он такие вещи всегда замечает.

Если она не пожелала, чтобы ее сопровождал кто-то из нас, это еще не значит, что вас она тоже попросит удалиться.

Виктор уставился на его величество с откровенно невежливым недоумением, словно не знал, как ему объяснить очевидные вещи, не выходя за рамки пристойности.

— А никому не кажется, что ее высочество просто в силу воспитания не может послать подальше малознакомого человека? — сказал он, изыскав наконец достаточно дипломатичное выражение для своих наверняка нецензурных мыслей. — А Шеллар этим пользуется.

— Уверяю вас, — серьезно изрек Александр, — именно в силу специфического воспитания тетушка умеет безукоризненно вежливо отослать нежелательного собеседника множеством различных способов. Как это было проделано с нами несколько минут назад. Поэтому можете не сомневаться, если она общается с вами, значит, желает этого. Ну а если она попросит вас удалиться, ничего страшного в том нет — извинитесь и скажете Шеллару, что вас вежливо спровадили, как и остальных.

Когда озадаченный пришелец исчез из виду, почтенные мэтры дружно уставились на Александра,

намекая на необходимость объяснений. Тот, по всей видимости, ничего объяснять не собирался — как ни в чем не бывало принялся оглядываться в поисках Орландо, а то пора уже и прощаться...

— Ваше величество, — не выдержал папа, — прежде чем мы попрощаемся, не сообразоволи ли объяснить...

— Нет, — не повышая голоса, перебил Александр. — С моей стороны было бы непорядочно обнародовать содержание частной беседы, к тому же доверенное мне под честное слово. Поэтому просто оставьте все как есть. Рад был вас

видеть, но мне пора. Осталось меньше недели, а я еще даже не ознакомился с планами, не говоря уж о том, чтобы приступить к подготовке.

— Кстати, о планах и подготовке... — как бы невзначай заметил Кантор, когда король Эгины удалился на поиски непутевого мистралийского коллеги. — Кто-нибудь может мне объяснить, зачем Шеллару понадобилось брать с собой Ольгу? Зачем это ей самой, я даже предполагать не буду, там, скорее всего, логика и не ночевала, но его-то что заставило взваливать на себя такую обузу, не говоря уж о риске и ответственности? Папа? Мэтресса

Морриган? Вам что-то известно?

— Я вообще впервые слышу, — удивилась мэтресса.

— Я тоже, — поддакнул папа. — Единственное, что могу предположить, — его величеству зачем-то нужны Ольгины способности. Хоть какая-то магическая поддержка. Все-таки они отправляются в «мертвую зону», а там каждая крупница неклассической магии может оказаться решающей.

— Пап, ну ты что, шутишь?

— Вовсе нет. Ты, наверное, думаешь, что там понадобится только боевая магия? Поверь, собственно боевых действий будет минимум.

Основное противостояние предвидится в другой области. Там такая идеологическая война развернется, что даже Шеллару придется напрячь все свои мозги и опыт. И Ольга с ее способностью вовремя сказать решающее слово и заранее смоделировать ситуацию для него нехилый бонус, которым нельзя пренебрегать.

— Даже если это будет опасно для нее? — возмущенно вскинулся Кантор.

Папа посмотрел на него, как на несмышленного балбеса.

— Сынок, как ты думаешь, что случится, если Ольге будет угрожать

реальная опасность?

— Да что угодно!.. — начал Кантор, но отец его перебил:

— Вовсе не что угодно. Ей просто приснится понятное и наглядное предупреждение. Как тогда, весной.

— Все равно мне эта затея не нравится.

— Тогда поезжай с ней, присмотришь лично. Думаю, Шеллар только обрадуется возможности заполучить еще одного мага и отличного стрелка в одном лице. А если ты еще и пулемет с собой прихватишь, его радости и вовсе не будет предела.

— Я и так поеду, меня он тоже пригласил. Но все равно у меня сердце не на месте.

Папа вздохнул.

— Привыкай. Теперь так будет всегда. Неизбежная цена, которую мы платим за счастье, — извечный страх его потерять. Пока у меня тебя не было, я тоже не знал, что это такое. И поверь моему печальному опыту — попытки оградить близкого человека от всех мыслимых опасностей обычно и бесполезны, и ни к чему хорошему не приводят.

— Да уж... — мрачно ухмыльнулся Кантор. — С твоим печальным опытом точно не

поспоришь...

— Посмотрю я на твой, — тем же тоном отозвался папа.

Мэтресса Морриган оглядела обоих с почти материнским умилением и покачала головой.

— Страшная вещь — наследственность...

Кайден повертелся перед зеркалом, изучая себя со всех сторон, и пришел к выводу, что выглядит он как полный идиот. О чем честно сказал вслух. Орландо почему-то нашел его мнение ужасно смешным (может, опять курнул чего-то тайком?), а его внучатый племянник

не преминул плюнуть ядом: Что, если башка не похожа на прошлогодний стог, морда выбрита, а одежда хоть чуточку шикарнее мешка из-под овощей — твоя затрапезная личность уже чувствует себя ущемленной?

— А тебе бы только издеваться! — неожиданно вступился оливковый эльф, почему-то невольно потирая шею. — Я тоже считаю, что белая мантия — это перебор. И вообще, маэстро, не у всех же за плечами такой опыт переодеваний, как у тебя. Кому-то просто непривычно в маскарадном костюме.

— Объясняли же, — недовольно поджал бирюзовые губы его

товарищ. — Одежда должна быть белой, чтобы выделяться в темноте и привлекать внимание. Чтобы рядом с мэтром его одетые в черное спутники терялись из виду. Тут все рассчитано. — Он еще раз оглядел Кайдена с ног до головы и заключил: — А выглядит он возвышенно и мистически, как и должен по сценарию. Не забывай, нам требуется впечатлить религиозного фанатика, а не идейного растрепу вроде вас с Виктором. Мэтр, вы текст не забыли?

— Нет, — коротко ответил Кайден, не желая ввязываться в спор. А то захотят еще раз прослушать, а ему вся эта пафосная галиматья

обрыдла еще за время репетиций.

— Тогда отправляемся.

Первый переход златокудрый эльф совершил лично. Еще раз оглядел напоследок, пожелал удачи и отошел в сторонку. Дальше им предстояло работать самим.

Вопреки опасениям Кайдена коридоры храма были пусты — если это помещение и охранялось по ночам, то только снаружи. Отыскав по памяти нужную комнату, он осторожно подергал дверь и отступил на шаг, кивая ребятам. Реф так же осторожно отодвинул телекинезом задвижку и опять отступил за спину Кайдена.

Значит, как репетировали — возвышенно, театрально, как сделал бы это Нимшаст...

— Брат Хольс! Проснись, брат Хольс! Я принес тебе послание от Повелителя!

Почтенный иерарх ошалело подпрыгнул на постели и рванул из-под подушки изрядную дубинку.

— Узнал ли ты меня, брат Хольс? — торжественно завел Кайден, делая вид, будто не заметил ни испуга разбуженного брата, ни дубинки. — Я — первый маг Повелителя и посланец Его. Он избрал тебя, самого преданного и верного из детей своих, чтобы

открыть страшную тайну. Внемли же словам Повелителя и исполни волю Его.

Брат Хольс суетливо сунул дубинку на место. Бестолковая дурь в его глазах сменилась нездоровым восторгом.

— Знай же, что Повелитель во всеведении своем прозрел измену в самом сердце ордена. Те, кто пришел сюда как небесное воинство из самих чертогов Повелителя, предали Его и отступились от веры. Из страха за свои презренные жизни эти трусы сговорились с врагами. Вампиры сбежали только что, остальные завтра откроют ворота и сдадут врагам

столицу, храм, дворец и всех вас, верных служителей единственного истинного бога. Брат Тибальд узнал о грядущем заговоре, и они убили его, чтобы скрыть от вас правду. Но ничто не может быть скрыто от Повелителя, и ни один изменник не избежит гнева Его. Он послал меня, чтобы вы узнали правду и покарали отступников. Завтра днем ты должен тайно оповестить всех братьев, а ночью, когда предатели попытаются сбежать, вы перехватите их и уничтожите. Такова воля Повелителя. Понял ли ты ее, брат Хольс?

Глубоко шокированный
услышанным, бедняга только

судорожно кивнул.

— Исполнишь ли ты ее?

Брат Хольс от полноты чувств опять схватился за дубинку и, воинственно ею потрясая, выдохнул чуть ли не в экстазе:

— Отступников ждет кара!

— Повелитель не ошибся в тебе, — торжественно возгласил Кайден и сделал шаг назад, что было сигналом для телепортиста. Если раньше он еще сомневался, что такой простой фокус с белой мантией и напыщенной речью может сработать, то пылающий рвением взор почтенного иерарха не оставлял сомнений — все будет именно так,

как рассчитал бывший брат Шеллар. Если уж этот паразит исхитрился успешно манипулировать даже самим Кайденом, что уж говорить о простодушном преданном фанатике...

ГЛАВА 3

*Неужто там
произошла революция? В
такую-то рань?*

Т. Янссон

Виконт Бакарри нервничал. Очень явственно, недвусмысленно и, прямо скажем, недопустимо откровенно для военачальника. Он то и дело раздраженно оглядывался, хватался то за поводья, то за меч, непроизвольно стискивая все ухваченное, вполголоса бранился сквозь зубы, нетерпеливо

притопывал... Только что ногти не грыз, да и то лишь потому, что ватные перчатки мешали.

Впрочем, упрекать его в несдержанности было бы несправедливо, поскольку в аналогичном состоянии пребывали все его соратники, и даже многоопытный мастер Астуриас напряженно кусал губы, мысленно прогоняя все возможные варианты. Да и причина нервничать у заговорщиков была весьма уважительная: тщательно спланированная операция летела к едреным демонам. Уважаемые партнеры, чьи действия были расписаны чуть ли не по минутам и

являлись основой для расчета последующих этапов операции, опаздывали уже больше чем на полчаса.

Разведчика в город Астуриас послал еще десять минут назад, как только стало ясно, что задержка слишком значительна для обычной мелкой накладки. Но своей кабины в городе нет, постороннего через казенную не пошлешь, а верхом — далеко, пока он туда доберется, да пока выяснит... Неудачно выбрали место для базы в Даэн-Риссе, весьма неудачно. С одной Стороны, конечно, удобно — не так заметно, а вот с другой — добираться долго.

С соратниками в Арборино и Гелиополисе Астуриас тоже связался, и услышанные новости заставляли нервничать пуще прежнего. У них творилось то же самое, и они тоже пока не знали причины. Единственное, на что стоило рассчитывать, — они в любом случае узнают ее раньше, их базы, по крайней мере, в черте города.

Астуриас понаблюдал за психующим соратником и тоже не удержался от короткого ругательства. Что там у них могло случиться? Ведь вчера с вампирами все получилось быстро и аккуратно, просто загляденье! Утром наместник Глоув

под видом инспекции по очереди посетил все три излучателя, а сопровождающий его специалист опять же под видом техосмотра переставил вожделенные кристаллы из родных громоздких приборов в новые, усовершенствованные, размером не больше портфеля для бумаг. Вечером клыкастые охранники тихонько собрались и под покровом темноты на собственных быстрых крыльях добрались до точек отправки. Сейчас они уж, наверное, оглядели окрестности, обнаружили, что виднеющийся вдалеке городок — искусная иллюзия, и в бессильной ярости пинают обломки кабины,

которая самоуничтожилась через пять минут по окончании переброски. Живым будет проще — если не перебьют друг дружку, как-нибудь выживут. Вот только почему же они задерживаются? Неужели дележ добычи затеяли? Так ведь договорились — ничего, кроме продуктов и личного оружия, минимум веса, перемещения денег стоят...

Из подвала вынырнул оператор, приглашающе махнул рукой — дескать, есть новости — и опять скрылся, что было с его стороны весьма разумно. Хотя парня и переодели в местную одежду, чтобы в

глаза не бросался, носить он ее не умел, и наряд дворовой прислуги сидел на нем примерно так же, как сидели бы доспехи на его бывшем величестве Луи, взбреди ему когда-нибудь в голову их напялить.

— Что там? — торопливо спросил Астуриас, захлопывая за собой тяжелую дверь.

— Из Эгины сообщили, — старательно доложил оператор. — Во дворце идет драка, со стрельбой и магическими спецэффектами. С улицы подробностей не видно, но хоть понятно, почему задерживаются.

Мастер-вор похолодел при мысли, что его непостижимым

образом переиграли, успели подменить кристаллы раньше или вовсе нашли способ защититься от излучения, и теперь озлобленные маги вернулись, дабы рассчитаться за все хорошее, и чуть ли не умоляюще уточнил:

А кристаллы проверили? С ними все в порядке? Откуда магия?

— Сейчас спрошу, — без особой паники отозвался оператор и скрылся под специальным шлемом. Он так и не понял, куда ему, он всего лишь исполнитель и, кроме своей машины, ничего не знает...

Несколько томительных минут Астуриас маялся неизвестностью,

прислушиваясь к односторонним репликам разговора и мысленно умоляя Многорукого Вора, чтобы это оказалась всего лишь случайная утечка информации и всего лишь к орденским деятелям, тогда еще можно надеяться исправить ситуацию. Но только не лучшие маги континента, это конец всему и в первую очередь самому мастеру Астуриасу...

— С кристаллами все в порядке, — отчитался наконец оператор, стягивая шлем. — А магия — это орденские маги и мистики, из Мистралии сообщили, что пришельцы с местными разборку устроили. Просили передать, что у них уже все

закончилось, сейчас выдвигаются, а за ними, наверное, и наши подтянутся, и эгинцы, у них там скорее всего то же самое.

Астуриас мысленно возблагодарил бога-покровителя, затем от души обложил последними словами и наместника, и главнокомандующего, и всех их подчиненных, не умеющих держать язык на привязи и грамотно организовывать свои действия. Ведь кто-то же проболтался, отсохни его язык! Или проболтались, или барахло свое перетаскивали среди бела дня на глазах у орденских! Ведь не божественный Повелитель им с небес

обо всем поведал, тем более что вряд ли он сейчас на небесах! Они, конечно, справятся, и непредвиденное обстоятельство их всего лишь задержит, но для рассчитанной по времени операции это пусть и не фатально, но здорово неприятно. Стоит одному участнику сбиться и нарушить синхронизацию, и все идет наперекосяк, а тут все три... Теперь придется заново высчитывать время отправки для каждой группы, согласовывать, а это все тоже время... И для имиджа «спасителей отечества» не подарок — одно дело перебить хоть каких-то врагов, пусть их там и осталось лишь для виду, и совсем

другое — вломиться в пустой дворец и объявить себя победителем неизвестно над кем. И самое противное — ночь не бесконечна. Стоит дотянуть до рассвета, и полгорода увидит, как колонна завоевателей промаршировала к загородному особняку Монкаров, а через некоторое время в обратном направлении проскакали освободители. И все это тихо, мирно, ни звуков боя, ни убитых, ни раненых, ни даже запыхавшихся. Вот уж подарок для конкурентов! Если ребята Бороды еще и Флавиуса упустят, уж тот воспользуется подвернувшимся случаем на всю катушку, шум пойдет

по всем ближним провинциям...

Он сбегал наверх — вкратце объяснить ситуацию испереживавшимся соратникам, и быстро вернулся в подвал, чтобы оставаться на связи. Сообщения от наблюдателей поступали исправно. Мистралийское подразделение уже в пути, эгинское собирает раненых и тоже вот-вот, его собственный разведчик наконец добрался до места и доложил то, что уже давно известно... Хорошо еще, что уважаемые партнеры расщедрились на свои чудесные средства связи, а то еще долго ждали бы, пока разведчик прибежит обратно и поведает новости

получасовой давности.

Дождавшись сообщения, что в Мистралии группа добралась до места и приступила к переброске, Астуриас приказал Торресу выступать, пообещал прибыть в течение четверти часа и опять поднялся во двор.

Виконт Бакарри изнывал от ожидания и уже, кажется, готов был сгрызть перчатки. Самые молодые патриоты откровенно ворчали и бряцали оружием, ожидая победоносного сражения. Разочаровывать их раньше времени Астуриас счел неразумным.

— Осталось совсем немного, — ободряюще кивнул он в ответ на

безмолвный вопрос в глазах будущего короля. — Ситуация под контролем, все идет как надо, просто случилась небольшая накладка со временем. Еще пятнадцать минут, и можно выступать. Только ни в коем случае не отклоняйтесь от маршрута, иначе могут возникнуть непредвиденные сложности. Маршрут вы помните.

— Да, конечно, — нервно кивнул Бакарри.

— А теперь, виконт, пришла пора прощаться. Для меня было честью знать вас и помогать вам, но меня ждет моя родина.

Предстоящее расставание не было для спасителя отечества

новостью, но видно было, что эта идея ему по-прежнему не нравится.

— Мы ведь уже все обсудили, — поспешил напомнить Астуриас, пока собеседник не высказал вслух чего-нибудь лишнего. — Я должен вернуться в Мистралию, и вы прекрасно знаете все причины. Во-первых, это моя страна, и ее судьба мне небезразлична. Во-вторых, это там я — советник уважаемого семейства и политический деятель, а здесь стараниями его бывшего величества — уголовник в розыске, и знакомство со мной будет только вредить вашей репутации. А по части полезных советов меня прекрасно

заменит господин Джемайл.

— А он не будет вредить моей репутации?

Это было сказано без иронии, без подковырки и без скрытого намека — прямолинейный вояка что подумал, то и сказал. Но тем не менее Астуриасу это не понравилось. Это что же получается, он специально наводил справки о новом советнике?

Или просто сболтнул не в той компании, и кто-то знающий тут же поделился с ним всеми известными сплетнями?

— Простите, а что заставляет вас сомневаться?

— Репутация господина

Джемайла, — так же серьезно и твердо пояснил виконт, наклонив голову вперед и уставившись на собеседника слегка исподлобья, как всегда делал, когда упирался в каком-то вопросе и намеревался стоять на своем до победного конца.

— Могу я поинтересоваться источниками, из которых вы почерпнули сведения о репутации уважаемого в столице законника?

— Моя покойная матушка. И не говорите, что я не должен был ей доверять в этом вопросе.

— Поймите меня правильно, я ни в коем случае не ставлю под сомнение честность вашей покойной матушки,

но дамы часто склонны доверять ненадежным источникам информации...

— Он приходил к ней лично, — резко прервал его Бакарри, словно давая понять, что и сам не намерен вилять и изъясняться намеками, и другим не позволит. — После смерти отца предлагал свою помощь в официальном установлении моего происхождения, со всеми сопутствующими привилегиями вплоть до внесения в список наследников. Тогда как раз случилась их недостача, и добиться было бы реально.

— И она отказалась от этого в

высшей мере разумного и выгодного предложения лишь потому, что где-то от кого-то слышала порочащие слухи?

— Нет. Ей не понравились методы, какими он собирался этого добиваться, и цена, которую за это запросил. И меня она тогда предупредила, что если некие добрые люди предложат мне официально претендовать на трон с их поддержкой — это значит, что меня втягивают в заговор и намереваются использовать. Я с вами-то связался лишь из-за безвыходного положения...

Кто бы мог подумать, что неверная супруга покойного Бакарри

окажется настолько откровенной со своим незаконнорожденным потомком! Знал бы раньше, нашел бы кого-то другого вместо Джемайла, но теперь поздно, придется работать с тем, что есть. Счастье еще, что этот идиот плохо слушал маменьку!

— Опять же при всем уважении к вашей матушке ее личное мнение не может достоверно отражать репутацию человека в обществе. Если господин Джемайл и оказывал посреднические услуги в переговорах по различным щекотливым вопросам, это никогда и нигде не обсуждалось публично, а даже если бы и было обнародовано, все равно не повредило

бы репутации. Посредник — не участник, а для юриста это еще и вполне нормальная профессиональная деятельность. И вообще, пока этот господин работает на вас, что бы вы о нем ни услышали, вас это не должно беспокоить. Он предан вам и действует в ваших интересах, а если вдруг ваши враги попытаются бросить тень на вас, компрометируя его, он разберется с этим сам, не впутывая покровителя. Свое дело он знает, и в этом он лучший.

Бакарри не стал дальше спорить, но упрямый взгляд исподлобья не оставлял сомнений, что убеждения не подействовали и мнение даже не

пошатнулось. Скверно. Хоть бы не дошло до болвана, пусть и с запозданием, что предостережение маменьки следовало применить и к этому случаю...

— Прощайте, мастер.

Руку все же протянул, это хорошо.

— До свидания, виконт, до свидания. В будущем нам предстоит часто видеться, ведь я должен буду сопровождать своего короля па всех международных встречах. Удачи.

— Спасибо. И вам того же.

Спускаясь к кабине, Астуриас мимоходом взглянул на часы. Почти четыре, а ведь за город от центра путь

неблизкий, и все это пешком...

— Вас искал Санчес, — сообщил оператор, едва за Астуриасом закрылась дверь. — Он беспокоится, просил доложить обстановку.

Нашел время доклада требовать! Хотя с другой стороны... Сейчас можно быстро заскочить, сказать, что задержка устранена и все под контролем, по итогам доложит позже, потому что срочно нужен в другом месте. А если явиться позже, когда уже какие-то результаты будут, можно застрять надолго. Поэтому лучше сделать как просили, уж войти в пустой дворец Торрес с наемниками и без его советов сумеет, а к моменту,

когда советы понадобятся, он как раз обернется... Да и нюх подсказывает, что зайти к Санчесу надо обязательно...

Господину Джемайлу, репутацию которого столь самоотверженно защищал одноглазый мистралиец, нюх тоже кое-что подсказывал. Например, что идти во дворец вместе с Бакарри и его патриотами сейчас не следует. Почему — нюх, к сожалению, не объяснял, но причину можно узнать и позже, а сейчас лучше просто послушаться. Поэтому знаменитый юрист вежливо раскланялся с клиентом, сообщил, где его контора, пообещал завтра зайти взглянуть, как

дела, пожелал удачи и попрощался.

Нехорошие предчувствия посетили и герцога Кефтедеса, но они оказались не настолько сильными из-за его менее чем посредственных способностей, да и отказаться от плана в последний момент у бедняги не было возможности. Ему даже не с кем было обсудить смутное ощущение надвигающейся катастрофы. О том, что его предчувствия были не напрасны и к ним стоило отнестись серьезнее, он узнал первым, но, к сожалению, для него все равно было поздно.

Предвидел ли беду мошенник Торрес и пытался ли остановить

соратников, осталось неизвестным. Когда Астуриас, немного не уложившись в обещанные четверть часа, отвязался от паникующего Санчеса и добрался наконец до дворцовой площади, обеспокоенно размышляя о причинах стрельбы, отголоски которой слышал по дороге, все было кончено. Кастель Коронадо гудел, как растревоженный улей, кое-где еще раздавались одинокие запоздалые выстрелы. На башнях и галереях суетились человеческие фигурки, еще плохо различимые в предрассветной серости. У неплотно прикрытых ворот, грозно ощетинившись разнообразным

оружием, стояла пара дюжин охранников. Сердце Астуриаса тихо екнуло, когда он разглядел печально знакомые черно-красные повязки, и он тут же поспешил отступить в тень, пока подозрительный ночной прохожий не заинтересовал новых хозяев дворца. Как такое возможно? Когда и каким образом головорезы Орландо успели перебраться со своих Зеленых гор в столицу, да еще столь вовремя? И никто ничего не заметил и знать не знал?

Между тем ворота распахнулись, и из них появилась пара солдат, которые что-то сосредоточенно тащили. Астуриас прищурил

единственный глаз, пытаюсь рассмотреть, но тут парни свернули в сторону и необходимость присматриваться отпала, а худшие опасения подтвердились. Солдаты оттащили труп от ворот, аккуратно положили головой к ограде и зашагали назад во двор. А вслед за ними потянулись новые и новые пары с тем же грузом. Мертвецов вытаскивали за ноги, деловито и буднично, как дрова, и складывали ровным рядком на площади. Астуриас даже разглядел издали когда-то белоснежный камзол Торреса, теперь больше напоминавший расцветкой флаг королевского дома — грязь в

сумерках казалась черной, а кровь еще не успела высохнуть и побуреть.

Да как же?..

— А что, Астуриаса так и нет? — донесся со двора звонкий юношеский голос короля Орландо.

Услышав свое имя, мастер-вор опомнился и попятился еще дальше, опасаясь, что если он побежит прямо сейчас, то может привлечь к себе ненужное внимание.

— Нет... — отозвался кто-то. — И не видели его. Почуял, наверное, сволочь.

— Вот падла! — с искренним огорчением пожаловался его величество. — А я так надеялся этого

мерзавца на воротах развесить частями!

Астуриас отметил про себя, что не ошибался в этом вечно укуренном полуэльфе: его пресловутая доброта носит крайне избирательный характер и сильно зависит от настроения. Он может облиться слезами и соплями над сентиментальной песенкой, но недрогнувшим голосом отдаст приказ расстрелять соперника без всякой пощады, не хуже кровожадной ортанской вдовы...

При этой мысли он внезапно споткнулся и едва удержался, чтобы не выругаться вслух. Как он мог забыть! Ведь их было три, три группы,

три претендента, что же с остальными двумя? Только Орландо оказался таким хитрым или это был хладнокровно рассчитанный план, совместно продуманный всеми старыми королями? Только Торреса заперли во дворе и положили вместе с его немногочисленным войском или эта же участь постигла всех?

Продолжая пятиться и не сводя глаз с занятых делом воинов, Астуриас зашел за угол, развернулся и бросился бежать, вознося хвалу богу-покровителю за то, что милосердно уберег от развешивания частями на воротах. Такие подарки судьбы никогда нельзя оставлять без

внимания, пусть даже во всем остальном покровитель пробросил, отдав предпочтение кому-то на той стороне. Что бы ты ни потерял — жизнь все равно дороже, пока жив, все еще можно поправить. А тут еще, можно сказать, не все потеряно...

Пересмотреть масштаб своих потерь Астуриасу пришлось всего через несколько минут, когда он услышал за спиной знакомый рокот скоростных иномирских машин и поспешил укрыться за углом, свернув на ближайшую боковую улицу. По, разумеется, не посмотреть, кто же за рулем, он не мог никак — сами посудите, если все пришельцы ушли, а

В этом мире никто водить сии чудеса техники не умеет, кто же тогда делает это сейчас? Уж не подставился ли кто-то из врагов — Максимильяно, например, или его приятели-эльфы?

Увы, враги мастера Астуриаса оказались не столь глупы, чтобы подставляться ему на радость. Всеми тремя машинами управляли гномы, которые никак не могли происходить из другого мира. И за пулеметами сидели тоже гномы. А остальное свободное пространство было забито вооруженными парнями в черно-красных повязках.

Хвала Многорукому, Астуриаса они не заметили. Но когда, выждав,

пока они не скроются из виду, он ринулся следом в надежде добраться до спасительной кабины на набережной и нигде при этом не засветиться, покровитель в очередной раз намекнул, что сегодня верному последователю не причитается ничего, кроме его никчемной жизни, да и за ту еще придется побороться.

Обогнавшие его машины, как оказалось, направлялись туда же, куда и он, — на набережную. И сейчас стояли, грозно наставив пулеметы на злосчастную штаб-квартиру заговорщиков, а заодно и на соседние заведения, а внутри, судя по всему, шел безжалостный шмон.

Астуриас в очередной раз отступил в тень и опять бросился бежать, не переводя дыхания и прикидывая на ходу, где в это время в этом районе можно украсть лошадь. И как это вообще делается, дай бог памяти...

Кони шли ровным ритмичным галопом, даже на скорости не нарушая строй, словно тоже прониклись важностью момента и стремились сделать триумфальный въезд нового короля в освобожденную столицу как можно более торжественным. Стук подков тонул в лязге доспехов, плащи всадников развевались на скаку,

мерно подпрыгивали в такт ходу султаны на шлемах, еще немного — и в первых лучах солнца засверкает полированная сталь... Ну прямо хоть сейчас на парад!

Честно признаться, виконт Бакарри втайне именно о том и мечтал проехать по улицам парадным маршем, при свете дня и большом стечении народа, показаться подданным во всем великолепии, собрать причитающиеся цветы и приветствия... Он даже заикнулся было об этом вслух, но мудрый и циничный мастер Астуриас посмотрел на него, как на безнадежного недоумка,

наставительно постучал себя пальцем по лбу и предложил попробовать, если жизнь не дорога. Вдруг и вправду повезет. А если не повезет и в вожденной толпе кроме красоток с цветами окажется несколько убийц, сторонников прежнего короля, то из трагически погибшего спасителя, героя, отважного рыцаря и просто красавца можно будет потом слепить безупречный образ мученика для последователей. Да и расклад не располагал к торжествам — по прежнему плану занять дворец предполагалось ночью и с боем, по новому, изменившемуся, — без боя, но как можно скорее, пока не

рассвело и можно еще хотя бы сделать вид, что бой был. Потому и несутся галопом, гремя на всю округу и забыв о мечтах и парадах. Единственное, в чем все-таки не смог себе отказать виконт Бакарри, — белый камзол и плащ, хоть что-то торжественное и праздничное, пусть даже под них пришлось поддеть кольчугу...

Всего за несколько кварталов от цели к привычным звукам, что издает при передвижении отряд конных рыцарей, добавилось странное ворчащее гудение. Источник неведомого звука, судя по всему, перемещался по параллельной улице, но в противоположную сторону, и

Бакарри с недовольством подумал, что это, наверное, как раз пришельцы ползут. Надо же было так замешкаться, ведь еще немного — и они столкнулись бы! Эти олухи еще полчаса назад должны были выбраться, чтобы успеть отойти на достаточное расстояние, и опять выбились из расписания! Что их на этот раз задержало, интересно? Снимали сапоги с покойников и делили тряпки?

Главные ворота оказались распахнуты настежь, словно приглашая всех желающих заходить и развлекаться на свое усмотрение. Наверняка болваны впопыхах забыли,

что должны были их хотя бы прикрыть, чтобы не привлекать ненужного внимания, но эта оплошность необязательных пришельцев не особенно огорчила виконта. Напротив, давала возможность тем же красивым строем и без лишних остановок подъехать к парадному входу. Въехать почти так, как желалось, разве что ликующего народа не хватает для полного счастья. Вот она, свершившаяся мечта...

Додумать сию приятную мысль Бакарри не успел, поскольку в этот момент последние его спутники въехали во двор и ворота за ними

вдруг с неприятным скрежещущим звуком начали закрываться. Хлопнули створки, лязгнули запорные механизмы, а с Центральной башни ударил слепящий свет, от которого у парадного подъезда стало светло как днем. И безмолвный, казавшийся пустым дворец ожил, зашумел, наполнился звуками, не считая больше нужным скрывать неприятное для триумфаторов обстоятельство: они здесь не одни и, увы, не первые.

Прежде чем виконт успел перебрать в уме возможные варианты, отворилась парадная дверь и незнакомый высокий мужчина в легких кожаных доспехах

приглашающе взмахнул рукой.

— Проходите. Вас ждут в тронном зале. Только спешиться не забудьте, а то на радостях так и въедете вместе с лошадьми.

И исчез, прежде чем господа успели поинтересоваться, кто он такой и что здесь делает.

Бакарри мог поклясться, что где-то этого человека видел, хоть представлены они не были. Вот только не помнил где. Зато отлично помнил, что ни о каких встречающих в планах не упоминалось. Соратники тоже загомонили, пытаясь выяснить, что происходит, но спросить они могли только друг друга, и на

вразумительный ответ рассчитывать не приходилось. В итоге все, разумеется, устави́лись на предводителя, ожидая объяснений от него, и было крайне неприятно признавать, что он сам ничегошеньки не понимает в происходящем.

Как бы то ни было, топтаться во дворе было глупо и недостойно.

— Сейчас разберемся, — решительно заявил Бакарри и спрыгнул с коня. — Первая дюжина... и вторая тоже — со мной, остальным принять лошадей и ждать здесь. На всякий случай держите оружие наготове.

Раздавать приказания о зачистке

территории и расставлять посты он счел преждевременным — во-первых, внутри могли быть свои, а во-вторых, вполне могло статься, что посты давно расставлены...

Вступив в главный коридор, он обнаружил, что и входная дверь, и проход к тронному залу уже охраняются группами солдат с винтовками. Никакой враждебности они не проявляли и останавливать вошедших не собирались, но в освещенном помещении виконт и его соратники смогли наконец рассмотреть знаки различия и невольно замерли посреди коридора. Частично от неожиданности, так как

по всем имеющимся данным «Бойцовые коты» сейчас должны были находиться далеко на севере, а частично из опасения — не ждет ли их здесь засада. «Коты» подчиняются королеве, если они здесь — то понятно, с какой целью...

— Ну что же вы остановились? — В распахнутых дверях тронного зала опять возник все тот же гостеприимный господин, и теперь Бакарри его вспомнил. Капитан Шаббо, командир «Бойцовых котов». Входите.

Позиция была крайне неудачной как для сопротивления, так и для бегства (а последнее к тому же еще и

недостойно!), поэтому виконт махнул спутникам и с гордо поднятой головой двинулся вперед, навстречу неизвестности. В конце концов, если бы их хотели убить, то сделали бы это сразу. А если у него будет возможность высказаться, бояться нечего, ведь на его стороне правда! И если эти отважные ребята сейчас узнают все, что от них до сих пор скрывали, они сразу же поймут, на чью сторону им следует встать! Боги ведают, как воинственная вдова успела ворваться во дворец раньше законного правителя, но никаких прав на престол у нее нет, а власть, взятая силой, незаконна, дворянство не

поддержит узурпатора...

В зале тоже находилось несколько десятков вооруженных людей — часть несла караул у дверей, а часть плотным полукольцом окружила трон, около которого и стояла упомянутая вдова, небрежно облокотившись на спинку.

— Приветствую, господа, — с прохладным неодобрением произнесла она, не меняя позы — Для начала попрошу представиться и доложить о цели визита.

Кажется, она вознамерилась поиздеваться, вообразив, будто два ряда охраны обеспечивают полную безнаказанность! Но если она

рассчитывает этим простеньким представлением сбить противника с толку и заставить беспомощно хлопать глазами в растерянности, то она очень ошибается!

Виконт еще выше задрал подбородок и бесстрашно шагнул вперед.

— Вы не можете требовать у меня доклада или что-либо приказывать, — произнес он хоть и излишне резко для начала разговора, но решительно и уверенно. И вообще не имеете права здесь находиться.

— Это не вам решать, — холодно отозвалась королева, даже не шевельнувшись. — Поскольку у вас

еще меньше прав находиться здесь и раздавать указания.

— Сын предателя не наследует корону! — отчеканил Бакарри, с каждым словом чувствуя силу своей правоты. — В королевском доме Ортана есть более достойные наследники, и лучшие люди государства меня поддерживают.

— Я не предлагала корону вашим детям, тем более что у вас их нет. — Это прозвучало уже откровенно издевательски — видимо, на правду ей все же наплевать и ставка идет только на силу. — Как и прав на престол, что бы ни воображала себе свора бездельников, которые полгода

пьянствовали у вас в гостях, пока другие сражались.

Рыцари возмущенно загалдели — каждый счел своим долгом припомнить какое-то полезное деяние на благо державы, но, поскольку высказаться решили все одновременно, ничего вразумительного в их возражениях расслышать не удалось.

— Мы пришли сюда не затем, чтобы выслушивать оскорбления от языкатой стервы! — взорвался виконт, заглушив негодующим воплем нестройный ропот соратников, — Я заявляю о своем праве на трон Ортана как прямой наследник Деимара

Двенадцатого, а вы можете отправляться под мантию к Повелителю вслед за вашим мужем-изменником!

Вдова неторопливым плавным движением выпрямилась и как бы невзначай положила ладонь на рукоять меча, что давало надежду вытянуть ее на поединок. Ее люди, напротив, остались совершенно бесстрастны, и это означало, что переубедить их будет не так просто, как рассчитывалось.

— В двух фразах пять раз соврать — это надо уметь!

— Вы посмеете повторить свои слова, не прячась за спинами

обманутых вами солдат?

— А вы посмели бы повторить свою наглую ложь в глаза оклеветанному вами королю или вы способны только поливать грязью безответных покойников?

— Это правда, и я повторю ее сколько угодно и перед кем угодно! А вот вы, сударыня, осмелитесь выйти из безопасного укрытия и доказать свои обвинения как подобает дворянину и воину?

— Я бы с радостью нашинковала вас в любой конфигурации, как и подобает поступать с клеветниками и доносчиками, но Элмар так умолял сохранить вам жизнь, уверяя, что вы

не подлец, а просто дурак, что мне пришлось ему это пообещать. Хотя я с ним и не согласна. Что до ваших претензий к его величеству, милости прошу, можете их высказать.

Пылающий праведным гневом Бакарри повернул голову в указанном направлении и на несколько мгновений оцепенел, безнадежно потеряв инициативу. Рыцари опять возбужденно загомонили, кто-то потрясенно ахнул, а неожиданно воскресший Шеллар как ни в чем не бывало произнес, направляясь к месту действия:

— Мне кажется, ваше величество, вы все же ошибаетесь. Не пять раз он

соврал, а шесть.

— В таком случае, ваше величество, перечислите — мне любопытно, что я упустила.

— Во-первых, насчет измены. — Король шагал тяжело и медленно, заметно подволакивая правую ногу и опираясь на трость, но голос его не утратил былой мощи и внушительности. — Во-вторых, насчет моего местонахождения. В-третьих, насчет своего права на трон. В-четвертых, касательно того, что в настоящий момент этот трон свободен. В-пятых, насчет того, что его оскорбили, — в данных обстоятельствах оскорблением было

бы немедленное повешение без суда, а сказанная вслух неприятная правда оскорблением не является. И в шестых, он назвал вас стервой.

— Вот против этого я как раз не возражаю, — недобро усмехнулась Кира. — Когда надо, я могу быть и такой, и даже хуже.

За этой светской беседой Шеллар доковылял до трона и бессовестно уселся на него, положив трость на колени.

— Итак, меня здесь обозвали изменником, — произнес он, обводя зал внимательным взглядом, не сулящим ничего хорошего. — И кто — человек, который донес на меня

орденской контрразведке.

В зале воцарилась напряженная тишина, в которой было отчетливо слышно, как кто-то далеко в коридорах мелко топчет, затем спотыкается и вслух поминает едреных демонов.

— Это ложь! — выдохнул наконец виконт Бакарри, не найдя более убедительного ответа и не решаясь молчать далее, дабы не вызывать сомнений.

— Смелое заявление, особенно после того, как вы только что уверяли всех, будто я в данный момент нахожусь под мантией у Повелителя. Вы в состоянии доказать хоть одно из

тех сомнительных утверждений, что прозвучали здесь из ваших уст? Начиная с вашего якобы королевского происхождения и заканчивая моей якобы изменой? Хоть одно доказательство, хоть что-нибудь, кроме ваших слов?

— Предостаточно! — Это прозвучало уже уверенней, словно ошарашенный внезапным явлением покойника виконт все же нащупал уходящую из-под ног землю. — У меня есть все необходимые документы, подтверждающие мое происхождение, если вам так хочется в нем сомневаться. И я могу выставить достаточно свидетелей

вашего предательства, если вы действительно желаете справедливого суда.

Шеллар преспокойно откинулся на спинку трона, взирая на оппонента с насмешливым снисхождением.

— Во-первых, позвольте вас просветить: единственным убедительным доказательством принадлежности к королевской семье может служить только положительный результат генетического анализа, публично заверенный тремя магистрами соответствующей школы. В деле наследования престола никакие документы не котируются, а в вашем

случае особенно, поскольку ваш друг и советчик Астуриас большой мастер такие вещи подделывать. Во-вторых, позвольте полюбопытствовать: вы что же, возомнили, что вам кто-то позволит устроить «справедливый суд» по вашему сценарию и с угодным вам результатом? Вынужден разочаровать. Ваших свидетелей, так же как и моих, заслушают в ходе предварительного расследования, тогда и выяснится, кого из нас будут в итоге судить. Не знаю, кого вы намереваетесь привлечь в этом качестве, но уверен, что их слова мало будут значить против слов четырех королей, двух принцев и семи-восемью

придворных магов.

— Это только разговоры, — напряженно отозвался виконт, едва дослушав пространные разъяснения короля. — Я все равно убежден, что вы сознательно сотрудничали с врагом, и настаиваю на расследовании. И пусть все будет проведено как положено. А пока мы не выясним все досконально, ни вы, ни ваши потомки не имеют права занимать трон.

— Что ж, — пожал плечами Шеллар. — Пусть будет так. Но я, в свою очередь, обвиняю вас в том, что с целью узурпации власти вы написали на меня донос лично главе

департамента Безопасности брату Чаню, чем разоблачили меня и поставили под угрозу срыва операцию по устранению Повелителя, которую я в то время готовил. А также в том, что с вашего ведома и при вашем участии был составлен донос на принца-бастарда Элмара, что едва не закончилось для него плачевно. Посему протягивать руки к чужой короне вы тоже несколько поторопились. К тому же, расчищая себе путь к престолу, вы упустили два немаловажных момента. Во-первых, вы не единственный прямой наследник дядюшки Деимара и кроме вас имеются другие, признанные и не

запятнавшие себя сомнительными деяниями. А во-вторых, если бы вы потрудились хоть проглядеть договор о капитуляции, который я подписывал, вы бы заметили, что в нем ни слова не говорится об отречении или о чем-то подобном. Я ведь сам его составлял и позаботился о том, чтобы не создать себе проблем с возвращением. Поэтому прежде чем передавать корону кому бы то ни было, ее надо сначала официально снять с меня...

— Это можно! — перебил его разгневанный виконт. — И запросто!

— Да что вы говорите, — едва заметно ухмыльнулся его

величество. — Вы все-таки надеетесь, что раз ваши новые хозяева выкупили у ордена излучатели и теперь владеют ими сами, то вы можете смело сунуть мне белый шарфик и не допустить на разбирательство моих свидетелей? А о том, что само это разбирательство должно происходить в присутствии придворного мага, вы не подумали? И пока он не будет стоять вот здесь, рядом со мной, процедура не может даже начаться, а уж о результатах речи вообще нет?

— Какая наглая ложь! — задыхаясь от возмущения, выговорил Бакарри, оглядываясь на своих последователей в поисках поддержки.

— Что именно? — холодно уточнил Шеллар.

— Всё! Вы на ходу выдумываете несусветные бредовые обвинения, лишь бы заговорить всем зубы и отвлечь от собственных преступлений! Вы сами себе верите?

— Верить или не верить можно лишь в то, чего не знаешь наверняка. А я знаю всё. На кого работает Астуриас, кому он продал излучатели, на чем сторговался с оккупантами и где стоят телепорты его хозяев. А ваше «рекомендательное письмо», которое привело Элмара в ловушку, сейчас находится у Флавиуса. Который будет здесь, как только

установит контроль над зданием департамента. Если повезет, он даже отыщет оригинал доноса, на основании которого я был разоблачен и арестован. А вот что можете предъявить вы, кроме хорошо поставленного голоса?

Виконт на несколько мгновений запнулся, вспомнив, что предъявить действительно нечего, — до сих пор ему и в голову не приходило, что общеизвестные истины нуждаются в дополнительных доказательствах. Но замешательство не продлилось долго. Решение пришло внезапно и стремительно. Рывком сдернув с себя белый плащ, в котором он так

надеялся покрасоваться перед подданными, Бакарри свернул его жгутом и бросил в лицо королю.

— Считайте, что это шарф! — не сдерживая негодования, выкрикнул он. — Теперь можете сколько угодно затягивать процедуру низложения в ожидании вашего придворного мага, но с этого момента вы больше не имеете права здесь распоряжаться до самого завершения разбирательства. Вы этой страной больше не правите!

Шеллар поймал развернувшийся в полете плащ и аккуратно повесил на подлокотник.

— В целом вы почти угадали, — невозмутимо сообщил он, и, хотя

голос его остался бесстрастным, Бакарри непостижимым образом почувствовал, что противник доволен и удовлетворен. — Только маленькое уточнение — не с этого момента, а уже пару часов. И не из-за предъявленных вами обвинений, а по состоянию здоровья. Но, хотя вы и запоздали немного с разбрасыванием вещей, огорчаться не стоит. Я не имею намерений уклоняться от разбирательства, однако жду от вас ответной любезности.

— То есть?

— Если вы еще не забыли, вам тоже предъявлены серьезные обвинения. И до окончания

разбирательства вы точно так же не имеете права кем-либо распоряжаться и отдавать приказы. По уму, вас вообще следовало бы поместить под арест, но это пусть решит регент.

— Какой еще регент? Вы не имели права назначать регента единолично, его должно выбрать дворянское собрание!

— Вы считаете себя достаточно компетентным в законоведении, чтобы спорить со мной о юридических нюансах передачи власти? Во-первых, два часа назад я это право имел и надлежащим образом им воспользовался. А во-вторых, даже в этой ситуации я строго

следовал букве закона, который гласит, что в подобных случаях исполнять обязанности правителя должен законный наследник, следующий после меня в списке, но получивший право наследования не через меня.

Пока Бакарри пытался уяснить смысл этой чересчур мудреной фразы, более опытный в таких делах барон Сарси поспешил возразить:

— Но такого наследника не существует!

— Ошибаетесь. Их даже двое, но Элмар отказался, ссылаясь на необходимость участвовать в боевых действиях. Поэтому позвольте

представить вам принцессу Тину, законную дочь Деимара Двенадцатого, ныне не состоящую в браке.

— Но это противозаконно! — вскричал Бакарри, хотя на самом деле не имел понятия, как оно там на самом деле и почему такой умный и проницательный мастер Астуриас не учел сей катастрофический момент в своих расчетах. Просто почувствовал, что должен непременно что-то сказать, а если промолчит — это будет выглядеть так, словно он сдался и согласен. — Я протестую!

— В самом деле? — насмешливо ухмыльнулся Шеллар, поднимаясь,

чтобы уступить кухне место на троне. — Прочтите комментарии к первому разделу Гражданского кодекса и не позорьтесь. У кого-то еще есть возражения по кандидатуре регента, основанные на чем-то более достойном внимания, чем личные симпатии?

Разумеется, заранее изучить комментарии к первому разделу никто не озаботился, и возражений не последовало.

Принцесса опустила в кресло и откинула с лица покрывало.

— Я что-то пропустила? — поинтересовалась она, спокойным ясным взглядом изучая виконта и его

соратников.

— Самую малость, любезная кузина, — охотно отозвался Шеллар. — Вот этот господин, называющий себя вашим братом, обвинил меня в измене, я, в свою очередь, обвинил его примерно в том же самом, и, к моему сожалению, разбираться в этом безобразии придется вам.

— Что ж, разберемся. — Госпожа регент величественно кивнула кузену и опять перевела взор на Гейрана Бакарри. Судя по всему, распахивать объятия и признавать его братом в ее намерения не входило. — Виконт, прошу вас сдать оружие.

— Нет! — решительно заявил Бакарри и демонстративно сунул руки в карманы. Во всяком случае, он надеялся, что это выглядело как жест дерзости и неповиновения, потому что на самом деле в правом кармане камзола лежала странная гладкая коробочка, которую выдал ему мастер Астуриас вместе с аппаратом для связи. На всякий случай, как он сказал, если понадобится дверь вынести или если на врагов наткнутся. И настоятельно при этом предупреждал — сдвинув верхнюю пластину, отбежать как можно дальше, считая до десяти, после чего немедленно упасть головой в

противоположную сторону, потому что рванет будь здоров. Что ж, можно сказать, он встретил врагов. Вот только расстояние слишком мало, а за спиной две дюжины своих... — Не раньше чем вы отпустите всех моих людей. Или их вы тоже обвините в чем-то столь же несусветном?

Принцесса Тина едва заметно повела плечами.

— Если ваши друзья желают опять забиться в глухую провинцию и в безопасном месте продолжить рассуждения о судьбах отечества под бутылку сорельского, то они могут быть свободны. Если же они готовы сделать для этого самого отечества

что-то действительно полезное, пусть помогут паладинам поддерживать порядок на улицах. Прошу вас, господа, передайте мое предложение тем, кто остался снаружи, и пусть каждый для себя решит этот вопрос.

Она даже изъяснялась почти теми же словами, никаких сомнений — они сговорились заранее. Шеллар всегда славился хитростью и коварством, а также невероятной предусмотрительностью, было бы удивительно, если бы он загодя не позаботился о том, чтобы за «разбирательством» следили его люди и «разобрались», как выгодно ему. Надежды на справедливость нет,

сдаться сейчас — обречь себя на позорную смерть и бесчестье. Не дождутся они, чтобы наследник великих королей безропотно позволил себя унижить! Нет, он умрет достойно и с честью, прихватив с собой как можно больше врагов...

Он оглянулся, чтобы убедиться, что все друзья покинули помещение, и нащупал пальцами пластину. Сейчас, последние пятеро... и когда за ними закроется дверь...

— Ваше величество! — вдруг раздалось откуда-то со стороны королевского выхода. — Да пропустите же, это срочно! Он должен это видеть немедленно!

Бакарри стремительно обернулся, не веря своим ушам и все еще надеясь, что ему показалось, что это совпадение, что быть такого не может...

Увы, это действительно была она, эксцентричная дама с непостижимым даром околдовывать настойчивых собеседников и заставлять их умолкать, не находя слов. Вот и охрана не устояла — протиснувшись мимо растерянных солдат, госпожа Ольга уже спешила к центру событий, хотя на физиономиях присутствующих ясно читалось, что ее здесь не ждали и она вообще не должна была здесь появляться. Одной рукой она

придерживала живот, а в другой крепко сжимала довольно крупную черепаху, которая, по всей видимости, и являлась тем самым «важным».

Кира негромко выругалась.

На бесстрастном лице Шеллара появилось выражение обреченности с легким оттенком недовольства.

— Я не знаю, как он попал в мой сундук, — виновато затараторила Ольга, добравшись до короля и намереваясь сунуть ему в руки несчастное животное, — но я его только что там нашла. То есть, может быть, это и не он, но как-то бы надо проверить, потому что мне вот кажется...

Хотя бедняжка каким-то чудом сохранила жизнь, побывав в плену у чудовища, рассудок она, похоже, утратила...

— Ольга, — чуть ли не умоляюще произнес Шеллар, я ведь тебя убедительно просил не приходить сюда! Ты когда-нибудь доведешь бедного Кантора до стойкого психического расстройства! Это могло подождать еще пять-десять минут, пока мы здесь закончим!

— Нет! — с нездоровым пылом возразила она. — Я точно знаю, не могло! Я должна была прийти сюда немедленно и вам сказать! Обязательно должна. Извините, если я

вам помешала, но... это вот как раз то, о чем мы говорили.

— Хорошо, — терпеливо кивнул Шеллар, — я понял. Но, может быть, теперь ты нас оставишь?

— Нет-нет, не сейчас, чуть позже. Я тихонько постою вот здесь и никому не буду мешать...

— Тогда встань за спинкой и не высовывайся.

— Ты и ты, — быстро указала Кира, — прикройте ее с боков. Никто не нервничает, все под контролем... Ну а вы что застряли в дверях, будто вам тут цирк приехал?

Бакарри еще раз оглянулся на соратников, которые действительно

остановились в дверях — посмотреть, что происходит. Затем перевел взгляд на пустующий трон королевы, за спинкой которого послушно укрылась несчастная помешанная. Бесполезный кусок дерева, который не укроет и не спасет...

Медленно убрав пальцы с активатора, виконт вынул руки из карманов.

Он понимал, что лишает себя последней возможности сохранить честь и достоинство, но...

Есть вещи, которых человек просто не может сделать. Не может, и все, что бы ни стояло на кону. Потому что после этого уже не идет речь ни о

чести, ни о достоинстве — ты просто перестаешь быть человеком.

— Барон Сарси, — громко окликнул он. Даже излишне громко, так как боялся, что голос сорвется. — Вернитесь на минутку. Я не отдам врагу фамильный меч и не позволю, чтобы всякие мошенники шарили по моим карманам. Возьмите мое оружие и камзол. Кольчугу мне тоже снять или все же сохраним какие-то приличия?

— А что вы... — Любопытный нос все же высунулся из укрытия, и Шеллар уже с откровенным раздражением прикрикнул:

— Скройся немедленно!

Нос немедленно скрылся, а Бакарри невольно подумал, что этот наглец мог бы и повежливей обращаться с дамой, которая только что спасла ему жизнь.

Как она оказалась в этой избранной компании, почему ее пригласили на эту «встречу на высшем уровне» и кому конкретно она там понадобилась, Ольга так и не поняла. То ли Кира случайно по старой памяти прихватила не подумав, то ли король опять замыслил что-то хитроумное, то ли его кузина не разобралась, кто это и зачем, то ли просто решили, что раз Ольгины

способности стали так часто напоминать о себе именно сейчас, то она должна непременно быть в курсе всего происходящего, чтобы лучше понимать, что делается и какова ее роль во всем этом. С одной стороны, было ужасно неловко и боязно, а с другой это важное мероприятие выглядело достаточно безумным и без ее участия.

Место встречи выбирал король — никто другой не додумался бы впихнуться полным составом в его старый кабинет, а вот он как раз не нашел бы более подходящего помещения для беседы в узком кругу.

Свой стол и кресло он без

сожалений уступил принцессе Тине, сам устроился рядом с Ольгой в креслах для посетителей; один диван заняли Кира и два паладина, второй — мэтр Максимильяно, господин Костас и командир «Котов». Еще несколько не знакомых Ольге военных разместились на стульях, а в углу у самой двери пристроился Диего. Он все еще немного нервничал после Ольгиного внезапного явления в тронном зале, но зорко следил за всеми, не выпуская из рук оружия.

Первым делом всех друг другу представили, затем его величество, как обычно без долгих вступлений, перешел к делу.

— Прежде чем мы начнем обсуждать действительно важные вопросы, я попрошу мэтра Максимильяно в двух словах разъяснить сегодняшнее недоразумение с черепахой, иначе я умру от любопытства на радость всем врагам.

Маг устало потер лоб и грустно кивнул.

— Да, это действительно был мэтр Силантий. Он проходил мимо по какому-то делу, увидел, что идет переброска, подошел спросить, что происходит, потому что о предупреждениях забыл, как за ним это водится, и случайно попал в

телепорт. Уже здесь кто-то из посторонних, кто был не в курсе, случайно заметил его на полу. Так как рядом стоял Ольгин сундук, а он у нее не запирается, потому что замок еще весной сломали, парень логично рассудил, что черепаха выпала именно оттуда. И положил на место. Мэтр Силантий очень сожалеет.

— И вам ничего не показалось странным в этом объяснении?

— Ваше величество, я понял намек и совершенно с вами согласен, тем более что некоторые люди врать совершенно не умеют. А те, которые умеют, все равно умеют не в достаточной степени, чтобы успешно

соврать мне. Но конкретные подробности нам лучше обсудить приватно.

— Благодарю вас. А теперь можно и о деле.

— В Эгине и Мистралии все прошло по плану. В отличие от вас ваши коллеги не стали проявлять к изменникам излишнюю гуманность...

— Я их полностью одобряю, но у нас ситуация несколько другая. Если Кефтедес участвовал еще в прошлогоднем заговоре, а Астуриас вообще открыто служил семье да Коста, то мне досталась в противники орава молодых идиотов, которых втянули в заговор обманом. Причем

не самых худших, не трусов и праздных тупиц, а неплохих в целом ребят, которые действительно хотели сделать что-то стоящее, только не знали, что именно и как. Запереть их до дворе и расстрелять из пулемета было бы технически несложно, но кем бы я был после этого? Не говоря уж о том, что вместо нескольких сотен весьма условных врагов я получил бы втрое больше настоящих, убежденных и непримиримых, имеющих веские причины меня ненавидеть. Тысяча Кайденов. Не в ином мире, а у себя под боком. Мне это нужно, когда страна и так на пороге гражданской войны? У молодых идиотов есть

хорошие шансы избавиться от молодецкой дури и пересмотреть свои взгляды. У покойников — нет.

— Ваше величество, не надо меня так усердно убеждать, я с вами не спорю. Позвольте продолжить. Ни одной кабины в рабочем состоянии захватить не удалось. Доступ шел снаружи, и, как вы сами понимаете, все пришельцы успели скрыться, залив за собой помещение некой моментально застывающей массой. Мистралийские гномы подали идею расчистить все вручную, я не стал смеяться, чтобы не обидеть, но сами понимаете...

— Понимаю, охотно кивнул

Шеллар. — А вот вы как раз — не очень. Это гномы, мэтр. Не эльфы и не кентавры. Они — расчистят. По крошке, по пылинке, выскребут все дочиста, не повредив оборудование. Другой вопрос, что это займет много времени и его может не хватить, но попытаться стоит. Продолжайте, пожалуйста.

— У Элмара тоже все идет по плану, на следующей неделе они осадят Первый Оазис и, наверное, вскорости его возьмут. Наш агент ничего нового пока не сообщил.

— А вот это плохо.

— И еще одна плохая новость.

Астуриас все-таки ускользнул.

— Как? Нет, что Орландо натура возвышенная до полного отрыва от реальности, все и так знают, но с ним ведь был дон Мануэль! Он как умудрился прошляпить?

— Да никто ничего не прошляпил, Астуриас просто не явился. Всех, кто пришел с Торресом, положили прямо у парадного подъезда, не ушел ни один. Но Астуриаса там не было. Или почуял подставу, или просто повезло, дела где-то задержали. Я уже предупредил всех, кого мог, если он где-то вынырнет — его будут ждать. Но сомневаюсь...

— Правильно сомневаетесь, не

такой он дурак, чтобы сейчас выныривать. Если у вас все, перейдем к еще одной скверной новости. Что удалось выяснить о Флавиусе и его людях? Кто будет докладывать, граф Орри или господин Костас?

Глава департамента Порядка, выглядевший таким мрачным и расстроенным, словно эта история касалась его лично, принялся докладывать.

— Как выяснило предварительное расследование, в здание департамента кто-то успел забраться до них. Когда Флавиус со своими людьми туда вошли, их там встретили огнем с нескольких точек.

Кто именно это был — пока неизвестно; когда нагрянули паладины, гости быстро удрали, прихватив своих убитых и раненых. Похоже на местных уголовников, уж слишком шустро они скрылись, явно хорошо знают город, все входы-выходы и укромные норки.

— В вашем департаменте ничего подобного не происходило?

— Нет, мы без помех дошли до места и заняли здание. Сейчас мои люди проводят проверку всех офицеров, которые оставались на своих местах во время оккупации. Рядовые сотрудники работают в обычном режиме.

— А с Флавиусом что?

— Он пропал. Среди убитых его не нашли, живым тоже не объявлялся. Завтра я лично наведаюсь к Змее Шэ, может статься, ему удалось скрыться.

— Наведайтесь сегодня же. Если он действительно сбежал и это заметили, за ним начнется охота, и сами понимаете, где его станут искать прежде всего. Хотя лучшим вариантом для Флавиуса было бы укрыться здесь, во дворце, и, раз он до сих пор не объявился, боюсь, дело плохо. Письмо нашли?

Нет. Я бы и не особенно рассчитывал, его могли уничтожить еще при ордене.

Это единственное свидетельство лояльности Астуриаса, поэтому брат Чань должен был его непременно сохранить, чтобы иметь возможность обнародовать, когда придет время. И его преемник тоже был человеком неглупым и преданным ордену. Если только нежданные гости его не нашли, оно до сих пор где-то там. Поручите надежным людям как следует поискать.

Господин Костас молча кивнул. Мгновением тишины немедленно воспользовался не знакомый Ольге дяденька с моноклем в глазу и щегольскими усиками, который уже давно проявлял признаки нетерпения.

— Позвольте мне сказать! — вскинул он руку, словно школьник на уроке. — Это недопустимо. Всего час назад вы публично согласились с тем, что не имеете права распоряжаться, как как официально передали полномочия регенту. Но с самого начала заседания вы только и делаете, что принимаете доклады и отдаете приказы!

— Это был не приказ, а личная просьба, — без труда выкрутился король. — К тому же заседание пока не началось, а доклады касаются лишь тех дел, которые я начал еще до передачи полномочий и должен надлежащим образом закончить. Если

больше возражений у вас нет, сейчас моя уважаемая кузина откроет заседание и будет его вести...

— Есть, — тут же вставил дяденька. — Еще одно возражение. Несмотря на предъявленные вам обвинения, с которыми до сих пор не разобрались, вы присутствуете здесь как полноправный участник. Почему этого права лишен виконт Бакарри? Почему он сидит под арестом, а вы на свободе?

Его величество преспокойно обернулся к кухне и коротко поинтересовался:

— Мне уйти или пригласим виконта? При условии, разумеется,

что он будет вести себя прилично и воздержится от пафосных высказываний.

— С одной стороны, отсылать вас не имеет смысла... — задумалась принцесса. — Все равно потом придется посвящать вас в курс дела и практически повторять все заседание. С другой стороны, в присутствии вашего оппонента придется быть осторожнее в некоторых вопросах, так как все услышанное он донесет своим покровителям, едва получит возможность с ними связаться.

— Полагаю, последнее применимо и к настоящей ситуации, поскольку мы все равно пригласили

сюда барона Сарси, полковника Альбри и капитана Ванмера.

— В таком случае, граф, прикажите кому-нибудь из ваших людей проводить сюда виконта Бакарри и по пути кратко объяснить ему суть дела.

— А пока за ним будут ходить, хотелось бы услышать, каких таких «покровителей» вы тут постоянно поминаете. Если я не ошибаюсь, сегодня в зале звучало даже более оскорбительное определение — «хозяева».

— Охотно. Но все же давайте подождем, возможно, виконт тоже не знает, на кого работает Астуриас и

ради чьей выгоды все это затевалось. Надеюсь, хоть вы-то понимаете, что идея править спасенным отечеством не сама собой возникла в голове у вашего предводителя? Вы все же старше всех в этой компании, вам уже пора бы знать, что всякое движение в политике имеет причину, что в основе всегда лежат чьи-то конкретные интересы и что если вам кто-то предлагает поменять в стране власть, прежде всего следует задуматься: что он хочет с этого получить. Вы хотя бы знали, что под видом слепого среди вас скрывался беглый преступник, который разыскивался мистралийской короной за измену, подстрекательство

к бунту, похищение людей, покушения на убийство, кражу со взломом, шантаж... и еще кое-что по мелочи?

— Он представлялся несколько иначе. — По голосу барона трудно было определить, всерьез он это или настолько тонко иронизирует. — Но настоящее имя и лицо этого гостя знали только самые близкие, самые доверенные друзья виконта. И кстати, мастер не лгал касательно того, что его разыскивает орден, — я сам видел объявление о награде.

— Разумеется, разыскивал. О том, что он не предавал орден и не убивал мастера Ступеней, тоже знал очень узкий круг. Именно поэтому

для меня так важно было найти тайную переписку мастера Астуриаса с мастером Чанем, и именно поэтому я уверен, что последний не мог ее уничтожить. Он был профессионалом и не позволил бы себе просто так слить агента.

— Эту переписку Астуриасу могли просто вернуть по взаимной договоренности, — проворчал мэтр Максимильяно. — Хоть бы и сам Чань, пока был жив.

— Тогда он не послал бы своих головорезов искать ее в здании департамента.

— А вы уверены, что они искали, а не просто занимали здание?

— Расспросите подробнее паладинов, если есть сомнения. У меня сложилось впечатление, что кабинет начальника обыскивали по всем правилам, вопрос только, нашли ли искомое... Можете даже сходить посмотреть лично. У меня, к сожалению, не будет возможности покинуть дворец до окончания расследования, а вы не хуже меня сможете оценить обстановку в кабинете... О, а вот и наш последний участник. Теперь все в сборе и можно переходить к делу.

Несмотря на то что ответственный второй паладин наверняка объяснил виконту, зачем

его сюда привели, физиономия бедолаги выражала гордое неповиновение и готовность умереть за правое дело хоть сию минуту. Регент пригласила его сесть, и доблестный патриот торжественно водрузил себя на свободный стул все с тем же выражением лица пленного партизана на допросе.

— Как вы уже знаете, — начала принцесса, — я нахожусь здесь по просьбе кузена Шеллара, юридически все еще являющегося королем Ортана. Поскольку он предвидел, что его возвращение будет сопряжено с определенными проблемами, он попросил меня заменить его на

престоле на время... необходимое для разрешения всех существующих проблем. В официальной версии для подданных будет сказано «на время болезни», что не противоречит истине — у кузена и в самом деле до сих пор проблемы со здоровьем. Официально все указания, распоряжения и решения будут исходить от меня. Если мне в какой-то момент не хватит знаний или опыта, возможно, мне придется обращаться за консультациями к специалистам.

Особенно это касается военных действий, — ее взгляд устремился в сторону дивана, изнывающего под тяжестью двух паладинов, — и

финансовых вопросов. — Последовал едва заметный кивок в сторону Шеллара. — Если кузена не затруднит.

— Ничуть, — отозвался король. — Если документы мне будут приносить.

— А мы? — опять не смолчал дотошный барон. — Нашего мнения никто не будет спрашивать?

Принцесса с величественной неторопливостью повернула голову.

— При всем моем уважении лично к вам, барон Сарси, мне нужно выяснить некоторые вопросы, прежде чем я смогу доверять сторонникам виконта.

— А ему, — возмущенный Бакарри кивком указал на Шеллара, — 7 вы, значит, доверяете без всяких выяснений? Я так и предполагал, что вы сговорились заранее! И все это «расследование» будет подготовленным фарсом!

— Что касается кузена, у меня было достаточно времени и возможностей выяснить все раньше, — с достоинством ответствовала Тина. — Возможно, вы удивитесь, но он работал не один. В уничтожении двух излучателей и ликвидации Скаррона участвовали лучшие маги континента, правительства северных держав и две-

три общины гномов. За несколько лун, что я провела в Поморье, я успела не один раз поговорить со многими участниками этих событий, в частности, лично познакомилась с легендарным мэтром Вельмиром, много и близко общалась с Элмаром и своими глазами видела, что сделали с Шелларом палачи Повелителя. Если вы хотите пошатнуть мою уверенность, вам придется предъявить что-ни-будь... хотя бы не менее убедительное.

— И объяснить, почему ваши соратники открыли огонь по Флавиусу и его людям, — добавила Кира.

— Все мои соратники были со мной, — решительно заявил Бакарри. — И нечего приписывать нам все, что случилось в городе плохого.

— Как насчет ваших союзников? — поинтересовался Шеллар. — Вы хоть немного контролируете их действия или только выполняете все, что они вам велят? Или Астуриас вообще не посвящает вас в грязные подробности, опасаясь потерять свое влияние на вас?

— Я могу точно так же спросить у вас, не ваши ли люди расстреляли подпольщиков, — огрызнулся

упрямый наследник. — О том, что Флавиус должен был свидетельствовать в вашу пользу, мы знаем только с ваших слов. А на самом деле — может быть, это вам было выгодно его заткнуть? Достаточно вспомнить, как вы с ним повздорили на последнем дворянском собрании.

— Гейран, ты рехнулся? — озадаченно произнес граф Орри, ошалело уставившись на него и даже не замечая, что только что влез в разговор вперед короля. — Нет, ты мне объясни, откуда ты это взял? Я же не поверю, будто ты мог выдумать подобный бред самостоятельно, ради

того чтобы захватить власть.

— Вас здесь не было. И вы не знаете того, что знаю я. И человека, которого я к вам послал, чтобы предупредить, по всей видимости, не пожелали слушать.

— А, так этого идиота действительно послал ты? Мы решили, что это вражеский провокатор...

— Нет, это был мой человек. Что с ним случилось?

— Он еще не пришел в сознание, и целители очень сомневаются в прогнозе...

— Но почему, почему вы ему не поверили? Даже если у вас возникли

сомнения, почему даже не попытались проверить, а сразу набросились?

— Вообще-то мы собирались просто сдать его кому следует, но тут вошел Элмар... А этот болван его не заметил и продолжил красочно описывать его мучительную и позорную смерть. Наверное, из-за излишней красочности описания Элмар и разозлился. Ну, ты же знаешь Элмара...

Этого не может быть! Вас обманули!

— Кто обманул — Элмар?

— А это точно был он?

— То есть ты готов утверждать,

что мы все внезапно ослепли и не узнали нашего близкого друга, лишь бы не допустить мысли, что ты ошибся или получил непроверенную информацию?

— Тогда почему он не с вами? Почему вам его лишь изредка показывают и почему он не прибыл сюда? Он вообще настоящий или вам иллюзию показывают? Если, например, маги сговорились и решили, что этот король им подходит, каким бы он ни был, поэтому можно и покрыть его грязные делишки? Это вполне объясняет внезапное появление Элмара и столь же внезапное его исчезновение.

— Ну вот, — хмыкнул Шеллар, — теперь и маги у нас враги общества, и Элмар не настоящий... А завтра окажется, что и Элвис ненастоящий, и Александр встал из гроба, и с Пафнутием внезапно что-то случится... И все ради того, чтобы виконт Бакарри мог и дальше тянуть руки к чужой короне.

Я должен слушать эти оскорбления? — вспыхнул виконт.

— Я же ваши слушаю. — Его величество, как всегда, за словом в карман не полез.

— Господа, — голос регента был тих, но твердости в нем хватало на двух Элмаров, — не превращайте

совещание в скандал.

— Нам обещали разъяснить... —
опять напомнил барон, который,
похоже, не уступал в занудстве его
величеству.

— Да, конечно, — кивнула
печальная принцесса. — Прошу вас,
кузен Шеллар.

Его величество еще раз изложил
все то, что Ольга уже знала, — про
вмешательство ее родного мира, про
переговоры, заговоры и сговоры, про
излучатели и кристаллы к ним, про
грандиозные планы Астуриаса и его
боссов и про то, как замечательно эти
планы рухнули... Ну, почти рухнули.

— ...Вот только с одним он

ошибся, — заключил король, когда Ольгу уже начало клонить в сон. Все его расчеты строились на том, что меня нет в живых. Я очень старательно это скрывал, а сам в то же время вел свои собственные расчеты. С мечтами посадить в Ортане своего человека, — его величество неуважительно кивнул на конкурента, — мастер Астуриас и его хозяева могут расстаться. Подставлять под удар магов я запретил — они все остались на севере, и устроить за ними новую охоту не получится. А что до вас, виконт Бакарри, вам сейчас уместнее было бы убеждать всех вокруг не в моей якобы измене, а

В том, что обо всех недостойных замыслах вашего друга и советчика вы не знали, что искренне верили, будто спасаете королевство, а не продаете его пришельцам, и что вас бессовестно использовали, умело играя на ваших амбициях и вашей граничащей с глупостью доверчивости.

— Я вам не верю, — категорично заявил упертый виконт.

— Предпочитаете верить Астуриасу? Ваше право. Но запомните еще кое-что очень для вас важное. Сейчас у вас еще есть возможность оправдаться. Если вы ничего не знали и действительно верили — самое

время одуматься и пересмотреть свои прежние заблуждения. Если все знали и даже собственноручно писали упомянутый ранее донос, это не будет иметь для вас последствий, если вы скажете, где именно ваши новые покровители разместили излучатели. Но если мы найдем их сами, будет поздно спохватываться и раскаиваться. А мы все равно найдем их и уничтожим, как уничтожили остальные три.

— Я не только не знал, я до сих пор не верю, что это правда.

— Что ж, у вас еще будет время подумать над всем, что вы сегодня услышали. И заодно над тем, как вы

будете смотреть в глаза Элмару, особенно если окажется, что вы действительно братья.

— Так вы этого не отрицаете? — поспешил уточнить второй соратник «спасителя отечества».

— Чтобы отрицать или утверждать такие вещи наверняка, нужно иметь доказательства. Слухи доходили и до меня, но их никто никогда не проверял. Я охотно допускаю, что дядюшка имел внебрачных детей, которых по каким-то причинам не стал признавать. Я вполне принимаю за косвенные подтверждения внешнее сходство и фамильную дубовость — дядюшка в

свое время проявил такую же невосприимчивость к логике в вопросе с Комиссией. Но доказательства должны быть только прямыми и недвусмысленными и уж никак не основываться на эфемерных личных впечатлениях. Впрочем, этот вопрос о родословной виконта Бакарри имеет исключительно познавательное значение. Даже в случае подтверждения родства с королевской семьей права наследования он не получит.

— Вы говорите об этом так, будто лично будете это решать!

— Это будет решать закон о наследовании.

Уважаемый

претендент не получил королевского воспитания и проявил неразборчивость в средствах достижения целей, недопустимую для правителя. Права наследования лишают и за меньшее.

— О своих правах бы лучше задумались! — не остался в долгу уважаемый претендент.

— В отличие от вас я о таких вещах задумываюсь всегда и к тому же вовремя. Все, что я сделал плохого, можно будет обсудить открыто, и я не буду возражать, если по итогам обсуждения мне предложат попроситься с короной. Шпионаж — работа грязная и малосовместимая с

королевским достоинством. Мне приходилось очень много лгать, беззастенчиво пользоваться чужим доверием и даже собственноручно убивать. Дважды. Возможно, применительно к врагам в военное время это допустимо, возможно, для короля это недопустимо ни при каких обстоятельствах — у нас еще будет время в этом разобраться и принять решение. Потом, когда с меня будут официально сняты обвинения в измене и сотрудничестве с врагом.

— Если! — упрямо возразил ВИКОНТ.

— Я не обязан в своих высказываниях подстраиваться под

ваш образ мыслей. Если я считаю «когда», то и говорю «когда». А сейчас давайте обсудим более насущные вопросы, которых у нас слишком много, чтобы терять время на гипотезы и догадки касательно отдаленного будущего.

— Дворцовую стражу вернут на места в течение двух-трех дней, доложил второй паладин. — Прислугой можно будет заняться только после этого, потому что каждого будут проверять. О полиции уже докладывал господин Костас. На улицах относительно спокойно... если не считать инцидента с засадой в департаменте Безопасности. Как

теперь будут выходить из подполья остальные люди Флавиуса, учитывая то, что случилось сегодня... Я не знаю. Вы можете что-то предположить?

— Скорей всего, выждут несколько дней, убедятся, что королевская власть восстановлена, и выйдут сами, — предположил король. — Но нападение на департамент надо тщательнейшим образом расследовать, профессионально и по всем правилам. Возможно, удастся все-таки выяснить, кто же были эти загадочные гости.

— Да, это действительно важно, — поторопилась поддакнуть

госпожа регент, спохватившись, что это же она должна тут приказывать. — И еще нам нужно восстановить столичный гарнизон и возобновить патрулирование дорог, пока там не развелись разбойники. Сообщение столицы с провинциями и в особенности безопасность торговых путей тоже очень важны.

— А вот пусть его величество теперь вспомнит, зачем наш гарнизон расформировал, — подал голос офицер, сидевший рядом с бароном. — И куда рассовал личный состав.

— Полковник, у меня никогда не было проблем с памятью,

невозмутимо откликнулся король. — Я прекрасно помню, кого и куда, и сегодня же вечером составлю список всех групп с указанием текущего местонахождения. А вопрос «зачем» считаю глупым. Вы предпочли бы оказаться под командованием наместника, который на второй же день послал бы вас воевать против своих?

— Мы бы не пошли! — гневно сверкнул глазами офицер.

— Именно это я и предвидел. И теперь мы можем просто собрать ваших людей и восстановить подразделение в прежнем виде, а не набирать новых взамен

расстрелянных. Вас чем-то не устраивает такой результат?

— Хорошо, с этим мы решили, — поспешно перебила обоих принцесса. — Что у нас в казне?

— Собрать все руководство казначейства, кто остался из старых, и со всеми документами — ко мне, — коротко и деловито сообщил Шеллар. — Надеюсь, за день-два удастся разобраться. Жаль, что я не смогу сходить и посмотреть лично...

Ольга украдкой протерла глаза. Она все меньше понимала, зачем ее позвали на это правительственное совещание, где она едва успевает понимать, о чем идет речь, не говоря

уж о том, чтобы участвовать. Да и что умного она может вставить в разговор людей, лучше ее знающих, как что делается? К тому же ей давно хотелось спать — ведь разбудили ее вместе со всеми в два часа ночи, — а в процессе обсуждения и есть что-то захотелось... Следующие два часа она еле высидела, все свои силы сконцентрировав на том, чтобы не зевнуть ненароком. Думалось же ей в это время о вещах далеких от обсуждаемых.

Например, о том, что от ее способностей одни неприятности, и эта афера с черепахой обязательно всплывет — а как же иначе, если его

величество сразу сообразил, что тут нечисто, а мэтр Максимильяно вмиг просек, кто где соврал, — раскрутят моментально, как только свободная минутка выпадет. Надо попытаться хотя бы Киру не впутывать, не хватало, чтобы они с Шелларом из-за этого поссорились... И почему так нужно было обязательно вломиться в этот зал? Что такого особенного именно в ней? Почему во сне, когда она не смогла прорваться через охрану, в зале рвануло, а в реале, когда она таки прорвалась, все прошло тихо? Она же ничего не сделала, только душой себя выставила, как обычно. Какое такое особое

сакральное значение могло иметь присутствие в зале одной конкретной дуры? И ведь это еще не все, не успела с этим сном разделаться — опять здрасте пожалуйста! На бедного короля будто сама судьба ополчилась, чтобы уделать его не мытьем, так катаньем! Зачем снилась высоченная лестница, по которой ей надо зачем-то вскарабкаться, а это тяжело, и она не хочет, и вроде как радостно уходит, когда ей предлагают обойтись без этих экстремальных подвигов... А потом опять беготня, и плач, и обрывки разговоров... «Снайпер... через окно...» Да что она-то может сделать при таком раскладе? Бегать за

королем и закрывать окна? И к чему была эта лестница?

Когда принцесса Тина объявила наконец, что все уже обсудили и можно расходиться, Ольга едва не вскочила первой, но вовремя вспомнила, что это будет невежливо и некрасиво. Не говоря уж об этикете.

— Остался еще один вопрос, — напомнил король, который давно уже измаялся, жуя пустую трубку, и наверняка тоже из-за Ольги — всех остальных он бы преспокойно окурил без особых угрызений совести. — Куда именно мы будем расходиться и в каком качестве. Само собой разумеется, что вы, дорогая кузина,

как глава государства должны занять мои бывшие апартаменты. Кира может вернуться в свою комнату. Личный состав командиры тоже найдут где разместить — дворец большой и места в нем достаточно. А вот мы с виконтом... У вас есть идеи, где мы будем содержаться и в каком качестве?

— Предварительно я предполагала заключить его под стражу, а вас оставить во дворце, — осторожно высказала свою идею принцесса. — Будут другие предложения?

Первым посыпались не предложения, а возмущения — как

так, спасителя отечества под стражу, а изменника во дворец! Затем последовала серия противоположных — доносчикам и узурпаторам самое место в департаменте Безопасности, а короля, в чем бы его ни обвиняли, можно содержать только под домашним арестом в его собственных покоях.

— Господа, вот только не надо опять! — Шеллар чуть возвысил голос и для пущей звучности вынул изо рта несчастную изгрызенную трубку. — Вы совсем не о том думаете и не из того исходите. Во-первых, мы должны находиться в хотя бы примерно равном положении, поскольку иначе

это будет выглядеть предвзято. Во-вторых, как вы сами понимаете, ни виконт, ни тем более я сбегать не собираемся — ведь побег будет признанием вины. Поэтому наше заключение будет скорее символическим и охранять нас нужно по совсем другой причине. Вы ведь прекрасно понимаете, что господа, которым очень не хочется вновь видеть меня на троне, воспылают желанием отправить меня туда, куда не сумел отправить Скаррон. И могут проявить в этом деле поразительную настойчивость. С другой стороны, они наверняка заинтересуются судьбой своего подопечного и обязательно

пожелают с ним связаться, чтобы выяснить обстановку и дать ему инструкции. А с третьей — вполне может статься, что они в нем разочаруются и решат, что соратник, сохранивший остатки чести, им не подходит в силу излишней щепетильности. Сегодня он не смог поднять руку на беременную женщину, завтра не найдет в себе сил удавить младенца, а там, глядишь, и более великих надежд не оправдает. Поэтому я бы рекомендовал и его охранять как следует. В-третьих — и это уже моя личная просьба, — я бы хотел, чтоб нас поместили где-нибудь рядом, чтобы иметь возможность

общаться. Да и охранять так удобнее.

— Ты что! — вскинулась Кира. — Он тебя сам убьет!

— Это не в его интересах, — возразил король с такой укоризной в голосе, словно любимая жена сказала совершенно детсадовскую глупость.

— А если он потом скажет, что ты его довел до бешенства своими утонченными оскорблениями и он потерял над собой контроль, хотел тебя только стукнуть и совершенно нечаянно стукнул сильнее, чем собирался?

— А пусть не оскорбляет! — вмешался обиженный подозрениями виконт. — Я не буду сидеть с ним

вместе где бы то ни было! Он ведь нарочно доведет меня до того, что я его ударю, а потом этим воспользуется!

— Чтобы ничего подобного не случилось, — все так же невозмутимо продолжил король, — пусть все наше общение происходит в присутствии третьего лица, чтобы ни один из нас не мог намеренно провоцировать конфликты.

— Да ведь все ваше общение — один сплошной конфликт! — горестно развела руками Тина. — Где же вам взять такое «третье лицо», чтобы ваш конфликт не закончился дракой двое на одного? Ведь любой

на чью-то сторону да встанет.

— Вот, например, Ольга. — Его величество повел трубкой в ее сторону, и тут Ольга наконец поняла, к чему все шло и зачем ее сюда притащили. — Уж она точно не полезет в драку. И оскорблять никого не станет, потому как женщина добрая и вежливая. К тому же она тоже свидетель по делу и нуждается в охране, ведь в отличие от остальных свидетелей она не сможет за себя постоять в случае чего. Мне бы не хотелось, чтобы Ольга повторила судьбу Флавиуса.

— Как? — Благородное негодование на лице виконта Бакарри

сменилось растерянностью на грани ужаса. — Дама будет сидеть вместе с нами?

— Да что вы так кипятитесь, будто мы будем сидеть все втроем в камере департамента? — поморщился король. — Во дворце полно свободных помещений. На третьем этаже пустуют бывшие покои придворных дам. Целый ряд отдельных комнат и общая гостиная...

Ольга вспомнила Харгана, и ей стало даже жаль наивного спасителя отечества, все еще не подозревающего, зачем на самом деле его величеству понадобилось с ним общаться.

— В северной башне точно так же пустуют покои и лаборатория придворного мага. Вот только высоко там... С одной стороны, безопаснее с точки зрения стрельбы по окнам, с другой — подниматься в эту башню не для всякого здорового человека легкая задача, а нам с Ольгой... Ну, допустим, я не буду оттуда спускаться вообще, но она-то не под арестом...

— Нет-нет! вскрикнула Ольга, до которой внезапно дошло, к чему ей снилась эта чертова лестница. — Ни в коем случае!.. В смысле, обязательно! Безопасность важнее всего, а к лестницам я в Поморье привыкла. Лучше лишний раз напрячься, чем

подставляться под пули. Нет, правда, ваше величество, я настаиваю на башне.

Шеллар остро прищурился в ее сторону, закусив трубку.

— Один вопрос. Только честно. Твое предложение продиктовано лишь самоотверженной заботой или у тебя есть иные основания настаивать?

— У меня есть иные основания, — с жаром подтвердила Ольга. — Я просто не успела вам об этом рассказать, но позже расскажу, и вы поймете.

— В таком случае у меня нет возражений. Кузина?

— Если ты полагаешь, что вы

сможете мирно сосуществовать... — Госпожа регент честно сделала вид, будто сомневается и раздумывает, но видно было, что она тоже обо всем догадалась и уже готова отдать беднягу Бакарри на ощипание, распотрошение и съедение с костями.

— Мы оба воспитанные, цивилизованные люди, не обделенные чувством собственного достоинства и самообладанием. Тем более с нами будет дама.

— Вы даже не задумались, как это скажется на ее репутации! — сделал последнюю попытку вырваться обреченный «сокамерник», нутром чуя подвох, но не в силах разобраться

в его сути. — И даже не поинтересовались мнением ее супруга!

Ольга едва сдержала истерический смешок. Она вообще с трудом представляла себе, что можно такого выдающегося отчебучить, чтобы еще сильнее уронить ее репутацию. Проживание в соседних комнатах с мужчинами на подобное не тянуло, даже если у них и вправду будет общая гостиная.

— Если б у меня были возражения, я бы не ждал, пока меня об этом спросят, — огрызнулся Диего. Похоже, он все-таки уже знает о ее выходке и крепко сердит... Неужели

король настучал лично? Хотя и без него было кому...

— Я не думаю, что всего лишь соседство с двумя благородными кавалерами может повредить репутации, — заверила Ольга, надеясь, что на этом у виконта возражения закончатся и можно будет наконец пойти отдохнуть. Хоть она и представляла себе примерно, что сделает с оппонентом король за неделю-другую совместного заключения, но не сомневалась, что так будет лучше для всех, в том числе для самой жертвы.

ГЛАВА 4

*«В лучшем случае —
два года со строгой
изоляция, — подумал
Кислярский, начиная
дрожать. — Зачем я сюда
пришел?»*

*И. Ильф, Е.
Петров*

Верхний этаж Северной башни, на котором их разместили, оказался даже выше комнат придворного мага. Скорей всего, там располагались какие-то кладовки или комнаты для

прислуги, поскольку даже туалет и ванная, как заметил виконт, размещались этажом ниже.

С небольшой, в пять-шесть локтей, деревянной площадки вели четыре двери: с одной стороны — в его комнату и в Ольгину, с другой — в комнату Шеллара, с третьей — в гостиную или столовую, да так ли важно название этой несчастной комнаты на фоне разрушенных планов, утраченной мечты и торжества несправедливости?

Всю вторую половину дня виконт Бакарри провел в тишине и одиночестве — уставшая дама до вечера отдыхала, а Шеллар с головой

погрузился в бумаги казначейства, которых ему приволокли четыре огромных ящика.

Сам же виконт предавался безрадостным мыслям, искал правильные слова для грядущего поединка с самым скользким и хитрым законником королевства, сочинял речи и придумывал блестящие ответы к сегодняшнему спору, который, увы, закончился, из-за чего оценить запоздалое красноречие было некому. Ужин ему принесли прямо в комнату, объяснив, что соседи выходить не собираются, поэтому накрывать стол в гостиной нет смысла, да и обстановка не

располагает.

Тишина и покой закончились ближе к ночи, когда узник решил, что какие бы мрачные предчувствия ни одолевали его, спать все же надо, и честно попытался выспаться. Вот тут-то и оказалось, что комнаты над магической лабораторией оснащены хитрой вентиляционной системой, через которую до соседей добирается не только дым королевской трубки, но и разговоры — если, конечно, не приглушать голос и говорить достаточно громко. А именно в этот вечер в соседних комнатах не просто говорили громко, а местами даже орали, потому что и слева, и справа

одновременно разгорались две семейные сцены.

— Ты окончательно (неразборчиво по-мистралийски), такое творить? Мы же договаривались, что ты никуда не лезешь, сидишь тихо и просто присутствуешь! Король мне клятвенно обещал! Нет, тебе непременно надо было впереться именно туда, где было опаснее всего, где шла самая разборка!

— Диего, не делай из мухи слона! Там просто разговаривали!

— (Неразборчиво по-мистралийски) «просто разговаривали»! Да как раз в тот

момент, когда ты вломилась, там самый (неразборчиво по-мистральски) заваривался! Там счет шел на секунды, я уже почти начал давить на спуск, и тут меня вот так отвлекают!

— Но тебе же все равно не пришлось стрелять, чего ты теперь психуешь?

— А если бы пришлось и я бы опоздал? Или промазал?

Слева тон разговора был пониже, но поставленные голоса королевской четы без труда могли соперничать с криками справа.

— Брось искать заговоры там, где их нет! Это действительно получилось

случайно!

— Кира, это ты можешь рассказывать кому-то попроще, но не мне. Мэтр Силантий — никудышный обманщик, а об Ольге и говорить не стоит. У нее на лице написано, когда она врет. Она не случайно вломилась в зал.

— Знаешь, мне без разницы, случайно или нет, главное — все прошло тихо, мирно и аккуратно, а ты еще чем-то недоволен.

— Я недоволен твоим участием в этом безобразии, это во-первых. А во-вторых, я недоволен тем, что меня обманули. И в-третьих...

Его заглушил вопль из-за правой

стены:

— Ты хочешь, чтобы я все-таки рехнулся когда-нибудь окончательно из-за твоих подвигов?

— Ты чего на меня орешь?

— А как, как мне еще объяснить, чтобы ты поняла: если тебе говорят, что там опасно, просто прими это как данность, потому что сама ты не можешь оценить реальную опасность!

— Вот именно сегодня и именно там я все оценила правильно! Потому что я знала, что надо было сделать! А ты попробуй все же понять, что у вас ничего не случилось именно потому, что я вломилась!

Да что ж у них там творится...

— Кира, я знаю Ольгу даже лучше тебя. Она не смогла бы сама придумать такую комбинацию.

— Вот именно, поэтому я и говорю, что никакой комбинации там не было!

— Ты упускаешь один важный факт, который выдает вас с головой. Ее не остановила охрана.

— Ну и что? Может, они просто побоялись останавливать ее силой. Они тоже люди.

— Они даже не пытались. Они ее просто пропустили. И мне нетрудно догадаться, кто отдал им такой приказ. Тот же, кто придумал весь этот цирк с черепахами. Кира, я не

требую от тебя признания. Я просто ставлю тебя в известность, что все знаю.

— И ошибиться ты никак не мог, конечно же, ты же никогда не ошибаешься!

Может, правильнее будет заткнуть уши? Или выйти, постучать и попросить потише?..

— Да нет, это вы, чертовы упертые ишаки, не можете понять, что все мои сны требуют только моих действий, а все, что пытаетесь сделать вы, ничем не поможет и на фиг не нужно! И сто раз уже говорила, если бы я затеяла что-то реально для меня опасное, мне бы тут же прилетело

предостережение, что этого делать нельзя!

— А если ты неправильно истолковала этот сон? А если предостережение просто не успело присниться?

С другой стороны... подслушивать, конечно, недостойно, но, может быть, удастся узнать что-то об их планах, что-то полезное?..

— Ты сам виноват, что тебя приходится спасать против твоей воли. И твоих претензий по этому поводу я не принимаю.

— Мне ничто не угрожало, все было под контролем. Вы только напрасно подвергли риску Ольгу и

на смерть перепугали Кантора.

— Шеллар, ты все-таки определись: либо ничто не угрожало, либо подвергли риску. Вы находились рядом, и быть такого не может, чтобы опасность грозила только Ольге, а тебе — нет.

— Никакого противоречия. Некоторая степень риска присутствовала, но для меня она допустима. А вот Ольгу не следовало подвергать даже малейшей, даже самой маловероятной опасности. Я дал слово Кантору, свое честное слово, а вы его нагло нарушили за меня. Нет, совесть моя, конечно, чиста, но Кантор мысли не читает, и

его доверие я потерял окончательно. Вашими стараниями.

То, что хоть кто-то перестал ему верить, — это, конечно, хорошо, но извлечь пользу из размолвки двух недовольных мужчин в соседних комнатах вряд ли получится. Слишком уж личный вопрос. Да и непонятно, что же там все-таки произошло. Вроде бы получается, что Ольга проникла в зал без разрешения, причем сознательно и с конкретной целью — спасти Шеллара. От чего?

— Там все было предусмотрено! Его и без тебя охраняли со всех сторон! Если бы они полезли в драку, их бы там положили двумя залпами,

ты видела, сколько «Котов» там стояло в полной готовности?

— В моем сне был взрыв. Значит, это была не драка.

— Да даже если бы этот идиот приволок с собой бомбу, у него все равно ничего бы не вышло! Я лично за ним следил, у меня был четкий приказ — стрелять, едва он рыпнется! Когда он руки в карманы сунул, я с него глаз не спускал, и если бы он потянул из кармана хоть что-то...

— Ага, молодцы вы с королем, все предусмотрели! Мы же не знаем, что у него было и как оно включалось! Ты понимаешь, что если бы он активировал взрывчатку, не вынимая

из кармана, то уже по фигу было бы, застрелишь ты его потом или нет, — все равно бы рвануло!

— Ну а ты-то тут при чем? Если бы он собирался это сделать, что бы могла изменить ты? Не хочешь же ты сказать, что у него совесть проснулась и он тебя пожалел? Он родного брата ордену сдал, чтобы вдруг властью делиться не пришлось, и не почесался! А тут вдруг такую слабость себе позволил!

— Не знаю! Я вообще ничего не делала и до сих пор не понимаю, в чем тут фишка, но одно я знаю точно: во сне, когда я не смогла прорваться в зал, все погибли. А наяву, когда

смогла, — ничего не случилось.

Так вот в чем дело... Мастер Астуриас еще весной предполагал, что у нее появились магические способности, и как же он был прав! Но толку от его правоты сейчас, когда даже не доверяющий королю мистралиец убежден, что Элмара сдал брат, а не кузен, и попробуй теперь докажи, что...

Виконт вдруг похолодел от ужаса, поняв, что, откуда бы ни пошел этот оскорбительный слух, опровергнуть его будет практически невозможно, потому что это правда! Нет, он не писал доносов, ничего не передавал Элмару лично из рук в

руки, и доказать обратное будет невозможно, но ведь он знал, что отправляет его на смерть! Он не смог бы убить брата, но сознательно согласился с идеей позволить ему погибнуть самостоятельно. Чтобы властью не делиться, точнее не скажешь. Боги, как же он дошел до подобной подлости?..

— А о Канторе вы хоть на мгновение задумались? Кира, ты же знаешь, что он пережил этой весной, когда Ольгу считали погибшей! Не может быть, чтобы никто не проболтался. И о том, что он рассудком подвинулся с горя, тоже ведь знаешь, правда? А о том, что

сегодня он тоже был там, в зале, ты знала? Что он сидел на снайперской точке и все видел! Ты представляешь хоть на мгновение, что бы было, если бы с Ольгой что-то случилось у него на глазах? Если тебе настолько наплевать на него самого, вообрази себе на мгновение полностью рехнувшегося снайпера с оружием и хорошим запасом патронов.

— Шеллар, — устало вздохнула королева, — я тебя уверяю, если бы Ольга не явилась туда, мне уж точно было бы не до него. Ты еще, может быть, воспарил бы над получившейся кучей мяса в виде призрака и смог бы посмотреть на реакцию Кантора, а я

— вряд ли.

— Мне никто не сказал, что там должен был погибнуть еще кто-то кроме меня! Даже Ольга не сказала!

— Ольга справедливо рассудила, что это будет бесполезно — ты просто уберешь с места действия и меня. И будем мы, по ее весьма точному выражению, как две дуры, сопلي размазывать. Если желаешь, я объясню все Кантору, извинюсь перед ним и попрошу меня понять. А сам смирись все-таки с тем, что некоторые операции могут разрабатываться без твоего руководства и даже без твоего участия и самым противоестественным и

возмутительным образом успешно осуществляться.

На этом обе семейные сцены утихли, хотя терзаемый муками совести виконт Бакарри ничуть этим не утешился. Даже известие о том, что его чуть было не застрелили, не вызвало ни обиды, ни возмущения.

Слева некоторое время доносился плач и негромкие, неразборчивые слова утешения. Потом стихли и они. А вот справа примирение супругов прошло настолько активно, что сосед немедленно пожалел, что не объявил о повышенной слышимости с первых же слов. Нет, идея выведать новую информацию была, конечно, неплоха

сама по себе, но какая польза ему от знания, что Шеллар и его жена друг друга обожают, что ее величество предпочитает быть сверху, а у ее хромого супруга при этом ничего не болит, честное королевское слово...

В отчаянии он накрыл голову подушкой, заткнув уши, но уснуть все равно не смог, даже когда за стенкой все закончилось и посетители ушли.

Одна мысль возвращалась и возвращалась с упорством назойливой мухи. «Я не убивал брата, но я охотно позволил ему умереть».

А потом он вспомнил о сегодняшней перебранке на совещании и подумал, что ему больше

совсем не хочется верить в свою собственную правоту, которую он с таким жаром отстаивал, а хочется надеяться, что прав был граф Орри. Что Элмар и в самом деле жив, что это не обман и не иллюзия, что он действительно спасся... Пусть даже он сам при этом будет выглядеть лжецом или болваном, это все же не так невыносимо, как сознавать себя убийцей и предателем...

Кончай психовать, — зло бросил Санчес, невольно провожая взглядом Астуриаса, нервно меряющего шагами комнату. Туда — обратно... — Мы тут сами не можем понять, кто и где

слажал. И ты не строй из себя единственного непонятого гения в спецшколе для умственно отсталых, наше начальство считает, что ты облажался вместе с нами и в той же степени.

Откуда они узнали? — не внял совету Астуриас, которого все еще трясло от возбуждения. Уже два дня — ровно столько он добирался до Аррехо. — Они не могли так точно все рассчитать наугад, кто-то слил им информацию во всех подробностях!

Это и без тебя поняли. А вот кто именно? Если хочешь считать себя умнее всех, ответ сначала на этот вопрос.

— Может, и отвечу... —

Одноглазый все же перестал метаться (или просто устал наконец) и рухнул на ближайший стул. — Но мне нужна кое-какая дополнительная информация. Я видел лишь, как из ворот дворца выносили убитых и как оцепили набережную. Об остальном только догадываюсь.

— Если догадываешься, что наши планы провалились не только в Мистралии, то догадываешься правильно, — мрачно вздохнул Санчес, уставившись в темный монитор.

— Сценарий везде один?

— Примерно.

— Кроме меня кто-то выжил?

— В Ортане обошлись вообще без стрельбы. Бакарри арестовали, остальных вообще отпустили. Вернее, взяли под свое командование.

— И эти идиоты пошли?

— А что тебя удивляет. Сам же сказал — идиоты. Куда их направят, туда и идут. Будь они умные, и к нам бы не пошли.

— Откуда сведения?

— От этих же идиотов. Их никто не обязывал хранить тайну, они тут же начали трепаться. Да и официально еще вчера объявили. Кстати, ты на стуле прочно сидишь?

— А что?

— Шеллар вернулся. Живехонек, гад.

— Вот сволочь! — взвыл Астуриас с чувством, какому даже взыскательный маэстро Карлос аплодировал бы стоя. — Ведь даже я поверил!

— Я вот тоже третий день голову ломаю: где мы прощелкали?

— А ты вспомни, кто нам первым об этом сказал.

Крепыш напряженно наморщил лоб, выуживая из памяти нужный разговор. Затем ошалело воззрился на собеседника.

— Не может быть! Он же посвящение прошел, он никак не мог

переметнуться!

— Ну, это своего Повелителя он пробросить не мог, а нас-то запросто, но дело не в том. Я имел в виду, что его прокатили первым. Ты вспомни, что он пытался сказать перед смертью.

— Что-то про болото и комаров... Ага, и еще про Шеллара и предателей.

— Вот именно. До него дошло с запозданием, что его обули с этим якобы призраком. И отравили там же. Но кто тогда мог что-то понять... Нет, ну какая ж хитрющая сволочь, а! Теперь-то я не удивлен, что они знали даже точное время операции, причем

с учетом непредвиденной задержки. Если там работал Шеллар, я готов ручаться, что эту задержку он сам и организовал. Но вот как, как он это сделал?

— Единственная версия, которая хоть на что-то тянет, — дед Макс кого-то из наших незаконно просканировал. И память потом потер. Но проверить это никак нельзя.

— Может, и Макс, — согласился Астуриас по недолгом размышлении. — Или нас сдал кто-то из наших же. Из местных.

— Кто, например?

— Можешь перечислить выживших?

— Да запросто. В Эгине и Мистралии не выжил никто, в Ортане выжили все.

— И Алиса?

— Так она же никуда не ходила, сидела дома.

— И Джемайла не тронули? Если там был Шеллар, он должен бы мигом сообразить, что к чему, и упечь его вместе с Бакарри.

— А Джемайл тоже с ними не пошел.

— Так, это отлично, но если он жив и вне подозрений, почему он сидит на заднице вместо того, чтобы работать? Два дня прошло, а он даже не наведалься обстановку выяснить! —

Астуриас взглянул на часы и немного умерил пыл. — Ладно, сегодня уже поздно, и я устал как собака, дай что-нибудь пожрать, да я спать пойду. А завтра уже наведуясь в Даэн-Рисс, разберусь в обстановке, и будем что-то делать.

— А там еще что-то можно сделать? — слегка удивился Санчес, распахивая холодильник.

— Скорей всего, да. Хотя Шеллар и живой, положение у него шаткое, побороться еще можно. Тем более он такую глупость сделал, всех в живых оставил.

— Тут я бы с тобой поспорил. Если бы он их так же тупо

перестрелял, как его южные коллеги, он бы свое положение только расшатал еще больше. Нажил бы себе врагов среди дворянских семей, и это в такой момент, когда ему как никогда нужна поддержка. Нет, тут либо он прав, либо ситуация просто безвыходная, когда оба варианта хуже... Только концентраты, будешь что-нибудь?

— Давай что есть, — проворчал Астуриас. — Ну, хоть что-то хорошо складывается. Правда, Шеллар славится умением в таких случаях найти третий вариант. Кстати, насчет нашего придворного мага, который со своим иммунитетом к излучению

может нам еще не так подгадить. Кажется, вы собирались от него избавиться еще луны три тому назад. Почему он до сих пор под ногами путается?

— Тогда не вышло ничего. Как только запахло проблемами, налетели и эльфы, и его сородичи и прижали всю верхушку не только нашей лавочки, но и координационного центра заодно. Их начальник обделался жижее всех, хотя и ни при чем был, и про нас не в курсе. Спустил указание Макса не трогать, потому что он, дескать, подпольные кабины вот-вот найдет, а кто ему хочет помешать — тот, значит,

запроданец вражеский и саботажник. Попробовали надавить по правительственным каналам — ничего не вышло. Его «глаз Дира» срисовал, и он теперь за свою шкуру больше боится, чем за карьеру.

— А по-другому надавить? — Мистралиец поднял взгляд от пластиковой коробочки, содержимое которой изучал с откровенным недоверием и подозрением, не торопясь тянуть это странное нечто в рот. О сложных взаимоотношениях Кантора с иномирской едой он, разумеется, не имел понятия, но нюх вполне компенсировал недостаток информации.

— По-другому — пришлось бы светить конкретных людей, а где гарантия, что он с перепугу их не сдаст? Поэтому давили аккуратно, брали измором. Вот как раз на той неделе он наконец понял, что между двух огней долго не провертится, и залег на три месяца в больницу лечить какую-то загадочную и внезапную хворь. Теперь можно будет и за Макса взяться. Компромата нарыли заранее, на увольнение, может, и не потянет, особенно если эльфы опять вмешаются, но на временное отстранение точно хватит.

— Проще было пристрелить еще летом, — вынес свой вердикт мастер-

вор и все-таки решился попробовать.

— Опять умнее всех зарисовался, — агрессивно выпятил челюсть агент Сидоренко. — Мы еще прошлым летом пробовали. До сих пор последствия расхлебываем. Ты как будто не понимаешь, что таких, как Макс, надо убивать не просто аккуратно, а безукоризненно! Это ж тебе не шеф твой безголовый, это маг, который после смерти не заткнется навеки, а поспешит поведать миру, кто его убил или же кого он в этом подозревает. И у которого чертова прорва любящих родственников, тоже магов, которые этого подозреваемого могут запросто просканировать, а

найдя убийцу — уделать так, что в жизни ничего не докажешь.

— Да и демоны с ним, в конце концов, нам нужно лишь, чтобы он под ногами не путался. Засеките момент, когда он со своими местными приятелями отбудет по делам в мир Повелителя, и накройте север. Не будет ориентиров — они не смогут вернуться. И Элмар не появится, что очень нам на руку.

— Если не вернутся по каким-нибудь другим ориентирам, на которые у нас покрытия не хватит.

— Да брось. Их возит между мирами мальчишка Мафей, если не врут. У него запас ориентиров сильно

ограничен возрастом и опытом. А если врут и им помогают другие эльфы, тогда вы поймаете их на вранье, что тоже полезно...
Послушай, как вы это едите?

— Идея сама по себе неплоха и уже кем-то предлагалась, но тут еще один момент. На Каппе завалялся один бывший агент тамошней лавочки, которого очень хотят видеть здесь.

— Да что в нем такого ценного?

— Наши умники возлагают на него большие надежды. Этот мужик постоянно крутился в центре событий и близко общался с Элмаром, он может оказаться бесценным

источником информации. И в отличие от Макса он обычный человек не великого ума, с кучей своих слабостей и уязвимых мест, и главное — без магических способностей. Его можно будет или обычным путем расколоть, или под ментоскоп сунуть, не опасаясь, что он спалит прибор и угробит оператора. Поэтому отрезать Макса мы сможем только после того, как он этого кадра сюда переправит, а он что-то тянет.

— А как он это объясняет?

— Сам не понимаешь? Чтобы переправить сюда человека оттуда, ему надо магов на это подвигнуть, сам-то он не сможет. А правду же им

не скажешь, вот и крутится там у него интрига. Вроде все складывается, но раньше, чем они окончательно добьют все Повелительские Оазисы, никто никуда не отправится.

— А когда добьют, они и сами все вернутся. И Элмара приволокут. Тебе не кажется, что забить на этого агента выйдет дешевле?

— Если добыть информацию удастся другим путем, то и черт бы с ним, но если нет — придется подождать. Да, вот еще что: помнится, ты говорил, что в случае надобности можешь подыскать наемников. Ты еще эти контакты не потерял?

— А что, надобность появилась?

— Может появиться в любой момент. Если у твоего Джемайла ничего не выгорит, останется только переписывать официальную версию насильно. А поднять настоящее восстание за пару недель или даже за месяц нереально.

— Хорошо, пробежусь по кой-каким старым знакомым. Но завтра, все завтра. А сейчас я хочу наконец поспать. Лежа и не в седле.

Четверг прошел относительно спокойно — все страсти вокруг Ольгиного экспромта в тронном зале улеглись, Диего оставил эту тему как исчерпавшую себя, к тому же они с

Кирой были слишком заняты, чтобы навещать Ольгу без достойного повода. Король целый день сидел в своей комнате за работой, только на ужин выбрался, но и тогда никаких упреков от него не последовало. Его величество лишь кратко уведомил, что ему все известно, Киру он расколол без Ольгиной помощи, споры на тему «а если бы» считает бесполезной тратой времени, но вот ее сон, который от него утаили, хотел бы все же услышать в подробностях, дабы составить мнение лично для себя. Ольга честно рассказала, понимая, что деваться все равно некуда. Его величество благосклонно выслушал,

даже от милых его сердцу дополнительных вопросов воздержался и вообще во время повествования почти не смотрел на нее, зато пристально наблюдал за несчастным патриотом, который уткнулся в свою тарелку с таким видом, словно чего-то стыдился или боялся. Ольге было ужасно интересно, в чем же там дело, и она была более чем уверена, что король знает, но спросить воспитание не позволило, а то получалось обсуждение человека в его присутствии. Король же, по всей видимости, не собирался ей этого объяснять. Выяснив все, что ему надо было, он оставил Ольгу в покое и

переключился на Бакарри, который как раз отставил тарелку и с некоторой поспешностью придвинул кружку, словно хотел быстрее доесть и смыться.

— Чего вы стыдитесь, виконт? — коротко и остро спросил Шеллар, традиционно уставившись на бедолагу в упор. — Своего намерения или же того, что не осуществили его?

Бакарри вздрогнул и одним глотком допил свою кружку.

— Я не стыжусь, — так же резко ответил он, по-прежнему не глядя в глаза, и рывком поднялся из-за стола. — Мне неприятно с вами общаться. Извините, сударыня.

И быстро, едва ли не бегом, вышел вон.

— Чего это он? — тут же спросила Ольга, надеясь, что теперь-то можно.

— А, не обращай внимания... — махнул рукой король. — Ты же видишь, какой он нервный. Да и как тут не нервничать? Он уже так свыкся с мыслью о власти, практически за короной пришел, а его вместо этого во всех грехах обвинили, слушать не стали, под арест посадили, да еще и со мной в компании. Ничего, побесится немного и успокоится. Завтра еще Элмар придет, пошатнет ему картину мира. Я бы с радостью одолел спуск и

подъем по этой неудобной лестнице, чтобы своими глазами увидеть, как Гейран Бакарри будет доказывать Элмару, что его нет, но мое присутствие может испортить им разговор. — Он мельком скользнул взглядом по столу и добавил: — Зато теперь ты можешь съесть его десерт.

Ольге тоже очень хотелось бы на это посмотреть, но ее, разумеется, тоже никто не приглашал, поэтому она решила хотя бы полюбоваться, с какой физиономией виконт будет с этой встречи возвращаться. Сей исторический момент она едва не проспала, так как Элмар явился очень рано, еще до завтрака, а она

засиделась вечером за поморскими сказками в оригинале. Эпохальная встреча двух братьев (если, конечно, сплетни не врут) происходила парой этажей ниже, но беседа почти с самого начала велась на повышенных тонах, что, собственно, и разбудило Ольгу. Под аккомпанемент неразборчивых выкриков снизу она не спеша умылась, оделась, привела в порядок прическу и засела, как кошка у норы, прислушиваясь, когда окончится ругань и заскрипят ступеньки под тяжелой поступью соседа. Крики тем временем становились все громче, в какой-то момент Элмар разошелся так, что его

воплъ «Не брат ты мне, шкура
продажная! Понял?! Ты мне не брат, и
знать тебя не хочу!» пробился через
несколько этажей, не утратив при
этом звучности и страсти. И, как ни
странно, на этом бурное выяснение
отношений вдруг закончилось.

Вскоре заскрипела и задрожала
лестница, и изнывающая от
любопытства Ольга вышмыгнула на
площадку, старательно делая вид,
будто просто вышла к завтраку и
совершенно случайно наткнулась на...

— Ой... — только и смогла
сказать она, узрев на своем пути
печальный итог братских разборок.

— Посторонись, а то

заданем... — мрачно проворчал Элмар, помогая трем товарищам втощить на площадку бездыханное тело благородного оппонента.

Ольга благоразумно отступила, но не удержалась от уточнения:

— А что это с ним?

Выглянувший из гостиной король, который тоже наверняка все утро сидел в засаде, чтобы достойно изобразить «случайную встречу», изменился в лице и уныло констатировал:

— Элмар, ты идиот.

— Он сам виноват, — огрызнулся принц-бастард, сосредоточенный на сложной задаче: вписаться в поворот,

не стукнув потерпевшего головой о что-нибудь еще. — Куда заносить?

Его величество молча указал на дверь и поинтересовался:

— За врачом послали?

— Конечно. Да не нервничай ты так, чего ему сделается! Не Жак все-таки, здоровый бык с прочной башкой... Ну достал он меня, достал!

— Ты понимаешь, что ты натворил?

— Да ничего особенного! Может, мозги на место встанут, если они там вообще есть!

— Твоя медицинская безграмотность, дорогой кузен, иногда потрясает. История еще не

знает таких случаев, чтобы травмы головы кого-то сделали умнее или излечили от душевных расстройств. Наоборот — сколько угодно, а вот положительных эффектов пока не зафиксировано.

Пока Элмар помогал товарищам внести и уложить потерпевшего, успевая при этом еще и переругиваться с недовольным кузеном, прибежала запыхавшаяся Тереза. За ней, с отставанием в полторы минуты, примчался взмыленный Диего, который услышал где-то краем уха, что в Северную башню звали врача, и, разумеется, решил, что к Ольге. Король, которого

суета и суматоха привели в еще большее недовольство, выгнал всех лишних в гостиную, Терезу пропустил к больному, сам шустро протиснулся за ней и закрыл за собой дверь.

Некоторое время Ольга успокаивала паникующего супруга, уже почти вообразившего себя отцом, а расстроенный Элмар нервно хрустел гренками, уничтожая завтрак ушибленного брата. Наверное, решил, что тому уже не понадобится. Когда он со скорбной миной забросил в рот последний кусок осиротевшего завтрака и потянулся за стоявшей рядом королевской тарелкой, Ольга спохватилась и вернулась за стол,

опасаясь, что его высочество не остановится и на этом. Слегка успокоившийся Диего тоже присел, налил себе кофе и, оглянувшись на дверь, поинтересовался:

— А что случилось-то?

— Да, что он тебе такого сказал, что ты на весь дворец огласил, что он тебе не брат? — поддакнула Ольга.

— Да не бывало у нас в роду таких идиотов! — прорычал Элмар. — Нет, ты представляешь, этот кретин меня пытался убедить, будто Шеллар продался ордену, а он лучше меня знает, как все было на самом деле!

— И ты не удержался и его стукнул? — уточнила Ольга, хотя

уточнения вряд ли требовались.

— Ну да. А Шеллар теперь недоволен...

Диего внезапно фыркнул в чашку, едва не пролив кофе, и тихонько затрясся от смеха.

— И что в этом смешного? — надулся принц-бастард. — Ты ржешь, а мне опять кузен мозги проутюжит...

— Я не ржу, — простонал Диего, не в силах остановиться. — Я только хихикаю. Вот если окажется, что ты ему память отшиб, тогда уж точно будет повод посмеяться как следует... Нет, ну вам это совсем ничего не напоминает, что вы такие серьезные?

Ольга не удержалась и тоже

захихикала. Даже Элмар невесело усмехнулся, припомнив обстоятельства знакомства с мистралийцем.

— Надеюсь, что все же нет. Потому что если это каким-то образом не впишется в планы Шеллара, он меня просто изничтожит. И извиняться перед этим недоумком я не буду! Пусть что хотят думают, не буду! Потому что он это заслужил! Я теперь жалею, что заступался за него перед Шелларом и упрашивал Киру не убивать, как только увидит.

— Не горячись заранее, может, извиняться и не понадобится, —

посочувствовала Ольга.

Когда они уже допивали чай, появился король. Сердитым или раздраженным он не выглядел, но это еще ничего не значило — он вполне мог быть зол, как сто Харганов, но считал неуместным это демонстрировать.

Быстрым взглядом оценив ситуацию на столе, он сдержанно кивнул, словно ничего выдающегося не случилось, и налил себе кофе в чайную чашку — последнюю оставшуюся чистой.

— Приятного аппетита, кузен.

Опомнившийся Элмар тоже оглядел стол и виновато охнул.

— О... извини. Я как-то отвлекся...

— Да ладно, в первый раз, что ли, — махнул рукой король, присаживаясь. — Ты бы не о съеденном завтраке переживал, а о более серьезных вещах.

— А что там с ним? — ворчливо отозвался принц-бастард.

— Да в целом ничего страшного, пришел в себя, окружающих узнает, через пару недель будет в полном порядке, вот только... Кантор, ты оценишь комизм ситуации: он ничего не помнит.

Диего, который до сих пор время от времени посмеивался, захохотал во

весь голос, а Элмар только помрачнел и в который раз повторил:

— Извиняться не буду!

— Толку от твоих извинений! —

слегка поморщился Шеллар. — Если бы они помогли ему что-то вспомнить, то я бы и спрашивать не стал, чего ты будешь, а чего нет. Но ведь не помогут. Проклятье, кузен, когда ты отучишься распускать руки по любому поводу! Я ведь тебя попросил с ним поговорить для того, чтобы он понял — ты жив, здоров и на моей стороне. А не для того, чтобы он забыл напрочь, как попал во дворец и что здесь делает.

— Но он же вспомнит,

правда? — попыталась утешить их Ольга, чтобы смягчить назревающую ссору. — Диего ведь потом все вспомнил.

— Очень на это надеюсь. Пока вы все здесь, небольшое объявление. Я не сказал виконту Бакарри, кто его ударил и за что. Пусть лучше сам вспомнит, потому что если ему сейчас сказать про Элмара, он не поверит. Даже если ему еще раз его показать, спишет на последствия сотрясения мозга. И потом, когда к нему действительно вернется память, у него уже будет готовый удобный повод не поверить даже собственным воспоминаниям. Пусть лежит, думает

и вспоминает сам. Официальная версия гласит, что он повздорил с кем-то из паладинов, с кем именно — никто не видел, а виновник не признается. А теперь, если вы закончили с завтраком, попрошу оставить нас с кузенком наедине, нам нужно кое-что обсудить... по-родственному.

Как и предполагал Астуриас, благоразумный господин Джемайл скромно сидел дома и никаких рискованных телодвижений не совершал. Как будто не получал никакого задатка или считал его подарком, который не надо

отрабатывать. Быстро вправив трусу мозги и надавав побудительных пинков, Астуриас отправил его выяснять обстановку, а сам, укрывшись под париком и капюшоном, направился дальше. Сегодня ему предстояло повидать многих людей, расспросить, выдать инструкции и привести в чувство тех, кто, подобно Джемайлу, решил, будто все кончено и дальше можно не рыпаться.

Встретиться с Бородой ему не удалось — главарь вместе с приближенными залег на дно, а с трудом выловленные двойки поведали, что во время операции в

департамент нагрянул сначала лично Флавиус со своими подпольщиками, а потом орава королевских паладинов. Первых положили, со вторыми связываться побоялись. Куда подевался Флавиус — никто не знает, но есть вероятность, что он успел удрать, поэтому все и прячутся. Потому что если он хоть одну знакомую рожу засек, дело может закончиться плохо. Получить во враги одновременно корону и семью Шэ очень бесполезно для здоровья.

Про письмо Астуриас и спрашивать не стал — двойкам таких важных секретов не доверяют. Только передал просьбу о встрече с

обещаниями все уладить, хотя тут он слегка покривил душой. Если с короной еще можно было что-то предпринять — хотя бы переключить внимание полиции на что-то другое, — то способов остановить взявшегося за любимую работу Шэ Бао Астуриас пока не знал.

Целый день он провел бегая по городу, разыскивая нужных людей, расспрашивая, договариваясь и раздавая указания. Ситуация, которая у ворот Кастель Коронадо казалась безнадежной, потихоньку обростала обстоятельствами и обретала перспективы. Кое-что, конечно, уже не поправить, покойники не

возвращаются (Шеллар не в счет!), но с оставшимся можно было еще поработать и даже теоретически как-то выкрутиться. В конце концов, тот же Шеллар, не к ночи будь помянут, выкрутился из куда худшей передраги. Не так все плохо. Орган еще не окончательно потерян, можно еще навести порядок, благо маги не вмешаются. В Голдиане можно договориться. Орландо идиот, если убрать от него слишком умных советчиков да подсунуть подходящий наркотик, он быстро и без проблем берется под контроль. Александр с его опасными увлечениями просто напрашивается на внезапное падение

с колесницы или что-то подобное...

Когда уже затемно, чтобы не привлечь ненужного внимания к объекту своего визита, Астуриас добрался до городского дома Монкаров, у него болело все, что только может болеть у немолодого, потрепанного жизнью мужчины после нескольких суток физического и морального напряжения. Однако несмотря на искушение постучаться в дверь, он все же перелез через забор, прокрался садом и, благоразумно обойдя единственное окно, в котором из-за штор пробивался слабый свет, осторожно взломал соседнее, ведущее в темную комнату.

Видимо, от одолевшей его нечеловеческой усталости он все же где-то выдал себя неосторожным звуком, поскольку едва успел прикрыть за собой оконную створку, как по коридору простучали каблучки, распахнулась дверь и в свете керосиновой лампы перед гостем предстала лично хозяйка дома, которую он и намеревался навестить с такими предосторожностями.

— Что вы здесь делаете? — зашипела она вместо приветствия, быстро закрывая дверь, пока слуги не заметили. — Вас могли увидеть!

— Добрый вечер, — отозвался Астуриас, пытаясь своим спокойным

тоном предотвратить грядущую истерику. Дама была заметно напугана, осталось только выяснить, чем именно.

— Что в нем доброго? — трагическим полушепотом отозвалась графиня, немного театральным жестом отставляя лампу на столик и падая в ближайшее кресло. — Я и так третий день в ужасе жду, что за мной придут, а вы вламываетесь среди ночи, не предупредив и даже не удостоверившись, что за домом не следят.

— Уверяю вас, — ухмыльнулся Астуриас, удобно усаживаясь напротив и вытягивая натруженные за

день ноги, — я удостоверился. А если бы за вами должны были прийти, они бы это сделали еще в первый день.

Алиса поежилась, словно от холода, и дрожащими руками натянула на плечи шаль.

— Вы не знаете Шеллара! От него можно ожидать любого коварства, любой подлости... Вы ведь уже в курсе, что он жив и вернулся в столицу?

— Согласен, это было слегка неожиданно и для меня. Но вовсе не причина так дрожать и шархаться от порождений собственного воображения. Ну, жив. И что это меняет?

— Это меняет все! Если бы я знала, что он вернется, я бы ни за что не рискнула вообще с вами связываться! А теперь... я погибла! Вы погубили меня!

— По-моему, вы в полном порядке, если не считать овладевшего вами беспричинного страха.

— Беспричинного? Вы полагаете, мне нечего бояться?

— Я уверен, что страшное чудовище, которого вы так боитесь, сейчас сидит в своем дворце и не рискует высунуться, потому что боится не меньше вашего.

Графиня Монкар истерически расхохоталась.

— Боится? Да вы не знаете, что это за человек!

— О, прошу вас, не надо пафосных сцен! — поморщился Астуриас. — Я его знаю не хуже вас, хотя я с ним и не спал.

— Если бы вы действительно знали его хоть немного получше, вы бы не делали таких дурацких предположений! «Боится»! Если он и в самом деле заперся во дворце, то не потому, что боится высунуться, а потому, что, по его расчетам, в случае появления на людях вероятность быть убитым составляет столько-то процентов, поэтому данное действие является неблагоприятным. А

известно ли вам, что Флавиуса ваши люди точно упустили, и сейчас он, наверное, поставил на ноги всех подчиненных и ищет виновного...

— Это уже ваши фантазии. Только сегодня я слышал из уст очевидца, что в него совершенно точно попали, и, возможно, даже не один раз. Даже если он ухитрился уйти с места перестрелки, далеко он не ушел. И если он до сих пор не появился ни во дворце, ни у своих родственников, ни в штабе подполья, то, скорей всего, давно истек кровью и тихо разлагается где-то в потайных ходах или просто в канализации, уж не знаю, каким путем он пытался

сбежать.

— Про Шеллара вы с такой же уверенностью утверждали то же самое, а он вернулся!

— Он арестовал виконта Бакарри. О вас он, скорей всего, не знал. Кабину в вашем особняке успели демонтировать и перенести в другое место. Никто из тех, кто знал о вашем участии в договоре, не попал в руки Шеллара, и выдать вас никто не сможет. Перестаньте трястись.

— Он все равно докопается до правды. Он всегда каким-то образом до нее докапывается. А вы еще и явились сюда... Зачем?

— Чтобы убедиться, что с вами

все в порядке и что это не вы сдали нас Шеллару.

— Убедились? Проклятье, если меня все-таки схватят, я еще сто раз пожалею, что действительно вас не сдала...

На этом месте страдающая дама взяла драматическую паузу, и чуткое ухо мастера-вора уловило посторонний звук в соседней комнате. Той самой, где горел свет. И звук этот подозрительно походил на лязг оружия.

— Вы одна? — на всякий случай уточнил он, чтобы проверить — совет или нет.

— Слуги дома, но они уже спят.

— А кто в соседней комнате?

— Никого.

— Я что-то слышал.

— Мышь, наверное.

— Нет, не мышь. Сидите здесь, я

сам проверю.

Он быстро, насколько позволяла усталость, вскочил, достал пистолет и подхватил со стола лампу.

— Стойте! Не ходите туда! Да что вы себе позволяете!..

Несмотря на попытки обманщицы остановить его, Астуриас вышмыгнул из комнаты в пустой коридор и резко рванул соседнюю дверь.

В глаза ударил яркий свет, а в

уши — отчаянный женский визг.

— Выйдите немедленно! — возмущенно шипела сзади Алиса, дергая его за куртку. — И уходите! Идиот! Сейчас сюда сбегутся слуги!

— Вот так номер! — изумился Астуриас, игнорируя ее шипение и воззрившись на полуодетую даму, сидевшую в постели. Дама неумело пыталась навести на него пистолет, не переставая при этом визжать.

— Да заткнись! — прикрикнула из-за его спины Алиса. — Это не воры, это ко мне пришли. Слуг перебудишь! Ну, насмотрелись? Выметайтесь!

Астуриас притворил дверь и в

несколько шагов вернулся в темную комнату с открытым окном. Слуги действительно могли слышать, поэтому лучше от этого окна далеко не отходить...

— Что здесь делает Камилла? — не удержался он.

— Прячется, — раздраженно огрызнулась хозяйка. — За каким демоном вы туда полезли? Она же вас видела!

— Она меня не знает.

— Достаточно того, что ко мне приходил ночью подозрительный незнакомец!

— А зачем вы мне солгали, что в комнате никого нет? Это вызвало

подозрения. Сами виноваты. Кстати, в продолжение предыдущего разговора должен вам напомнить, что ваши страхи останутся беспочвенными только до тех пор, пока мы о вас заботимся. И в ваших интересах оставаться нам полезной, иначе даже предательство не спасет вас.

— Разумеется! — фыркнула Алиса. — Такие вещи надо делать вовремя, теперь-то это никому уже не интересно, а мне будет стоить головы. Но все же не ходите больше сюда. Лучше я возьму у служанки платье и выйду в город, если нам понадобится увидеться.

— А от кого Камилла прячется?

Вроде бы наместника давно и в живых-то нет.

— Это вас абсолютно не касается!

— Постойте, мне показалось или ваша гостья выглядит (легка пополневшей? Дело в том, о чем я думаю? Она прячется от людей, боясь, как бы кто-то не увидел, что у нее родится?

— Повторяю, это не ваше дело. Уходите. Я слышу, как в крыле прислуги хлопнула дверь.

Это Астуриас тоже слышал и даже сделал шаг к окну, но все же любопытство взяло верх.

— А почему она не избавилась от

этого монстрика? Скольких проблем избежала бы.

— Не знаю. Я не спрашивала. Уходите же. И в следующий раз предупреждайте о своем приходе, слуги, знаете ли, не обязательно каждый вечер будут так дружно спать. Не доведи Многорукий, вас кто-то увидит.

Проследив из-за шторы за неожиданным гостем и убедившись, что он скрылся за забором, графиня Монкар тщательно закрыла окно и ринулась в спальню.

Камилла, восседающая на ложе со своей обычной невозмутимостью, словно это и не она пять минут назад

визжала на весь дом, чуть приподняла бровь и уточнила:

— Ушел?

— Да, слезай скорей, он же там задохнется под твоей толстой задницей!

— А гадости говорить обязательно? — так же невозмутимо мурлыкнула Камилла, сползая с кровати. — Однако как удачно я оказалась именно в этой комнате... Я достоверно визжала?

Алиса торопливо подпихнула ее, помянула неких копуш и стянула на пол верхнюю перину.

— С тобой все в порядке?

Господин Флавиус с трудом

приподнял веки, попытался что-то сказать, закашлялся, выплюнув сгусток крови, и обессиленно кивнул.

— Поможешь мне уложить его по-человечески?

Камилла пожала плечами — дескать, без проблем, и дамы аккуратно принялись возвращать на место перину и укладывать раненого на двуспальной кровати.

— Может, все-таки врача найти? — с сомнением предположила Камилла.

— Ты же слышала, что он сказал. Никому нельзя доверять. А лично явиться во дворец к королю я не могу, срисуют моментально. Поэтому

сидим тихо и ждем.

— Мне кажется, ему хуже. Вон горячий какой.

— Так всегда бывает. Я читала. И он говорил. Через несколько дней должно стать получше. Он разбирается.

— А если не станет?

— Тогда я плюну на все и поеду во дворец. Не каркай.

— Ты пистолет убери куда-нибудь. Слуги заметят.

— Сама знаю, — отозвалась Алиса, укладывая оружие рядом с владельцем. Флавиус немедленно нащупал его и, не в силах взять в руку, просто накрыл ладонью. — А

Астуриас, между прочим, тебя узнал. И даже заметил, что ты беременна.

— Надеюсь, он не пойдет об этом болтать где попало.

— Да вряд ли, ему не до того, и это его не касается. А кстати, почему ты правда не избавилась от ребенка? Ну, учитывая, кто его отец? Тем более что у тебя уже есть один, я же правильно догадывалась? Как-то не похоже, чтобы ты особо любила детей или боялась богов.

Камилла, собиравшаяся уже уходить, приостановилась в дверях.

— Да нет, конечно. Вернее, да, боюсь, но не богов.

— А чего тогда?

— У тебя на руках никогда подружка не умирала от неудачного аборта?

— У меня и подружек-то не было... — грустно вздохнула графиня и невольно оглянулась на постель, где тихо хрипел, не выпуская из рук оружие, господин Флавиус. — Понятно. Спокойной ночи.

Сегодня осторожный господин Джемайл уже не выглядел испуганным и готовым к бегству — то ли работа оказала на него благотворное влияние, то ли успел выяснить что-то очень обнадеживающее. Однако, завидев

старого знакомого с двумя глазами, едва дар речи не потерял от изумления.

— Нравится? — ухмыльнулся Астуриас, присаживаясь в кресло для посетителей и поправляя парик.

— Но как? — потрясенно спросил Джемайл, запирая дверь и задергивая шторы.

— Он искусственный, — пояснил Астуриас, подмигивая настоящим глазом. — А не отличишь, согласишься? Это мне партнеры выдали для более убедительной маскировки. У нас так не сделают. И что еще поразительнее, они и настоящий могут вставить. Только это надо к ним ехать, а я не

могу находиться там, где работает магия. Ну, рассказывай, что интересного выходил.

Почтенный юрист уселся в привычное рабочее кресло и открыл блокнот, дабы ничего не упустить.

— Ну что тебе сказать... Все действительно не так плохо, но не сказать чтобы совсем радужно... Сегодня я имел честь видеть живого Шеллара и не менее живого виконта Бакарри. С обоими пообщался, если это можно так назвать, поскольку второй ничего не помнит, в том числе кто я такой, а первый, напротив, помнит все, что когда-либо говорилось обо мне в узких

профессиональных кругах, причем полностью осведомлен, что из этого правда, а что нет. И то и другое сильно затрудняет общение. К тому же Шеллар наверняка не поверил, что меня просто наняли сегодня утром для защиты виконта на предстоящем суде. Вслух он, разумеется, ничего говорить не стал, не имея доказательств, но очень недвусмысленно намекнул красноречивым взглядом. Не уверен, что мне имеет смысл рисковать, появляясь там...

— Пока у него не появятся хоть какие-нибудь доказательства, тебе ничто не грозит, так что не трясись и

докладывай.

— На сегодняшний день ситуация такова. Наш благородный наследник содержится под арестом по следующим обвинениям: попытка узурпации власти, сговор с внешними врагами королевства, клевета, а также выдача врагу агента короны и члена королевской семьи. Наш официальный правитель также содержится под домашним арестом по обвинению в измене и сотрудничестве с врагом. Кроме того, ему предъявлен белый шарф, но дальнейшее разбирательство по этому делу отложено до возвращения придворного мага, то есть на

бесконечно долгое время. Формально власть сейчас находится в руках регента — кстати, вы здорово оплошали, не учтя в своих планах овдовевшую принцессу. Она действительно законная наследница Деимара Двенадцатого, и всевозможные непризнанные бастарды не могут претендовать на трон, пока там сидит она. Фактически же страной по-прежнему правит Шеллар, сам понимаешь почему. Сам себя от власти отстранил, сам у себя под арестом сидит, сам себя намеревается представлять на рассмотрении дела и все важные решения принимает тоже сам, потому

что регент к нему за ними бегают по каждому поводу. Картина довольно безрадостная, потому что у него там все схвачено и вполне может статься, что результат сделают таким, как ему надо. С другой стороны, с доказательствами у него не сказать чтобы железно. Самые осведомленные его свидетели — Флавиус, коллеги-короли и придворные маги — сейчас недоступны и, я надеюсь, не будут?

— Флавиус пока под вопросом, остальные — точно. Лично они никак не явятся, а в подлинности письменных показаний всегда можно усомниться.

— Подлинников упомянутых доносов у него тоже нет. Ты их достал?

— Не знаю. Я второй день не могу никак встретиться с исполнителем.

— То есть где они — не знаешь ни ты, ни Шеллар, если только он не врет. Будет нехорошо, если они вдруг всплывут, такие моменты желательно контролировать. К тому же ты вот только что упомянул, что никто, кроме Флавиуса, не доступен. А между тем до меня дошли сведения, что во дворце видели принца-бастарда Элмара. Правда, как-то странно — одни видели, другие не видели, при

желании можно считать мистификацией, но мне для себя надо твердо знать: может ли он объявиться и испортить нам все дело.

— По всем раскладам — нет... — Астуриас задумчиво потер подбородок. — Но гарантий я бы не дал. Мы до сих пор не знаем, как три короля с тремя небольшими армиями оказались в местах, где они точно так же не могли оказаться.

— У меня целых два варианта.

— Мы с Санчесом со всех сторон рассмотрели оба и пришли к выводу, что это невозможно. Орденские телепортисты отпадают безоговорочно — они все

посвященные и предать не могли. На пропаганду такой вариант бросить можно, но нам-то нужно знать правду. Кабинами лавочки тоже не пользовались. Даже если бы они смогли обойти контроль, перемещение такого количества людей, как сказал Санчес, отразилось бы на трафике. Я не очень понял, что это такое, если проще — их машины потребляют какую-то энергию, как печка — дрова. И если бы дров израсходовали больше, это было бы видно. В конце концов, ты не хуже меня знаешь Шеллара, тебя удивляет, что он нашел третий вариант?

— Меня не удивляет, мне просто

нужно точно знать, какой именно.

— Вот у Шеллара бы и спросил.

— Разумеется, я спросил. На всякий случай, вдруг это уже не секрет. Ответа не получил. И не получу, пока его величество сам не сочтет нужным поведать. Сложный он противник, это я знал еще со времен его молодости. Даже сейчас, при всей двусмысленности его положения, в суде я его не сделаю. Даже если бы суд был честным, не сделал бы. Чтобы что-то получилось, надо сначала брать власть, а потом судить, как нам надо. Или просто по-тихому прикончить. Все равно как — несчастный случай, сердечный

приступ, несварение желудка или самоубийство...

— Как я и предполагал. А наш «спаситель отечества» как себя чувствует?

— Довольно прилично для человека с сотрясением мозга, но поговорить о деле нам не удалось. Он и раньше-то соображал туговато, а сейчас вообще с трудом понимает, чего от него хотят.

— Его что, избили? И небось сказали, что сопротивлялся при аресте? Это можно как-то использовать для дела или недоказуемо?

— Сам он не помнит, при каких

обстоятельствах получил по голове. Шеллар беспомощно развел руками и сказал, что лично не видел, вроде бы виконт повздорил с кем-то из паладинов и дело дошло до драки. Лично он считает подобное обращение недопустимым и непременно попросит регента наказать виновного, как только оный найдется. А поскольку паладины решительно не желают выдавать товарища, самым простым способом узнать правду будет подождать, пока пострадавший сам не вспомнит. Я ему не верю ни на вот столечко, но зацепиться не за что. И в одном он прав — подобные провалы в памяти

долго не длятся, через несколько дней память действительно восстановится. Может, заодно и вспомнит, кто я такой, а то пришлось заново знакомиться.

Астуриас опять задумался, не догадываясь, что его глаза смотрят в разных направлениях.

— Ты заходи к нему почаще, — посоветовал он, поразмыслив над услышанным. — Он у нас, как ты сам верно заметил, болван редкостный, если я его убедил в том, что мне было нужно, то и Шеллар может в этом преуспеть. Ты же его знаешь. А виконт Бакарри слишком много знает, чтобы позволить ему так просто

переметнуться на другую сторону. Кстати, ты можешь точно объяснить, где именно они сидят? Из хорошей дальнобойной винтовки достать реально?

— На самом верхнем этаже Северной башни.

— Проклятье, высоко! Не то чтобы невозможно, но неудачное место.

— К тому же Шеллар не глупее нас и этот ход предусмотрел. Окна не открываются, шторы не раздвигаются даже днем, словом, его величество позаботился о том, чтобы не подставиться под пулю. Доставать его надо как-то иначе.

Астуриас невесело кивнул.

— Да, и не только его. В общем, дворец надо брать, другого выхода я не вижу. Ну что ж, я займусь подбором людей, Санчес обеспечит оружие, а ты, когда будешь навещать подзащитного, внимательно смотри и запоминай все, что увидишь, — сколько людей, где стоят, какое вооружение... Сегодня ты что-то заметил?

— Я видел во дворце паладинов и «Бойцовых котов». Кое-где попадались обычные стражники, видимо, еще не всех вернули на службу, но, пока мы подготовимся, там уже наверняка будет полный

штат.

— А столичный гарнизон?

— Их тоже собирают.

— Нет, я не о том. Они тоже на стороне Шеллара? Помнится, мне говорили, что полковник Альбри был очень недоволен его последними решениями... Ты бы поговорил с ним, а? Мне не очень уместно, я для него не авторитет, а у тебя и повод прекрасный есть — тебе, как представителю одной из сторон, надо уточнить все детали предстоящего дела. Хотя бы выясни точно, на чьей он стороне, если не удастся склонить на нашу.

— Я-то поговорю. Но все это

будет бесполезно, если не управимся до подхода объединенной армии, которая продолжает двигаться на юг и будет здесь через две-три недели. Эти войска точно лояльны своим королям и в случае конфликта встанут на сторону Шеллара. Поэтому к моменту их появления здесь у них не должно быть вариантов. Их должно встретить уже готовое законное правительство без каких-либо конкурентов. Или же другая армия, достаточно внушительная, чтобы диктовать условия. И еще, дорогой мой партнер. Потрудишься все-таки выяснить местонахождение принца-бастарда Элмара и позаботься о том, чтобы он

не появился здесь. Иначе будут проблемы. В отличие от нас ему не нужно полгода подготовки, чтобы поднять бунт. Достаточно выйти в любое людное место и позвать за собой.

Астуриас снова кивнул. Это он и так знал и в этот момент особенно остро завидовал популярности его высочества, которой так не хватало ему самому.

ГЛАВА 5

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятницы он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдет с Пухом, в особенности если там Настоящий Бука.

А. Милн

Вопрос, умеет ли он водить «вот такую машину», Витька сначала счел дурацким и даже заподозрил, что над ним издеваются, но потом сообразил,

что для Элмара разные марки машин — все равно что разные животные, и навыки езды на лошади вовсе не предполагают столь же совершенного умения управлять, скажем, верблюдом. Хотя сам герой, по его собственному признанию, мог приспособиться к любому зверю благодаря варварским традициям воспитания детей, от людей, выросших в цивилизации, он такой же универсальности не ждал. Потому и спросил — на всякий случай.

— Да, конечно, — кивнул Витька, мельком взглянув на искореженный армейский «скорп». — Только эта машина уже точно никуда

не поедет.

— Нет, — уверил его Элмар. — Не эта самая, просто такая же. Мне ее показали и просили запомнить, надеюсь, я не ошибся...

— Вряд ли. Здешние машины не отличаются разнообразием. Да что там, если даже это был не «скорп», а, скажем, «скарабей» или любой другой внедорожник, в управлении они все равно не особенно отличаются. А тебе зачем? Куда-то съездить хотел?

— Не я. Съездить надо Шеллару. Дело очень секретное, поэтому водитель требуется особо доверенный.

— Приятно слышать, — не удержался от ухмылки Витька, — что

мне так особо доверяют. А что, у твоего кузена есть персональный автомобиль и не хватает только водителя?

О том, что Шеллар вернулся на родину и находится сейчас в зоне, лишенной магии, Витька знал, поэтому вопросов о телепорте у него не возникло. Как туда попадет он сам, тоже было понятно — об участии в упомянутом возвращении куфти-телепортистов тоже слышал. Но вот где венценосный пройдоха раздобыл в личное пользование машину, было уже интересно.

— Повелительские солдаты побросали технику, когда драпали, —

охотно пояснил Элмар. — Мистралийцы свою часть сразу же к делу приспособили, у Орландо в войске полно гномов, к тому же мистралийские гномы уже успели приобщиться к новой технике. А у Шеллара их нет. Собственно, по этой причине ему и надо к ним съездить... Ой, проклятье, это же опять государственная тайна, а я... Словом, я тебе этого не говорил. Поможешь?

— Да не вопрос, только я же дороги не знаю.

— Не беспокойся, ее отлично знает Шеллар.

— А бензин-то у них есть? И если нет, то сколько брать?

Элмар задумался — в таких специфических вопросах отважный наездник безнадежно плавал.

— А сколько надо?

— Это смотря сколько ехать.

— Ну, если верхом — то два-три дня...

Витька попытался прикинуть, сколько же это будет в километрах, плюнул и решил на всякий случай запастись по максимуму.

Секретность миссии превзошла все его ожидания. Мало того что выезжать пришлось на ночь глядя, дабы поменьше народу видело машину и уж точно никто не мог разглядеть, кто в ней сидит; мало того

что на него опять напялили нагрудник и шлем, как будто он на бой снаряжался, так еще и собирались пассажиры как опасаящиеся слезки шпионы.

Первым погрузился в кузов стрелок-связист с винтовкой и ящиком патронов. То ли просто никогда с ней не расставался, то ли пулемета ему было мало. Через четверть часа кружения под его руководством по незнакомым темным улицам — с погашенными фарами, чудом вписываясь в повороты, насмерть перепугав нескольких поздних извозчиков и едва не задавив патруль ночной стражи, — они

припарковались у высокого по местным меркам здания довольно мрачного вида, где к ним присоединились телепортист и лично его величество. Сегодня Элмаров кузен щеголял в кирасе и шлеме — Витька так и не понял, что это было, техника безопасности или просто маскировка. Забившись под тент, Шеллар сменил Диего в роли навигатора, и следующие минут двадцать они выбирались из города и ехали по бездорожью вдоль реки, пока в каком-то совершенно неприметном месте не подобрали еще двух пассажиров. Как они ухитрились точно найти место и не заблудиться,

для Витьки так и осталось загадкой. Ладно Элмар, он в своих родных местах, поди, каждый кустик знает, но сомнительно, чтобы король по таким местам шастал...

Телепортист попрощался и исчез в сером облачке. Элмар в полном облачении с трудом втиснулся на переднее сиденье, его спутник занял место телепортиста, и экстремальные скачки по пересеченной местности в темноте продолжились. Как назло, даже луны не было, и Витька потом долго недоумевал, как им удалось не убиться.

Вскоре они выбрались на более или менее приличную дорогу

(грунтовую, но хорошо укатанную, во всяком случае, не хуже дорог на Каппе), и пассажиры немного расслабились. Шлемы, правда, снимать не стали, но забрали подняли, а Шеллар и трубку свою неизменную принялся набивать. Последний пассажир, к удивлению Кангрема, оказался женщиной, но, едва она открыла лицо, удивление мгновенно прошло. С королевой Кирой они уже встречались на свадьбе Жака, а забыть настолько приметную персону — это надо было сильно потрудиться. Помнится, он еще при первом знакомстве с ее величеством заметил не только бросающиеся в глаза особые

приметы, но и характерные повадки. Женщин этого типа Витька в свое время знал предостаточно — на ринге только такие и выступали. Правда, оставалось загадкой, как королю удалось настолько ее очаровать, что она даже замуж за него вышла, но не возникло и тени сомнения, что в случае надобности этот хромой авантюрист без проблем уболтал бы даже отпетую мужененавистницу или убежденную лесбиянку.

— Не вздумайте там курить в кузове — спохватился Кангрэм, забывший за этими размышлениями о запасах бензина. — Вы сидите на канистрах с горючим, одна случайная

искра — и мы взлетим. — Он аккуратно отпихнул бронированный локоть Элмара подальше от рычага переключения передач и поинтересовался: — Куда дальше-то?

— Прямо по этой дороге, — отозвался Шеллар, пряча в карман трубку с таким непроницаемым видом, будто он вовсе даже не расстроен. — Когда надо будет повернуть, я скажу.

— А куда мы едем хоть? Или это государственная тайна и мне знать не положено?

— К моим приятелям гномам, — пояснил король.

— А почему с такими

предосторожностями?

— Видишь ли, в настоящий момент я официально нахожусь под домашним арестом и не должен покидать дворец. Поэтому мне пришлось выбираться тайком с помощью телепорта, а Элмару и Кире — потайными подземными ходами. Все, кроме находящихся здесь, считают, что я сейчас сплю в своей комнате. Даже Тине я пока ничего не говорил, чтобы не переживала лишний раз. Кроме того, я хотел бы максимально затруднить противнику разведывательную деятельность. Они уже наверняка выяснили, сколько охраны во дворце и как она

вооружена, поэтому о грядущих изменениях в личном составе и вооружении им желательно узнать как можно позже. Если же кто-то засечет, куда мы ездили, то обязательно учтет этот момент при планировании.

— Планированию чего? — не сразу сообразил Элмар.

— Штурма дворца, я полагаю, — бесстрастно откликнулся его кузен.

— Думаешь, все-таки попытаются? — деловито уточнила королева.

— Уверен. Сама подумай, это их единственный шанс изменить ситуацию. И у них мало времени — с севера движется объединенная армия,

которая лишит их и этого шанса. Придется начинать все заново, с нуля. Поэтому обязательно попытаются, если только не случится чего-нибудь полезного для нас и катастрофического для них.

— Например?

— Например, не смогут собрать достаточно наемников. Завозить войска из другого мира они вряд ли рискнут — вернее, их деловые партнеры не осмелятся светить контакт до испытания первой партии новых излучателей. Поднять восстание в городе на пустом месте за неделю тоже не выйдет. Единственное, что остается, —

наемники.

— А точно за неделю на пустом месте? — недоверчиво поинтересовался Витька. — Может, они его готовили на всякий случай еще с весны.

— В некотором смысле да, — не стал возражать Шеллар. — Подготовкой восстания это вряд ли можно назвать — никто же не рассчитывал, что восстание понадобится, но создать в народе определенные настроения активно пытались, просто чтобы обеспечить поддержку своему кандидату. Однако весь этот период подполье Флавиуса не менее активно работало на

контрпропаганду, и в итоге население столицы, наслушавшись противоречивых слухов и насмотревшись на... более активные формы информационной войны, склонно сесть у окошка с миской соленых орехов или копченых плютовых хвостиков и понаблюдать, чем все это закончится. Ни во что не вмешиваясь.

— Это какие такие «формы»? — уточнила королева, заинтересовавшись неведомыми ей нюансами межмировой политики. — Я что-то пропустила, пока воевала?

Кангрем скромно промолчал, радуясь, что интересующий его

вопрос задали без него, избавив от необходимости в очередной раз выглядеть глупо.

— Возможно, — согласился король. — Но ты же знаешь Флавиуса и, наверное, догадываешься, что противостояние не все время велось лишь в словесной форме. Мне известно, например, что вражеских агитаторов неоднократно публично били и тайно выслеживали, и я не удивлюсь, если впоследствии в коллекции трофеев Флавиуса обнаружится связка засушенных языков. Извините, если кого шокировал.

Его супруга и стрелок-связист

одновременно фыркнули, словно желая сказать «мы поняли, что ты шутишь, но шутка у тебя неудачная». Витька опять промолчал. По идее подобные методы действительно должны были вызвать у него отвращение, как у всякого цивилизованного человека, но почему-то он ощутил только злорадство при мысли о том, как, должно быть, тяжело пришлось пиарщикам с его исторической родины делать свою работу при такой первобытной простоте нравов. Наверное, цивилизованным человеком он давно уже быть перестал.

— Меня беспокоит городской гарнизон, — продолжала свою тему королева. — Тебе не кажется, что командир ненадежен?

— Если ты намекаешь, что он может переметнуться, то нет. Возможно, ты плохо знаешь полковника Альбри, но это человек настолько приземленного образа мыслей, что сбить его с толку одними речами, сколь угодно пылкими, не проще, чем сманить с постамента памятник дедушке. Он из породы людей, которые даже в богов поверят только тогда, когда им дадут хоть одного пощупать своими руками. Пока ему не предъявят железные,

убедительные доказательства моей неправоты, он не поддержит наших противников, хоть они глотки надорви, убеждая. К сожалению, то же обстоятельство работает и в обратную сторону, и нас он поддержит тоже лишь при наличии убедительных доказательств. Желательно пригодных к осмотру и ощупыванию. А мы, увы, тоже пока ни одного не предъявили. Потому он и ведет себя так.

— А в чем тогда проблема? — с легким удивлением подал голос Элмар. — Давай я к нему заеду, все объясню и заодно покажу себя в качестве доказательства. Пусть даже

пощупает, если так уж необходимо.

— Ехать в казармы тебе нельзя, поскольку с вероятностью девяносто четыре процента где-то на подходе тебя будут поджидать убийцы. Астуриас тоже не дурак, и у Джемайла голова на плечах имеется, к тому же последний не хуже меня знает полковника. Просчитать предложенный тобой ход — задача нулевого уровня. Поэтому лучше вам пересечься во дворце.

— А если опять разминемся?

— Не будете же вы «разминаться» до бесконечности. Когда-то же ваши визиты должны совпасть по времени. На сегодня с

учетом двух несостоявшихся встреч вероятность следующей составляет...

— Ложись! — вдруг рывкнул сзади Диего, одним движением выныривая сквозь тент и разворачивая турель.

Витька послушно пригнулся, но не настолько, чтобы перестать видеть дорогу. Слева мелькнуло что-то невнятное, но на скорости и в темноте разглядеть было невозможно, зато в зеркало было хорошо видно, как решительная королева силком пригнула своего любопытного супруга. Элмар кланяться опасностям и не подумал — напротив, потянул из ножен меч.

— Прибавь, — скомандовал стрелок и дал пару коротких очередей в темноту позади машины.

Витька послушно прибавил.

— А что там было? — поинтересовался Элмар, коротким движением загоняя меч на место.

— Нежить какая-то, — отозвался Диего, возвращаясь под тент. — Не вампиры, упыри скорее или зомби. Эту машину не догонят, да еще пока свои руки-ноги по дороге пособирают, мы далеко отъедем. Но возвращаться этим же путем я бы поостерегся.

— Возвращаться мы будем уже под утро, — сообщил Шеллар,

вырываясь наконец из железной хватки супруги. — Возможно, даже засветло.

— Не думаю, что время суток имеет для них значение.

— А я не думаю, что при нашей скорости для нас имеет значение их присутствие на дороге. Вот для верховых и повозок это место опасно, поэтому по возвращении надо будет послать сюда солдат зачистить участок.

— А как же это сделать без магии?

— Да как... — громыхнул наплечниками Элмар. — Ловить, вязать и сжигать.

— Не хочется отсылать паладинов... — нахмурилась Кира.

— А и не надо, — посоветовал Шеллар. — Я попрошу Тину, пусть прикажет Альбри этим заняться. Как раз для этой задачи его нейтралитет не помеха.

— У вас всегда так весело на дорогах? — поинтересовался Витька.

— В мирное время — нет, — отозвался Элмар. — То есть нечисть у нас, конечно, водится всякая, но не настолько близко от столицы. Разбойники тоже попадают, так что ты смотри внимательно на дорогу, они имеют дурную манеру ее перегораживать.

— А если вправду перегородят, что делать?

— Заметить пораньше, сбавить скорость и дать Кантору возможность вовремя всех перестрелять, — выдал инструкции его величество, выглядывая через плечо кузена. — Видишь, там впереди развилка? Повернешь направо.

Поездка заняла часа четыре, и за это время Витька успел убедиться, что кататься ночью по дорогам даже относительно спокойного Ортана не более безопасно, чем днем по пустошам. А также что пулемет — одно из величайших изобретений в истории человечества.

Было уже далеко за полночь, когда Шеллар велел остановиться, чем весьма обрадовал водителя, потому что в этом месте дорога попросту кончалась и он всерьез опасался, что дальше от него потребуют какого-то совсем уж запредельного экстрима.

Король постучал по неприметному с виду камню и перекинулся парой слов с квадратной бронепехотой, словно по волшебству возникшей в открывшейся пещере. Затем махнул рукой:

— Заезжай.

— Прямо туда? — слегка опешил

Витька.

— Да, конечно, — беззаботно подтвердил Шеллар и вместе с женой и кузенком удалился куда-то в глубины гномьих нор, оставив стрелка и водителя самостоятельно разбираться с вопросами парковки.

Как оказалось, парковка для человеческих карет, телег и прочего доиндустриального транспорта здесь была предусмотрена — гномы много торговали с людьми и неподалеку от входа устроили специальное место, где гости могли поставить повозки и лошадей, разгрузить товар и погрузить покупки.

Диего немедленно нашел кого-то знакомого и тоже удрал — по его

уверениям, «на десять минут, посмотреть новые пистолеты», на самом же деле — с концами. А нового гостя на невиданном чуде техники немедленно окружили гостеприимные хозяева, жаждущие познакомиться и чем-нибудь угостить. Только прямо здесь, никуда не отходя от дивной самоходной повозки, которой суждено было на ближайшие несколько часов стать главной темой для застольной (а также зарульной, закапотной и т. п.) беседы. Глаза бородатых тружеников подземелья горели такой неистовой жаждой познания, что отказать им в этой самой беседе не повернулся язык. Они

даже безропотно погасили трубки и не посмели настаивать, когда гость отказался от пива. Как верно заметил Элмар, ортанские гномы, в отличие от своих мистралийских собратьев, еще не успели близко познакомиться с иномирской техникой и жаждали восполнить пробелы в образовании.

Все время, пока государственные деятели решали свои международные вопросы, агент Кангрэм объяснял любознательным гномам принцип работы двигателя внутреннего сгорания и публично признавался в своем полном невежестве по части металлургии, а хозяева, облепив со всех сторон машину, совали носы во

все щели, ощупывали, выстукивали и замеряли штангенциркулями доступные детали. Через пару часов общения Витька даже, кажется, начал отличать их друг от дружки и запоминать, кто есть кто, а также узнал, что, вопреки легендам родного мира, у гномов борода все же не растет. Среди любопытствующих были и женщины, причем пришли они не в качестве зевак, а наравне с мужчинами щупали, замеряли и со знанием дела обсуждали возможный состав металла. Одна даже приволокла с собой двух детишек, которых не с кем было оставить. Крошечные гномики, похожие на

игрушечных пупсов в игрушечных сапогах и робах, сонно хлопали глазами и зачарованно рассматривали машину. Поскольку они никому не мешали и все время молчали, о них скоро забыли, как оказалось впоследствии — очень зря. Потому что когда вернулись пассажиры и Элмар уселся на свое место, у машины внезапно отвалилось колесо.

Витька, похолодев при мысли, что это могло случиться в дороге, бросился его поднимать, чтобы поставить на место, и обнаружил, что все крепежные гайки загадочным образом исчезли. Как выяснило стремительное и беспощадное

расследование, проведенное тут же на месте, очаровательные глазастые пупсы голыми ручонками открутили намертво затянутые гайки с благородной целью заполучить новую игрушку. В итоге детки лишились своей законной добычи и были отправлены спать, их мамаше перепало на орехи от начальства, Витька потерял уйму времени, заново привинчивая на место колесо, гномы обогатили словарный запас, наблюдая за этим действием, а его величество едва успел вернуться под свой домашний арест незамеченным. Хотя бы результатом переговоров все остались довольны, одно утешение.

Ужасно интересно было, до чего они там в итоге договорились, но спрашивать об этом короля и его суровую супругу Витька не решился, чтобы не нарваться на разъяснения, почему ему этого знать не положено. Дождался, когда они с Элмаром остались вдвоем, и только тогда задал вопрос:

— И что будет дальше?

— Ты о чем? — не сразу понял тот. Даже доспехи расстегивать перестал. Потом сообразил. — Ах, о гномах? Обещали помочь.

— Это я понял. Но как это будет выглядеть практически? Соберутся, построятся — и шагом марш? Это

сколько ж времени займет?

— Рутгер сказал — примерно неделю.

— А зачем они вообще понадобились? Если на дворец и вправду нападут, неужели лишняя сотня-другая бойцов что-то решит, даже если у них самые крепкие и острые топоры в королевстве?

— Кроме топоров у них очень качественное огнестрельное оружие. И, насколько я понял, Шеллару не так нужны лишние бойцы, как их знаменитые пушки.

— У вас там и пушки есть? А почему про них ни разу не упоминалось?

— Да к слову не приходилось, наверное. Они есть только у гномов, потому люди и знают о них очень мало. И обычно гномы не одалживают людям свои секретные разработки. Только Шеллар мог уговорить их на столь вопиющее нарушение традиций, да и то, наверное, лишь потому, что Рутгер Шварц задолжал ему ни много ни мало собственную жизнь. Я не знаю, как они там договаривались. Мой кузен бегло шарит по-гномьи, а мы с Кирой стояли там, как два предмета мебели. Я подозреваю, что он вообще взял нас лишь затем, чтобы избежать лишних споров, — одного мы его наверняка не отпустили бы.

— У вас бы это получилось? — ухмыльнулся Витька, который уже достаточно хорошо изучил Шеллара, чтобы не поверить.

— Вряд ли, — честно согласился Элмар. — Но мы бы упирались до последнего, потому он и предпочел путь попроще.

— Понятно. Одно в толк не возьму: как он собирается незаметно протащить во дворец гномов с пушками?

— Так же, как незаметно выходили оттуда мы с Кирой. Там потайных ходов столько, что даже я не все знаю. Зато Шеллар уж точно знает — и все точки входов-выходов,

и протяженность в шагах, и даже состояние стен и потолков.

— О, это запросто, — поддакнул Витька. — Он у тебя хоть и зануда местами, но мужик толковый, тут не поспоришь.

— Это верно. Хотя иногда перебирает с предосторожностями. Ничего бы со мной не случилось, если бы я все-таки съездил к Альбри.

— Извини, дружище, вот тут он как раз прав. Именно там тебя и будут поджидать, если у них хоть чуток мозгов имеется.

— И что они мне сделают, если я буду в полной броне и на Орке вместо лошади?

— Примерно то же, что сделали с той машиной, останки которой ты мне показывал. Уж поверь, тех, кто будет тебя ждать, обеспечат таким оружием, чтобы наверняка хватило и на твои доспехи, и на твоего грака. Поэтому послушайся своего занудного кузена и не оказывай врагам любезностей.

Элмар не стал спорить дальше, но Витька его тоже достаточно хорошо изучил, чтобы понять: герой все равно не согласен, просто привык бросать на полуслове заведомо проигрышные споры. Еще бы не приобрести такой полезной привычки с его-то кузеном...

К утру вторника виконт Бакарри достаточно набрался сил и привел в порядок мысли, чтобы выйти в общую гостиную, не опасаясь свалиться от внезапного головокружения или ляпнуть глупость. Хотя последнее утро перед травмой все еще было покрыто мраком, он вполне четко вспомнил, при каких обстоятельствах попал во дворец, зачем сюда наведывается господин Джемайл и даже подробности подслушанных в первый вечер разговоров, и искренне надеялся, что последнее не заставит его неуместно краснеть при виде Шеллара. И без того неприятно

сознавать, что оказался невольным свидетелем чужой страсти, а если об этом еще и догадаются, позор будет вовсе невыносим.

Не будучи уверенным в своем самообладании, для первого выхода виконт нарочно выбрал момент, когда король был занят — принимал в своей комнате регента и что-то объяснял ей о финансовых делах. В гостиной сидела только Ольга. Завтрак она уже доела и теперь воодушевленно что-то вязала, пытаясь одновременно еще и в книгу заглядывать.

— Доброе утро! — просияла она при виде входящего мужчины и отложила вязанье, чудом не макнув

его в полупустую чашку. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, вполне прилично, — отозвался Бакарри, отодвигая стул. — Если не считать того неприятного обстоятельства, что я по-прежнему не помню, что со мной случилось.

— Ерунда! — с нездоровым энтузиазмом заверила дама. — Вы обязательно вспомните. Это только в сериалах героини теряют память на долгие годы, а на самом деле это проходит. Вот позапрошлой зимой Элмар Диего так стукнул, что тот вообще не мог вспомнить, что делал всю предыдущую ночь. И ничего, через несколько дней прошло.

— Мне тоже было бы интересно знать, кто стукнул меня, — не сдержал досады Бакарри.

— И вы вспомните, — пообещала Ольга. — Могу только поручиться, что не король, — он все время был здесь, да и не осилил бы он так врезать.

Виконт невольно потрогал здоровенный синяк на пол-лица и вынужден был согласиться, что хромой и худосочный Шеллар действительно не смог бы так ударить. А вот приказать... Неужели кто-то из паладинов пал так низко, что не отказался выполнить столь недостойный приказ?

— Болит? — сочувственно задрала бровки девушка.

— Да нет, только выглядит пугающе, а так — не болит, если не трогать.

— Тогда лучше не трогайте. Вы завтракали? Хотите чаю? Тут еще пирожки остались.

— Спасибо... Нет-нет, я сам налью, не стоит...

Она опять вернулась к своему занятию, а Бакарри занялся пирожками — не потому, что хотел есть, а лишь чтобы взять паузу и попытаться понять, чего ему ждать от этой странной переселенки, можно ли ей доверять и зачем вообще Шеллар

затащил ее сюда, в место их общего заточения.

Неужели на этот раз он не соврал и она действительно играет роль нейтральной полосы между враждебными армиями? Из ее поступка и последующего разговора выходит, что она всецело на стороне короля, но и к его противнику, похоже, не питает недобрых чувств — дружески приветствует, заботится, сочувствует... Что это — женское стремление всеми силами избежать конфликта и всех помирить? Или обычная вежливость, или дань благодарности за когда-то предложенную помощь? Или, того

хуже, — хитрая уловка, чтобы добиться его расположения, вызвать на откровенность и что-нибудь выпытать?

На этом месте виконт спохватился — не успел ли он уже сболтнуть чего лишнего? — и попытался проанализировать их коротенький разговор. Ничего крамольного в обмене любезностями не нашел и принялся перебирать свои непослушные воспоминания, чтобы заранее подготовиться к возможным скользким вопросам и в нужный момент не перепутать, что можно говорить, а чего нельзя. Результат его несколько озадачил — все тайны, в

которые не следовало бы посвящать короля, этот самый король охотно излагал всем желающим еще в прошлую среду.

«А может быть, все дело в ее внезапно открывшихся магических способностях?» — продолжал искать причину виконт, но об этих самых способностях он знал слишком мало, чтобы даже предположения строить о возможных планах Шеллара. Тогда и пришла к нему в голову безумная идея — а что, если попытаться расспросить Ольгу? Хотя эта милая молодая дама далеко не так глупа, как с трудом пристроенная кузина, вряд ли ее можно назвать искушенной в

интригах и разнообразных хитростях. Запросто может что-нибудь сболтнуть.

— Я все хотел спросить... — издалека начал он, выбрав самую естественную и наименее подозрительную тему. — До нас доходили слухи, что вас все-таки схватили тогда в столице, это правда?

Она подняла голову от вязанья и охотно кивнула.

— Правда. Только никто на меня не доносил, я сама случайно вляпалась. Зашла в одну лавку в надежде что-то узнать у знакомого продавца, и в это же время туда решил наведаться наместник. За покупками.

— Как же вам удалось спастись?

— Меня спас король, — просто, без каких-либо подтекстов и намеков ответила Ольга, возвращаясь к подсчету петель.

Теперь понятно, почему она готова рисковать жизнью и перечить мужу, лишь бы защитить своего спасителя. Но откуда у нее такая уверенность? Неужели и ее обманул этот хитрец и даже способности не помогли? Да как у него вообще получается успешно манипулировать таким количеством народу, что даже сомнений ни у кого не возникает?

Бакарри попытался это выяснить, продолжив расспросы, и

бесхитростная дама поведала ему свою историю, начиная с прибытия в столицу и заканчивая поездкой на драконе. Правда, яснее от этого ничего не стало — из ее рассказа выходило, что вся работа Шеллара в ордене состояла из шпионажа, провокаций, манипуляций и актов саботажа, и все это могли подтвердить многочисленные люди и даже драконы, которые ему в этом помогали. Может, они просто все сговорились? И Ольга, и ее мистралиец, и тролль, и драконы, и маги... Как бы ни был хитер бывший король, не мог же он всем внушить, будто они видели, слышали и даже

сами делали то, чего на самом деле не было? Кстати, тролль — это вариант... Из этих существ заговорщики никакие, слишком глупы они для подобных дел. Если сговор действительно существует, тролль в нем — самое слабое звено, которым можно воспользоваться, чтобы разоблачить остальных...

— А где сейчас ваш друг Пако? — спросил Бакарри, как бы из праздного интереса.

— С мистралийцами уехал. Орландо сманил, зараза одноухая. У Пако большие проблемы с иностранными языками, а мистралийский за границей не в

таком ходу, как, например, ортанский или голдианский. Вот Пако и уехал в конце концов на родину. Жаль было с ним расставаться, но ему там и правда лучше.

Что ж, поговорить с Пако не удастся, Мистралия далеко. А жаль... Уж не нарочно ли его туда спровадили?

— А Элмара вы тоже сами видели?

— Да, конечно. Он заходил несколько раз. С чего вы вдруг решили, будто он погиб?

— И вы тоже уверены, что он был настоящий?

Ольга рассмеялась и ловко

подцепила спицей сползшую петлю.

— Иллюзии неспособны столько пить. Это шутка, — добавила она, видя, что шутку не оценили. — На самом деле я их вообще не вижу. Врожденное свойство такое. Потому, будь Элмар ненастоящим, я бы его не увидела. Между прочим, его даже Повелитель не собирался убивать, во всяком случае, до проведения своего ритуала. Ему Элмар не нужен был, ему Азиль нужна была, живой и зрелой. А нимфа и ее избранник связаны, и случись что с Элмаром — остался бы Скаррон без нимфы.

— А эти сведения откуда?

— Откуда узнала я — уже не

помню, но вообще-то в книгах это есть. Могу Диего спросить, если вам нужно точно. Он в свое время тоже интересовался этим вопросом, когда встречался с Азиль.

Откуда-то снаружи послышался одинокий выстрел.

Ольга вдруг изменилась в лице и так резко вскочила со стула, что тот отлетел в сторону, а сама она едва не упала, успев в последний момент схватиться за край стола.

— Ваше величество! — в панике закричала она и, едва восстановив равновесие, бросилась к двери. На ее лице можно было без труда прочесть все ужасы, которые она только что

вообразила.

Хлопнула дверь, стукнула трость, и совершенно живой (что ему, гаду, сделается!) король перехватил испуганную даму на пороге.

— Ольга, ты с ума сошла — так носиться в твоём положении! Стреляли наши, с Центральной башни. Ты разве не слышала или с перепугу не обратила внимания?

— А как вы различаете? — вопросом на вопрос ответила Ольга.

Виконту тоже было интересно услышать, как он это различает, но до прямого вопроса он бы ни за что не унизился.

— На слух, — слегка удивленно

пояснил король. — Более того, это снайперская винтовка последней модели, изготовленная в клане Сигмар по спецзаказу персонально для Кантора.

— Так это он стрелял?

— Мне сложно представить, что он позволил прикоснуться к своей новой игрушке кому-то еще. Не говоря уж о том, чтобы стрелять для забавы. А тебе? Кстати, прошу прощения, доброе утро, виконт.

— Я же не знала...

— Вот именно поэтому у тебя нет никаких причин срываться с места при каждом звуке выстрела и мчаться проверять мою сохранность.

Или есть? — Он пристально всмотрелся ей в глаза, чуть прищурившись, будто надеялся высмотреть нечто видимое только избранным. — Тебе точно нечего мне сказать? Или вам с Кирой понравилось все решать без меня и ты решила впредь только так и поступать?

— Нет, ничего не было, правда. И тот сюжет про снайпера больше не повторялся, просто я его помню слишком хорошо, вот и испугалась.

— Тебе нельзя так пугаться! Стресс может спровоцировать преждевременные роды, а тебе еще недели две или три...

Ольга вздохнула.

— Скорей бы уж. Вы бы знали, как я замаялась с этим пузом...

По лестнице дробно простучали сапоги, и несколько мгновений спустя в гостиную ворвалась возбужденная королева.

— Шеллар, — с порога закричала она, — ни в коем случае не подходи к окнам! Кантор только что снял вражеского снайпера. Они точно тебя выслеживали и на этом не остановятся!

— Это прекрасно, — невозмутимо кивнул Шеллар. — Я имею в виду успех Кантора, а не то, что меня выслеживают снайперы.

Кстати, это ни для кого не новость, подобные действия ожидались, и я прекрасно помню о необходимых предосторожностях. И вовсе незачем кричать. Вы отправили людей забрать тело и осмотреть точку?

— Неужели ты полагаешь, что без твоего напоминания не догадались бы? Разумеется.

— Я хотел бы тоже посмотреть.

— Да что нам, сюда его тащить?

— Ну, я мог бы спуститься ради такого случая. Под охраной, как положено, возможно, в компании виконта, если он тоже изъявит желание взглянуть.

— Ладно, я зайду за тобой, когда

принесут, — пообещала королева и неприязненно покосилась на виконта. — А что до этого господина, то я не пушу его на крутую лестницу, пока его лечащий врач не даст гарантии, что пациент способен самостоятельно по ней спуститься и подняться. Сверзится еще по дороге и окончательно себе шею свернет, а скажут потом, будто это ты его сбросил.

— Мне совершенно неинтересно смотреть на каких-то незнакомых покойников, — поспешил вставить Бакарри. Получилось резковато, но он слишком торопился отказаться сам, пока ему не запретили.

— Вопрос исчерпан, — равнодушно пожал плечами Шеллар и направился к двери.

Ольга со вздохом подняла упавшее вязанье и одарила виконта укоризненным взглядом.

— Да уж, заварили вы кашу...

— Я? — вознегодовал тот.

Шеллар остановился в дверях:

— Тут ты действительно не совсем права. Если придерживаться твоей кулинарной аллегории, то повара, заварившие кашу, отсюда далеко. А наш дорогой сосед — не более чем крупа, которую всыпали в горшок.

И исчез, не оставив времени

парировать это несомненно оскорбительное замечание.

Ольга вернулась на свое место, бросив на виконта еще один короткий взгляд — сочувственный.

— Вы что же, и в самом деле ничего не знали и всему верили? Даже не усомнились ни вот столечко?

Ответная невеселая усмешка получилась кривой и не совсем вежливой, но заметил он это слишком поздно, чтобы исправить.

— Это было уточнение — согласен ли я с ролью крупы?

Дама обезоруживающе улыбнулась.

— А вариантов всего два.

— И вы не допускаете даже мысли о третьем?

— Каком же?

— Что я прав.

— Нет, извините. С какой стати мне не верить своим глазам и словам многих близких мне людей, но принять на веру слова единственного человека, утверждающего обратное?

— Почему это единственного?.. — попытался возразить Бакарри, но его быстро и уверенно перебили:

— Потому что источник у этой истории один, сколько бы народу ее потом ни повторило. Вспомните сами... Ох, извините, я забыла, что у

вас с памятью не все ладно... Ну, потом, когда поправитесь, попробуйте вспомнить, сколько непосредственных участников или хотя бы свидетелей тех событий подтвердили его историю? И когда вспомните, мы вернемся к этому разговору.

— Вы тоже пытаетесь меня убедить, будто я не то изменник, не то доверчивый болван?

Ольга дипломатично ушла от ответа.

— Знаете, эта ситуация поразительно напоминает мне печально известную историю с сусликом...

— Каким сусликом? —

недоуменно вскинулся виконт, удивленный резкой сменой темы.

— А до вас она не доходила? Эх... хоть мне и неприятно ее вспоминать, придется, наверное, рассказать. Слишком уж поучительная история и к вашей подходит — один в один...

«Вот и все», — печально думал Кангрэм, отрешенно наблюдая за привычной уже хозяйственной суетой во дворе последнего захваченного Оазиса. Победа состоялась как-то буднично и без особых усилий — Первый, который брали последним,

практически никто уже не защищал. Чем дальше продвигались войска Конфедерации, чем меньше становилась бывшая территория Повелителя, тем меньше сопротивления оказывали его войска и тем шустрее разбегались и охотнее сдавались в плен. Даже захват Нимшаста, ради которого дельтовские маги два дня заготавливали заклинания и запасались амулетами, не стоил затраченных на подготовку усилий. Когда за ним пришли, бессмертный лич валялся в своих покоях, обдолбанный вусмерть, и горестно причитал, что его все покинули. В полиарг его запаковали

без проблем, но что с ним делать дальше, никто не представлял — найти филактерий не удалось ни ему, ни Кайдену. Наверное, все-таки запихают в гробницу Ушеба, как бы это ни было неприятно последнему.

— Вот и все, — произнес рядом Элмар. — Даже грустно немного, правда?

Герои стояли на крыше главного здания, позабытые и никому не нужные, — свою миссию символов они уже исполнили, воевать сегодня не пришлось вовсе, а в хозяйственных, научных и политических вопросах оба смыслили одинаково мало. Разве что грузить-таскать, но кто же будет

просить о таких пустяках героев, когда кругом полно бесхозных зомби...

— Я бы даже не сказал, что немного, — вздохнул Витька, в который раз представив себе безрадостное будущее.

— Мы ведь возвращаемся домой, — напомнил Элмар. Еще бы, для него возвращение домой — действительно радость...

— Знаешь, — признался Витька, — мне, честно говоря, не очень-то и хочется.

Герой понимающе кивнул.

— Если действительно не хочешь — оставайся у нас.

— Макс подкинул идею своему начальству, но что-то там не выразили особого восторга. Вряд ли получится. Там сейчас опять в руководстве взяли верх сторонники контакта, они будут своих пропихивать, а меня кто возьмет, когда у меня в друзьях шархи и инспектор Темной Канцелярии... Это ж как клеймо — «вербовке не подлежит».

— Да и демоны с ними, тебе же не обязательно на них работать. Просто так оставайся. Не как агент, а просто как человек.

— И что я там буду делать? У меня все полезные навыки совсем под другое заточены. Я даже верхом

ездить не умею.

— Ну уж это прямо такая сложная наука, что даже Ольга научилась. А твои навыки и знания, может, и не будут понятны людям, но зато уж гномы оценят, можешь не сомневаться. Но вообще-то я хотел предложить тебе место в команде.

— Какой команде? — не понял Кангрэм.

— Я никому пока не говорил... Ну, чтобы не загадывать заранее, не сглазить... Теперь, наверное, уже можно... Когда я сидел в темнице — еще там, в Даэн-Риссе, — начали мне в голову всякие нехорошие мысли лезть... Вот тогда я и дал обет: если

все закончится благополучно — соберу новую команду и вернусь к подвигам. Не ради славы, не ради денег, ради самой работы. Магом Мафея позову, думаю, наставник возражать не будет, а уж сам мальчишка от радости хоть бы заклинания свои не позабыл. Мистик не так уж и нужен, когда маг в целительстве разбирается. А вот стрелок нужен всегда. И, надо признать, винтовка намного эффективнее лука.

— А Диего?

— Нет, он не поедет. Он так долго и трудно возвращался на путь барда, что сама мысль свернуть еще

раз будет для него мучительно. А разрываться между подвигами и театром — это не дело. Ты подумай пока, я не тороплю.

— Ты это серьезно?

Элмар ухмыльнулся.

— Если ты хочешь еще раз поведать мне о своем дремучем невезении, которое якобы еще и на соратников должно распространяться, можешь не трудиться понапрасну. У тебя был единственный способ меня убедить, но война закончилась, а ты все еще цел.

Витька вспомнил тот разговор перед первым боем и задумчиво поскреб затылок.

— Черт его знает... Может, твой кузен и прав...

— Разумеется, он всегда прав, и не «может», а точно. Насчет чего?

— Что мое невезение проявляется не во всем, а только когда «сворачиваю с Пути», как у вас это называется.

— Вот и не сворачивай. Я же не предлагаю тебе открыть лавку или скульптурную мастерскую. Я зову тебя на наш Путь. Наш, общий.

Витька чуть наклонился вперед, опершись ладонями о бортик, и опять уставился на копошащийся муравейник внизу.

— Я подумаю, — отозвался он,

не оборачиваясь, чтобы Элмар не заметил случайно, что его товарища тоже иногда посещают нехорошие мысли — например, сигануть сейчас через бортик, и гори оно все синим пламенем... — Как-то это все малость неожиданно и вдруг...

— Конечно. Подумай. Время еще есть.

— Да, конечно...

Не объяснять же мечтательному рыцарю, что дело-то вовсе не в наборе полезных навыков, не в Пути и даже не в везении. Хотя последнее тоже нельзя сбрасывать со счетов, чтобы там ни говорили окружающие оптимисты. Да, можно и верхом

ездить научиться, и местные обычаи усвоить, и даже поверить, что ты не такой уж неудачник, как думал. А что делать с шестью имплантами? Даже если просто забить на то, что половина из них казенные (никто не будет за ним гоняться, чтобы силком выковырять), ведь никакой гарантии, что они будут работать всю оставшуюся жизнь без осмотра и наладки. Ладно, открывать дверь в свой подвал ему больше не понадобится никогда, черт с ним, с «лютиком», язык, в конце концов, можно и обычным способом выучить, а с медицинскими что делать? Классный герой из него будет, если

вдруг полетят, — полуслепой сердечник, ага... Нет, жить-то со всем этим дерьмом вполне можно, но насколько долго и полноценно?

— Вот вы где! — недовольно возгласил за их спинами голос Мафея. — Вас мэтры ищут.

— Мы не прятались, — пожал плечами Элмар. — И кстати, они сами нас здесь оставили.

— Пойдемте, там уже начинают прощаться.

— А разве мы возвращаемся прямо сейчас?

— Не прямо сейчас, но сегодня. Вы свое дело сделали, вам больше не стоит здесь мелькать и нарываться на

неприятности. Маги еще на некоторое время останутся — архивы Скаррона разгребут и попытаются выяснить, куда этот придурочный ученик пристроил тело. А вы сейчас прощаетесь с конфедератами, потом отправляетесь к куфти, забираете Азиль и жезл, прощаетесь со всеми там, потом берем телепортиста, я везу вас в Поморье, а оттуда телепортист переправляет в Дазн-Рисс. Ты остаешься там, а Виктора Макс после отведет к своим.

— Подожди, — спохватился Витька, — а как же Жан? О нем опять все забыли?

— Никто о нем не забыл, он

сказал, что остается с мэтром Феандиллем.

— Здесь? На Каппе? Он что, с ума сошел?

— Откуда я знаю?! — мрачно огрызнулся мальчишка. — Мистики — они вообще люди со странностями. Что для нас может показаться безумным, для них как раз обычный способ почитания своих богов. Он сказал, что будет нести слово божье пребывающим во тьме, или как-то так. Что ему выпала честь лично познакомиться с апостолом... что это, кстати, значит?

— У нас так называют группу особо приближенных последователей

Учителя, которые сопровождали его в странствиях, — попытался растолковать Витька.

— А он что, странствовал?

— Ну, у нас — да. А Жан в курсе, чем собирается заниматься его новый приятель?

— Проповедовать, как я понял.

— И он в пьяном восторге не соображает, чем это очень скоро кончится?

— Понятия не имею, о чем ты. Сам его спроси. Он, кстати, трезвый.

Прощание получилось не то чтобы долгим, но протяженным и разбросанным во времени и пространстве. Сначала с

конфедератами, без особых сожалений проводившими героев в легенду, где им и положено пребывать. Потом с жителями поселка у реки, и под конец — с кукфи и всеми, кто за лето успел там обосноваться. С Жаном Витька даже поругался напоследок, пытаюсь достучаться до здравого смысла, окончательно погребенного под религиозным экстазом, но потом вмешался святой эльф и быстренько их помирил. Буквально через минуту Витька попытался поругаться уже с ним, узнав, что этот ненормальный собирается взять в свое безысходное путешествие к грядущему съедению

не только Жана, а еще и Ллит, но перебранки не получилось — потенциальный участник уклонился. Сама девушка, похоже, не особенно циклилась на религиозном моменте, а просто благоговейно и платонически обожала прекрасного эльфа, а заодно и его столь же прекрасные, но абсолютно безнадежные идеи. Переубеждать или предостерегать ее было бесполезно, как всякую влюбленную деву какого угодно мира.

Старик Ушеб на прощанье похвастался достижениями в строительстве, пожаловался, что «эти безмозглые куротрахи собираются загадить ему гробницу», и передал

привет Дэну, Саше и «тому лощеному хмырю с ушами».

Даже Кайден напоследок бесстрашно пожал руку Элмару и пожалел, что они не останутся на его свадьбу. И Элмар даже не протестовал и вообще не выразил никакой враждебности. Более того — вежливо согласился передать привет Шеллару.

В Поморье их группа уменьшилась — Азиль Элмар увел куда-то в недра дворца, дожидаться лучших времен на пару с давно томящейся здесь королевой Мистралии, Мафей пошел повидать родственников, и остался Витька наедине с Максом, уже предчувствуя

подставу.

Мест здешних он не знал, и куда именно приволок его коллега — даже не представлял, но по роже было видать: какая-то пакость грядет.

Макс быстро окинул взглядом комнату, когда-то жилую, но теперь имевшую вид заброшенной хижины в пустошах, и присел на край голой деревянной кровати.

— Садись. Кое-что перетереть надо.

Витька не глядя нащупал за спиной тумбочку и присел, покорно ожидая грядущей пакости.

— Тебе еще не говорили, что в «Альфе» на неопределенное время

сменилось руководство и к нам опять послали проверяющих?

— Нет, — качнул головой Витька, уже понимая, к чему идет. Хрен тебе, дружище, а не новая работа. Не стоило и надеяться. Может, и в самом деле плюнуть на все и остаться? Сколько-то лет импланты протянут, хоть эти несколько лет прожить как человек... — Опять под тебя копают?

— За меня там Толик пока сражается, но мои проблемы — это мои проблемы, а я о тебе. К моим рекомендациям начальство отнеслось без особого восторга, но с некоторым интересом. Ничего конкретного не

обещали, но посмотреть на тебя и провести собеседование желание изъявили. И эта их позиция мне что-то не нравится.

— Думаешь, вербовать станут? Да брось, все же знают...

— Вот это мне и не нравится. Знают, но все равно жаждут с тобой поговорить. Вряд ли рассчитывают завербовать, хотя полностью исключать нельзя — вдруг они думают, что для тебя эта работа что-то вроде последнего шанса... Но скорей всего, дело намного проще. Они хотят получить информацию, которой не нашли в моих отчетах.

— А ты реально скрывал что-то?

— Вить, ну мы же с тобой не дети. Если они в верхушку координационного центра пробрались, то к отчетам полевых агентов у них гарантированно доступ есть. И если б я там хоть полусловом упомянул, например, что нам помогают куфти, через пару дней эта информация была бы у ордена. Любые наши планы тут же передали бы нашим врагам. А какой радостью для них будет узнать, что Мафей несколько месяцев гулял по Альфе как у себя дома, получив координаты от Толика, а ты неоднократно встречался с Шелларом, причем первый раз сам помнишь где...

— Понял. — Витька поерзал, пытаясь поудобнее устроиться на жесткой тумбочке. — Надо договориться, чтобы друг дружку не спалить.

— Нет, — серьезно покачал головой Макс. — Ты не понял. Я собираюсь подправить тебе память. Не нервничай, это всего лишь блок, который потом можно будет убрать.

— Ты что, мне не доверяешь?

— А ты всерьез надеешься, что ты гордо откажешься говорить или прикинешься ничего не знающим дурачком — и они тут же утрутся и отстанут? Есть куча способов получить информацию и без твоего

согласия. И законность этих способов мало кого заботит. Думаешь, почему они так ждали тебя и не попытались прижать меня самого?

— Значит, это все правда, что болтают про шархи и ментоскопы, или просто у страха глаза велики?

— Вот видишь, сам догадался.

— Так что, правда?

— Дэн тебе разве не говорил?

— Он в свое время уклончиво ответил, что сам не проверял, но дедушка рассказывал...

— Зависит от специальности и магической силы, но в принципе возможно. Что до меня — то это как раз моя специальность, и меня боятся

не без оснований. А для тебя блокировка памяти будет лучшим выходом. Врать не придется, под химией лишнего не скажешь, под ментоскоп можешь смело садиться и не сопротивляться — ни они ничего не узнают, ни ты не пострадаешь. А в остальном без лишних сантиментов вали все на меня, мне в любом случае хуже не будет.

— Может, мне проще будет вообще не ходить?

— А домой как ты попадешь?

— Я уже сомневаюсь, стоит ли вообще...

— Знаешь, дело, конечно, твое...

Но нюх мне подсказывает, что с твоей

памятью разобратся все-таки надо, и именно сейчас. Не знаю почему, но я своему чутью доверяю и ждать, пока ты определишься со своими сомнениями, не собираюсь. Сейчас я должен доставить тебя на базу...

— Прямо сейчас? — в ужасе встрепенулся Витька. — И я даже с Элмаром не попрощаюсь?

— Да я-то дам вам время попрощаться, но не забывай, что по официальной версии Элмар ничего о тебе не знает, и я должен тебя изъять под каким-то объяснимым предлогом. Я имею в виду, объяснимым для начальства, буде оно спросит, что я сказал местным и не заподозрили ли

они чего. Сейчас я могу придумать какой-нибудь там карантин, медосмотр или еще какую хрень, а достойного предлога вытащить тебя из дворца и отправить гулять по чужому городу в чужом мире у меня нет. Особенно учитывая, что потом у меня с большим интересом спросят, как я объяснил твое исчезновение Шеллару.

Его мнение опять никого не интересовало, но спорить Витька все же не стал. Отказаться от собеседования, пока оставался хоть призрачный шанс на легальную работу, он не решился бы никогда — уж проще потом просто сбежать, если

что...

— А что, если так и сделать? — поделился он внезапно возникшей идеей. — Сказать, что никак не объяснил и должен вернуть меня обратно. И вернуть. И пообещать вывезти при удобном случае.

— Ты что, решил остаться?

— А если и да?

— По мне — так ничего, но договорились на сегодня. И с меня потом не слезут, требуя тебя изловить и доставить. А то и поручат кому-нибудь поговорчивее, чем я.

— Хорошо, давай сейчас. Только пообещай, что, если я сбегу, ты не станешь меня ловить и доставлять. А

пока доберутся другие, я уеду с Элмаром.

— Куда?

— На подвиги, как он сказал.

— Вот балбес, пусть он сначала попробует сказать это Шеллару... Ловить тебя я конечно же не буду. Но затея в целом дурацкая и здорово смахивает на жест отчаяния.

— И ничего не смахивает, — огрызнулся Витька.

Макс промолчал. То ли в самом деле не понял, то ли прекрасно понял, но не хотел развивать дальше скользкую тему. Будь на его месте Шеллар, непременно уточнил бы: «То есть она им и является?» — и угадал

бы, зараза дотошная.

— Элмару я скажу правду, что бы ты ни думал по этому поводу, — проворчал Витька, не дождавшись ответа.

— Да говори, кто тебе запрещает, — устало отмахнулся Макс. — Только позаботься о том, чтобы его высочество не приперся потом тебя вызволять из застенков родной лавочки.

— Боишься, что у него это получится? — Удержаться от ехидства никак не удавалось. — А тебя потом виноватым сделают?

— Когда появится повод для контакта, виноватые уже не

понадобятся, — проворчал Макс. — И уже не будет иметь значения, получилось там у него или нет. Сам не понимаешь?

Их вялое перегавкивание прервал Элмар — как всегда беззаботный, уверенный в себе и готовый к любым подвигам, какие от него могут потребоваться.

— Ну что, ты готов? — с порога бодро возгласил он и получил в ответ хоровое «Нет!», исполненное такого раздражения, что даже растерялся слегка.

— Что у вас тут случилось?

Макс еще раз объяснил что. Реакция последовала предсказуемая

на сто процентов:

— Вы что, собираетесь отправить его туда одного и без оружия?

— Что бы он с собой ни взял, оружие у него все равно отберут под любым предлогом. А спрятать что-либо нет возможности, потому что для полной дезинфекции по классу «ноль» снять придется все. И это «все» тщательно обыщут. В том числе на магию детектором проверят. И даже если ничего не найдут, не факт, что вернут. Так что просто попрощайтесь на всякий случай и дайте мне сделать свою работу.

ГЛАВА 6

Винни в глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у охотника в голове был настоящий ум, а не опилки...

А. Милн

База службы «Дельта» только на первый взгляд казалась огромной. Когда же Кангрем прошелся по ней несколько раз — то в блок дезинфекции, то в медпункт, то в столовую, то на склад, то в жилые

боксы, — выяснилось, что устроена она примерно так же, как и ее близнец на Каппе, только площадь побольше. Наверное, их все клепали по типовому проекту.

В каждом отделе, куда он заходил, на него взирали как на восставшего из гроба покойника. Особенно женская часть персонала. Не каждый день такое чудо встретишь — чтобы агент потерялся на Каппе, проболтался четыре месяца автономно среди аборигенов, да еще и в самом центре боевых действий, и в конце концов вернулся живой, целый и даже почти в своем уме. У них, поди, за всю историю существования

агентства такого не случилось. А если до вспомогательного персонала каким-то образом дошла дурацкая история с пророчествами и богами, то и вовсе удивительно, как дамы еще не валяются пачками при виде такого охрененного героя. Романтика ж, мать ее так!

Витька с трудом отшутился от щебетливых медсестричек, жаждущих узнать, как у него так получилось, шустро сбежал от буфетчицы, многозначительным мычанием отделался от кладовщика и едва спасся от психолога, которая преследовала его до самого административного блока, на бегу

убеждая, что он жаждет «об этом поговорить» и вообще выглядит подавленным. Отмазки насчет собеседования, на которое он опаздывает, не проходили — себя психолог считала чуть ли не самой главной частью этого собеседования. Кадровик, правда, так не думал и невежливо захлопнул дверь перед ее носом, едва соискатель Кангрэм успел проскочить в кабинет.

Кроме кадровика — холеного, элегантного и всем своим видом словно возглашающего: «Взгляните! Оцените, как я успешен и благополучен!» — в кабинете находился еще один господин,

представившийся сотрудником бухгалтерии. Хотя этот господин тоже выглядел весьма стильно и солидно в своем дорогом костюме, можно было спорить на что угодно — если он и попал каким-то образом в бухгалтерию, то уж точно после десятка лет оперативной работы.

А еще в кабинете была очень подозрительная стена. Можно сказать, даже и не стена вовсе. И наверняка с той стороны за ними кто-то наблюдает.

— Тупой самодовольный дилетант! — возмущенно прошипела психолог в закрытую дверь.

— Извините... — Кто-то осторожно дотронулся до ее плеча. — Кто именно?

Она резко обернулась, все еще горя негодованием и намереваясь излить его на неведомого нахала, позволяющего себе...

И невольно отступила на шаг, наткнувшись на спокойный взгляд златокудрого эльфа, исполненный учтливового интереса.

— Это долгая история... — начала она, оглядываясь на дверь и прикидывая, разумно ли поднимать скандал. Если глава Темной Канцелярии поймет ее правоту и лично настоит на ее участии, никто

больше не посмеет отстранять ее от беседы с соискателем. Но не аукнется ли это потом при каком-нибудь удобном случае?

— Я знаю большую ее часть, — заверил господин Раэл. — Вас не допустили на собеседование?

— Мне вообще не дали поговорить с этим человеком!

— В то время как вы были уверены, что это ему необходимо, только он еще сам об этом не знает?

— Знаете что? — обиделась женщина. — Раз уж вам тоже захотелось пошутить на эту тему, попробую ответить доступным для вас способом: это необходимо в первую

очередь людям, среди которых ему предстоит жить. А уж потом ему.

— Я совершенно с вами согласен, — неожиданно сообщил эльф. — Вламываться на собеседование, пользуясь моим служебным положением, будет не совсем этично, но у нас есть другой способ понаблюдать за объектом и послушать его рассказ. Прошу за мной.

— Итак... — начал кадровик, — мы ознакомились с вашим послужным списком...

Витька попытался вообразить, что в этом самом списке может быть

написано. Сам он своего личного дела никогда не видел и, что его прежнее начальство сочло достойным упоминания, представлял себе весьма расплывчато. Значится ли там его вечная проблема с расходом казенных средств и нездоровая склонность гулять по родному миру в рабочем костюме? Или только важные события, как, например, обнаруженные и изловленные контрабандисты да боевое ранение в битве с вампиром? Или все до последней мелочи, включая каждую драку и каждый утерянный пункт из треклятой описи, над которой он чуть не поседел?

— В целом препятствий для трудоустройства в нашей службе мы не обнаружили, — продолжал между тем кадровик. — Местные костюмы вы уже видели, и вряд ли у вас возникнет желание пройтись в чем-то подобном по родному городу. С физподготовкой у вас, я вижу, все в порядке, для вашего возраста — так просто замечательно. Пробелы в обучении легенде не повредят, а восполнить их можно будет постепенно, в процессе адаптации. Но вот некоторые моменты не помешает уточнить. Прежде всего, я хотел бы проверить, как вы составляете отчеты.

— Да моих отчетов в архивах

«Каппы» чертова уйма, — почти натурально удивился Витька. —
Читай не хочу.

Кадровик терпеливо улыбнулся.

— Мы в курсе, что на родном языке вы пишете грамотно, умеете правильно построить предложение, согласовать падежи и даже расставить знаки препинания. Нас интересует не способ изложения текста, а, так сказать, фактическое наполнение. Для начала попробуйте сейчас в устной форме отчитаться обо всем, что произошло с момента вашего последнего отчета. То есть с седьмого мая по сегодняшний день.

— Насколько подробно? — Не

сказать чтобы постановка вопроса особо удивляла, но отчет за четыре месяца...

— Как если бы вы составляли регулярные еженедельные отчеты один за другим.

— Седьмого мая, — послушно начал агент Кангрэм, уже прикидывая, кто сломается раньше — он или слушатели, — я, согласно инструкции, законсервировал кабину, разобрал контрольное устройство и подготовил к перевозке в указанную точку. Вечером ко мне явился сотрудник католической миссии, который должен был отправиться домой днем ранее, но пропустил

время эвакуации и попросил взять его с собой...

— Что? — встрепенулся вдруг «бухгалтер». — Там еще и не один агент остался?

— А его... руководство разве не интересовалось? — невинно поинтересовался Витька, ни минуты не сомневаясь, что Жаново начальство только вздохнуло с облегчением и перекрестилось.

— Агент Рельмо докладывал, — напомнил кадровик.

— А почему он тогда этого второго не привез? — не унимался бухгалтер. — Где он?

— Там же, на Каппе. Отец Жан

жив и здоров, даже трезв, что удивительно, но возвращаться отказался. Не силком же его тащить.

— То есть как — отказался?

— Сказал, что продолжит свою работу. Я тоже не совсем его понимаю, но религиозные люди иногда настолько иначе мыслят... что проще смириться, чем понять.

— Продолжайте, — вмешался кадровик, — об этом мы доложим кому надо, и пусть разбираются.

— Поздно вечером ко мне зашел попрощаться местный убас, обнаружил священника, с которым тоже был знаком, и у них завязалась глубокомысленная теологическая

дискуссия, мне совершенно неинтересная, поэтому я пошел спать. Рано утром восьмого мая, примерно в начале пятого, я вышел из дому, чтобы еще раз проверить машину. У соседа напротив горел свет, и я решил зайти еще с ним попрощаться. В это время и начался обстрел. Что именно свалилось мне на голову, я заметить не успел...

Ну в самом деле, какой дурак станет докладывать, что напился до отвала печени и пошел к местному доктору за помощью?..

В комнате наблюдения уже сидел давно примелькавшийся на базе

ревизор из центра. При виде входящих он вскинулся и начал было: «А вы что здесь...», но, узнав начальника Темной Канцелярии, умолк на полуслове и только злобно зыркнул на его спутницу.

— Примерно то же, что и вы, — невозмутимо откликнулся Раэл, занимая свободный стул. — Только вас, наверное, интересуют ответы соискателя. А я пришел послушать, какие вопросы ему будут задавать. И кто именно. И каких ответов будут ждать. И главное — как отреагируют, не получив ответов на некоторые свои вопросы. И кстати, не помчится ли сейчас кое-кто предупредить

подельников о моем присутствии. Это я отмечу особо.

— Ваше присутствие ожидалось, господин Раэл, — процедил мужчина, опустив глаза, чтобы эльф не заметил полыхнувшей в них ненависти. «Глупо, — отметила про себя психолог. — Эльф-менталист и не видя твоих глаз знает, что ты его ненавидишь. Вот только за что?» — Так что никто никуда не побежит.

— Прекрасно, — одобрил эльф и кивнул в ее сторону. — Доктор Робертс, ваш штатный психолог. Необходимо определить объем реабилитации, который потребуется, если соискатель не получит работу в

поле и вынужден будет заново социализироваться в обществе... Да, кстати, связь я вам отключил.

— Что?! — орлом взвился ревизор, уже не пытаясь скрыть бешенства. — Вы не имеете права вмешиваться в ход собеседования!..

— Имею, — преспокойно отозвался Раэл, уделяя больше внимания своему маникюру, чем разгневанному ревизору. — Мы курируем эту лавочку, если вы забыли. Подбор персонала в том числе, особенно после прошлогодних событий. Но сейчас я этим правом не пользуюсь — я всего лишь наблюдаю. А вот вы как раз не имеете права

давать указания сотруднику, проводящему собеседование. Это превышение служебных полномочий. Вы здесь не работаете. Вы только смотрите, как работают другие. Наблюдаете, проверяете, фиксируете нарушения. Но не отдаете распоряжений по текущей работе, как будто вы здесь не посторонний человек, а руководитель высшего ранга.

Доктор Робертс с отрешенным выражением лица и тайным злорадством в душе наблюдала за ходом собеседования. Этот ревизор успел достать всех, а среди женской части персонала и вовсе снискать

единодушную ненависть, ибо
замахивался на святое — на душечку
Макса! Сама психолог отвязалась от
ревизора с профессиональным
изяществом, но до сих пор с
удовольствием представляла себе, что
сказала этому хорьку региональный
координатор Натанзон за закрытой
дверью, из-за которой он потом
выскочил с таким видом, словно его
там изнасиловали с особым
цинизмом.

— Что вы можете сказать как
специалист? — вполголоса
поинтересовался эльф, доверительно
наклонившись к ее уху.

— Сейчас он нейтрален, — так

же тихо отозвалась она, — и тщательно избегает конфликта, по понятным причинам. Реакции в пределах нормы. Чтобы сказать точнее, мне нужно самой побеседовать. Задать конкретные вопросы. Провести тесты. Или хотя бы посмотреть на его реакцию, если ему откажут. Не могу же я давать заключение только на таких эфемерных основаниях, как взгляд, интонация голоса...

— Вы тоже обратили внимание, как смотрели на него женщины?

Доктор сдержанно улыбнулась, подивившись столь выдающейся наблюдательности.

— Разумеется. Более того, я сама женщина. Только в отличие от нашей доброй буфетчицы могу профессионально подойти к вопросу.

— Да, — серьезно кивнул эльф. — Кто осознанно, кто нет, но вы чувствуете зверя.

— Несколько метафорично, но в целом я поняла, что вы имеете в виду.

— Следует отдать должное вашей проницательности: для окружающих наш соискатель — вернее, зверь внутри его — действительно может быть опасен. Чтобы выжить там, где он побывал, ему пришлось отказаться от некоторых социальных навыков и отбросить некоторые законы

общества, в котором он вырос. Мало того — там он получил статус, который давно утратил в родном мире, а такие вещи очень хорошо закрепляют новые навыки. В результате, стоит кому-нибудь любым возможным образом покуситься на его новый статус, попытаться опустить его на прежнее место — и зверь покажет клыки. Наш вновь обретенный сотрудник будет защищать свое место под солнцем теми же способами, какими его завоевал. Потому что другими он, увы, не способен эффективно пользоваться. Вы, конечно, еще проверите по своей методике —

беседы, тесты, что там еще принято у людей, — но я могу сразу, с первого взгляда подтвердить ваши опасения. И осмелюсь дать вам совет: как можно скорее доложить о ваших наблюдениях в письменной форме, чтобы на вас не возложили вину за будущие жертвы.

— Ваши предположения заходят настолько далеко? — уточнила психолог скорее из вежливости, для поддержания разговора. В глубине души она и так знала, что на самом деле это никакие не предположения, а вполне себе факты, и отчаянно завидовала этому эльфу. Ну почему люди не могут так же?

— Поверьте мне. Я не шучу насчет жертв. Если ему откажут вежливо и отошлют домой с извинениями — жертвы будут позже и дома, какие-нибудь случайные идиоты, которым не повезет нарваться. Но если вот эти господа, — эльф кивнул на прозрачную стену, — попытаются его унижить или, еще хуже, вербовать под давлением — мы увидим зверя прямо сейчас.

— Мы должны их предупредить! — уже всерьез заволновалась доктор Робертс. — Они же могут пострадать!

— Не надо, — безразлично отмахнулся глава Темной

Канцелярии. — Они сами прекрасно это понимают. Вы разве не обратили внимания на господина, которого нам предлагается считать бухгалтером? Вопрос лишь в том, хотят ли они спровоцировать конфликт и нужно ли им это.

— И вы хотите это выяснить экспериментальным путем.

Темные глаза эльфа заискрились весельем.

— Так ведь сами они не скажут мне правды, а сканировать их я не имею права. А сейчас давайте прервем нашу научную дискуссию — кажется, начинается самая интересная часть собеседования.

Кангрем со всей возможной кротостью уставился в глаза собеседника, который просто лопался от негодования.

— Именно так, не помню.

— У вас проблемы с памятью? — уже не скрывая угрозы в голосе, поинтересовался кадровик, приподнимаясь над столом в попытке внушить виновному почтительный трепет. Попытка получилась настолько жалкая, что Витька даже изображать это самый трепет не стал.

Не уверен, что правильно будет назвать это проблемой... — Он пожал плечами с видом человека, который

все сделал по инструкции и теперь не понимает сути предъявляемых претензий. — Перед переправкой на базу агент Рельмо объяснил мне, что некоторые известные мне факты представляют жизненно важный интерес для контрабандистов, которых он все никак не может выследить. Что их люди давно внедрились и в вашу службу, и в центр «Альфа» и будут стараться добыть из меня эти сведения любыми способами, в том числе незаконными. Я согласился с его доводами и позволил заблокировать нужные участки памяти. Поэтому ответить на ваш вопрос я не могу. Даже не факт,

что из-за подправленной памяти, — таких подробностей я мог просто не знать. А это действительно настолько важно?

Если у любознательных господ и возникло желание придушить его на месте, они все же сумели не показать виду. Но вот растерялись довольно заметно — по беспомощным взглядам, которыми они обменялись, можно было предположить, что на этом месте им надо бы с кем-то посоветоваться, уточнить, согласовать, получить указания, но возможности такой у них нету. Странно, почему? Если над ними кто-то есть, то по идее должен бы сейчас

наблюдать из-за той подозрительной стены и держать связь...

«Бухгалтер», видимо, что-то все же надумал — решительно поднялся и без объяснений покинул кабинет. Кадровик проводил его таким взглядом, словно его бросали посреди пустошей без воды и оружия, и зачем-то опять уткнулся в Вить-кино личное дело.

— Продолжайте, — уже не так уверенно скомандовал он.

Витька вспомнил, на чем остановился, и дисциплинированно продолжил, хотя по физиономии слушателя было видно, что интерес к истории незадачливого агента он

утратил, зато новостей от ушедшего товарища ждет с нетерпением и тревогой.

Прошло пять минут, десять, двадцать, дело дошло уже до взятия Пятого Оазиса, а лжебухгалтер все не возвращался. Кадровик все больше нервничал, забеспокоился и Витька — дальнейшие события и без Максова вмешательства давно перепутались в памяти, и восстановить точную хронологию он бы не смог при всем желании.

Наконец дверь подала признаки жизни, и на лице кадровика отразилась такая непередаваемая гамма чувств, что Кангрэм не

выдержал и оглянулся посмотреть — что же там происходит?

И сразу же понял, почему господа не смогли посоветоваться с начальством и почему не вернулся «бухгалтер».

Глава Темной Канцелярии аккуратно прикрыл дверь за собой и замер мраморной скульптурой — если, конечно, у скульптур бывают настолько самодовольные рожи.

— Добрый день, — произнес он таким многообещающим тоном, что Витька поспешил отвернуться, наскоро через силу кивнув в ответ. Надо же умудриться — в простое приветствие вложить столько

скрытого смысла... — Как ваши успехи?

— Здравствуйте... — слегка опомнился кадровик. — Чем обязаны столь пристальному вниманию?..

Раэл легким движением передвинул стул и уселся с боковой стороны стола.

— Прошлогодний инцидент, — неторопливо изложил он, — заставил нас всерьез озаботиться подбором кадров в вашей организации. Поэтому я решил лично понаблюдать за процессом.

Позвольте поинтересоваться: собеседования обычно проводите лично вы?

— Иногда. В особо интересных

случаях.

— Вот как. И всегда уделяете такое... — уголки бирюзовых губ едва заметно дернулись вверх, — пристальное внимание умению составлять отчеты, что это занимает первый час собеседования?

— У нас индивидуальный подход, — живенько выкрутился кадровик.

— Вот как. То есть у вас возникли сомнения, что полевой агент с шестилетним стажем работы умеет составлять отчеты? И никакие другие его навыки, умения и личные качества вас не заинтересовали?

— Мы как раз собирались к ним

перейти. И, простите уж, при всем моем уважении, вы не настолько компетентны, чтобы судить о наших методах.

— Тогда переходите, прошу вас. Не стоит дальше тянуть время, инструкций вы все равно не получите, поскольку в данный момент человек, от которого вы их ждете, старательно объясняет, по какому праву намеревался их вам давать. Не надо изображать удивление — он даже не пытался скрыть свое участие. Уж не знаю, с какой стати ему показалось, будто он этим правом наделен свыше и может на нем настаивать в агрессивной форме. Господин, чей

стул я сейчас занимаю, тоже не вернется — он очень занят подбором объяснений своему странному поведению. Согласитесь, довольно странно для охранника самовольно называться бухгалтером и вмешиваться в кадровую работу агентства.

Кадровик побелел, все его самодовольство куда-то подевалось, и попытки удержать хорошую мину при плохой игре были очевидны даже для Витьки.

— Вот как? Я не знал.

Раэл откинулся на спинку стула и благосклонно кивнул:

— Ваши объяснения я выслушаю

позже, когда вы закончите собеседование. А сейчас продолжайте. Там еще психолог ждет своей очереди.

Приободрившийся было агент Кангрем с огорчением отметил, что неприятности сегодня ждут не только липового бухгалтера и его подельников. А он так надеялся, что от психолога удастся отвязаться! Этот чертов эльф, похоже, удовольствие находит в том, чтобы мелко пакостить всем попавшимся под руку людям, не разбирая своих и врагов...

Собеседование закончилось поразительно быстро — попробуйте

нормально работать под
выжидающим взглядом хищника,
который сидит у вас над душой и
смачно облизывается на ваши
печенки-селезенки. На месте
кадровика Витька и сам бы
постарался побыстрее закончить со
всем этим представлением.

Зато психолог вымотала из него
всю душу, выпила всю кровушку до
последней капли похуже вампира, да
еще и осталась недовольна
результатом — по ее мнению, для
должного изучения клиента надо
было помариновать еще дня три, и она
бы так и сделала, если бы с нее не
требовали отчет к завтрашнему утру.

После такого денька человеку полагалось бы рухнуть замертво и проспать полсуток, как после утомительного затяжного боя, но Витька так разнервничался, что не мог уснуть до глубокой ночи.

Рановато он обрадовался, что отвязался наконец от конфедератов с их идиотскими пророчествами. Стремительный поток, что нес его до сих пор, не остановился просто так — он только влился в большую реку, которая с аналогичным энтузиазмом подхватила подвернувшуюся щепку и понесла дальше.

Еще после разговора с Максом стоило догадаться, что вернувшийся

из центра событий агент Кангрэм в очередной раз станет инструментом в чьих-то интригах, а уж после персонального явления Раэла только тролль не догадался бы. Никого всерьез не интересует, получит он эту работу или нет, — ни Темную Канцелярию, ни их противников, его просто используют, как фигуру на доске, для очередного удачного хода или успешного удара. Макс, может быть, и в самом деле хотел как лучше, чисто по-приятельски, но получилось то, что получилось, и он ничего не мог изменить. Только предупредить да оградить хотя бы от участия в самых грязных и опасных уровнях

политических игрищ. И на том спасибо, но все равно до чертиков обидно сознавать, что его судьба зависит не от собственных усилий и способностей, а лишь от потенциальной полезности в дальнейшей игре. Захотят еще попользоваться — двинут дальше по доске. Сочтут бесполезным — свободен, как куфтийская деревня... И что тогда? Долгие часы у вот таких вот психологов, бесконечное разбирательство по поводу сгнувшей казенной кабины, пустая квартира и очередные поиски работы, разве что у Дэна вовремя освободится местечко санитаря. Дом, мать его, милый дом...

Но даже это не самое страшное. В конце концов, не в первый раз он оказывается в такой заднице и давно усвоил, что черная полоса в жизни как минимум не смертельна. А после некоторых событий и вовсе научился рассматривать все не опасные для жизни передряги как мелкие неприятности. Он бы и не парился особо, если бы его ждало дома что-то, ради чего стоит вернуться. Но получается, что оно, это самое стоящее, почему-то осталось там, в иных мирах. Он никогда больше не увидит бесстрашного Элмара, его ушастого братца, нестигаемого убаса, святого во всех смыслах слова эльфа,

добрého волшебника с двумя именами для разных возрастов, великолепную мэтрессу Морриган и еще многих и многих людей — хороших, стоящих людей, — с которыми его столкнула судьба и которых всего через четыре месяца бессовестно отняла. Да что говорить, теперь он готов был каждый день по нескольку часов выслушивать воспоминания о молодости сварливого Ушеба, лишь бы не возвращаться в унылое место, которое по недоразумению считалось его домом...

И надо же ему было возвращаться! Да и черт бы с ними, с имплантами, сколько протянут,

столько и протянут. А заодно и с Максoвым обещанием вернуть его домой, можно же было сказать «не хочу» и остаться, ведь Элмар предлагал... Неужели у Макса могли из-за этого быть неприятности, он же не обязан тащить потеряху силком, если тот не хочет. Ну что за придурок, всю жизнь вот так: где стоило бы промолчать и сдержаться — лезет на рожон, а где надо проявить решительность — мнетя и сопли жует, пока не станет поздно что-то делать.

В подобных невеселых размышлениях провел незадачливый герой большую часть ночи,

вытянувшись на хлипком откидном матрасе и бессмысленно пялясь в темный потолок. А наутро, невыспавшийся и злой на весь свет, был безжалостно поднят с первыми лучами солнца непривычно деятельным инспектором Темной Канцелярии. Если бы Толик еще и сиял своим обычным оптимизмом, ей-богу, заехал бы в ухо, но сегодня толстый эльф был почему-то серьезен и суров.

— Вставай живо! — даже не пытаясь над чем-нибудь пошутить, потребовал Толик. — Тебя твой новый региональный координатор ждет на инструктаж.

Мир, уже почти пришедший к традиционной унылой гармонии, в который раз перевернулся.

— Так меня что, берут? — изумленно переспросил Витька.

— А ты сомневался? — хмыкнул инспектор. — Раэл тут вчера такое шоу устроил, что после этого не взять тебя было бы равносильно чистосердечному признанию в дюжине преступлений. Правда, радоваться рано, щемить еще попробуют, но, работая в поле, от этого легче уворачиваться. Вот Мануэль уже сколько времени успешно крутится, да и для тебя не внове подправлять отчеты,

справишься хотя бы первые пару месяцев, а там уж что-то решится.

— А чего смурной такой? — поинтересовался Витька, оглядываясь в поисках полотенца. — Не рад, что ли?

Толик недовольно поморщился.

— Ага, вот весь мир вокруг тебя крутится, и только ты нас, сырых, можешь обрадовать или огорчить. Север опять накрыли, вот почему. Как только ты на базе оказался, так мигом и... Наверное, все же переделали эти установки на что-то более компактное и мобильное.

— И?.. — Витька замер, позабыв о найденном полотенце.

— И все на Каппе остались. Я там вечером побывал. Мафей обрыдался, Джоана упилаась в хлам, Макс изматерил все на свете и косу на тряпку извел, Вельмир опять постарел от огорчения, Морриган чуть мне пуговицы не оборвала, требуя доставить ей биоматериал или хотя бы имена и портреты конкретных виновников для достойного проклятия, Ушеб рвался в бой, как обожравшийся грибов гном... Только Силантий, кажется, ничего не заметил.

— Макс тоже там остался? Они что, не знали?..

— Ага, не знали! — фыркнул

Толик. — Да только и ждали небось, когда он тебя доставит, а сам свалит. Прикинь, какой козырный способ от него избавиться — он хрен знает где, а они как бы и ни при чем, это ж как бы вовсе не они излучатели туда-сюда таскают, а некие загадочные враги.

— И... и что теперь? — растерянно отозвался Витька уже из душевой кабинки.

— Пока не знаю. Они там еще перерывают Первый Оазис в надежде найти-таки этот секретный Повелительский способ, но если не найдут...

— То что тогда?

— Раэл, сделав, как обычно,

морду куколкой, поклялся, что лично переправит их на Альфу, запустит в самый гадючник и прикинется блаженным Силантием.

Витька вспомнил казармы Пятого Оазиса и невольно вздрогнул.

— Знаешь, я б на твоём месте прислушался к просьбам насчет биоматериала. Эдак хоть без случайных жертв обойдётся.

— Если я не сотрясал воздух торжественными обещаниями, это ещё не значит, что не принял к сведению, — хихикнул Голик. — Ты долго ещё? А то мне надо тебя после инструктажа быстро и незаметно свозить к Дэну, чтобы он тебе

Максовы блоки снял, а то как ты будешь работать, ничего не помня.

— Да я только вошел! Лучше разъясни по-быстрому, что от меня требуется.

— Матильда тебе все разъяснит, со всеми техническими подробностями — что делать, чего не делать, что как будто делать и что кому докладывать.

— То есть она наша и ей можно доверять?

— Макса она все эти полгода прикрывала со всех сторон и о тебе позаботится. Только не злоупотребляй.

— Я что, когда-нибудь своих

подставлял?

— Нарочно — никогда, а сдуру теоретически можешь, — с эльфийской откровенностью поведал Толик. — Кстати, ты уже придумал, как воссоединишься со своим героическим напарником? По легенде, тебя Макс в Поморье оставил и обещал доставить телепортом прямо во дворец, по факту ни Макса, ни телепорта, добираться будешь через кабину в городе.

— А что, просто через парадный вход — не светит? Подойти к воротам и постучать. Там полно людей, которые меня знают. Кому надо, тем правду скажу, а для прочих —

телепорт не удался. Что ты хихикаешь, лучше бы объяснил, чего я не учел.

— Да нет, ничего... — давясь смехом, ответил эльф. — Думаю, даже получится. Просто вспомнил, что твой приятель Элмар двадцать лет назад избрал ту же тактику...

— Так сработало же, — огрызнулся Витька. Эту часть истории он помнил хорошо — тогда он еще был почти не пьян.

Толик еще раз хихикнул и чуть ли не с умилением в голосе пояснил:

— В том-то вся и прелесть!

Хотя Витька не усматривал в

ситуации никакой особой прелести и даже втайне опасался, что в отличие от удачливого Элмара может запросто обломаться, а то и по шее получить, сработало почти безупречно. Принца-бастарда к воротам не выпустили, опасаясь за его сохранность, но зато встречать гостя вышла лично ее величество. Мельком оглядела, сдержанно поприветствовала и коротко приказала впустить.

Когда тяжелые створки захлопнулись за его спиной, она сначала проверила, надежно ли заперты все засовы и восстановлены нехитрые укрепления, затем повернулась к гостю и все тем же

приказным тоном скомандовала:

— Следуйте за мной.

Только когда они преодолели в молчании примерно половину парадной аллеи, королева опять подала голос.

— Мы уже знаем, что случилось, — негромко сообщила она, оглядываясь, чтобы убедиться, что их никто не слышит. — В общих чертах. Диего виделся с мэтром Максимильяно. От эльфов есть новости?

— Не так уж много. Раэл...

— Не здесь, — оборвала его королева. — Шеллар хотел вас видеть. Расскажите все ему.

Витька вспомнил рассказ Элмара о высокой-превысокой башне и с тоской представил, что ему сейчас придется карабкаться туда, но неразговорчивая королева почему-то привела сто в кабинет на втором этаже, где не было никакого Шеллара, зато сидела его печальная кузина. Сейчас, впрочем, она выглядела не столько печальной, сколько занятой и чем-то озабоченной. При виде вошедших ее лицо на миг осветилось радостным изумлением и тотчас вернулось к прежнему выражению. Витька же, как обычно, не нашел ничего умнее, чем спросить:

— А разве мы не пойдём наверх?

И тут же мысленно обругал себя за непроходимую тупость, хотя было уже поздно.

— Нет, — качнула шлемом ее величество. — Там есть лишние уши. Шеллар сам спустится. Подождите здесь.

И деловито смылась, опять оставив их наедине. Как нарочно.

Витька в который раз со стыдом и раскаянием отметил, что принцесса Тина владеет собой намного лучше бестолкового пришельца и способна по крайней мере сохранить достоинство в неловкой ситуации. Хотя некоторое смущение и можно заметить, если специально обращать

внимание, она не превращается от этого в неуклюжего болвана, который не знает, что сказать, и либо несет всякий вздор, либо вовсе мычит нечто невнятное.

— Присаживайтесь, прошу вас, — пригласила она.

Витька торопливо поблагодарил и немедленно опрокинул стул.

Принцесса даже не улыбнулась, только намекнула, что кресла намного удобнее.

«И устойчивее», — мысленно добавил агент Кангрем, внимательно следя за каждым движением, чтобы не опозориться повторно. Общаться сидя оказалось намного удобнее — не

приходится то и дело переминаясь с ноги на ногу, да и руки есть куда девать: можно взяться за подлокотники и держаться.

— Как поживает ваш «маленький заговор»? — спросил он, пока традиционный вопрос о делах не задали ему.

— Как видите, — слабо улыбнулась Тина, красноречиво кивая на стол перед собой. — Никогда не думала, что мне когда-либо придется всерьез править...

— Тяжело? — посочувствовал Витька.

— Никакой труд не бывает легким. Но так даже лучше —

постоянные проблемы полностью занимают мои мысли и позволяют заполнить пустоту... — Она запнулась, словно не решаясь произнести вслух, затем все же решилась. — После того как моего супруга наконец похоронили, он перестал говорить со мной. Он ушел окончательно, навсегда. Так лучше, я понимаю, так должно быть, и это правильно, но... за это время я так привыкла к тому, что он все время как будто рядом...

Наверное, нужно было сказать что-то утешительное, найти правильные слова, но Витька не только не знал слов, способных

утешить в такой ситуации, а даже не верил, что они вообще существуют. Поэтому он опять ляпнул глупость, поначалу показавшуюся логичной и подходящей к моменту.

— Его похоронили только сейчас?

— Приспешники Скаррона не особенно заботились о захоронении павших врагов. Наиболее уцелевшие тела поднимали и использовали как рабочую силу, остальных просто бросали... Когда одна из наших ударных групп захватила храм Белого Паука, среди оставленных при бегстве зомби опознали многих эгинских воинов.

— Жуть какая, — совершенно искренне ужаснулся Витька, на миг представив себе, каково это — узнать родного человека в бездумно бродящем зомби. Наверное, среди множества зомби в Первом Оазисе тоже кто-то узнал знакомых, но его бог миловал. Хаши нашла старшую дочь в «виварии», но живой и рыдала больше от радости.

— Наверное... — Неизменно расправленные плечи принцессы чуть дрогнули, но лицо осталось сосредоточенным, а глаза — сухими. — Мне его не показали. Просто не было возможности — телепортисты уже ушли. Я даже

узнала намного позже и только тогда поняла, почему он со мной попрощался... Нет-нет, не нужно.

— Что — не нужно?

— Я вижу, вы мучительно подыскиваете слова для утешения. Так вот, этого — не нужно. Все возможные слова мне уже сказали не один раз. Лучше поговорим о чем-нибудь другом. Вот у вас, например, как дела? Вы останетесь с нами?

— Да, — торопливо закивал Витька. — Поэтому я и пришел.

К счастью, в этот момент хромой король дотащился наконец до кабинета, и разговор мгновенно перешел на более простые и понятные

темы. А то ведь, как в прошлый раз, опять сполз бы на приемы балансировки двигателей и строение рулевой тяги...

— Я рад приветствовать вас в Даэн-Риссе, — начал Шеллар таким официальным тоном, словно ему тоже вычистили из памяти все воспоминания об их долгом знакомстве. В следующий миг Витька понял почему — прямо перед его глазами появился лист бумаги, на котором неровным быстрым почерком было написано по-русски: «Нас не прослушивают?»

— Все в порядке, — заверил он, поднимая глаза на собеседника. —

Мою одежду и снаряжение проверили сначала эльфы, потом Дэн. До самого выхода меня сопровождал Раэл, так что подкинуть по пути тоже не могли — уж он бы заметил. Все чисто.

— Хорошо, — кивнул король, быстро смял бумагу, положил в пепельницу перед собой и поднес спичку.

— А кто писал-то? — не удержался Витька. — Неужто сам?

— Ольга, — кратко пояснил Шеллар. — Но теперь могу и сам. Я запомнил. Все прошло по плану?

— Я бы ответил, если бы меня в этот план посвятили.

— Раэл планировал проследить,

кто будет интересоваться закрытой информацией, открыто обвинить выявленных персон в пособничестве преступникам и воспользоваться скандалом, чтобы продавить нужное для вас решение.

Вот так просто, одной фразой...

— Наверное. Он мне не говорил.

Меня уведомили, что принимают, проинструктировали наскоро и отослали.

— Жить будешь здесь или в городе?

— Пока проживание в городе никак не обставить подходящей легендой, разрешили остаться здесь. Как только появится повод, перееду.

Но ты ж понимаешь, повод будет найти трудно — я вроде как явился из другого мира в чем был, без гроша в кармане и с пустыми руками, собственное жилье, в котором можно поставить кабину, мне разве что подарит кто-то. Надеюсь, ты не позволишь Элмару сделать подобную глупость.

— Разумеется. Связь для тебя предусмотрели?

— Посылать отчеты и получать указания мне предстоит через общую городскую кабину. Это пока. Когда я начну ходить в город без провожатого или найду постоянное жилье, можно будет оборудовать отдельную. Или

просто займу жилище прежнего агента, если его переведут. Ну а все, что неофициально, — как и раньше, через Дэна во сне.

— На словах что-нибудь передавали?

— Что делают все возможное. Что не отступят и пойдут до конца.

— Хорошо, в целом ситуация ясна. Перейдем к подробностям...

Витька мысленно застонал. Мало ему было психолога!

— Кому там не спится среди ночи? — Дверь королевской комнаты приоткрылась, и на площадку высунулась взлохмаченная голова его

величества. — Ольга, что случилось? По моим подсчетам, рожать тебе только через пару недель.

— И никаких других поводов для прогулки у меня быть не может? — Ольга невольно улыбнулась, представив себе, как он, наверное, испугался. Ну где-то там, в самой глубине души.

— Просто не спится или плохо себя чувствуешь?

— Да нормально я себя чувствую. То есть для моего нынешнего состояния это норма и есть, но попробуйте крепко проспать всю ночь, если любая поза кажется неудобной, да еще и пару раз за ночь

приходится бегать в туалет. А вы что не спите?

Шеллар пожал плечами — как ей показалось, немного смущенно.

— Ты же знаешь, я никогда долго не сплю.

— Работаете? — поинтересовалась Ольга на всякий случай — вдруг его величество занят, а она его отвлекает от важных государственных дел.

— Нет, скорее развлекаюсь, — улыбнулся Шеллар и жестом поманил ее к себе. — Если ты не намерена сейчас вернуться в свою комнату и попытаться уснуть, заходи, покажу кое-что занятное.

В комнате было открыто окно и царила темнота — видимо, его величество пытался соблюдать правила, которые на прошлой неделе объяснял Ольге и бестолковому виконту: не сидеть напротив окна при зажженном свете, обязательно закрывать шторы и, желательно, ставни. Открывать окно и подходить к нему только в полной темноте, а лучше не подходить вообще. Если быть совсем уж честным, правила эти он соблюдал только частично. Никогда не открывать окно в комнате, где круглосуточно находится Шеллар III со своей трубкой, — это медленное самоубийство, а уж если открывать

все равно приходится, то, чтобы удержаться и не выглянуть, надо быть кем угодно, но не любопытным королем.

— Вот, взгляни. — Он протянул Ольге подзорную трубу и указал куда-то в дальний конец парка, в сторону того самого кладбища, где нашел свой бесславный конец любвеобильный адъютант.

— Какая-то женщина идет по дорожке, — доложила Ольга, заглянув в трубу и поискав что-нибудь примечательное. — Это и есть «занятное»?

— Дальше, за оградой. Там хорошо видно, на одном из надгробий.

Видно было действительно хорошо — погода стояла ясная, и уже почти полная луна ярко освещала парк, поэтому найти объект наблюдений его величества не составило труда. На одном из надгробий сидели трое мужчин и что-то бодро черпали ложками из котелка.

— Вот эти трое, что ли? А кто это?

— Не узнаешь? — В голосе Шеллара послышалась знакомая добродушная насмешка. — А ты присмотришь.

— Ой! — тихонько вскрикнула Ольга, присмотревшись. — Это же тот самый парень, что меня замуж звал! И

тот дяденька, который переводил...

— Именно, — тихо рассмеялся король. — Нет, ну надо же, какой пройдоха!

— А что они здесь делают? Все же ушли...

— Я давно заметил, что рядовой Аман отличается слишком высоким для простого солдата уровнем интеллекта. Наверняка у него возникли те же сомнения, что и у меня, и он предпочел не отправляться в неизвестность при весьма высоких шансах, что партнеры их обманут. И должен заметить, способ дезертирства был выбран остроумнейший из всех возможных. Спрятаться на кладбище,

куда никто не ходит, в старой усыпальнице, которую никто не открывает...

— А кто им еду носит?

— Кухарка с черной кухни, которую этот шустрый господин очаровал еще весной.

— А почему они никуда не ушли до сих пор?

— Так ведь территория дворца охраняется по всему периметру. Я бы на их месте тоже не стал рисковать, а подождал бы, пока не минует опасность.

— И что вы теперь будете делать? — поинтересовалась Ольга, возвращая королю подзорную трубу.

— То же, что и прошедшую неделю, — усмехнулся Шеллар. — Ничего. Пусть сидят, они никому не мешают. Если связь с их родным миром все же восстановится, прикажу, чтобы их по-тихому извлекли оттуда и отправили домой. Они ребята неплохие и во время оккупации ни в каких бесчинствах не замечены, но оставлять их здесь тоже не самый разумный вариант. Во-первых, будь они хоть невинны как младенцы, им все равно не простят самого факта, что они воевали на стороне врага. А во-вторых, нечего нам здесь мутантов разводить. — Король сложил трубу и отступил в

глубь комнаты, жестом поманив за собой Ольгу. — Присаживайся... Тебе видно кресло?

— Да, конечно. — Ольга привычно заняла единственное кресло, предоставив хозяину устраиваться на кровати.

— Снилось что-то новое?

— Да... — неохотно отозвалась Ольга, поскольку рассказывать сон, в котором она еще сама не разобралась, ей не хотелось. — Но что-то такое невнятное, что даже не знаю, как объяснить. Наверное, мне надо...

— Если ты сейчас скажешь глупость вроде «посмотреть еще раз», ты меня очень разочаруешь, —

перебил Шеллар. — Понятно же, что еще раз тебе один и тот же сон никто не покажет. Чтобы увидеть что-то новое, надо поменять исходные. А чтобы это сделать, надо разобраться, какие именно обстоятельства следует исключить как неприемлемые. Поэтому «тебе надо» прежде всего рассказать свой сон мне, чтобы мы вместе попытались его объяснить, раз ты сама не можешь.

— Мы находимся здесь, в башне, — послушно начала Ольга, смирившись с неизбежным. — Снаружи идет бой, слышен шум. Что случилось с нашей башней — из сна непонятно; в ней будто что-то

взорвалось на нижних этажах. То ли зря мы сюда перебрались, то ли без разницы, где мы будем, вас все равно достанут... не знаю... Лестница рухнула, площадка провалилась, вы пытаетесь перебраться ко мне по уцелевшей балке, но больная нога вас подводит — подгибается, и вы срываетесь.

— И что здесь невнятного? — недовольно поморщился король. — Лишь тот простой факт, что тебе неприятно сообщать мне данный печальный расклад?

— Нет, это действительно просто неприятно... ладно, скажу честно, это ужасно, и до сих пор в дрожь бросает,

но невнятность заключается вовсе не в этом. Из всего увиденного совершенно непонятно, где же тут моя решающая роль. Повлиять на вашу ногу я не могу, поймать и удержать вас — тоже... Может, это намек, что я не должна от вас отходить вообще? Или просто отдать вам это колечко, которое мне вручила Кира?

— И думать забудь. — Его величество задумался и потянулся к трубке, затем спохватился и с обреченным видом сунул ее в рот пустой. — А зачем я, собственно, полез на эту балку, вместо того чтобы спокойно дождаться в комнате, пока нас отсюда не снимут? Ведь

провалилась только площадка и лестница? Или в комнатах тоже что-то было не в порядке?

— Наверное, потому что башня шаталась, — предположила Ольга. — Мы боялись, что она рухнет, и хотели уйти поскорее.

— А потом что было? Я имею в виду, что было с тобой? Ты воспользовалась артефактом или стояла столбом, пока башня не обрушилась вовсе? Или сон и закончился тем, что ты стоишь на пороге и смотришь, как я падаю?

— Не совсем этим, но если вы намекали, что это предупреждение мне, то нет. На конец сна я еще не

ушла, и башня еще не рухнула. Может, будет продолжение — отдельно о том, как вредно стоять столбом, когда все вокруг рушится. Но этот конкретный сон был о чем-то другом. Скорей всего, это действительно предупреждение: я должна что-то сделать, чтобы вы не ходили по этой балке, потому что вы по ней не пройдете... Ой, кажется, я поняла!

— Нет! — почти в один голос с ней воскликнул король. — Даже пробовать не пытайся!

И ведь наверняка все понял с первых слов, но притворялся шлангом и уводил разговор в сторону в надежде, что сама она не догадается!

— Почему это?

— Мы договаривались — все твои мероприятия по спасению моей персоны не должны представлять опасности для тебя лично! Ты ничем мне не поможешь, если свалишься сама.

— Да почему я должна свалиться? У меня обе ноги здоровые!

— У тебя смещен центр тяжести и нарушена подвижность, ты точно так же не пройдешь там! Взгляни на себя, ты по прочному полу ходишь вперевалку и постоянно выгибаешься назад, потому что живот опрокидывает тебя вперед. К тому же эта ненадежная и явно поврежденная

балка может просто обломиться под тобой.

— Не выдумывайте, ваше величество, под вами же не обломилась, а я даже с «киндерсюрпризом» легче вас килограмм на двадцать минимум.

— Значит, по первым двум пунктам возражений нет?

— Нет уж, ваше величество, я обязательно попытаюсь пройти к вам сама, что бы вы по этому поводу ни думали. А если это и вправду так опасно для меня, как вы рассказываете, мы узнаем об этом из очередного сна. Ведь логично?

Шеллар III поскрипел зубами о

мундштук, тихо вздохнул и все же вынужден был признать, что логично. Но не удержался от уточнений:

— Надеюсь, если предложенный тобою вариант окажется неприемлемым, ты же не скроешь это от меня и не попытаешься поступить вопреки всем предостережениям, как моим, так и тем, что свыше? Ты ведь понимаешь, что будет с Кантором, если он тебя опять потеряет?

— Вот не надо считать меня совсем уж тупой и ненормальной! Конечно, если так — будем искать другой выход.

— Кстати, о вариантах. А какую роль в твоём сне играл наш

ушибленный сосед? — Его величество красноречиво кивнул на стену, за которой обитал упомянутый сосед, словно без уточнений его бы не поняли. — Он вообще при этом присутствовал, и если да, то предпринимал ли собственные попытки спастись?

— И если предпринимал, то какие именно и насколько успешные, — продолжила Ольга. — Я начинаю понимать, почему Диего так шарахался от бесед с вами. Нет, виконта я не видела. Чтоб вы не уточняли лишний раз — это не значит, что его там не было, это значит только, что я не видела. Он

мог быть где-то в безопасном месте, или в своей комнате, за моей спиной, или уже внизу — вот под ним, кстати, эта балка проломилась бы запросто. Если будет еще один сон — я специально обращаю внимание.

— То есть еще один вариант — ты не знаешь просто потому, что не обратила внимания? — не удержался дотошный Шеллар.

— Может быть и такое. Вы же меня знаете...

В дверь нерешительно поскреблись, и Ольга немедленно воспользовалась поводом отвязаться от бесконечных вопросов и дурацких советов «не рисковать».

— Кто там? Это вы, виконт?

— Мне можно войти? — с непривычным смущением в голосе отозвался из-за двери «ушибленный сосед».

— Разумеется, — пригласил король, безукоризненно скрыв досаду. — Входите, присоединяйтесь. Вам тоже не спится?

В отворившейся двери воздвиглась огромная темная фигура, заслонив собой почти весь проем.

— Извините, я не знал, что здесь дама... — еще более смущенно пробормотал ночной гость, прикрывая за собой дверь. — Я бы оделся подобающе...

Ольга заверила его, что ничего страшного в его наряде не усматривает, он же в штанах и даже в рубашке, и вообще она сама-то в халате, а его величество не в счет, он и не ложился даже...

— Ольга, прошу тебя, не тарахти, — остановил ее король. — Присаживайтесь, виконт. Где-то там, у шкафа, должен стоять стул. Что-то случилось, головная боль беспокоит или просто бессонница?

Бакарри помедлил с ответом. Сначала осторожно, натыкаясь в полумраке на мебель, добрался до указанного места, затем аккуратно, словно пробуя на прочность,

опустился на стул, уныло свесив голову, так что лицо почти полностью скрылось под упавшими волосами. В этой позе он сильнее чем когда-либо напоминал Элмара в момент утреннего покаяния после очередной пьяной выходки. Наверное, они и в самом деле братья...

— Я вспомнил, — с обреченной решимостью произнес виконт, не поднимая головы.

— Хвала высшим силам, — сдержанно кивнул король, не спеша выказывать радость по этому поводу или же полагая, что столь откровенная реакция может быть принята за злорадство. — Я уж начал

было опасаться, что последствия оказались серьезнее, чем ожидалось. Однако вы выглядите расстроенным. Если вам трудно говорить об этом сейчас, мы можем...

— Нет, именно сейчас. Я все равно не смогу спокойно спать с такими воспоминаниями...

— В таком случае я к вашим услугам.

— Вы ведь уже знаете, да? Вы с самого начала знали?

— Смотря что вы понимаете под «самым началом». Если это предположение, будто все случившееся было запланировано заранее, — то нет. Элмар должен был

только поговорить с вами и убедить, но, видимо, вы его чем-то сильно рассердили. Кстати, если вас это хоть немного утешит, он очень сожалеет о своей несдержанности и готов принести извинения. Если же ваш вопрос подразумевает, почему никто не потрудился восполнить пробелы в вашей памяти, — то да, я знал. Лично не присутствовал, но мне описали. А не сказал ничего потому, что счел более разумным дать вам возможность вспомнить все самостоятельно. Согласитесь, вы бы мне все равно не поверили. И не только мне — вы вообще отказывались верить в любые

неприятные для вас факты, кто бы их ни сообщил. Я даже не был уверен, что вы поверите собственным глазам, но попытаться все же стоило. Именно по этой причине и Элмар не признался во время второй вашей встречи — я ему запретил.

— Я был не прав, — глухо уронил Бакарри, по-прежнему не поднимая глаз.

— Я искренне рад это слышать.

— Я готов публично это признать и принести извинения в любой удобной для вас форме. Сегодня же утром.

— Да вы с ума сошли! — искренне ужаснулся король.

Не ожидавший такого поворота виконт поднял голову и, наверное, попытался что-то разглядеть в полутьме, но получилось это у него ничуть не лучше, чем у Ольги.

— Простите? — недоуменно произнес он, убедившись, что понятнее от этого не становится.

— Ни в коем случае не признавайтесь, что вы все вспомнили и намерены со мной помириться! Неужели вы не понимаете, что ваши бывшие соратники вас просто убьют, как только это услышат?

— Это невозможно! Они так же искренне заблуждались, как и я, более того, я сам их в этом убедил. Если я

все объясню...

— Я говорю не о ваших друзьях-патриотах, а об Астуриасе и его хозяевах. К тому же вы не можете знать, кто из упомянутых друзей искренне заблуждался, а кто сознательно поступился честью ради выгоды. Лучше не рискуйте. Либо молчите и делайте вид, будто ничего не помните, либо дайте им понять, что все вспомнили, но все равно намерены идти до конца. Вам поверят, если вы так сделаете? Вам хоть что-то доверяли или считали безнадежно честным и обманывали в каждой мелочи?

— Доверяли. — Лицо невезучего

претендента на престол опять скрылось за повисшими лохмами, но и по голосу было ясно, что каждое слово отдается внутри его обжигающим мучительным стыдом. — Я не доносил на Элмара, это правда, но я знал, что он едет на смерть... и не остановил его. Потому что мне объяснили — так надо... И я согласился... Послушайте, да к демонам все, я их не боюсь. Убьют так убьют, стоит ли цепляться за жизнь, когда честь давно утрачена...

— Да вы что, сговорились?! — внезапно рявкнул король, рывком откладывая изгрызенную трубку. — Мало мне было одного недохвостого

самоубийцы! И этот туда же! Вы понимаете, что от ваших извинений не будет никакой пользы, если вас прихлопнут раньше, чем вы их произнесете? А тот простейший факт, что вашу смерть тоже повесят на меня, в вас тоже надо вколачивать методами Элмара, ибо иначе не доходит? И в конце концов, можете вы поручиться, что вас убьют одним аккуратным точечным ударом, а не разнесут для этого всю башню, в которой вы находитесь не один? Да, вы наделали ошибок, но чтобы адекватно их исправить, вы должны быть живым! Ваша торжественная смерть от непомерного раскаяния

будет не просто бесполезной, она еще и усугубит все, что вы натворили при жизни! Вы можете хоть раз сдержать порывы души и прислушаться к голосу разума? И в конце концов, неужели вам не интересно узнать точный ответ на вопрос, мучивший вас всю жизнь?

Ольга испуганно притихла, втиснувшись в кресло и вспоминая давние слова его величества о том, как он страшен в гневе.

— Так ли это важно теперь?.. — горько вздохнул виконт, вздрогнув широченными плечами, словно от внезапной боли. — Вам не говорили, что мне сказал Элмар, прежде чем ударить?

— Он проорал это так, что было слышно на полдворца. И что это меняет?

— «Ты мне не брат!» — вот что он сказал... — продолжил Бакарри, словно не слышал ответа.

— Что это меняет? — упрямо повторил король. — Истина не зависит ни от мнения Элмара, ни от его настроения. И в конце концов, это был не главный мой аргумент.

— Хорошо, я сделаю так, как вы хотите. И не кричите, вы напугаете даму.

— Ольга, ты что, в самом деле испугалась?

— Не то чтобы... но в следующий

раз предупреждайте, если соберетесь на кого-нибудь наорать. От неожиданности ведь и родить можно преждевременно.

Его величество рассыпался в извинениях, заверил Ольгу, что больше пугать ее не будет, и... вежливо выпроводил спать, сославшись на необходимость срочно обсудить с несчастным виконтом Бакарри некие глубоко политические вопросы, не предназначенные для нежных ушек прекрасных дам. Особенно Ольгу умилило прощальное напутствие «спи внимательно!» — она еще долго представляла себе, что подумал виконт, это услышав.

ГЛАВА 7

*Я считал, что скорее
Цезарь начнет давать
молоко, чем его похитят.*

Р. Стаут

Сознание собственной низости, глупости и ничтожности было нестерпимо мучительным. А то, что раскаявшегося изменника почти без единого упрека простили, делало душевные терзания виконта Бакарри еще мучительнее. Если бы ему прямым текстом не запретили сводить счеты с жизнью, он сделал бы

это без колебаний, но подробно расписанные последствия сего поступка, увы, были предсказаны с безжалостной точностью. Его смерть только усугубит все то зло, которое он совершил при жизни, и, как бы ни было невыносимо жить в бесчестье, сначала надо исправить все, что еще можно, а уж потом только задумываться о самоубийстве.

Еще один относительно действенный способ бороться с унынием — напиться до бесчувствия — тоже был недоступен. Строгая целительница запретила даже бокал вина за обедом, и теперь на стол вообще не подавали спиртного.

Просить кого-нибудь, чтобы тайком принесли, было слишком унижительно. Вот и маялся бедный виконт, не в силах избавиться от мрачных мыслей.

В таком состоянии ему совершенно не хотелось ни с кем общаться — будь то король, которому он изменил, брат, которого он предал, или милая девушка, которая изо всех сил пыталась его утешить. И уж меньше всего хотелось ему видеть кого-либо из «добрых советчиков», из-за которых потомок древнего и благородного рода (не говоря уж о королевской крови) так низко пал. Однако некие высшие силы, видимо,

сочли, что оставить его совсем уж безнаказанным будет неправильно, и именно сегодня, словно нарочно, в качестве кары за грехи, послали ему господина Джемайла.

Пользуясь статусом официального защитника, он навещал подопечного каждые несколько дней и за это время успел поднадоесть своими однообразными вопросами, но все же до сих пор это была связь со своими, свидетельство того, что соратники о нем помнят, поддерживают и заботятся. Теперь же, когда бывшие «свои» стали врагами, даже видеть эту заботливую рожу было противно, не говоря уж о

том, чтобы притворяться любезным.

— Как вы себя чувствуете сегодня? — последовал традиционный вопрос, неизменно завершавший формальное приветствие. — Есть ли новости?

— Лучше, — не вдаваясь в подробности, ответил Бакарри, не делая даже попытки приподняться с кровати, на которой все это время валялся в горестных раздумьях. — Но память пока не вернулась. А у вас что нового?

Обычно новости, приносимые адвокатом, представляли собой весьма общие рассуждения без конкретных имен и фактов — как он

сам объяснял, из-за того что собеседников непременно подслушивают.

— По городу ходят слухи, что вернулся принц-бастард Элмар. Вам его показывали или это лишь очередная попытка обмануть народ?

— Я его видел, — коротко отозвался виконт.

— Он настоящий?

— Я его не щупал.

— Но вы с ним говорили?

— Нет. Он сообщил, неприязненно на меня косясь, что все, что хотел, сказал мне при прошлой нашей встрече и не собирается повторять. — Это была чистая правда,

именно так и повел себя Элмар несколько дней назад, но тогда Бакарри действительно ничего не понял, а теперь непонимание придется изображать... — Сам, говорит, вспомнишь.

— Но вы не вспомнили.

— Нет.

— И не помните, что вообще с ним виделись.

— Не помню.

— Значит, велика вероятность, что и не виделись вовсе. Он точно настоящий?

— Ну откуда мне знать? Выглядел как настоящий. Может, он и в самом деле выжил и знать не знает,

кто его подставил.

— Очень может быть. При его-то доверчивости Шеллар может внушить ему все что угодно. В том числе убедить, что это не он, а вы навели на него орден.

Бакарри едва не ляпнул, что так оно и есть. К счастью, спохватился он вовремя, но с ответом непозволительно замешкался, соображая, какая же реакция с его стороны должна быть «естественной», как объяснял Шеллар.

— Это плохо... — наконец неуверенно выдавил он.

— Это очень плохо, — подтвердил Джемайл. — Переубедить

его нам не позволят. Просто не подпустят. Под нелепым предлогом, будто мы представляем угрозу для его жизни. Вот вы могли бы попытаться.

— Но он не хочет со мной говорить. И я совершенно не помню, что говорил ему в прошлый раз. И были ли вообще этот прошлый раз. Я даже не уверен точно, настоящий ли это Элмар.

— Когда вспомните, ничего не говорите и не пытайтесь с ним встретиться, пока не встретитесь прежде со мной и мы не обсудим возможные варианты.

— Хорошо.

— И на всякий случай, —

Джемайл понизил голос, — будьте готовы к тому, что вам придется просто бежать.

И опять он слишком долго думал над ответом, одновременно соображая, сойдет ли столь долгая пауза за обычную растерянность от неожиданного поворота в разговоре или там за последствия сотрясения мозга...

— У вас уже есть план? — спросил он наконец, вспомнив, что ему советовали попытаться что-то узнать об этих самых планах.

Джемайл пристально смотрел на него, словно изучал что-то новое и весьма любопытное. Затем достал из

кармана небольшой продолговатый предмет и чуть ли не вложил в руку.

— Я не могу говорить об этом здесь и сейчас, — понизив голос, пояснил он. — Возьмите вот это. Это аппарат для связи. Спрячьте под одеждой — например, во внутренний карман — и носите с собой. Когда придет время обсудить план побега, он завибрирует. Тогда уединитесь там, где вас никто не увидит, и нажмите вот эту кнопку. Мастер Астуриас или я расскажем вам, что делать. И будьте осторожны — если у вас найдут эту вещь, наша задача усложнится до невозможности.

— Я спрячу, — пообещал

Бакарри и, чтобы поскорей отвязаться от назойливого посетителя, все-таки убрал странную вещицу в карман, стараясь изо всех сил не показать, как ему противно даже прикасаться к ней.

Когда Джемайл ушел, он торопливо, словно боясь заразиться, вытащил прибор и бросил на столик у кровати. Легче от этого не стало — даже просто смотреть на него, просто знать, что эта вещь рядом, было неприятно.

Стиснув зубы и морщась от отвращения, виконт Бакарри встал с постели, двумя пальцами, как мерзкую гадину, подхватил «подарочек от соратников» и,

добежав до туалета, спустил эту пакость туда, где, как ему казалось, ей было самое место.

Только освободившись от удушающего омерзения и восстановив ясность рассудка, он сообразил, что опять сделал глупость. Умный человек непременно отнес бы эту «передачу с воли» Шеллару, раз уж сам не способен извлечь из нее пользу. А он так бестолково поддался порыву чувств и...

Печально созерцая пустой унитаз, Бакарри еще немного подумал и решил ничего не говорить о своем идиотском поступке, дабы не позориться.

— Ну что? — деловито поинтересовался Астуриас, откусывая кончик сигары. — Дал ты ему снаряжение и инструкции?

Господин Джемайл неодобрительно нахмурился.

— Потрудись не курить здесь. И так чудо, что о твоих визитах ко мне до сих пор не прознали, а ты еще и дымовые следы за собой оставляешь.

— Это уже не имеет значения, — отмахнулся мистралиец и все же прикурил. — Завтра никому уже не будет интересно, ходил я к тебе или нет. Ты не ответил на вопрос. Что-то не так?

— Плохие новости, — со сдержанным унынием фаталиста поведал Джемейл. — Наш кандидат ушел в отбой. Придется или нового искать, или что-то еще придумывать.

— Что с ним опять случилось? Его прикончили, перевербовали или его скудоумие после травмы усугубилось до клинической стадии?

— Увы, второе.

— Тогда как ты вообще оттуда вышел? И что он тебе сказал?

— В том-то и дело, что он мне ничего не сказал. Видимо, его попытались использовать в игре, но игрок из него сам знаешь какой. Он совершенно не умеет притворяться.

Он по полчаса раздумывал, что умного соврать, и у него на физиономии было написано, как ему хочется меня придушить и как противно играть свою роль.

— Ты точно уверен? — встревожился Астуриас. — Ты не мог ошибиться?

— Поверь, если бы ты его видел, ты пришел бы к тем же выводам. Повторяю, все его мысли были огромными рунами написаны у него на лице. Ему все-таки вправили мозги. Не знаю, как именно, скорее всего, Элмар личным авторитетом и живописными подробностями. Но способ здесь, полагаю, не особенно

важен. Важен факт.

— И что ты сделал?

— Сам понимаешь, давать ему инструкции, чтобы он тут же поделился ими со своими новыми друзьями, я не стал. Я задействовал запасной план.

— Тот телефон со взрывчаткой? Думаешь, его этот придурок не поволок сразу же показать Шеллару?

— Какая разница? Даже если и поволок, Шеллар не станет разбирать прибор, в котором ничего не смыслит. Напротив, он прикажет ждать звонка в надежде получить какую-нибудь информацию. Из башни прибор не вынесут, потому что он должен быть у

виконта. Самого его тоже не выпустят, потому что он и далее должен будет изображать узника. Ты сам говорил, что мощности там хватит, чтобы разнести весь этаж. Так что пусть твои специалисты смело действуют — Шеллар на этот раз никуда не денется, а наш придурок пойдет за компанию. Потом расскажем, что его злодейски убили еще до штурма.

Астуриас вздохнул.

— Жаль. Удобный был кандидат.

И наследник настоящий, и болван, каких поискать. Теперь придется как-то выкручиваться с этой истеричкой, пока чего получше не найдем.

— Ну и ладно, чем она тебе не угодила? Она тоже настоящая. А что их семья отказалась от прав — так это их насильно заставили, можно в любой момент объявить отказ недействительным.

— Да. баба она, баба, и этим все сказано.

— Мистралийские предрассудки, — фыркнул Джемейл. — Признайся уж, что она не так удобна, как этот бастард, потому что умна слишком.

— Она трусливая, нервная, избалованная потаскуха! — рыкнул Астуриас. — Когда она получит власть, сам еще наплачешься от ее

капризов. Как наместник со своей хинской принцессой.

— Не выдумывай. Дочь Монкара — умная, хладнокровная стерва, а что ей Шеллар рога пообломал — так вспомни, сколько раз он с тобой то же самое проделывал.

— Ты просто не видел, как она тряслась и причитала, что я ее погубил... — начал заводиться мистралиец, но речь его была прервана откровенным смехом.

— Ну надо же, такой серьезный умный человек, а ее причитаниям поверил! Да я эту даму как облупленную знаю. Если она устроила тебе спектакль с рыданиями и

нервной дрожью, значит, ей это было зачем-то надо, только и всего. Ты за нее не беспокойся, если все пойдет как надо — она с тебя еще компенсацию стрясет за свои душевные страдания, а случись беда — она и тут выкрутится, окажется несчастной жертвой и еще наши головы попинает.

Астуриас мрачно предъявил собеседнику два пальца.

— Вот ей, а не компенсация.

— Мне что теперь делать? — напомнил Джемайл.

— Пока ничего. Сиди дома и жди. Этой ночью вообще никуда не выходи, в городе может быть опасно.

Мы планируем повернуть все быстро, аккуратно и точно, но мало ли что может случиться. Что этот сукин сын прячет на верхних этажах и в подвале, так и не выяснили, и это мне не нравится еще сильнее, чем несвоевременно поумневший виконт.

— Ну, уж извини, — развел руками юрист. — Ты же не надеялся, что мне кто-то позволит шляться по дворцу без сопровождения и совать нос куда пожелаю?

— Да с тобой-то понятно, но ведь и другие попытки результата не дали. Бывших соратников Бакарри туда тоже не пускают, даже тех, кто сразу перешел на другую сторону и успел

доказать лояльность...

— Ну, на месте Шеллара и я бы не стал ничего доверять идиотам, пусть даже и лояльным, — вставил Джемайл.

— Паладины передвигаются по городу только большими группами, — словно не слыша, продолжил Астуриас. — Отсечь и расспросить одного ни разу случая не выпало. Санчес пытался выманить нового агента, но тоже что-то никакой реакции. То ли слишком умный, то ли недостаточно внимательный, то ли его просто не выпускают...

— А с него-то что взять? Вроде упоминалось даже, что ему память

подчистили, чтобы лишнего не ляпнул?

— Санчесово начальство допускает вероятность, что память ему вернули. Технически несложно, если эльфы подсуетились. Но даже если и нет — все, что он успел увидеть и узнать во дворце за эти четыре дня, ему точно никто не стирал.

— Ты вправду думаешь, что этого пришельца с Каппы успели допустить в избранный круг?

— Боевой товарищ Элмара, за которого тот поручился, да еще и многократно проверенный в боях, — это уже не чужой. Он должен что-то

знать.

— О, это возможно, — согласился Джемайл. — Вот только нам от этих знаний никакого толку, раз он так и не выманился. А времени у вас почти не осталось.

— Если он нас раскусил, толку и впрямь не будет. А если просто до сих пор не заметил — надежда еще есть. Знаешь, я-то давно привык не полагаться на планы и менять их по ходу действия, но последнее время это мало помогает. Хотелось бы хоть раз учесть все и сделать как положено.

Поначалу Витька опасался, что жизнь во дворце будет для него

очередным тяжким испытанием. Одна лишь попытка представить себя в антураже королевского двора вызывала у него истерический смех, потому что в воображаемых картинах непременно фигурировали некие абстрактные аристократы, безупречные, как их король; блистающие дамы в нарядах из костюмных фильмов и его драная майка, которую он на самом деле давно выбросил. В реальности все оказалось намного проще — видимо, жизнь на осадном положении, пусть даже и во дворце, сильно отличалась от мирной, описанной когда-то Элмаром.

Прежде всего, поголовье дам ограничивалось принцессой-регентом, двумя врачами и Максовой невесткой. Бронированная королева в их число не входила, ибо Витькин разум протестовал при попытке совместить летающий по лестницам комплект доспехов с образом дамы.

Воображаемых придворных бездельников не обнаружилось ни единого, зато дворец был битком набит солдатами. Немногочисленная прислуга почти не попадалась на глаза. Здесь и в мирное время не приветствовалась праздность, а сейчас все огромное здание было пропитано суровым духом войны, в

котором не было ни места, ни времени на расслабление. Самому Кангрему тоже не дали себя почувствовать гостем — в первый же день, едва он успел попрощаться с Шелларом, королева велела получить у интенданта доспехи и винтовку, после чего занять свое место на Центральной башне у пулемета, чтобы у Кантора наконец появилась смена.

Дежурства проходили однообразно — на дворец пока никто не нападал, пулемет простаивал без дела, а агент Кангрем со скуки изучал город с высоты Центральной башни — на будущее, чтобы не заблудиться, когда ему все-таки придется из>того

дворца выйти. Диего, который даже в свободное от дежурства время почти не покидал башню, охотно служил ему путеводителем. За прошедшие пять дней Витька успел узнать уйму интересного о городе и заодно о рассказчике. Теперь он мог безошибочно отыскать театр, в котором маэстро действительно играл до войны, дом Жака, где сейчас обитала толпа бездомных бардов, пустующий нынче особняк Элмара, «Лунный дракон», где Диего познакомился с будущей женой, и еще множество питейных заведений, которые он когда-либо почтил своим присутствием.

Вечером во вторник они, по обыкновению, сидели у подзорной трубы, которую установили на башне после случая со снайпером, чтобы облегчить задачу наблюдателям. Диего в последний раз перед заходом солнца осматривал окрестности, а Кангрэм, только что сдавший смену, раздумывал — посидеть ли еще немного или спуститься и повидать Элмара? Спать ему пока не хотелось, да и время-то еще детское... Опять же вдруг напарник еще чего интересного расскажет...

— Это еще что за хрень? — как бы самого себя спросил вдруг Диего, на мгновение отстраняясь от окуляра

и протирая глаз. — То ли у меня что-то со зрением не в порядке, то ли эти затайки из квартала Пляшущих Огней умудрились-таки обойти излучатели и теперь выпендриваются от счастья... Нет, ты посмотри на это! Впервые вижу, чтобы крыша мигала!

Витька, тоже не шибко знакомый с магическим мерцанием крыш, с интересом придвинулся ближе и заглянул в трубу. Искать долго не пришлось — и труба была уже нацелена в нужную сторону, и причудливые здания квартала магов заметно отличались от типовых городских построек. Да и мигающая крыша — не то зрелище, которое

можно легко пропустить или с чем-то спутать.

Для неподготовленного наблюдателя картина и в самом деле отдавала магической чертовщиной. Ближний скат нарядной черепичной крыши ежесекундно то появлялся, то исчезал, обнажая другую крышу — плоскую, с невысоким бортиком по краям и небольшой надстройкой посередине. А на той, другой, крыше высилась аккуратная стопка оружейных ящиков, валялись коробки из-под оргтехники, уходили в разобранный дымоход пара труб и пучок проводов, скромно отливал металлом бак порошкового

генератора...

— Вот суки... — не удержался Витька, сообразив, что именно он видит.

— Так это не магия... — миглом догадался мистралиец. — Это ваши?

— Они мне такие же «наши», как и тебе! — сердито отозвался агент. — Это не наша городская кабина, и столичный агент вообще в другом районе живет. Это берлога контрабандистов, сюда они переехали, когда из особняка Монкаров смылись. На крыше маскировочная сетка натянута, но у них то ли энергии не хватает, то ли датчики отсырели, и изображение

пропадает. Кабы не эта случайность, черта лысого мы бы там увидели, так бы и думали, что просто крыша...

— Так, наверное, доложить надо? Может, мы еще успеем до ночи их там накрыть?

— Само собой, сейчас пойду. Только снаружи вы там ничего не накроете. Будет то же самое, что и в Мистралии, — пустая хата и цельный блок пенобетона. Лучше я Матильде доложу, пусть она эльфам стукнет, те что-нибудь поумнее придумают.

— Тебе виднее. Только к Шеллару все равно сходи — его тоже надо предупредить. Если и не посоветует чего полезного, то хотя бы

будет знать, где ты.

Меньше всего Витьке хотелось бегать вверх-вниз по башенным лестницам лишь ради сомнительного удовольствия пообщаться с занудным Элмаровым кузеном, но парень был прав — предупредить надо. Обязательно. Хотя бы для того, чтобы не возникло вопросов, куда солдат с поста подевался. А ведь еще надо, чтобы его выпустили и потом впустили обратно. Ну и если, не дай бог, какая подстава — чтобы хоть кто-то знал, где он на самом деле.

Почему у него вдруг возникла мысль о подставе — он и сам не понимал. Ну какой дурак будет

светить свою берлогу лишь для того, чтобы агент ее засек и стукнул куда надо? Не рассчитывали же они, что агенту до сих пор восемнадцать лет и он геройски полезет туда сам, никому ничего не сказав? Правда, с Витькиным-то счастьем ни за что нельзя ручаться... Вдруг и впрямь за дурака держат, или подстава в чем другом заключается...

Шеллар оказался, как всегда, в своем репертуаре — именно о ловушке он подумал первым делом. Без всяких скидок на Витькино невезение, просто такая вот у человека профдеформация — всегда иметь в виду, что любой факт может

быть ложью, любое событие — частью чьей-то интриги, любое приглашение — потенциальной подставой.

— Ну как я могу быть уверен, — развел руками Витька в ответ на закономерный вопрос. — Я видел то, что видел. И предполагаю, что на мальчишеские выходки с моей стороны здравомыслящий человек рассчитывать не станет. А о чем-то большем судить...

— Значит, не уверен, — отметил Шеллар и, не поднимаясь со стула, дотянулся до книжной полки, где стояла средних размеров шкатулка. — Следовательно, это вполне может

быть провокацией с целью дискредитировать тебя как агента или выставить в неприглядном свете твоих покровителей в агентстве...

— То есть быстро все убрать, как будто ничего не было, а я, дурак, зря панику поднял? Ну, от этого можно и подстраховаться.

— Твоя предусмотрительность похвальна, но это еще не все варианты. Если ваше руководство решит послать туда группу, ее не перехватят по дороге с целью спровоцировать контакт?

— Не знаю, — повторил Витька. — Но неужто Раэл не просчитает этот вариант?

— Это аргумент, — согласился король, копаясь в шкатулке. — А что ты скажешь на вариант захвата тебя лично по пути к городской кабине?

— Думаете, я им настолько нужен? — недоверчиво нахмурился Кангрэм. — Они же не знают, что мне обратно память разблокировали. И насколько я допущен до ваших дворцовых тайн — тоже не знают. Неужто ничтожный шанс что-то из меня вытрясти стоит того, чтобы настолько хитрые комбинации вертеть? Ну не собираются же они меня вербовать, это глупо просто.

— Это — да, — согласился его величество. — Но есть множество

других способов использовать человека. Как-то раз ваш агент снарядил ко мне убийцу, навесив на него пояс со взрывчаткой и заверив, что это аварийный телепорт.

— Ну, со мной такая примитивная хрень не пройдет, — убежденно отозвался Витька. Разнообразные пакетики, скляночки и мелкие безделушки, которые Шеллар ровным рядочком раскладывал на столе, тоже не вызывали у него доверия.

— Не сомневаюсь. А хрень более утонченная — пройдет?

— Это в карман тайком подкинуть, что ли? Или как им еще

утончиться придется, учитывая, что я ни одному их слову не верю?

— Я всего лишь рассмотрел один из вариантов. А если все-таки тот самый «ничтожный шанс» — чем это может грозить тебе лично и всему нашему делу в целом?

— Для меня не проблема послать всех на фиг, если от меня потребуется действие. А вот если из меня попробуют достать информацию, это будет проблема. Несколько сотен лет развития химии и старый добрый ментоскоп на фиг не пошлешь.

— Значит, нужно позаботиться, чтобы до этого не дошло, — задумчиво изрек Шеллар, скользя

взглядом по разложенным на столе богатствам. — Прежде всего, тебе лучше не ходить туда в одиночку.

— Не могу же я притащить на точку местных!

— Ты можешь оставить их в ближайшем питейном заведении, как только убедишься, что путь чист, зато сопровождающие могут спугнуть засаду одним своим присутствием. К тому же твои одинокие прогулки по незнакомому городу будут выглядеть несколько неправдоподобно. Ты не сможешь убедительно объяснить, почему тебя отпустили одного.

— Не нравится мне это, ну да ладно...

— Кроме того, — продолжил его величество, — следует подстраховаться на случай, если охраны окажется недостаточно. Итак, что из наших припасов может пригодиться в случае схватки или пленения?..

— Это что, артефакты? Они ж не будут работать.

— Эти — будут. Мы на прощанье напрягли наших друзей кукфи зарядить все, что удалось собрать.

— Что-то я не вижу здесь знакомых украшений, — заметил Витька. — Прячешь? Или их просто сперли, пока тебя не было?

— Боги с тобой, что за глупости?

Мои обычные обереги — солидные, качественные вещи постоянного действия, они не разряжаются, и зарядить их соответственно нельзя. Их вывезли на север еще весной, сейчас они на хранении у кузена Элвиса. А это все одноразовые воровские штучки, насобирали что смогли... Пожалуй, тебе пригодится вот это...

Витька оторопело воззрился на дамскую шпильку для волос.

— Ты издеваешься?

— Нет, — невозмутимо отозвался Шеллар, аккуратно откладывая шпильку в сторонку. — Какая тебе разница, как выглядит артефакт, если он заряжен стазисом и его не

требуется носить — просто бросить о пол или обо что-нибудь твердое. Смотри только сам не попадись, радиус действия восемь локтей. Это на случай погони. «Вишенка» тоже полезная вещь. Дает ослепляющую вспышку света, так что не забудь предварительно закрыть глаза. Активируется аналогично — броском, особенно хороша тем, что ее можно спрятать во рту и в нужный момент просто выплюнуть. А вот это мечта любого вора... — Он бережно поднял двумя пальцами невзрачную петельку из суровой нитки. — Надень сразу.

— Куда? — не понял Витька.

— На запястье. Лучше на правое.

Ты ведь правша?

— А что она делает? — Он послушно подставил руку, и король ловко затянул нитку каким-то хитрым узлом.

— Освобождает от оков. Это, конечно, фигурально, на самом деле действует и на ремни, веревки, ткань — на все, что связывает руки. Не потеряй, вещица ценная и где-то даже памятная для меня лично.

— Семейная реликвия? — подковырнул Витька.

— Нет, скорее трофей... в профессиональном смысле.

— А включать ее как?

— Свистом. Ты свистеть умеешь?

Только не показывай!

— Умею.

— Хорошо... — Шеллар еще раз оглядел свои сокровища. — Боевое бы что-нибудь еще, но, кажется, ничего подходящего здесь нет. Успокоение нежити для тебя неактуально, огненные шары в маленьком помещении — самоубийство, заморозки я раздал женщинам, парные молнии, возможно, пригодились бы, но не в таком же виде... — Он кивнул на ажурные дамские перчатки, украшенные то ли стразами, то ли настоящими драгоценными камнями — Витька в этом не разбирался. — Свое кольцо я

тебе тоже не дам — на тебе будет слишком в глаза бросаться, заметят.

Да уж, этакая блямба на пальце первым делом привлечет внимание, это точно...

— Спасибо, мне и остального хватит.

— Возьми еще вот это на всякий случай. — Король добыл из-за манжета крошечный пергаментный пакетик. — Экстракт трубочника люминесцентного. Гномы еще называют его «аварийным грибом».

— Это тот самый, от которого дуреют и крошат все в пределах видимости? — подозрительно уточнил Витька.

— Нет, ты имеешь в виду мокричник пещерный, он же «бешеный гриб». Его принимают перед боем, для стимуляции агрессии. Тебе это не нужно, у тебя и своей дури хватает. Трубочник временно повышает физические данные и применяется обычно не в бою, а на производстве, потому его и называют аварийным. Например, если нужно срочно освободить придавленного вагонеткой товарища, или удержать рушащийся свод туннеля, или быстро разворотить завал. Я все-таки боюсь, что нитки может оказаться недостаточно или ее могут засечь.

— И что, его надо съесть?

— Спрятать за щекой, в нужный момент разгрызть и проглотить. Да, не удивляйся, если почувствуешь сначала неуместное веселье, а потом беспричинное уныние — это небольшой побочный эффект. Теоретически для людей есть еще один, более серьезный, — по окончании кратковременного прилива сил наступает обратный эффект. Но это точно не доказано — слишком мало людей пробовали на себе гномьи зелья.

— Спасибо, учту. — Витька спрятал «гостинец» в карман, очень надеясь, что он не понадобится. Потом не удержался и все-таки

спросил: — А ты-то его зачем таскал?

— А, — беспечно махнул рукой Шеллар, — на случай если что-то пойдет не так и виконт Бакарри все-таки попытается набить мне лицо. Теперь это уже неактуально, можешь себе оставить.

— Тогда я пошел собираться? И мне, наверное, надо к ее величеству подойти, объяснить?..

— Подойди и просто скажи, что тебе надо выйти в город и я просил выделить пару сопровождающих, по возможности сообразительных и не болтливых. За инструкциями пусть подойдут сюда, ко мне. Удачи.

Обычно такие пожелания Витька

воспринимал как насмешку, пусть даже и невольную. Но в этот раз почему-то даже внимания не обратил — просто поблагодарил еще раз и отправился искать королеву, которая могла быть где угодно.

Поначалу выход в город действительно напоминал прогулку. Хотя к тому моменту, когда Витька и трое «сопровождающих» покинули дворец, давно стемнело, на улицах было относительно спокойно. То ли центр города и прилегающие районы даже в это время оставались безопасным местом, то ли четверо вооруженных мужчин не располагали к душевным беседам о жизни и

кошельке.

Никаких засад им на пути не попало. Даже если бы поджидающие его злодеи при виде такой толпы вдруг передумали, ребята их все равно засекли бы — в провожатые Витьке выделили не солдат, а бывших подпольщиков из местной конторы.

Пошлявшись по улицам вокруг общей городской кабины и убедившись, что подозрительность Элмарова кузена временами доходит до паранойи, Витька, как и договаривались, попрощался с ребятами на пороге ближайшего кабака и направился на точку.

Вернуться он рассчитывал сразу, но на случай, если его решат задействовать или просто захотят расспросить подробнее, у сопровождающих были инструкции ждать до закрытия заведения и затем возвращаться. Обратную дорогу он запомнил еще с первого раза, а вариант с засадами к тому времени уже можно будет исключить.

Уже перед дверью Витька остановился, заколебавшись — не выглядит ли он полным придурком, продолжая изображать хомяка с сокровищами в защечных мешках, когда никакая опасность ему больше не грозит? Остановила его лишь

недавно обретенная привычка четко выполнять распоряжения тех, кто знает лучше, пусть они хоть сто раз параноики и перестраховщики.

Как оказалось минутой позже, его величество Шеллар не был ни одним, ни другим. А вот агент Кангрэм, увы, как раньше собирал все шишки на свою голову, так и всю оставшуюся жизнь, наверное, будет, и сомнительные эксперименты принца-бастарда Элмара никоим образом не докажут противоположного...

— О небо, какие же кретины, какие ослы... — в бессильной ярости простонал Астуриас, прожигая

взглядом скульптурную композицию «обыск арестанта» и не имея возможности даже врезать как следует этим самым ослам. — Как их земля носит! Как они до своих лет-то дожили при такой тупости!

Сане вдруг ужасно захотелось заехать ему от всей души, чтобы не строил из себя всеведущего гения и не опускал ребят в присутствии начальства. Пусть и невелика шишка этот Иван Андреевич, а все ж в отделе внутренних расследований «Альфы» не рядовой сотрудник.

— А где они маху дали, по-твоему? — От рукоприкладства бывшего агента Сидоренко удержало

присутствие все того же Ивана Андреевича, но совсем не вступиться за попавших в переплет товарищей он не мог.

— Не знаю, что они сделали, но результат ты сам видишь. Нет, ну надо же было так напортачить — в последний момент этот разиня все-таки рассмотрел приманку и приполз наконец сюда, и вместо того, чтобы его скоренько допросить, мы неведомо сколько будем любоваться магическими эффектами!

— Во-первых, магия здесь не работает, — начал заводиться Саня. — Как, по-твоему, они должны были предвидеть вот такую хрень?

Он кивнул на упомянутую «хрень», так разозлившую вспылчивого мистралийца.

Долгожданный источник информации, уже изловленный и надежно закованный в две пары пластинчатых фиксаторов, лежал посреди комнаты лицом вниз. Со стороны головы над ним склонился Владик, собираясь заткнуть рот, а сбоку пристроился на корточках Рустам, который как раз обыскивал карманы, когда вокруг них вдруг остановилось время. Чуть поодаль, расставив ноги на полушаге, торчал Серега, словно пограничный столб, отделяющий зону поражения от

остального мира. У самой машины вжался в свое кресло Паша, боясь сдвинуться с места и тоже вляпаться.

— А что здесь, собственно, произошло? — поинтересовался Иван Андреевич, перехватывая инициативу в разговоре. Наверное, его тоже мало интересовали причитания Астуриаса — ему требовалось разумное объяснение случившемуся и прогноз дальнейшего развития событий.

— Вон, видите? — Прежде чем Саня успел хотя бы в общих чертах оценить ситуацию, мистралиец уверенно указал пальцем на дамскую шпильку, венчавшую кучку мелких предметов, извлеченных из карманов

пленника. — При нем был заряженный одноразовый артефакт. Обычно стазисные штучки активируются броском. Если бы этот болван аккуратно ее положил, ничего бы не случилось, но ему же понадобилось швыряться!

— Ну и как он должен был об этом догадаться?! — возмутился Саня. — При том что магия не работает! Как что-то вообще могло сработать?

Астуриас помолчал, мрачно рассматривая кучку вещей.

— Если вспомнить загадочные перемещения королей и их войск, — сказал наконец он, — и прибавить

сюда работающие артефакты... Можно предположить, что Шеллар каким-то образом сманил на свою сторону часть Повелительских магов.

— Они же посвященные!

— Это местные — посвященные.

А в том мире могли найтись и свободные. Тот же мастер Ступеней, мир его праху, — неужто он сам себя посвящал? И один ли он был такой?

— Не нравится мне это... — обеспокоился Иван Андреевич.

— Да не одному вам, — согласился Астуриас. — Но других объяснений нет. Одно могу сказать в утешение: если на Шеллара и работают бывшие маги Повелителя, то

их очень мало. И скорей всего, они остались в своем мире. Иначе мы бы уже столкнулись с ними или с их магией. Однако все же хотелось бы точно в этом убедиться, прежде чем штурмовать дворец.

— Сколько продлится эффект? — перебил его Иван Андреевич.

— На сколько заряжено было, столько и продлится, — пожал плечами мистралиец. — От полуминуты до нескольких часов.

— В таком случае нам нет смысла ждать здесь. Возвращаемся на свои места и занимаемся своими делами. Здесь останется Паша и

сообщит нам, когда это все закончится. Заодно сообщит товарищам, что с ними случилось и сколько времени они на этом потеряли. Пусть срочно тащат свою добычу в Аррехо, я буду ждать там. Препараты будут уже подготовлены. Возможно, удастся успеть до штурма.

Невнятный гул в голове постепенно оформился в различные голоса, но в глазах по-прежнему стояла непроглядная тьма. Витька сообразил, что они попросту закрыты, и подумал, что открывать пока не стоит. Хотя бы до тех пор, пока не сориентируется и не разберется, что

происходит.

— Нет, вы, конечно, молодцы, — удалось разобрать чьи-то сердитые слова. — И сколько еще он будет так валяться? Мне уже выступать пора, вот-вот все начнется, а наш источник информации лежит бревном и неизвестно когда сможет сказать что-то полезное. И не факт еще, что в итоге очнется, а не окочурится.

— А что оставалось делать? — огрызнулся другой голос, не менее сердитый. — Ты же слышал, что ребята сказали? Он Сереге чуть ли не в самую морду световой гранатой залепил и у Рустама ствол отобрал, если бы Паша не вмешался, они бы

полегли все. Он же с Каппы полным отморозком вернулся, ты бы видел то заключение психолога, в котором прямым текстом не рекомендовалось выпускать этого психа к людям!

«Как знал, что не к добру эти задушевные беседы с доктором... — мысленно отметил Витька, вспомнив, как было дело. — Если бы этот хлюпик не перетрусил, может, и не полез бы со своим станнером, дал бы громилам спокойно сделать их работу...»

Последствия разряда чувствовались до сих пор — мышцы не слушались и даже ощущались с трудом, голова кружилась, сердце

исполняло такое соло на ударных, что о судьбе импланта можно было и не гадать. Как только жив остался...

— И более традиционно вырубить ну совсем невозможно было? — Жаждающий информации тип от огорчения не жалел яду для нерасторопных соратников. — Ни по башке стукнуть, ни хотя бы колено прострелить? Обязательно надо было блеснуть высокими технологиями, начхав на результат! Половина второго, а мы так ничего и не узнали!

Сколько-сколько? Это что же, он больше трех часов провалялся? И за это время его не сумели привести в чувство? Да не может быть...

— Вот и сидел бы сам в засаде, раз такой умный! Уж ты бы ни в чем не ошибся, ты ж все знаешь и ничего не боишься! И артефакты от простых предметов на глаз отличаешь, и вещами не бросаешься, и от световых гранат у тебя иммунитет, и пули тебе нипочем, и даже со станнером ты обращаешься лучше Паши!

— Да уж точно не струсил бы настолько, чтобы в панике давить на спуск, пока оружие не отберут!

Ситуация стала понятнее. Значит, треснуло его сильнее, чем следовало, потому и вырубился надолго, и имплант по той же причине полетел. А нестыковка во времени — из-за

того что кто-то ненароком активировал стазис...

Как ни странно, нервный сторонник традиционных методов почему-то упустил возможность ткнуть собеседника в этот явный огрех. Или просто успел сделать это раньше, и неоднократно.

— Я не могу больше ждать. У меня люди стоят в полной готовности.

— Раз времени больше нет, тогда иди. Если что-то выяснится, я тебе позвоню. Но на твоём месте я бы не рассчитывал узнать что-то сногсшибательное. Скорей всего, он расскажет об обороне дворца то же самое, что нам давно уже рассказали.

— Санчес, сколько раз ты еще должен облажаться, чтобы понять: Шеллар всегда принимает в расчет то, что разведка противника тоже работает, и у него всегда есть два-три запасных плана и хотя бы один козырь в рукаве. Он нас ждет, значит, у него что-то для нас припасено. Что-то, что держится в тайне от всех, кроме избранного круга своих.

Это точно. Элмаров кузен — умница, со всем его занудством, изворотливостью и разного рода профдеформациями. А агент Кангрем — восторженный недоумок. Даже пакетик этот с грибами где-то посеял. Выронил? Или обшарили тщательно и

нашли?

— Ну да, разумеется, дракон незаметно, прядась за кустиками, прокрался из Эгины и прядется у Шеллара под кроватью. И Повелительские маги с Каппы толпой перебежали на его сторону и выглядывают вас с башен. Иди уже. Как только он очухается, мы его спросим и сразу тебе перезвоним. Хотя мое мнение ты знаешь.

— Спросите, и первым делом. Все ваши разборки с эльфами, компроматы и кабинетные интриги могут подождать до завтра. А мы через полчаса начинаем штурм.

«Если у Шеллара и вправду есть

какой-то сюрприз для этого параноика — он дважды гений, — грустно подумал Витька. — Во-первых — что приготовил, а во-вторых — что мне, идиоту, не сказал».

— Не беспокойся, именно с этого начнем.

— И Элмара не упустите!

— Да за кого ты нас принимаешь?

— За избалованных развитыми технологиями беспечных балбесов, неспособных работать головой и руками, — в сердцах бросил нервный и чем-то зашуршал.

Раздвинулась и сдвинулась дверь.

— Твой абориген начинает меня

напрягать, — негромко, но уверенно произнес третий голос, едва прошло десять секунд. — У него пунктик на превосходстве примитивных кустарных методов.

— Зависть, Иван Андреевич, банальная зависть. Все то, чего ему приходилось добиваться с таким трудом, у нас достигается в десять раз легче и проще. Многие навыки, которые он шлифовал годами, просто не нужны, потому что недорогие устройства справляются с этим быстрее и лучше. Ну и не любит он, когда планы нарушаются, но если честно — кто любит? Я только молюсь, чтобы он оказался неправ и

его наемникам не преподнесли каких-нибудь сюрпризов. Потому что вероятность есть.

— Но вам ничего не удалось узнать за прошедшие две недели. Неужели можно сохранить в секрете хоть что-нибудь, если в здание имеют доступ ваши люди?

— Понимаете, если посторонних не допускают в подвалы и на верхние этажи, сомнения появляются из-за самого этого факта. Мы не можем узнать, что там, но можем сделать вывод, что скрывают это неспроста. Я надеялся, что успеем выяснить до начала, но ваш этот Паша, паникер...

— Он незаменим, когда надо что-

то взломать или наладить, но привлечь его к силовым операциям не предполагалось. Он не обучен и не подготовлен психологически, хорошо еще, что вообще не забыл об оружии и не забился под стол с закрытыми глазами.

Кто-то бесцеремонно пощупал Кангрема за плечо и в сердцах ругнулся:

— Хорошо другое. Что этому истеричному одуванчику не дали боевое оружие, что он вообще попал куда целился и что у него успели вовремя отобрать станнер. Иначе нам бы срочно понадобился некромант.

«Это-то и хреново, — зло

подумал Витька. — Будь у него боевое оружие, он бы не рискнул в живого человека стрелять и не оказался бы я в таком дерьме... Или в худшем случае пристрелил бы, и ничего бы они от меня не узнали. А теперь как только увидят, что я оклемался, — накачают каким-нибудь коктейлем, запрещенным в цивилизованном мире, и скажу я им все, что знаю и о чем только догадываюсь. И после всего этого я еще должен верить, что мое безграничное невезение — воображаемое?»

В последние несколько дней Кира приноровилась спать в два

приема — по несколько часов поздним утром и в начале ночи. Неудобно, конечно, но по сравнению с безумным режимом кормящей матери — сущие мелочи. Зато самые опасные часы перед рассветом можно проводить в полной боевой готовности и в случае нападения не тратить время на поспешное одевание и выяснение, что, собственно, происходит.

В том, что нападения следует ожидать, она даже не сомневалась. Даже если бы никаких намеков и предостережений на этот счет не поступало, она все равно ожидала бы, и с ней соглашались и Шеллар, и

командир «Котов», и начальник стражи, и паладины, и даже гномы, и вообще все, кто был знаком с ситуацией. После того как хитрец Шеллар лишил противников возможности дорваться до власти законным путем (или хотя бы достаточно похожим на таковой), им оставалось только рискнуть и попытаться захватить ее силой. Поэтому вопрос о возможности даже не стоял — только о времени. И как раз этот вопрос доставлял больше всего проблем. Когда?

Ответить на него не мог даже Шеллар. Нет, он, конечно, выставил, как это за ним водилось, целый

список вариантов, но, увы, ни один из них нельзя было облечь в четкие цифры и сроки. Вот и приходилось каждую ночь ждать в полной готовности, всматриваясь в темноту дворцовой площади и вслушиваясь в зловещие шорохи парка. Впрочем, полное неведение касательно времени можно было пережить, хотя оно и раздражало слегка. Гораздо хуже было полное отсутствие сведений о численности и вооружении вероятного противника. Даже Шеллару «не хватало информации», чтобы определить, каким будет предстоящее нападение. Сумеют ли хитроумные иномирцы собрать

управляемую толпу из горожан, или же воспользуются услугами профессиональных наемников, или вовсе плюнут на конспирацию и атакуют своими силами? И если верно первое или второе, то какое оружие они сочтут возможным доверить местным жителям, а если третье — что они сумеют протащить из своего мира через тайные телепортационные кабины? Летательные аппараты вроде того, на котором разбился мэтр Максимилиано прошлым летом, в кабину точно не влезут, боевые машины и пушки — тоже, но и более легкие виды оружия у них намного мощнее, чем у гномов и даже чем у

пришельцев из мира Повелителя...

Кира упорно старалась предусмотреть все, хотя и понимала, что это невозможно в принципе. Дворец, начавший терять прежние строгие очертания еще во время оккупации, теперь окончательно превратился в помесь пограничного форта с мятежным городком. По периметру здание окружала двойная линия укреплений, на балконах и галереях верхних этажей затаились замаскированные гномьи пушки, на окнах первого этажа днем и ночью не открывались наглухо запертые ставни. Центральная башня превратилась в главную огневую точку — туда

втащили самый мощный пулемет, любезно предоставленный во временное пользование союзниками и равно эффективный как против наземных, так и против низколетящих целей. Памятный мост, с которого год назад бросалась бестолковая фрейлина, завалили всяческим хламом и заминировали. Все возможное было сделано, чтобы укрепить и подготовить к предстоящей осаде огромное здание, изначально для этого не приспособленное, но Кира чувствовала — принятых мер может оказаться недостаточно. Все упиралось в тот самый неразрешимый

вопрос: когда и как?

На Центральной башне было тихо, лишь теплый летний ветерок едва колыхал с трудом отстиранный государственный флаг. Кантор бесшумно курил, укрывшись за зубцом, прикрывая огонек согнутой ладонью и, как показалось Кире, вслушиваясь в нечто неслышимое. Смирившись с невозможностью быть рядом с Ольгой, мистралиец нашел себе подобие замены на время разлуки — он фактически поселился на этой башне, рядом со своим обожаемым пулеметом, который чуть ли не облизывал. Даже сдавая дежурство рыжему пришельцу, с

башни он все равно спускался не чаще раза в сутки и ненадолго — навестить Ольгу, выпить кофе и посетить отхожее место. Спал здесь же, на тюфяке в обнимку со снайперской винтовкой, здесь и питался, а свободное время проводил, высматривая по окрестным крышам вражеских снайперов.

Едва королева успела ступить на площадку и набрать воздуха для приветствия, Кантор быстро опустил сигару и приложил палец к губам.

Кира тихонько выдохнула и, пригнувшись, подкралась поближе.

— Что там? — едва слышно шепнула она.

Мистралиец с сожалением пожал плечами и потушил окурок.

— Парк шумит как-то не так, — тоже шепотом отозвался он. — Но не могу понять, в чем дело, слишком далеко и посторонних звуков много.

Кира насторожилась, но ничего особенного не услышала. Не стоило и пытаться, раз уж даже Кантор не смог понять...

— Может, стоит включить прожектора и проверить?

— Не знаю, — мотнул головой мистралиец. Видно было, что это незнание его ужасно нервирует. — Не хотелось бы включать их понапрасну и раньше времени... Можешь

посидеть тихо, я еще послушаю?

Кира молча кивнула, мысленно уже перебирая варианты и прикидывая, что в их положении может оказаться хуже — рассекретить прожектора раньше времени или прозевать нападение. Если Кантор по-прежнему не определится, решать придется ей...

Пару мгновений спустя необходимость прислушиваться и принимать решения отпала.

Где-то в глубине парка взревел старинный боевой рог — мощно и гулко, словно из-под земли. И тут же, словно разбуженные этим ревом, прорезались и другие звуки — те

самые, которые старательно выслушивал Кантор в тишине. Те, кто крался через дворцовый парк, не ожидали такого шума и засуетились, пытаясь понять, что это значит. Через пару секунд зашевелились и защитники, заглушив топотом и лязгом неразборчивые звуки из дальнего угла парка, а еще через миг невероятной силы взрыв сотряс Северную башню.

Кира мысленно выругалась, отметив про себя, что Кантор произнес то же самое вслух и тон его голоса, увы, ясно говорил о полной потере самоконтроля. Если его опять переклинит, как весной... Только

психа за пулеметом не хватает для полного счастья!

Она резко обернулась, успев еще заметить, как в одном из окон верхнего этажа мелькнул свет. Это хорошо. Значит, они не пострадали и успеют уйти...

На Восточной башне вспыхнул прожектор — молодцы, сообразили, не стали ждать, пока ее величество перебежит с одной башни на другую, чтобы отдать команду, и не понадеялись, что она переорет весь этот гул и грохот. Луч азартно шарил по парку, выискивая источник шума, но пока ничего не обнаруживал, зато перекошенная физиономия Кантора

стала видна во всей красе, и ничего хорошего ее выражение не предвещало. Нет, ну случилось ей это счастье — приводить в чувство нервного барда, когда тут у самой сердце рвется!

— Кантор, — резко окликнула Кира, — успокойся и не дергайся. Они зажгли свет — значит, не пострадали. У них полно времени, чтобы уйти.

— Да там все рухнет сейчас к шестиногим крокодилам!

— Не успеют пешком — уйдут телепортом. Тем более что кольцо у Ольги, и она уж точно не потеряется и не отстанет. И если ты сию минуту не

прекратишь истерику и не займешь свое место, я пришлю сюда другого стрелка, а тебя отправлю утирать сопли в лазарет. На этой точке нужен солдат, а не трепетный бард, который может всех подвести из-за своей особой душевной тонкости!

Кантор пару секунд поморгал, стремительно меняясь в лице, затем яростно послал ее величество в противоречащее субординации место и ринулся к пулемету. Хорошо, когда человек так легко берется на «слабо», все выходит быстро и просто. Но пару гномов надо все же прислать — патроны подносить и за Кантором присматривать, не ровен час, все же

сорвется...

Уже сбегая по лестнице, королева сообразила, что ее поспешный уход выглядит так, словно она в самом деле пошла, куда послали, но сокрушаться о ерунде было недосуг. Она и без того слишком много времени потеряла на одного бойца, когда ее приказов ждут все остальные.

А Шеллар с Ольгой обязательно спасутся. Иначе просто быть не может. У них полно времени. Даже если башня рухнет, они все равно успеют. Должны успеть.

Пол под ногами ходил ходуном и медленно кренился набок, точно как

во сне. Площадка вместе с лестницей, сухо потрескивая, горела этажом ниже, заполняя готовую обвалиться башню густым едким дымом. И точно так же стоял в дверях своей комнаты напряженно-сосредоточенный король, пытаясь быстро оценить ситуацию и придумать какой-то выход.

— Не пытайтесь там пройти! — крикнула Ольга, вспомнив, до чего он в итоге додумался и чем это кончилось во сне. — Вы не сможете с вашей ногой. Я сама к вам переберусь.

— Не говори глупостей, — оборвал ее Шеллар, кивая на единственную уцелевшую балку, которая, как нарочно, проходила

точно под дверью его комнаты... и упиралась в противоположную стену под дверью гостиной. Тогда, во сне, Ольга даже не заметила, что ей самой на эту балку даже встать не получится — около метра, не меньше, только прыгать... — Чтобы удачно перепрыгнуть и удержать равновесие на столь узкой поверхности, надо быть тренированным гимнастом, а у тебя живот перевешивает, даже когда ты просто стоишь. У меня, по крайней мере, какой-то шанс есть.

— Да нет у вас никакого! — чуть не плача крикнула Ольга, уже понимая, что король опять прав и «сальто на бревне» ей точно не под

силу. — Даже если вы дохромаете до середины не свалившись, вам ведь тоже потом прыгать придется!

— Для прыжка достаточно одной толчковой ноги, а приземляться мне предстоит на обычный пол, а не на узкую балку над горящим провалом. Будь логична.

Поняв, что спорить с ним бесполезно и единственный способ удержать его величество от предстоящего самоубийства — это срочно придумать что-то получше, Ольга в отчаянии оглядела площадку в поисках другого выхода, который она могла не заметить точно так же, как и расположение балки. Единственное,

что попало ей на глаза, — узкая полоса обломанных досок, оставшихся от площадки и тянувшихся вдоль стен. Может, можно пройти по ним, не прыгая по балкам?

«Стоп, — вдруг вспомнила она, — а где же третий обитатель башни?»

Почему она не заметила его тогда, во сне? И где он сейчас? Ведь его опять нигде не видно, ни внизу, ни сзади, ни в дверях его комнаты, которая все еще оставалась закрытой...

Новый, незнакомый звук ворвался в ее размышления так неожиданно, что она едва не потеряла

равновесие с перепугу, но через пару мгновений разрушенная площадка с упертым королем исчезли, и Ольга проснулась в своей постели, не успев увидеть, чем закончится ее попытка пройти по обломкам. Только звук никуда не исчез — гудел в ночи мощно, надрывно, тревожно, словно где-то в парке неведомый великан трубил в гигантский рог, предупреждая об опасности. Сквозь оглушительный гул с трудом пробивались прочие звуки — топот, крики, несколько беспорядочных выстрелов...

«Началось!» — только и успела подумать Ольга, торопливо спрыгивая

с кровати, и в тот же миг пол под ней содрогнулся, стены зашатались, а за дверью что-то с чудовищным треском и грохотом обрушилось. Наверное, обвалились те самые два нижних пролета, увлекая за собой лестничную площадку, соединявшую четыре комнаты на этаже...

Впопыхах набросив халат, Ольга ринулась к двери — скорее, пока его величество не успел блеснуть своими способностями к акробатике...

И опять все оказалось так же, как во сне. Дым, шатающийся пол, решительный король и чудом уцелевшая балка над пропастью. Да, чуть больше метра. Допрыгнуть — раз

плюнуть, но вот удержаться на ней после прыжка...

Рев прекратился, и стала слышна стрельба — совсем рядом, как показалось Ольге. Затем гулко ухнула гномья пушка на соседней башне.

— Стойте! — почти без всякой надежды крикнула Ольга, но на этот раз король, похоже, вел себя благоразумнее.

— Я помню, — отозвался он, напряженно впившись взглядом в злосчастную балку. — Надеюсь, ты тоже понимаешь, что попытки прыгать в твоём положении равноценны самоубийству? Смогла узнать что-то новое?

— Нет, — отозвалась Ольга и опять, как только что во сне, впилась взглядом в обломки под стенами. — Вернее, я успела заметить, что на балку не стоит соваться ни вам, ни мне, и только начала изучать другой путь, но проснулась.

— Этим путем мы тоже не доберемся, — заметил король, безошибочно указывая на гиблое место почти у самого своего порога, где обе ближние к стене доски были проломлены, хотя и не упали.

— Вы — нет. А я могу попробовать. Ну да, в конце придется прыгать, но вы же меня поймаете.

— Стой! Там все равно слишком

далеко, к тому же эти обломки могут в любой момент провалиться под твоим весом.

Быстро расскажи мне, что еще ты видела. Очень быстро. Должно быть решение, раз тебе второй раз показали этот же сон. Разумное, эффективное и безопасное для тебя. Оно есть, мы его просто упускаем.

— Я успела только заметить путь под стеночкой, — простонала Ольга. — И еще — что виконта опять нигде нет.

Король зачем-то внимательно посмотрел вниз, хотя разглядеть что-то в дыму было нереально.

— Нет, это вряд ли, — заключил

он, так ничего и не увидев. — Я не спал, если бы он выходил из комнаты — услышал бы. Давай попытаемся его позвать. Может, он слишком крепко спит, или спросонок не может сообразить, что творится, или упал с кровати и опять головой ушибся...

Они несколько раз позвали пропавшего виконта хором, как дети Снегурочку на новогоднем утреннике. Затем король метнулся в комнату и швырнул в закрытую дверь сначала горшок, потом вазу, потом подсвечник...

Когда в дверь врезался прицельно запущенный табурет, она распахнулась, но жилец все равно не

подал признаков жизни.

— Вы там что-то видите? — торопливо спросила Ольга, вытягивая шею, чтобы заглянуть внутрь. Учитывая, что их двери располагались почти рядом, задача получалась не из легких, королю все же виднее должно быть.

— Там темно. Единственное, что могу сказать точно, — никакого движения не наблюдаю.

Ольга еще раз взглянула под ноги и решительно ступила на непрочные обломки площадки, придерживаясь за дверной косяк. Здесь ведь два шага всего, это же не на балку прыгать... Только тут она заметила, что второпях

позабыла обуться, но никакие силы не заставили бы ее вернуться в комнату, бросив короля наедине с его безумными идеями.

— Ольга, не смей! — Шеллар сообразил, что она собирается сделать, чуть ли не быстрее, чем она сама, но, к счастью, ухватить за подол и удержать от рискованного шага не имел возможности.

— Успокойтесь, — отозвалась Ольга и, прижавшись спиной к стене, сделала первый шаг. Доски под ногами угрожающе прогнулись, и она поторопилась сделать второй. Да уж, это и в самом деле непросто, когда живот перевешивает... но другого-то

способа все равно нет! — Мне не снилось, что я падаю, значит, не упаду. Не отвлекайте меня.

Третий шаг уже пришелся на порог, и очень вовремя — последний обломок, на который опиралась Ольга, хрустнул в тот самый момент, когда она от него оттолкнулась.

— Вот и все, и ничего страшного, — поспешила она успокоить короля, который уже успел, наверное, в красках представить себе всякие ужасы, и ринулась в глубь комнаты, где на кровати смутно виднелось что-то большое и объемное. — Виконт, проснитесь!

Он действительно спал, вопреки

всем законам природы и здравому смыслу. Даже похрапывал слегка. Если они с Элмаром и вправду братья, то ему удалось превзойти старшего хотя бы в способности беспробудно дрыхнуть, это уж точно. Ольге пришлось несколько раз хорошенько встряхнуть виконта за плечо и даже подергать за уши, прежде чем он наконец соизволил разлепить веки и воззриться на нее очумелым взглядом.

Ольга вспомнила, что почти раздета, и не стала дожидаться, когда благородный кавалер как следует прочувствует сей шокирующий факт.

— Вставайте! Пожар!

Виконт недоуменно похлопал

глазами, затем протянул руку и вынул из уха затычку.

— Что, извините?

Башня содрогнулась еще раз и накренилась сильнее, Ольге даже пришлось ухватиться за спинку кровати, чтобы не упасть. Зато столь наглядное объяснение ситуации избавило ее от необходимости отвечать — все еще обалдевший виконт вскочил с постели, на ходу выдирая затычку из второго уха, и ринулся к двери. К счастью, он уже достаточно проснулся, чтобы заметить отсутствие пола и вовремя остановиться.

— Здоровы же вы спать! — с

некоторым раздражением приветствовал его король. — Даже легендарный боевой рог Деимара Основателя не мог вас разбудить!

— Я... — виновато отозвался виконт.

— Некогда! — оборвал Шеллар. — Срывайте дверь, быстро!

— Зачем?

— Только так мы сможем отсюда выбраться. Вы вообще видите, что происходит, или все еще спите на ходу?.. Не теряйте времени, срывайте и кладите на эту балку. Нам надо собраться вместе.

Тормозящий спросонок виконт несколько секунд напряженно

хмурился, что-то соображая примерно с той же скоростью, что и Пако, затем до него, видимо, дошло. Рывком сорвав с петель тяжелую прочную дверь, он положил ее одним концом на порог, другим — на балку. Король тем временем проворно, но без лишней суеты добыл откуда-то толстую веревку и обвязал вокруг пояса.

— Откуда у вас веревка? — изумилась Ольга.

— Глупый вопрос, — проворчал король, бросая виконту свободный конец. — Сама ведь рассказала мне свой сон. Я еще досок и лестниц заказал, но их должны были принести

только сегодня утром...

— А раньше чего не сказали?

— Ты все равно не удержала бы меня. И теперь твоя очередь помолчать и не отвлекать.

Ольга послушно умолкла, с затаенным страхом наблюдая, как его величество все же выползает на опасную балку. Только теперь ему предстояло пройти не два метра, а всего один-два шага, а дальше — широкий устойчивый мост; и опять же страховка... Только бы не трянуло, когда он будет делать эти два шага...

Трянуло немного позже — когда король уже перебрался на дверь и почти дошел до порога. Виконт

практически поймал его в объятия и тут же торопливо поставил на ноги, словно опасался, как бы чего не подумали.

— А что теперь? — спросил он, непонимающе оглядываясь на шатающиеся стены.

— Быстро обнимитесь и возьмите меня на руки, — потребовала Ольга, в кои-то веки успев сориентироваться быстрее короля. Взлетев над кренящимся полом, она для верности обвила обоих мужчин руками за шеи и, больше не медля, повернула камень в кольцо.

ГЛАВА 8

— *Вы двое знали меня долгое время, верно? Тогда вам следовало бы вбить себе в голову, что никто не удержит меня против моей воли.*

Р. Л. Асприн

Витька честно старался притворяться тряпкой как можно дольше, но задача оказалась не из легких, особенно когда сидишь, а тебя то и дело щупают, и всякий раз неожиданно. Поэтому спалили его

почти сразу. Правда, за это время он успел наслушаться очень познавательных разговоров, но толку с того, если поведать об услышанном все равно уже никому не сможет?

Разоблаченный агент послушно открыл глаза и повертел головой, оценивая обстановку. В помещении кроме него было трое — некий господин из руководства, которого почтительно именовали по имени-отчеству, крупный молодец в местных покрывах и безмолвный охранник, до сих пор только молча сопевший за спиной. Первый угрозы не представлял, явно за всю жизнь не держал в руках ничего тяжелее того

самого микрофона-конвертора, которым как раз занимался, а вот остальные двое — проблема даже по отдельности. Даже при полной свободе движений, о которой не стоит и мечтать в ближайшие несколько часов, граки заешь этого их Пашу... И фиксаторы на руках и ногах. Ну, если повезет — даже предполагать смешно! — руки освободить можно, а дальше что делать?

На сгиб руки бесшумно присосалась нашлапка. Колоть не стали — рассчитывают, что труп придется предъявлять?

— А теперь мы поговорим, — подал голос старший, установив

наконец микрофон. — Раз ты уже пробуешь на прочность фиксаторы, значит, говорить тем более можешь.

— Да могу, не хочу просто, — отозвался Витька.

— Ничего, минут через пять захочешь.

— Не через пять, а через двадцать. — Промолчать он просто не смог. Видимо, начало действовать. — Вот тогда и поговорим.

— Можно и тогда. Но вставать в позу и говорить красиво я бы не советовал. Если ты не понял, речь идет о твоей жизни.

— Врешь, падла, — без особых эмоций отозвался Витька. — Не идет.

— Это почему? — любезно поинтересовался Иван Андреевич.

— Потому что вы меня полюбому грохнете. И тут-то вам и... придет.

— Опять же — почему?

— Потому что я сразу все Максиму расскажу.

— Хорошая попытка. Мы еще вернемся к этому нюансу, когда препарат начнет действовать полноценно. А пока, может, ты хочешь сказать что-то еще?

Витьку просто распирало желание рассказать, как он их всех ненавидит и почему именно, но в это время зазвонил коммуникатор у

мускулистого Санчеса, и всеобщее внимание переключилось на него.

Крепыш послушал вопли в динамике, потом ответил в том же тоне и некоторое время с кем-то переругивался — видимо, со своим нервным приятелем, который все-таки вляпался в неприятности, хотя и предвидел их. Хоть какая-то польза от придурка Паши.

— Астуриас звонил, — пояснил Санчес, отключившись. — Черт, он был прав. Их засекли еще на подходе. Это первое, и это еще мелочи. А второе — их там ждали пулеметы и артиллерия.

Витьку разобрал неудержимый

смех. Он-то думал, что раз он не видел во дворце гномов — значит, они еще не добрались. А они все это время прятались в подвале! Ну точно! Он даже пушки сверху видел, только не понял, что это они, — хорошо замаскировали, паршивцы, с виду мешки да ящики навалены.

— Ты знал? — зло скрипнул зубами Санчес. На роже у него ясно читалось желание удушить своими руками, да только кто ж ему даст сейчас, когда кандидат на удушение еще ничего рассказать не успел.

— Нет, — продолжая давиться смехом, простонал Кангрэм. — Я их не видел. Во дворце. Гномов. Но

вообще они прикольные. А вы знаете, что мелкий детеныш гнома может голыми руками незаметно свинтить колеса с внедорожника на глазах у толпы взрослых?

Кажется, шеф заинтересовался милыми подробностями из жизни гномов и хотел что-то уточнить, но его перебили.

— Мне надо бежать, — заявил Санчес, на ходу застегиваясь и подбирая оружие. — Астуриас может не справиться, придется звать подмогу. У нас там вроде наметились кое-какие перспективы по городу, может, удастся кого-то собрать, поднять, подвести... в общем, я

побежал. Вы без меня справитесь?

— Вопрос не в нас. Вы — справитесь?

— Должны. По крайней мере, башню они взорвать успели, так что от Шеллара мы наконец избавились.

— Хоть одна хорошая новость. Беги.

Витька с трудом дождался, чтобы задвинулась дверь кабины, и развязно присвистнул. Хватка фиксатора на правом запястье стала слабеть. Еще бы хоть минуту сохранить сознание... И потом... что делать потом? Ладно, лишь бы руки не подвели... А то ведь могут...

— Ради одного короля целую

башню взрывать! Ну вы даете!

— Может, теперь о деле поговорим? — уже с некоторым раздражением напомнил Иван Андреевич.

— А я о чем? — хихикнул Витька. Его почему-то переполняло веселье, и в таком радужном настроении предположить, будто кто-то мог действительно погибнуть, никак не получалось. — А прикиньте, вот будет хохма, когда он вылезет из-под развалин живехонький и предъявит вам за помятый воротничок?

— Есть основания предполагать?

— Ну, он всегда так делает, разве

нет?

— Отвлечемся от фантазий и вернемся к фактам. Времени прошло достаточно, и ты наверняка уже хочешь рассказать мне что-нибудь о своем приятеле, начальнике Темной Канцелярии.

— Да какой он мне приятель! Он мороженная чванливая сволочь, и я его терпеть не могу! Он меня тоже, только вот я не знаю почему...

— Тогда почему он откровенно способствовал твоему устройству в агентство?

— Так это работа, ничего личного. И не хочу я о нем говорить, зараза он, не люблю я его. И вас тоже,

и не просто не люблю, а ненавижу и хочу убить, только у меня топора нет и на руках какая-то хрень болтается...

— Кхм... — осторожно напомнил о своем присутствии охранник. — Может, врезать ему пару раз, чтобы не выжевывался? Или это от препарата он все время ржет?

— Вообще-то не должен... — задумался шеф, внимательно присматриваясь к веселому клиенту. — Ну-ка подожди, я нашим химикам перезвоню, уточню, что это могло бы значить... Может, они напутали чего или сочетание составляющих не проверили...

И тут до Витьки дошел весь

комизм ситуации. Он понял, почему его прет, как от травы, и почему фиксаторы на конечностях стали ощущаться как некая незначительная помеха, а мышцы вдруг обрели нормальный тонус, хотя, по идее, должны были еще часа два отходить от последствий Пашиной самодеятельности.

Он не выронил тот злосчастный пакетик. Он его ненароком проглотил. Случайно. Повезло просто. Только не разгрыз перед этим, и действовать гномье зелье начало лишь сейчас, когда переварилась упаковка.

Теперь Витька уже хохотал в голос, со стороны напоминая

упоротого торчка, хотя на самом деле повод посмеяться у него был без всяких грибов. Полтора несчастных жертвенных барана в одной комнате с ним, свято уверенные в прочности фиксаторов и неспособности пленника к сопротивлению! Ну разве это не смешно? Сейчас, вот только этот гад возьмет в руки «брехунец» и отведет взгляд...

— Что ж, — философски подвел итог король, привычно попыхивая трубкой, словно они сидели не посреди леса, а в его кабинете. — Основной плюс нашего с вами положения состоит в том, что мы все

живы. Остальные плюсы представляют собой приятные и даже полезные, но не особенно важные мелочи. У нас есть запас спичек, компас, веревка, немного соли, горсть условно полезных артефактов и даже один предмет верхней одежды. На троих, что уже минус.

Ольга тихонько вздохнула, поплотнее завернулась в королевский камзол и в который раз мысленно посетовала на свою дурь и склонность к панике. Нет, конечно, у нее не было лишнего времени на одевание, но разве она поэтому выскочила в халате и босиком? Ведь забыла, как обычно! И вспомнила, только когда уже

поздно было возвращаться. А ведь можно было хоть тапочки прихватить! То ли дело его величество... Все, что мог, предусмотрел: и оделся, и спичек заранее заготовил, и компас припас, и артефакты какие-то, даже солонку со стола между делом прихватил. Не говоря уже о табаке, запасы которого топорщили все наличные карманы. Если бы все случилось хоть одним днем позже, им не пришлось бы даже в акробатике упражняться, но, увы, заказанные лестницы и доски должны были принести только сегодня...

— А основной минус — что у нас нет оружия... — мрачно поддержал королевские рассуждения

невыспавшийся виконт.

Ольга покосилась на гламурные перчатки, которые ей выдали в качестве оружия и которые неописуемо сочетались с подкопченным халатом, но уточнять не стала.

— Совершенно с вами согласен, но таковы были условия нашего содержания, и сменить их мы не успели.

— А ваша трость?..

— Это действительно просто трость, без всяких потайных лезвий. Вы же сами настояли на том, чтобы ее заменили. Вообще-то теоретически у нас есть Доллегар, но практически он

есть только у меня, что сводит на нет всю его полезность как оружия.

— Но он ведь остался во дворце?

— Он всегда с хозяином.

— Дайте его мне, — решительно потребовал Бакарри. — В моих руках он не будет бесполезным.

— Вы не сможете им воспользоваться.

— Я тоже носитель крови.

— Во-первых, это не доказано.

Во-вторых, этого мало.

— Вот заодно и докажем. Разве не правда, что испокон веков наследников проверяли на Доллегаре?

— В давние времена — да, но с тех пор, как магическая наука дала

возможность проверять родство иначе, это делается с помощью обычной генетической экспертизы. А последние полтора века проверки на мече и вовсе запрещены.

— Почему?

— Потому что наш придворный маг считает их бессмысленной жестокостью, и я с ним частично согласен. Для разоблачения самозванцев такой способ вполне пригоден, но в случаях, подобных вашему — когда предполагаемый бастард сам не знает ответа, — риск совершенно не оправдан.

— Я готов рискнуть.

— Учитывая, что в лучшем

случае ошибка может стоить нам любой из конечностей, а в худшем — головы, я не готов принимать на себя ответственность. Поэтому меч я все же возьму сам, как бы ни были сомнительны мои успехи в фехтовании, а для вас попробую вытесать подходящую дубину. Хотя, боюсь, и это не принесет особой пользы, поскольку у вас все равно будут заняты руки.

При этом он с таким выразительным прискорбием покосился на Ольгу, что та догадалась мгновенно.

— Да что вы, ваше величество, я прекрасно могу идти сама. Ну, может,

не быстро, но уж не медленнее вас. И ничего страшного, что я босиком, я же не придворная дама... А роса уже почти высохла...

— Дело не в том, как быстро ты сможешь идти, — вздохнул король. — А как долго ты выдержишь. И еще ты упускаешь из виду немаловажный факт. Лишняя физическая нагрузка может спровоцировать преждевременные роды. Надеюсь, в твои планы не входит рожать в глухом лесу под кустом на травке?

Ольга мысленно содрогнулась и заверила, что конечно же не входит. Хотя кто бы это считался с ее планами? Да с ее счастьем именно к

описанному ужасу и стоит морально готовиться...

Последнее она благоразумно не произнесла вслух, но судя по тому, как внезапно побледнел виконт Бакарри, ему пришло в голову то же самое.

— Итак, продолжим подсчет минусов, — вернулся к своим рассуждениям король, тактично сделав вид, будто не заметил. — Мы не имеем понятия, где находимся и сколько отсюда до ближайшего жилья. И в какую сторону. Кроме того, у нас нет ни еды, ни воды, но имеется в наличии беременная женщина, которая в любой момент

может преподнести нам сюрприз.

— Вода здесь должна быть, — уверенно произнес виконт, зачем-то задрав голову и всматриваясь в темную зелень крон. — Можно попробовать поискать. Да и с едой проблем быть не должно — в лесу в конце лета можно прокормиться. Грибы, ягоды, может, какая-то дичь попадется.

— Если следующая ночь будет ясной, я попробую хотя бы примерно определить по звездам, где мы находимся, — внес свою лепту в решение проблем король. — Сейчас их, к сожалению, не видно.

— А вы умеете?

— Я изучал географию и астрономию. Хотя это и было давно, мне не составит труда вспомнить.

— А еще я могу залезть на дерево, когда рассветет, и попробовать оглядеть окрестности, — продолжил виконт. — Если отсюда виден край леса, мы будем знать, в какую сторону идти.

— Значит, все не так плохо, — подвел итог король и выбил трубку о толстенный корень ближайшего дерева. — В таком случае, я сейчас займусь изготовлением оружия для вас, а когда рассветет, вы осмотритесь, и будем отсюда выбираться.

— Чего мы ждем? — недовольно ворчал Мэнсор, чуть не прыгая от нетерпения. — Там уже всю бой кипит!

Снаружи гулко ухнули пушки, словно подтверждая — действительно кипит.

— Приказ непонятен? — резко осадил его Орри. — Наш участок — внутри здания. Мы вступим в бой, если враги прорвутся сюда.

Ожесточенное стрекотание пулемета намекнуло, что прорваться врагам будет затруднительно.

— А если они не прорвутся?! — страдальческим хором взывала горячая

молодежь.

— Тогда будем молча радоваться победе, — отрезал второй паладин. — Я вижу, господа, вам нечего делать и от скуки всякие глупости в голову лезут. Номера со сто сорок второго по сто пятидесятый, построиться и отработать движение в пешем строю с сомкнутыми щитами. А остальным советую подумать, каково сейчас Элмару, которого вообще заперли в укрытии и велели не высовываться, потому что на него будет идти откровенная охота. И заметьте, он послушался! Потому что таков был приказ! А вам подождать невмоготу!

На самом деле опыт многолетней

дружбы подсказывал графу, что заставить Элмара сидеть в укрытии мог бы только лично король, и то при условии постоянного наблюдения. Королева теоретически могла бы тоже, но сейчас ей уж точно не до присмотра за его высочеством. А уж если до него дошли известия о взрыве в Северной башне, дружище Элмар наверняка облачился в доспехи и выносит дверь. Или в обратном порядке.

Поскольку его догадки не вписывались в концепцию воспитания пылкой молодежи, второй паладин о них благоразумно умолчал. Однако от умолчания факты не перестают быть

фактами.

Как раз в этот самый момент Элмар переступил через выбитую дверь, убедился, что его никто не охраняет, и задумался, каким путем лучше двинуться. Пробраться пешком через потайной ход или прокрасться в каретный сарай, служивший нынче стойлом для единственного в двух мирах ездового грака, и выехать верхом? Первый вариант

предпочтительнее с точки зрения скрытности, но последний участок пути все же придется проделать по дороге. Второй обеспечит высокую скорость и защиту, но ломиться придется через забор у всех на виду.

Да еще и уздечку искать...

Элмар еще раз все взвесил и пошел наверх, в свою комнату, где, насколько он помнил, должна была валяться упряжь.

Он искренне надеялся, что если, как учил когда-то Шеллар, шагать уверенно и быстро, с максимально деловитым видом (насколько можно изобразить деловитый вид с опущенным забралом), никто не обратит внимания на одинокого паладина, спешащего куда-то по долгу службы или велению начальства. Метод работал — ровно до того момента, как его высочество наткнулся в коридоре на точно так же

спешащую куда-то королеву.

— Ты куда собрался?! —
рявкнула она, резко сбавляя скорость
и загораживая дорогу. — Назад,
немедленно! Это приказ! Тебе нечего
делать в перестрелке!

Элмар остановился и откинул
забрало, раз уж его все равно узнали.

— Приказ — не самый
действенный способ меня
останавливать. Что случилось с
Шелларом? Почему мне ничего не
сказали?

— Потому что некогда! —
прорычала Кира, прекрасно понимая,
что силой удержать первого паладина
у нее шансов нет. — И скорей всего,

ничего с ним не случилось, если не считать того, что мы не знаем, где он. Между взрывом и обрушением башни прошло несколько минут, у них было кольцо с телепортом и уйма времени!

— Одно на троих?

— Оно запросто поднимет троих.

Не будь истеричкой, вернись на место!

— Я еду за подмогой к Альбри.

— Мы справимся без них.

— А если подтянут подкрепления? Если у вас, в конце концов, боеприпасы закончатся? И подумала ли ты о том, что сейчас самый шаткий момент для нейтралитета? Если мы не толкнем

гарнизон в нужную сторону, противник перетянет их на свою. Вот именно сейчас, когда действовать надо быстро и на колебания нет времени, они могут выбрать того, кто просто первым подсуется.

— Думала, — мрачно кивнула Кира. — Но я не могу рисковать тобой. Я обещала Шеллару.

— Тогда посоветуй, что безопаснее — пешком через потайной ход или на Орке напролом?

Королева вздохнула.

— В каретном сарае, в дальнем углу, где пылится антикварная карета времен Деимара Десятого, прямо под ней ход, рассчитанный на лошадь.

Орк пролезет. Рычаг за полкой с инструментами. Выход... Где-то на окраине, немного западнее, чем тебе нужно, на месте сориентируешься.

— Спасибо.

— Только ради всего святого, будь внимательнее! Не попади в засаду!

За неприметной дверью, которая вела, как оказалось, в большой мир — точнее, в маленький магазинчик, почти такой же, как у Витьки на Каппе, — обнаружили еще два мордоворота. Сами обнаружили, никто их не звал и не искал, Витька вообще эту дверь не заметил, сидели

бы себе тихо, никто бы их и не тронул, нет же, захотелось им посмотреть, что там за шум... А у него в руках как раз случились фиксаторы, только что снятые... И кто бы помнил в таком состоянии, что там внутри пластины и они весят — ножные сорок кило, ручные двадцать... Для него они вообще ничего не весили, можно сказать! Да и выглядел он в тот момент, как обожравшийся мухоморов берсерк, вот уж рыжие варвары точно бы за своего приняли. Если эти два придурка выживут, к психологам им ходить еще долго... К тюремным.

Вспышка веселья прошла, и

вспоминать, как он с диким хохотом и матом крушил врагов, самому было стремновато.

Прошел и прилив силы, вещи обрели реальный вес, а еще немного — и мышцы опять откажутся повиноваться...

Три поверженных противника валялись, где кто приземлился, и встанут не скоро, даже если очухаются, — фиксаторы хоть и погнулись, но в дело еще годились, да и не единственная это пара была. Господин начальник сидел на последнем уцелевшем стуле, связанный по-простому, ремнем и галстуком, потому как на него

фиксаторов уже не хватило. Он уже очнулся и теперь с безмолвным ужасом наблюдал за опасным психом, все еще хихикающим и беспрерывно разговаривающим с собой. Подавать голос и напоминать о себе он не решался.

Остатки сознания медленно, с натугой пытались сообразить, что делать дальше. Ситуация получалась такая, что и в здоровом уме хрен разберешься. Во-первых, мозги подтормаживают, язык мелет что ни попадя, и на смену только что утихшему припадку веселья вот-вот придет обещанный отходняк в виде депрессии. Во-вторых, действие

проглоченных грибов скоро закончится, то есть мышцы опять перестанут слушаться и заживут собственной жизнью по своим понятиям. Да еще и сердечный имплант, похоже, от электрошока приказал долго жить, значит, дальнейшая беготня и размахивание тяжелыми предметами могут в любой момент плохо кончиться. А побегать и помахать еще придется. Во-первых, на дворец напали, а во-вторых, что они там говорили? «Элмара не упустите!» Ведь даже одурманенные мозги агента Кангрема в силах сообразить, что дружище Элмар обязательно полезет куда не следует и

нарвется на заботливо
приготовленную засаду. Значит, надо
срочно бежать спасать героического
олуха... Вот только оружие какое-то
найти и в аптечке порыться...

Витька выгреб из аптечки все
содержимое и перерыл, как
добросовестная курица, высматривая
знакомые названия. Проглотил пару
таблеток, показавшихся подходящими
для его случая. Сунул в карман три
«пчелки» со стимулятором — могут
пригодиться, если руки-ноги
отказывать начнут. Подумав,
прибавил к ним и антидот — на
всякий случай. Собрал все оружие,
рассовал по карманам. Сходил в

лавку, осмотрел ассортимент, прихватил еще пару удобных топоров. Сунулся к кабине и только тут обнаружил, что контролка запаролена.

Первая мысль, которую выдали его тормозящие мозги — наверное, по ассоциации, — была вызвать Жака. Затем встал вопрос «как?», и оказалось, что проблема решения не имеет. Усилием воли справившись с желанием горько оплакать безвыходную ситуацию и свое дремучее невезение, которое его в эту ситуацию завело, Витька напрягся и родил вторую мысль: спросить кого-то еще.

Когда его озаренный взор уставился на пленника, тот вздрогнул и попытался уползти вместе со стулом.

— Ты! — Обличающий жест топором произвел еще более сильное впечатление. — Пароль от кабины. И пароль от сети.

— Я не знаю! Я здесь не работаю, меня пригласили только...

— Врешь, — оборвал его Витька. Не то чтобы он отличался особой пронизательностью даже в здравом рассудке, просто установка не верить таким типам была прошита в нем на уровне инстинкта. — Вы все только и делаете, что врете. Вы, сволочи, мне

жизнь сломали своим враньем. Мне оно уже вот где сидит! Еще раз соврешь, и я тебе что-нибудь отрублю. Давно хотел хоть одного из вас своими руками распотрошить, а тут такой случай...

Цифры и буквы посыпались из обомлевшего Ивана Андреевича, как крупа из рваного мешка. Витька ошалело подвигал челюстью, опустил топор и рыкнул, отступая к столу:

— Помедленнее! Я записываю!

С трудом совладав с виртуальной клавиатурой, он тщательно записал услышанное, отложил топор и попытался вспомнить, зачем ему все это понадобилось. Да, кабина —

чтобы Элмара спасти. А остальное? Зачем-то же все лето эти пароли искали, значит, нужно? А, да что самому-то нездоровую голову ломать, у него же начальник есть! Ну и что, что три часа ночи... У нее дежурный номер есть на такой случай... Только вспомнить бы его...

Вопреки опасениям на этот раз память не подвела — да и впрямь, толку было бы от этого их препарата, если бы клиент забывал напрочь всю ту информацию, которую должен был выболтать? Региональный координатор отозвалась почти сразу. Несмотря на три часа ночи, она не спала, и подозрительный хруст,

сопровождавший невнятное «Что стряслось?», прозрачно намекал почему. Витькин не более внятный рассказ был выслушан под тот же хруст и, как ни странно, понят.

— Жди там, — не прекращая жевать, приказала Матильда Соломоновна. — Сейчас я всех подниму и прибуду.

— Как — жди? — встрепенулся Витька. — А Элмар? Мне бежать надо.

— Куда ты побежишь в таком состоянии?

А правда — куда? Окопавшийся в своих казармах городской гарнизон располагался где-то на окраине и с

башни виден не был... или Диего просто тоже не знал, где это. И даже если бы и знал, засада-то должна быть где-то по пути, а не прямо на месте...

— Я не знаю... — честно ответил он. Проклятая дрянь еще действовала вовсю. — Но сейчас разберусь.

— Вот и разбирайся. — Кажется, госпожа начальник решила, что с нездоровым подчиненным надо обращаться, как психиатр с пациентом. — Никуда не спеши, разберись обстоятельно, а мы сейчас поможем.

Витька отложил коммуникатор и подобрал топор.

— Где засада?

— Я не знаю этих мест! — почти умоляюще простонал источник информации. — Честное слово! Я никогда не работал в поле и здесь не был! Там карта есть, в базе, на ней все отмечено!

Все верно. Здесь есть карта. В комме есть навигатор. Отлично, теперь спаситель точно не заблудится. Только вот стимулятор, наверное, пора вколоть, что-то колени подгибаться начали, и топор слишком тяжелым сделался, наверное, как говорил король, побочка от грибов... А еще ведь бежать и драться!

Черт его знает, как взаимодействовали все препараты,

гулявшие сейчас по его организму, но после укола не только мышцы заработали нормально, но и в голове немного прояснилось. До такой степени, что удалось даже предусмотреть, что с той стороны его могут встретить неласково, и перед входом в кабину приготовить оружие к бою.

В общей городской кабине Даэн-Рисса, где несколько часов назад столь бесславно закончилась эпическая схватка, сидел только оператор — тот самый любитель бить в спину из станнера. На этот раз ему такой возможности не выпало — времени на разборки у Витьки не

было, поэтому он просто врезал парню обухом по лбу прежде, чем тот сообразил, кто это такой живописный выходит из кабины.

У крыльца стояла оседланная лошадь — видимо, для срочной связи с местными, которым чересчур продвинутую технику не доверили. Это было очень кстати, а то Витька уже начал задумываться, успеет ли добраться до места пешком (и осилит ли такой марафон), а также соображать, где и как можно достать среди ночи лошадь. Денег у него не было, и на ум приходило только отобрать, угрожая оружием, или конфисковать именем короны.

Пожалуй, оба способа в сочетании могли и сработать, но это отняло бы кучу времени, а тут — готовая стоит. Только бы в самом деле не опоздать...

На лошадях Витьке ездить не доводилось, но после Матрены его уже вряд ли что-то могло смутить. Поводья — сюда, ногу — сюда, оттолкнуться... Ой, черт, надо запомнить, лошадь — это не Матрена, чуть не свалилась, болезная... А теперь — вперед! Н-но, дохлятина! Как вас тут по-местному погоняют?.. Ой, черт, ворота... забыл... А, ладно, хрен с ними, все равно трухлявые были... Какая же медлительная скотина эта лошадь, байк бы сюда или

хотя бы Матрену!.. И трясет совсем не как на граке, мелко и часто, как они на них ездят, это же все гендерные ценности отбить можно!

Давно ожидаемое «уныние» начало накатывать, но как-то нерешительно — то ли злость мешала, то ли что-то из препаратов. А может, это вовсе и не оно было, а просто привычка невезучего человека не ждать от жизни ничего хорошего.

Значит, вот по этой улице до конца, потом направо, налево и опять прямо... А за воротами все время прямо и прямо. Когда пойдут одноэтажные домики, цель будет видна хорошо. Этот храм кого-то там

— единственное трехэтажное здание в том районе. С него хорошо просматриваются все окрестности, но и его издали видать. Засада сидит наверху, их там четверо... Что с ними делать — там разберемся... Что-то не придумывается.

С дороги, придурки, куда прете!.. От таких слышу! Шляются тут по ночам, алкаши и бездельники!.. Здесь направо... ну скорей же, шевели копытами!.. Ей-богу, пешком бы быстрее добежал!.. А вон у того угла, где на ограде плющ, надо еще раз направо... Лошадь, поддай, давай же, ты можешь хоть сдохнуть потом, но я должен успеть!..

Мысль о том, что Элмар, может быть, и не поехал никуда, а сидит себе тихо в своем укрытии, как ему было велено, или, например, попробовал, но не сумел прорваться, даже не пришла Витьке в голову. Это надо совсем не знать Элмара, чтобы так думать. Даже когда стражники у закрытых ворот, которые не хотели пропускать его в этот час, сообщили, что его высочество здесь не проезжал, первое, что подумал Кангрэм, — что все складывается удачно и он опередил безрассудного героя. Ну, или что Элмар поехал другой дорогой, в обход, поскольку тоже не дурак и на засаду рассчитывал.

Ругаться со стражниками ему было недосуг, поэтому Витька просто достал одну из припасенных гранат, подбросил на ладони и сообщил:

— Так, мужики, сейчас вы быстро открываете эти ворота, я спасаю Элмара, и все живы и счастливы. Или я их просто сейчас взорву, кто пострадает — сам виноват, а кто выживет — будет потом отвечать перед ее величеством, если с Элмаром что-то случится, пока я тут с вами время теряю.

Какой аргумент показался ребятам убедительным, он не смог определить, да и не слишком важно это было, главное — они сразу

вспомнили, что нельзя только впускать, а про выпускать ничего не говорилось.

Темная ночная дорога опять понеслась под копыта. Уличное освещение осталось позади, ночь выдалась пасмурная, и дорогу было видно плохо. Оставалось надеяться только на лошадь, которая хоть и животное, но видит же, куда скачет, и в столб не врежется.

Вдалеке на фоне мрачного неба показались стройные очертания здания — судя по форме и по высоте, это и был тот самый храм. Пора было составлять хоть какой-то план действий, а то ведь подъедет, как

дурак, и будет опять под воротами кукарекать — там же наверняка ограда, и ворота на ночь запирают, а сигать через них на лошади — это надо быть наездником уровня Элмара, да и лошадь уже подозрительно хрипит, куда ей барьеры брать, хоть бы не свалилась вообще... Наверное, проще перелезть через забор, забраться наверх (если повезет — незаметно) и поступить так же, как с остальными...

Жизнь, как это всегда бывает, внесла свои изменения в план внезапно и в последний момент. Сначала из-за туч все-таки вылезла луна — ну да, как нестись вслепую по

дороге, так ее хрен дождешься, а когда надо тайком куда-то пробраться — вот она во всем сиянии! Затем послышалось знакомое глухое уханье, словно где-то ритмично выбивали гигантскую подушку, — это ударялись о землю мягкие лапы тяжелого грака. Спустя пару секунд Элмар вынырнул из боковой улочки на дорогу далеко впереди Кангрема, но почти напротив злосчастливого храма.

— Элмар! — заорал Витька, наплевав на то, что этим криком обнаружил себя и лихо подставился. — Уходи! Там засада!

Его предупреждение заглушил взрыв. На несколько секунд фонтан

пыли и камней из развороченной мостовой скрыл от него всадника, но когда все, что взлетело, упало обратно, стало видно, что Орк бежит как ни в чем не бывало. Мгновением позже Витька разглядел и Элмара — тот висел на одном стремени на боку грака, при первых же признаках опасности укрывшись за огромной тушей скакуна. Этот прием он показывал еще на Каппе, жалуясь, что за последние лет десять совершенно утратил навыки, — лошади шатаются, а то и падают.

Раздался еще один взрыв, и сквозь грохот осыпающихся камней прорвался знакомый

душераздирающий рев раненого грака.

Он опоздал! Он все-таки опоздал, его проклятое извечное невезение на этот раз вышло боком Элмару — а ведь тому всегда везло, пока он не связался с убогим неудачником!..

Ворота храма распахнулись, и на дорогу выбежало трое вооруженных людей. Убийцы вылезли из засады и торопились проверить работу и, если понадобится, доделать. Они там и ждали, на крышу залез только один — тот, что с гранатометом, а остальные стояли внизу... О том, что четвертый все еще наверху, что у него может быть сколько угодно боеприпасов, а одинокий всадник на дороге под

полной луной — идеальная мишень, Витька в тот миг даже не задумался. И в том, что троица заинтересованно обернулась к нему, важным было лишь одно — они отвлеклись от Элмара.

Быстро ощупав свой арсенал, он выдернул из-под куртки короткоствольный автомат, очень похожий на его любимый «Сет-18», бесславно сгинувший в Пятом Оазисе, и на скаку выпустил несколько коротких очередей. Двое упали замертво сразу, один еще попытался отстреливаться, но безнадежно мазал, не в силах толком удержать оружие пострадавшей рукой, а потом его

просто стоптала ошалевшая от пальбы лошадь. Может, она бы еще и останавливаться не пожелала с перепугу и унесла всадника неведомо куда, если бы на ее пути не возникла огромная туша Орка — еще живая, ревущая от боли, злобно хватаящая воздух оскаленной пастью и скребущая камень всеми четырьмя лапами, в том числе оторванными.

Воспользовавшись лошадиным замешательством, Витька спрыгнул на мостовую и, оскальзываясь на залитых кровью камнях, бросился туда, где, неестественно раскинув руки, лежал, словно свергнутый с пьедестала памятник, неподвижный Элмар.

Может же быть такое, что он еще жив! Если основную силу взрыва принял на себя грак... Господи, ну пусть, пусть он будет жив!

Он упал на колени рядом, отстегнул шлем и начал его стаскивать — медленно и осторожно, обмирая от мысли, что сейчас вместе со шлемом снимется и голова. Запоздавший отходняк от гномьих грибов, похоже, накатил в полную силу, и любые действия казались бесполезными, будущее — беспросветным, и винить в этом стоило только себя. Да разве был у него хоть один шанс успеть? Ведь мало того, что неудачник, так еще и

идиот безнадежный. Если уж он собрался кого-то спасать, бедняге сразу можно венок заказывать....

Шлем наконец поддался и слез, обнажив безжизненное лицо с закрытыми глазами. Голова осталась на месте. Крови почти не было, только из уха на растрепанные, помятые шлемом волосы стекала тонкая струйка.

— Элмар! — позвал Витька без всякой надежды на ответ. Даже если Элмар жив, вряд ли он услышит... — Ну пожалуйста, ну твою же мать!..

— Это делается не так, — негромко и совершенно спокойно произнес кто-то у него за спиной.

Витька рывком обернулся, подхватив брошенный автомат и запоздало вспоминая про четвертого на крыше.

— Не стреляйте, — так же негромко произнес незнакомый человек в черном, даже не делая попытки поднять арбалет, который держал в руке. — Насколько я понимаю, вы — Виктор?

Кангрем молча кивнул. Человек шагнул вперед, стянул прикрывающую лицо черную повязку и присел рядом, коротко пояснив:

— Я — Флавиус.

— Фигасе! — изумился

Витька. — Вы в курсе, что вас тут все

потеряли?

— Да, — бесстрастно ответил пропавший министр, пытаюсь нащупать пульс на шее поверженного героя. Да уж, кретин ты, Витек, первостатейный, и истеричка к тому же... Сам не мог додуматься...

— Я опоздал, — зачем-то покаялся Витька, хотя его никто не спрашивал, и вообще все и так было понятно.

— Я тоже, к сожалению, — эхом откликнулся Флавиус. — Кстати, вы были непростительно неосторожны. Вы пропустили четвертого.

— Спасибо, что вы не пропустили, — вздохнул Витька,

сообразив, почему тот четвертый не подал признаков жизни. — Ну что там?

— Есть, — кивнул Флавиус. — Он жив. Но вряд ли сможет встать, не говоря уж о том, чтобы сесть в седло.

— Да это уже мелочи, как-нибудь управимся... может, стоит позвать на помощь кого-нибудь из храма?

— Там никого нет. Храм пуст. Во время оккупации священнослужители разбежались, опасаясь преследования, и вернуться еще не успели.

— Тогда надо поймать лошадь и отвезти его к врачу. Вы знаете, куда тут поблизости можно обратиться?

— Нам надо добраться до казарм

и довести до конца то, что он задумал. Время уходит, вполне возможно, враги уже там и с большой долей вероятности пользуются случаем, чтобы склонить командование на свою сторону.

— Но Элмар все равно не сможет ничего сказать.

— Я смогу. Но нам не следует разделяться. — Он тяжело поднялся на ноги, закинул за спину арбалет и огляделся. — Я вижу, ваша лошадь уже на последнем издыхании и на нее рассчитывать не стоит.

— Я торопился, — покаялся Витька. К чувству вины за печальную судьбу товарища добавилась еще и

вина перед несчастной лошастью. — И я не умею ездить верхом...

— Сейчас я попробую поймать свою, а вы пока снимите с (го высочества доспехи. Во-первых, его надо хоть поверхностно осмотреть и по возможности оказать первую помощь, а во-вторых, погрузить его будет трудно даже без доспехов. Логом попробуем постучаться в какой-нибудь из домов, хотя после того, что тут произошло, нам вряд ли откроют.

— Надо будет — я вынесу дверь, — пообещал Витька. С горя он был готов вынести все двери, какие попадутся на его пути.

— Что ж, возможно, придется. А пока поглядывайте по сторонам, я не уверен, что опасность миновала.

Отважный подпольщик опять закрыл лицо и вскоре тенью растворился в темноте, но Витька успел заметить, что двигается он не совсем уверенно и даже не совсем ровно.

Оставшись один, он еще раз огляделся, понял, что, если какая опасность и объявится, уж он точно будет последним, кто ее заметит, и засунул руку под доспехи, нащупывая застёжки. Левый наплечник, тихо звякнув, лег на мостовую. За ним последовал правый. Орк перестал

реветь и только глухо, недовольно ворчал. Луна опять спряталась — а чего, свое дело она сделала, злодеям мишени подсветила, а добрые люди дорогу и так найдут...

Витька отложил в сторону нагрудник и осторожно ощупал туловище. Все цело, крови нет, но внутри может твориться что угодно, а внутреннее кровотечение — штука опасная и коварная...

Когда он освободил от доспехов правую руку и взялся за левую, Элмар вдруг застонал и открыл глаза. Едва не спятивший от радости Витька начал было спрашивать о самочувствии, но первый паладин

только болезненно скривился и прошептал:

— Я не слышу.

Попытки выяснить то же самое жестами выглядели, наверное, как пляска обкуренного паралитика и вряд ли чем-то помогли бы делу, если бы Элмар сам не пожелал об этом поговорить.

— Не дергайся... — тихо простонал он. — Слушай внимательно. Мне надо в казармы. К демонам врачей. Я должен им сказать... Не перебивай, я все равно не слышу. Ты должен мне помочь добраться. Любым способом. Что с Орком?

Витька вспомнил о феноменальной регенерации граков и, спохватившись, оглянулся. Орк стремительно восстанавливался — пока они тут разбирались с Элмаром, рваная рана на брюхе успела затянуться, задняя лапа, лежавшая поблизости, — частично прирасти, а передняя, которую отнесло слишком далеко, медленно, но верно отрастала заново. Черт, вот это засада... Мало было прочих напастей, теперь еще и Орк!

Пока он лежит и не особо рыпается, но еще минут десять — и прямо перед их носом встанет на лапы дикая, хищная, почти

неубиваемая тварь, а единственный человек, способный держать ее в узде, валяется кулем и просто-таки напрашивается в первые кандидаты на съедение...

— Он регенерирует, — доложил Витька.

Разумеется, Элмар ничего не услышал, но по его перепуганной морде сообразил, в чем дело.

— Не бойся. Просто возьми за поводья и садись. Попытается возражать — настаивай. Ты видел, как я делаю. Потом поможешь мне залезть, и поедем. Ты знаешь дорогу?

Витька задумался, как жестами объяснить, что дорогу он не знает, но

надеется отыскать по навигатору. А пока он размышлял, Элмар опять отключился. Зато вернулся, ведя в поводу вороного коня, пропавший министр. Конь недовольно всхрапывал и боязливо шарахался от грака. Флавиус пристально оглядел происходящее и с легким беспокойством поинтересовался:

— Мне кажется, или это животное регенерирует, подобно троллю?

— Не кажется.

— Насколько оно опасно?

— Элмар приучил его не нападать на людей без команды. Но я не имею понятия, что он станет

делать, оставшись без хозяина.

— Что тут у вас?

— Элмар ненадолго приходил в сознание. Левая нога сломана, плечо выбито, кажется, сломана ключица, но не уверен, пусть врач смотрит.

— Его высочество что-то сказал?

— Сказал, что я должен его отвезти. На вот этом. — Витька кивнул на грака, который пока еще лежал смиренно, но уже с интересом принюхивался.

— А вы можете?

Витька беспомощно развел руками.

— Понятия не имею. Но другого выхода все равно нет. Не можем же

мы бросить посреди улицы бесхозного хищника, которого вон из гранатомета убить не удалось. Ну, я могу попробовать, он меня вроде знает... Если получится — нам будет на чем уехать. Если нет, нас съедят.

Флавиус еще раз внимательно посмотрел на Орка. Потом на Элмара. Потом на Витьку — нехорошо так, оценивающе, словно мерку снимал.

— Сколько у нас еще времени?

— Минут десять — пятнадцать.

— Наденьте пока доспехи. На всякий случай. Вы единственный из нас полноценный боец, и в случае какой-либо опасности вся надежда на вас, поэтому вам необходимо получше

защитить себя.

— Да я их не потяну, — честно признался Витька.

— Шлем и нагрудник — обязательно, из остального — что сможете.

Они как раз успели пристегнуть наплечники, когда почти полностью очухавшийся Орк с трудом поднялся на лапы, слегка прихрамывая на свежеотросшую, и повернул морду к Элмару, с интересом принюхиваясь.

— Орк, фу! — рывкнул Витька, стараясь, чтобы это прозвучало повнушительнее. Грак недовольно заворчал и повернулся уже к ним. — А ну иди сюда, животное!

Он нахлобучил протянутый Флавиусом шлем, поправил болтающийся поверх доспехов автомат и, покрепче стиснув топориче, решительно шагнул вперед. Главное — схватить за поводья и влезть в седло. Элмар смог, а он что, не сумеет? Сил у него хватит, а везение тут точно ни при чем. Зверь должен чувствовать хозяина, так пусть почувствует.

Орк припал на задние лапы и оскалился, продолжая угрожающе ворчать. Казалось, что это натужно гудят его звериные мозги, силясь понять, что случилось с хозяином, почему он там, а его сброшенная

шкура ходит отдельно, говорит другим голосом и пахнет одновременно хозяином и другим человеком. И вообще, нельзя ли теперь все это недоразумение съесть?

— Я тебя самого сейчас съем, скотина! — пригрозил Витька и врезал обухом по морде, левой рукой подхватывая поводья. — Фу! Лежать!

Исполнять команду Орк не торопился, но от растерянности замер и упустил момент, когда еще можно было взбунтоваться. Витька же момент не упустил — вскочил в седло и стукнул еще по ушам для профилактики.

— Лежать, сказано!

Окончательно сбитый с толку грак послушно присел, решив, что с непонятым явлением лучше не связываться.

Вдвоем они кое-как втащили Элмара на грачий загривок и пристроили поперек седла.

Флавиус отвязал коня и со второй попытки с трудом на него забрался.

— А с вами-то что? — заволновался Витька, заметив, что бесстрашный ниндзя пошатывается в седле. — Вы что, тоже ранены и молчите?

— Еще две недели назад, — недовольно отозвался Флавиус. — Потому и молчу. Помощь мне не

требуется, а с последствиями все равно ничего не поделать. Не отвлекайтесь, у нас мало времени. Вы готовы? Поехали!

Все еще прихрамывая, Орк тронулся неровной рысцой.

— Вы не расскажете, как нас нашли? — спросил Витька через несколько минут, когда после третьего вразумления грак перестал плотоядно принюхиваться к лошади, а та — шархаться от него. — И куда вы пропали? Король тут всех на уши поставил...

— Я сожалею, но у меня не было возможности ни с кем связаться. Я собирался сделать это на днях, но

обстоятельства вынудили действовать срочно. Услышав, что на дворец напали, я счел своим долгом все же покинуть убежище и оказать посильную помощь.

— А про засаду как узнали?

— Я вычислил несколько возможных точек и решил проверить их все, так как, зная его высочество, предвидел печальный итог. Подъехал тихо, прокрался на верхний этаж, но, к сожалению, опоздал буквально на секунды. Я уже прицелился в стрелка, когда он успел сделать второй выстрел. А вы?

— Э-э-э... Что — я?

— Вы как сюда попали? Я

полагал, что вы либо во дворце, либо вместе с Элмаром, и был несколько удивлен.

— Я... дело в том, что вечером я обнаружил в городе подозрительное здание и пошел на точку связи, чтобы доложить... — начал Витька и только тут спохватился, что ляпнул не то и не там. Проклятые отечественные химики, мать их...

— Продолжайте смело, — поощрил его Флавиус. — Я знаю, кто вы на самом деле.

— Это была ловушка, меня схватили и хотели что-то узнать — кажется, об обороне дворца и неких планах, я в детали не въехал, не до

того было. Про засаду я узнал от них. И подумал, что во дворце и без меня бойцов хватает, а об Элмаре позаботиться некому.

— Доложить не забыли? — невозмутимо уточнил министр.

— Не забыл. А что, так заметно, что мог бы?

— Не вполне связная речь, не всегда адекватная реакция на происходящее, излишняя болтливость... — столь же бесстрастно перечислил Флавиус. — Вам давали какие-то зелья?

— Было дело...

— Вы успели что-то им сказать?

— Как я их ненавижу.

— Хорошо, — одобрил Флавиус. — Здесь направо... Ваше животное умеет поворачивать?

— Умеет, мать его!.. — ругнулся Витька, пытаясь направить Орка в нужную сторону. — Это я не умею им поворачивать...

— Ваше величество!

Кира оглянулась и никого не увидела. Потом, догадавшись, опустила взгляд и узнала молодого гнома из тех двух, что были посланы в помощь Кантору.

— Что у вас?

— Кантор просил передать, что у него кончились патроны к пулемету.

— Их больше нет вообще. Пусть спускается ниже, противник вот-вот прорвется в недоступную для обстрела зону.

— И еще он сказал, что со стороны города подтягиваются еще какие-то люди. Собираются на площади Справедливости мелкими группами, пока не выступают, чего-то ждут.

Кира подошла к окну и всмотрелась в предрассветную тьму, едва-едва разбавленную тусклыми уличными фонарями. Прожектор на башне давно разбили, подсветить было нечем. Вряд ли кто-то, кроме Кантора, сможет точнее разглядеть,

что там происходит на темных улицах. Хоть он и жаловался всегда, что плохо видит в темноте, эльфийская наследственность все же давала ему преимущество перед обычными людьми.

— Зигфрид, — окликнула королева, вспомнив, как зовут парня, — а вы — я имею в виду, гномы — видите в темноте?

— Не так хорошо, как Кантор, — признался гном. — Если близко, то видим, но там слишком далеко.

— У него труба еще цела?

— Да. В нее и смотрел. Люди с оружием, некоторые в легких доспехах, остальные одеты кто во что.

— Спасибо, буду иметь в виду. Будешь подниматься, загляни заодно к своим, передай, пусть тоже спускаются. Еще минут десять — двадцать, и поле боя переместится на первый этаж.

А потом в коридоры. На лестницы. В комнаты.

Если противник не введет резерв, еще есть возможность остановить ворвавшихся внутрь, перестрелять из укрытий, смять в рукопашной. Но если то, что видел Кантор, — их подкрепление, придется туго... Где же Элмар с обещанной подмогой? Неужели не доехал? Неужели нарвался на засаду? Или его зверь

застрял в каком-то узком месте и он теперь добирается пешком?

Ей очень хотелось верить во второй вариант, потому что если случился первый — как потом объяснять это Шеллару?

Они были уже почти у цели, когда действие стимулятора закончилось и пришлось повторить, хотя инструкция и рекомендовала прибегать к препарату только в крайнем случае, с максимальной осторожностью, и строго соблюдать дозировку. К сожалению, в инструкции не упоминалось других решений для проблемы «Как удержать

В повиновении огромную кусачую скотину при условии частичного нарушения мышечной активности у наездника?». Поэтому на инструкцию Витька просто забил.

Ворота при необходимости не понадобилось бы даже взрывать — хватило бы хорошенько разогнать Орка. Но и необходимости такой не возникло. Заслышав традиционный для всех миров окрик «Стой, кто идет?», господин Флавиус лишь пристально взглянул на вопрошавшего, зловеще понизил голос и вежливо прошипел:

— Не узнаете?

Витька припомнил, что главу

департамента Безопасности побаивался даже отчаянный Максов сын, и подумал, что этого полезнейшего господина ему не иначе как Дэновы боги послали (от своих он подобных подарков давно отучился ждать). Без него он бы еще полчаса тут объяснял, кто он и что кому хотел сказать Элмар, который как раз сейчас ничегошеньки сказать не способен. А потом еще доказывать, что он не врет, что Элмар хотел сказать именно так, а не наоборот, и вообще это не он сам его подстрелил...

— Где полковник? — коротко поинтересовался Флавиус, уверенно

въезжая в распахнутые ворота. — Где все старшие офицеры?

— У них совещание, — чуть ли не хором отрапортовали солдаты.

— Совещаются, как выгоднее родину продать? — вкрадчиво уточнил министр и направил коня к ближайшему зданию, в окнах которого горел свет. — Срочно найдите врача и поднимайте гарнизон по тревоге. Чтобы, когда я закончу воспитательную работу с командованием, личный состав стоял в полной боевой готовности, а его высочеству была оказана необходимая медицинская помощь. Четверо — со мной. Виктор, вы останетесь снаружи,

присмотрите за его высочеством.

Он даже не оглянулся проследить, как выполняются его приказания. И без того было слышно, что с подобающим рвением.

У крыльца Флавиус остановил коня, внимательно посмотрел на светящиеся окна, из-за которых доносился нездоровый шум, словно там то и дело роняли шкаф со скобяными изделиями. То ли торговались так азартно, то ли уже делили выручку от продажи родины.

— Помогите мне спешиться, — тихо и серьезно произнес министр. — Сами оставайтесь в седле и следите за окнами. Если оттуда кто-то выскочит

и попытается скрыться, стреляйте по ногам. Не попадете — стреляйте на поражение или натравите зверя.

Витька спрыгнул на землю, предупредительно рывкнув на Орка, и подставил главе департамента плечо.

— Вы один пойдете? Может, мне лучше с вами?

— Нас только двое, и один должен остаться снаружи... Благодарю, дальше я сам.

— Хоть пистолет возьмите.

— У меня есть.

Флавиус достал из-под куртки оружие, поднялся по ступенькам и скрылся за дверью. Через несколько мгновений там воцарилась тишина,

затем слышались изумленные возгласы, моментально перешедшие в галдеж. Раздались два выстрела, и опять все стихло.

Из окна так никто и не выпрыгнул, а еще через несколько минут на крыльцо начали выбегать офицеры. Похоже, сделка по продаже родины не состоялась ввиду явной убыточности.

— Это все? — Саня Сидоренко нервно оглянулся. Среди такого количества уголовных морд он чувствовал себя неуютно.

— Все, кого удалось собрать, — пробасил здоровенный бородатый

детина в клепаной коже — доверенное лицо Астуриаса, местный бандит по кличке Борода. По мнению Сани, «доверенное лицо» вернее было бы назвать «доверенной рожей». Его бурная уголовная биография была прописана на всех видимых частях тела — татуировки, шрамы и даже каторжное клеймо, притом что в относительно цивилизованном Ортане их ставили только самым закоренелым рецидивистам. Остальные в большей или меньшей степени походили на предводителя, и Саня с затаенным ужасом пытался представить, как Астуриас собирается контролировать эту толпу отморожков.

— Пора, — сказал он. — Больше ждать нельзя.

— Значит, кто опоздал — останется без доли, — хохотнул Борода, любовно оглядывая новенькую винтовку. — Все как договорились — что унесем, то наше.

— Да, как договорились, — кивнул Саня.

— Братва, — возвысил голос клейменный авторитет, — двинулись!

Толпа зашевелилась, зашуршала, забряцала, и в этом шуме никто не расслышал тихого щелчка и почти бесшумного звука распрямляющейся тетивы. Даже когда Борода уже упал, нацелившись в темное небо

арбалетным болтом, торчащим из правой глазницы, это увидели только те, кто стоял рядом. Дальние лишь удивленно оглядывались, пытаясь сообразить, что случилось и почему никто никуда не двинулся, хотя команда была. Когда же новость разлетелась по толпе, на площади начался ад, бедлам и столпотворение. Сразу десяток особо внимательных и впечатлительных узрели убийцу в десятке разных мест, и во все эти места одновременно ринулись самые деятельные и горячие поборники справедливости. Ор поднялся такой, что убийца легко мог удрать хоть на каппийском грузовике, все равно

никто бы не услышал. Громилы рассыпались по площади, забыв, зачем собирались, и горя желанием найти, поймать и примерно наказать, благо место как раз подходящее. Как согнать их обратно и заставить что-то делать, Саня не представлял.

— Тупые отморозки... — презрительно хмыкнул высокий подтянутый ворюга с закрытым повязкой лицом, один из немногих оставшихся на месте. — Поймать они собрались. Дешевки.

— Угу, — согласился костлявый старик, заросший седой щетиной. — Бао сидит и ждет, когда они его найдут, как же.

Саня судорожно сглотнул.

— А вы уверены... Ну... Что это именно он?

— Да кто ж еще... — философски пожал плечами старик.

Высокий хмуро пояснил:

— Паук Шэ официально объявил охоту.

— Да уж, — кивнула коренастая круглолицая четверть-гномка. — Если бы меня угораздило убить племянника Бао, я бы не вылезла из схрона, какую бы добычу ни обещали. А Борода сильно жадный был.

— И сколько времени им надо, чтобы убедиться в бесполезности этой их... ловли? — попытался выяснить

Саня. — Мы же так никуда не успеем!

— Э-э-э, — разочарованно махнул рукой старик, — это надолго.

— Подожди, они сейчас еще нового атамана выбирать начнут, — пообещал вор. — Нельзя же банде на дело идти без старшего. Это пока они переругаются, потом передерутся...

— Точно, — согласилась гномка. — Я, пожалуй, домой пойду. Дело выходит тухлое, а у меня дома три малолетних бандита без присмотра брошены.

Саня тоже больше всего хотел бы все бросить и пойти домой. Но вместо этого отошел в сторонку и принялся названивать Астуриасу. На его

счастье, мистралиец не отключил связь, хотя запросто мог.

— Ты? — коротко рявкнул он. —
Время выбрал — хуже некуда. Наши
идут в атаку. Где Борода со своими?
Они уже должны быть здесь!

— Борода убит! Мне нужен кто-
то, кто может взять под контроль эту
ораву и собрать их в кучу! Они
разбежались по площади и ищут
Бао... Я не могу, они меня не знают, я
для них не авторитет и вообще
чужой...

Астуриас коротко,
прочувствованно выругался.

— Сейчас бегу. Тебе из Аррехо
не перезванивали? Что они там

выяснили?

— Нет. Я думал, позвонят сразу тебе.

— Перезвони сам. Мне это не нравится. Все молчат. И Аррехо, и группа перехвата, и гарнизон. Ни слова, словно вымерли. Нюхом чую — что-то нечисто.

Пресловутым «нюхом» Саня не обладал, но от таких известий у него вмиг начала холодеть спина. Он торопливо набрал Ивана Андреевича и выяснил, что «аппарат отключен или неисправен». Попробовал свой стационарный — нет ответа. Уже из чистого упрямства начал вызванивать всех по очереди — охранников,

старшего группы перехвата, переговорщика, отправленного в казармы, ребят с городской общей... Когда после бесчисленных гудков и отключенных аппаратов в динамике раздался наконец слегка деревянный от страха голос Паши, бедный агент Сидоренко успел уже сорок раз облиться холодным потом.

— Что у вас там?! — выпалил истомившийся Саня.

— Ничего. — Голос чуть дрогнул, и понимать это можно было как угодно.

— Где все? Почему никто не отвечает?

— Кто? — растерянно отозвался

балбес.

— Твою мать, позови мне кого-нибудь из вменяемых людей! — разозлился Саня.

— Они ушли, — после очень подозрительной паузы ответил Паша.

— Куда?

— Не знаю.

— Через кабину или в город?

— В город. Кто-то позвонил, и они ушли. Тебя Иван Андреевич искал.

— Тогда почему я не могу ему дозвониться?

— Он тебе тоже. Тут что-то происходит со связью, я сам не могу понять. Зайди, как только сможешь.

Он там что-то важное узнал.

Хотя в словах юного гения наконец-то появился смысл, голос его все же звучал странно. Словно он по бумажке текст читал или в трансе прорицал. Разбираться дальше было недосуг, в конце улицы показался запыхавшийся Астуриас, поэтому Саня торопливо бросил: «Хорошо, зайду» — и отключился.

Мастеру-вору потребовалась всего десять минут, чтобы собрать вокруг себя главарей, которых он, в отличие от Сани, всех знал в лицо и почти всех — лично, заставить их организовать подчиненных и направить в нужную сторону, придав

ускорение кличем «Там уже без нас грабить начали!».

Саня полагал, что они двинутся вместе с подкреплением (разумеется, в последних рядах), но мистралиец придержал его за рукав и встревоженным шепотом поинтересовался:

— Дозвонился?

Саня объяснил ситуацию, и от этих новостей еще больше помрачневший Астуриас окончательно раздумал куда-либо бежать.

— Ты же не собираешься и в самом деле туда идти, правда? — уточнил он.

— Ну не сейчас уж точно.

— Ты что, еще не понял? —

раздраженно сверкнул глазами Астуриас. — Там действительно что-то случилось, и совсем не со связью! Ты же сам понял, что тот парень не своими словами говорил! Нельзя туда возвращаться! А надо... надо срочно звонить всем, кто остался, чтобы меняли коды и отключались от легальной сети... — Он вдруг умолк, прислушался и, ухватив приятеля за руку, метнулся к помосту, над которым символично возвышалась виселица. — Всадники! Прячься, скорей.

Саня нипочем не нашел бы

такого полезного укрытия, если бы мастер-вор не знал конструкцию подобных сооружений настолько досконально. Он, конечно, представлял себе, что там должен быть люк или дверца, но где именно и как открывается...

— А вдруг это к нам на подмогу скачут? — предположил он, когда створки за ними уже захлопнулись. Стук копыт приближался, теперь и он уже четко расслышал, что всадников много и они вооружены.

— Тогда мы просто вылезем, — прошипел мистралиец, пытаясь изобразить на лице ангельское терпение. — И ничего не потеряем. А

теперь представь себе, что ты не прав.

Они дружно припали к щели между досками, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в едва светлеющей предрассветной серости, скудно разбавленной уличным освещением.

Вскоре всадники достигли площади, и стало видно, что это действительно кавалерия полковника Альбри. Отряд двигался в направлении дворца, но определить, какой стороне стоит ожидать помощи, было невозможно.

— Слушай внимательно. — Астуриас будто подслушал его мысли. — Когда они догонят наше подкрепление, будет понятно.

Саня молча кивнул, заворуженно следя за мелькающими всадниками, которые неслись мимо однообразной вереницей, словно в закольцованном ролике. Однако ждать не пришлось — все стало понятно гораздо раньше. Как только в поле зрения показался арьергард.

Астуриас ткнул его локтем под ребра, заставив подавиться горестным стоном.

— Тише! Услышат!

Это был полный провал. Катастрофа. Конец всему.

Позади всех — наверное, чтобы не пугать лошадей — скакал принц-бастард Элмар на своем каппийском

чудовище. Совершенно живой и целый, весьма красноречиво потрясающий на ходу боевым топором.

— Ты тоже видел? — обессиленно прошептал Саня. — Эти идиоты все-таки упустили Элмара...

— Это же не Элмар, — почти беззвучно прохрипел Астуриас.

— Как — не Элмар? А кто?

— Ваш рыжий агент. Боги, с какими бездарями я связался... Эти люди не способны уследить даже за скованным, наполовину парализованным и напичканным наркотой человеком! Вчетвером! За одним! Теперь ты понял, что

случилось со связью?

Саня судорожно рванул из кармана коммуникатор.

— Ты в Лондру и Голдиану, я в Поморье и Галлант!

Вдалеке послышались первые крики — это встретились на марше два подкрепления...

ГЛАВА 9

Я осторожно потряс лапами, проверил, целы ли хвост и ушки. Слава богу, они не пострадали.

Т. Янссон

Первые лучи солнца показались из-за дальних крыш почти в тот самый миг, когда все закончилось, — как будто солнце, напуганное шумом битвы, опасалось высунуться из укрытия, пока не стихнет это опасное безобразие.

Кира огляделась по сторонам,

словно желая убедиться, что бой действительно окончен и нигде не притаился недобитый враг. Нет, вокруг были только свои — воинственно горланят гномы, с грохотом обнимаются паладины, вылезают из укрытий стрелки, мнутя запоздавшие со своей подмогой солдаты городского гарнизона... Да, бой все-таки закончился, и победа несомненна. Теперь начинается самое тошное, но неизбежное. Увы, такова доля победителя — именно ему приходится разгребать весь бардак после битвы.

Слегка пошатываясь от усталости, Кира вытерла меч о

ближайшую рваную занавеску и вложила в ножны. Окликнула адъютанта — просто в пространство, не имея понятия, где он.

— Убит, — тут же отозвался кто-то из дальнего конца коридора.

— Кантор? — снова окликнула королева.

— Чего? — мрачно откликнулся мистралиец. Он стоял почти рядом, за ее плечом, рассматривая разбитый приклад, словно прикидывал: стоит ли счищать с него чьи-то мозги или проще сразу выкинуть.

— Временно побудешь моим адъютантом.

— Я иду спать, — так же угрюмо

ответил Кантор, откровенно давая понять, что на приказы ее величества чихать хотел, у него свои, более важные дела.

— Не будь идиотом, — устало огрызнулась Кира. — Кого ты хочешь там застать в это время? Думаешь, они все нарочно легли спать с утра пораньше, чтобы только с тобой увидеться? К тому же сейчас никто спать не пойдет, пока все это не разгребем. Найди мне Орри, Шаббо, Альбри и... — Она задумалась, поскольку заковыристая многосложная фамилия командира пушкарей вылетела из головы, а вспомнить было необходимо, иначе

какой она тогда военачальник?

— Ты бы Терезу лучше поискала, — проворчал Кантор.

— А что с ней? — встрепенулась Кира, ужаснувшись при мысли, что объясняться придется, хоть и не по поводу Элмара.

— Да с ней ничего, у тебя кровь из-под кирасы подтекает.

Королева вспомнила, что в горячке боя действительно что-то такое царапнуло бок, но тогда внимания не обратила...

— Вряд ли там что-то серьезное, — отмахнулась она, но непочтительный мистралиец вдруг ни с того ни с сего взорвался:

— Твой муж, помнится, тоже вот так же здоровым прикидывался и чуть кровью не истек, к хренам! У меня нет под рукой Элмара, чтобы и тебя силком раздеть, давай сама. А я за Терезой сбегаяю.

— Подожди... — Кира раздраженно начала расстегивать кирасу. Замечание было справедливым, но дергать Терезу из-за ерунды не хотелось, раненых и без того навалом, и много тяжелых... — Сначала я посмотрю, нужен ли тут врач. А ты пока все же найди мне Альбри и этого гнома... — Она со вздохом сдалась и добавила: — И напомни, как его зовут. Орри я уже

вижу, а Шаббо сам идет сюда.

Второй паладин, опустившись на одно колено, снимал шлем с поверженного товарища. Выглядел он совершенно потерянным.

Кантор перехватил ее взгляд и пояснил:

— Лаврис убит.

— Проклятье! — с искренним сожалением выругалась Кира. Лавриса она не любила, но все равно жаль. — Подойду к ним. Вот ведь несчастье...

Кирасу она стащила уже на ходу и не обнаружила под ней такого, ради чего стоило бы отрывать от дела целителей. Пуля скользнула по

ребрам, не задев ничего важного и лишь слегка порвав мышцы. Обработать, перевязать, и в строй.

Граф Орри, склонившийся над бездыханным другом, заметил ее не сразу. Бледное, без кровинки лицо кавалера Лавриса было чистым и умиротворенным, со стороны могло показаться, что он безмятежно спит, если бы не нижняя часть тела, придавленная обвалившимся лестничным пролетом.

— Мне очень жаль, — неловко произнесла Кира.

Второй паладин поднял голову, украдкой утирая мокрую дорожку на щеке.

— Пятнадцать лет... — невпопад отозвался он. — А Элмар? Где Элмар?

— Простите... Не знаю. Он мелькал где-то во дворе, верхом на своем звере, но где он сейчас...

— Это был не он. Это его друг... тот, иномирец. На Элмаровом Орке. В доспехах Элмара. А сам Элмар где тогда?

— О нет... — Кира не сдержала стон, представив себе, где на самом деле может быть Элмар и что скажет об этом Шеллар, когда вернется. — А у него вы не спросили?

— Не успели. Он упал без чувств, гномы его в лазарет унесли, а Палмер с Мэнсором до сих пор Орка ловят...

— Виктор тоже ранен?

— Не знаю. Видел, что упал, а почему...

Откуда-то вынырнул Кантор, уже с флягой в руках и бинтом наготове, и скороговоркой отчитался:

— Всех нашел, идут сюда, гнома зовут Вальтер, объявился Флавиус, снимай рубашку, показывай.

— Какой Вальтер! — разгневанно зашипела королева, послушно расстегиваясь. — Мне фамилия нужна! Имя я и без тебя помню, но не могу же я его по имени называть! Мы с ним не на «ты», это невежливо!

— Надо было точнее

приказывать, — огрызнулся нахал. — Ну-ка, повернись... Ага... да, пожалуй, ты права, Терезу можно не беспокоить, сами управимся... наклонись чуть-чуть...

Бок опять обожгло, и Кира стиснула зубы, чтобы не позориться перед товарищами малодушными стопами.

— Что еще узнал? — прошипела она, не разжимая зубов.

— Про Элмара ничего не слышно? — почти умоляюще напомнил граф Орри.

— Сказали, что ранен, подробности доложит Флавиус, как подъедет. Он вроде бы тоже не совсем

цел... Да, прежде чем уйдешь совещаться с командирами, распорядись насчет пленных, а то гномы уже примеряются к ним с топорами, а на возражения вроде «А допросить?» обещают допросить самостоятельно. С применением топоров.

— Запереть, — приказала Кира. — Сторожить. Без Флавиуса не допрашивать, и никаких топоров!

— Сейчас закончу и сбегаю, — пообещал Кантор, ловко накладывая повязку.

Кира хотела было еще уточнить, поймали ли доблестные паладины временно бесхозного хищника и что

там случилось с Виктором, но ее внимание вдруг привлек томный стон, раздавшийся с пола. Кантор, которому его сказочный слух никогда не изменял, обернулся одновременно с ней.

«Убитый» кавалер Лаврис восторженно пялился на правую грудь ее величества, неуместно вывалившуюся из-под одежды, и, похоже, готовился умереть вторично — на этот раз от избытка чувств.

— Нет, вы посмотрите на эту скотину! — возмутилась Кира, торопясь лишить негодника последней радости. — Мало того что он жив! Он еще и помалкивает об

этом, с оскорбительной наглостью созерцая прелести своей королевы! Дайте я его добыю... Да нет же, граф, вы в одиночку это не поднимете, позовите гномов! И врача! Может, он еще выживет, и у меня еще будет возможность набить эту бесстыжую морду!

Лаврис прикрыл глаза и едва слышно заверил, что если ему покажут вторую, то выживет обязательно.

— Вы уверены, что мы идем в нужном направлении?

Неизменное занудство его величества, вынуждавшее обсуждать

этот вопрос каждые полчаса, уже достало до печенок даже Ольгу. Бедный виконт Бакарри, постигший бесполезность протестов еще часов пять назад, в двадцать первый раз выдал дежурный ответ:

— Я мог ошибиться с расстоянием, но не с направлением.

— Ваше величество, ну вот не надо опять! — взмолилась Ольга, ощутив потребность вступить за беднягу, замордованного королевскими вопросами и уточнениями. — Не сбивайте человека с дыхания, ему же и так тяжело! Лучше подумайте, что мы будем делать, если это и правда

окажутся разбойники, как вы опасались.

— Прежде чем что-то обдумывать, мне надо на них посмотреть хотя бы издали, — объяснил король, охотно меняя тему. — Разбойники тоже разные бывают. Возможно, лучшим решением для нас будет аккуратно обойти их как можно дальше и искать другие варианты. А возможно, именно у них мы сможем получить помощь. Поскольку господа этого рода занятий вряд ли знают в лицо всех представителей королевских домов континента, мы вполне можем выдать себя за беглых преступников,

скрывающихся от правосудия. Мне не составит труда убедительно изобразить мошенника и шулера, а вот с вами могут возникнуть проблемы... Для моей подельницы ты слишком простодушна, выдавать тебя за подружку кого-то из нас — тоже рискованная затея, наблюдательный человек может заметить, что это неправда. Что до виконта, то у него благородное происхождение на лбу написано, а уж едва он раскроет рот, даже самому тупому разбойнику станет ясно, как далек он от преступного мира. Разве что... например, неудачный поединок, убил кого-то не того, мстительные

родственники преследуют...

— Стойте! — перебил его виконт, вдруг останавливаясь и переводя дыхание. — Мне кажется, сюда кто-то идет.

Король послушно умолк, давая спутникам возможность прислушаться. Совсем недалеко в самом деле кто-то двигался в их направлении — совершенно не скрываясь, с оглушительным треском ломая ветки и неразборчиво переговариваясь.

Мужчины быстро огляделись и не сговариваясь двинулись к ближайшему кустарнику. Укрытие, конечно, сомнительное, особенно для

двух верзил в белых рубашках, но ничего надежнее поблизости не оказалось. Оставалось надеяться, что гипотетические разбойники их не заметят. Или что это окажутся не разбойники.

Укрывшись за ветвями орешника, Бакарри осторожно опустил на землю свою ношу и поудобнее перехватил дубину, а король, стараясь не шуметь, вытащил из ножен легендарный фамильный меч.

— В случае чего, — прошептал он, — молчите и предоставьте говорить мне.

Ольга послушно кивнула, стараясь не думать о том, насколько

бесполезным окажется королевское красноречие, если их занесло на другой континент и местные обитатели попросту не знают ни одного знакомого его величеству языка. В голову упорно лезли почему-то индейцы, томагавки и скальпы.

— Всадник, — едва слышно определил виконт.

Король кивнул:

— Один. И один пеший.

На этом они умолкли, наверное, как и Ольга, пытаюсь понять, что делает всадник в этой глуши и как он сюда забрался с лошадью.

Треск и топот приближались. Через минуту удалось различить

вполне разборчиво произнесенную фразу:

— Говорю тебе, здесь точно кто-то есть! Я слышал! Тут были люди!

Несмотря на чудовищный акцент, сказано было по-ортански, и призраки кровожадных охотников за скальпами благополучно развеялись. Более того, Ольге даже почудилось что-то знакомое в том, как невидимый некто коверкал слова.

— Я ничего не слышал! — отозвался другой голос, низкий и басовитый.

— Да ты меня-то непонятно как слышишь, натянув шлем по самую задницу!

Король опустил меч и в тихом изумлении прошептал:

— Не может быть!

— Что именно? — с легким раздражением отозвался виконт, нервно тиская в руках свою дубину.

— Чтобы нам так повезло. Но если я не ошибаюсь...

— А если это разбойники? — продолжал между тем обладатель баса.

— Тогда мы их уьем и ограбим, — жизнерадостно предложил его собеседник и, дополнив это нахальное замечание почти лошадиным ржанием, посулил еще и надругаться над незадачливыми

разбойниками противоестественным образом, если у него будет на то настроение.

— Господи! — ахнула Ольга, которая, услышав, какими словами это было изложено, наконец поняла, что имел в виду король. — Да это же Гиппократ!

— Значит, я не ошибся? — зачем-то уточнил его величество. — Что ж, тогда...

Но Ольга уже не слушала. Вскочив в полный рост и выбежав из их ненадежного укрытия, она ринулась вперед, туда, где аккуратно показались из-за деревьев гном верхом на кентавре и молчаливый

лучник, с неодобрением слушавший их ругань.

— Гиппокра-а-ат!

— Это не разбойники, — невозмутимо констатировал Джеффри, как и подобает джентльмену, не выказывая никакого удивления от встречи.

— Ой ну ни хрена ж себе мать его перетак! — восхитился кентавр, рассмотрев, кто несется ему навстречу с распростертыми объятиями. — Неужели о нас все же кто-то вспомнил?

Он подхватил Ольгу, которая сгоряча попыталась допрыгнуть до его человеческой половины, но без

посторонней помощи наверняка не допрыгнула бы, и она повисла у него на шее, всхлипывая от полноты чувств.

— Ну и как можно выпускать это существо из дому? — покачал головой Торнгрим. — Только представь себе, Джеффри, сколько лет он нам рассказывал, что кентаврам с людьми никак, а стоит выйти за ворота, и у него на шее тут же виснет беременная человечка... или как это называется.

— Слазь, паразит! — мстительно вильнул крупом Гиппократ, чуть не сбросив при этом гнома. — На мне поедет дама, а ты и ногами дойдешь. А этот мистралиец, я смотрю,

времени даром не терял, а?

— Охальник ты, — сквозь слезы улыбнулась Ольга. — Но как же я рада тебя, грубияна эдакого, видеть! И вас, господа, тоже, конечно, не подумайте чего, просто Гиппократ... он... самый заметный.

— Да ладно... — проворчал гном, проворно спрыгивая на землю.

Джеффри только едва заметно кивнул, поскольку его внимание уже сосредоточилось на двух других участниках действия, неторопливо приближавшихся к месту встречи. Внимательный лондриец наверняка успел узнать короля и рассудить, что все вопросы лучше задать ему, а не

хлюпающей носом Ольге.

— Приветствую вас, господа. — Его величество, как всегда, не стал отвлекаться на выражение восторгов, а сразу перешел к делу. — Позвольте представить вам нашего спутника, виконта Бакарри. Я верно догадываюсь, что вы сидите здесь с самой весны и до сих пор не знаете, что происходит в мире?

Герои быстро и довольно формально представились и с интересом воззрились на короля.

— До сих пор мы полагали, — осторожно начал Джеффри, — что с Пьером и Жюстин стряслась беда и именно поэтому они не смогли

вернуться. Но ваш недвусмысленный вопрос и то, что мы встречаем здесь короля в таком виде, заставляет предположить, что в мире действительно происходит нечто из ряда вон выходящее. Я прав?

Король неожиданно изменился в лице и вместо того, чтобы быстро и толково, как он умел, объяснить затерянным в глуши героям, что происходит в мире, встревоженно переспросил:

— Как? Жюстин здесь нет?

— В последний вторник Белой луны она отправилась в свою обитель по делам. Пьер должен был проводить ее и на следующий день вернуть. Но

они не вернулись.

— О проклятье... — обреченно вздохнул король и с тоской покосился на Ольгу, успевшую устроиться на спине Гиппократа. — А кто-нибудь кроме нее что-то смыслит в... родовспоможении?

— Савелий, — охотно поделился кентавр.

— Что-то не припоминаю, — возразил гном.

— Это ему просто люди пока не попадались, а всякую домашнюю скотину он запросто... А чего вы на меня так смотрите? Какая разница-то?

— Пойдемте, — вздохнул король,

смиряться с обстоятельствами. — Я расскажу вам все по пути.

Ольга тоже тихонько вздохнула и вцепилась в луку седла, поскольку уздечки Гиппократ, разумеется, не носил. Если в ближайшие несколько дней в мире не восстановится магия и их не вернут домой, ей придется рожать в какой-то избушке на курьих ножках, в окружении толпы мужиков, под руководством застенчивого, как девица, оборотня. И радоваться, что хотя бы не под кустом...

Убедившись, что командиры подразделений уяснили текущие задачи, а их личный состав приступил

к выполнению, Кира направилась на третий этаж, в лазарет, — проверить, что там творится и не нужно ли помочь. Оба врача сейчас заняты так, что голову поднять некогда, не говоря уж о том, чтобы бегать по разгромленному дворцу и разыскивать королеву, и помощь наверняка нужна. Кроме того, сюда же должны перевезти Элмара, и, скорее всего, сюда первым делом наведается «не совсем целый» Флавиус. Да и рыжего неплохо бы расспросить, если уже оклемался, — что там все-таки произошло?

На Терезу она наткнулась, едва переступив порог комнаты, когда-то

служившей общей гостинной для придворных дам. Подруга ловко орудовала иглой, сочувственно уверяя стонущего пациента, что «уже вот-вот совсем закончила». Чуть поодаль, за вторым столом, доктор Кинг вполголоса материлась над переломанным кавалером Лаврисом.

— Что тут у вас? — спросила Кира, окидывая взглядом комнату, полную раненых. — Что-нибудь нужно? Медикаменты, люди в помощь, еще что-то?

— Носить есть кому, — отозвалась Тереза, не отрываясь от своего занятия. — Спирт еще остался. Наркоз почти закончился, если есть

— пусть принесут.

— И если найдется кто-то смыслящий в медицине, пусть тоже приходит, — вмешалась ее наставница не оборачиваясь. — Ассистировать некому. Как этого болвана угораздило?

— На него упал кусок мраморной лестницы. Думали, он вообще мертв, а он вдруг очнулся. Как думаете, выживет?

— Разрежем — посмотрим...

— Элмара еще не привозили?

— Господи, с ним тоже что-то случилось? — искренне забеспокоилась Тереза.

— Мне сказали только, что он

попал в засаду, но остался жив. Подробности я у вас узнать хотела. А его приятель, который, как мне сказали, «просто упал», в каком состоянии? Ему можно задать пару вопросов?

Тереза, не поднимая головы, окликнула в пространство:

— Ваше высочество!

В коридоре послышались легкие шаги, и в дверях возникла принцесса-регент.

— Что-то нужно?

— Виктор очнулся?

— Нет. — Голос Тины странно дрогнул, словно сей факт чем-то задевал ее лично.

— Ну а какие-нибудь изменения есть?.. Все, теперь уже точно закончила, сейчас, только повязку наложу...

— Нет. Никаких.

— Если станет хуже, позовете меня, может, что-то прояснится. Пока я ничего не понимаю. Ничего, кроме сильной аритмии, я не обнаружила, назначила на всякий случай сердечные капли, должны были помочь, если дело в этом... Всё, следующий.

Двое «Котов», один с забинтованной головой, другой с повязкой через плечо, шустро переложили обработанного пациента

на носилки и куда-то понесли. Третий, с висящей на перевязи рукой, принялся вытирать стол.

— Да, — подвела итог Кира, — хреново без магии.

— Это точно, — отозвалась доктор Кинг. — Без магии кое-кто через несколько дней загнется от перитонита, даже если я его сложу, как было.

— Ладно, работайте, я сейчас распоряжусь насчет наркоза и помощников. Если появится Флавиус, пусть меня позовут.

— Да, и еще, — подала голос Тина. — Контуженый гном все время о чем-то просит, а я ни слова не могу

понять. Нельзя ли прислать кого-то из его соплеменников, чтобы перевел?

— Хорошо, и гнома пришлю, — пообещала Кира, обернулась, чтобы уходить, и почти нос к носу столкнулась с главой департамента, который, по обыкновению, подкрался бесшумно. — О, господин Флавиус, вот вы-то мне и нужны. Когда вы сможете уделить мне время?

— Хоть сию минуту, — отвечивал тот.

— Нет, вам же, наверное, тоже надо к врачу?

— Я уже посетил гарнизонного хирурга. Там несут его высочество, распорядитесь, где его разместить...

пока.

— А его уже смотрели? —
вмешалась Тереза.

— Его уже прооперировали.
Теперь только уход и наблюдение.

— Тогда пойдете, —
приглашающе махнула рукой Кира, но
ее перебила регент:

— Пойдите... Господин
Флавиус, вы случайно не знаете...
Виктор ведь был с вами, когда вы
нашли Элмара?

— Да, мы вместе отвезли его
высочество к врачу, после чего я
остался там, а господин Виктор
поехал с солдатами. Что-то не так?

— Он вдруг ни с того ни с сего

лишился чувств, и мы не можем понять, в чем дело, — пояснила Тереза, раскладывая чистые инструменты. — Он ничего не говорил? Может, он болен или... я не знаю... какие-то особенности организма?

— Он ничего не говорил, но я видел, как он по пути делал себе укол. Возможно, действительно болен. С равной вероятностью это мог быть наркотик или стимулирующий эликсир.

— А вы не спросили?

— Поскольку он старался сделать это незаметно, я счел неуместным...

— Спасибо. Вы идите, я сейчас

помогу разместить Элмара и осмотрю еще раз. Обоих.

Нехитрое жилище героической семерки выглядело примерно так, как и должно выглядеть жилище шести мужчин, на полгода оставленных без женского руководства. Даже если один из них отличается выдающейся аккуратностью, его самоотверженные попытки не зарости грязью не выдержат противостояния с равнодушием остальных. По состоянию пола можно было догадаться, что его иногда мыли, но все остальное время щедро топтались в уличной обуви, что сводило на нет

все старания хоть как-то поддерживать чистоту. Посуду тоже мыли, но только с внутренней стороны — дабы не увеличивать энтропию вселенной, наверное. Занавески на окнах никто не трогал с самого начала весны, да и сами окна, пожалуй, тоже. Откуда-то явственно пахивало несвежим мясом — то ли забыли выбросить, то ли считали, что если хорошо прожарить, то и ничего страшного, можно есть. Прямо посреди комнаты стоял огромный оружейный шкаф, рядом валялась хлипкая деревянная лестница. Происхождение этой инсталляции осталось для Ольги загадкой — то ли

кто-то на спор передвинул, а потом поленился вернуть на место, то ли герои просто ловили особо зловредную мышь... Словом, окажись здесь Тереза, дом пережил бы громы, молнии и трехдневный авральный субботник. Ольгу же подобное безобразие не настолько напрягало, чтобы начинать распоряжаться в чужом доме и указывать приютившим ее людям на неправильное ведение хозяйства. Захотят — сами приберут. А если покажется, что выданная ей тарелка недостаточно чистая, никто не мешает перемыть самостоятельно. Впрочем, за этот день Ольга настолько устала и замерзла, что

подобные мелочи ее уже не особенно волновали. Из вежливости она все же предложила свою помощь в приготовлении ужина, но, когда ей велели отдыхать и не мешать, не стала настаивать.

По дороге король успел вкратце поведать застрявшим в глуши героям о ситуации в мире и теперь приступил к подробному рассказу, устроившись с трубкой у окна, подальше от Ольги. От его помощи герои тоже отказались, со смехом напомнив про памятные пельмени и выслушав в ответ обещание укоротить язык Кантору.

Пригревшись в коконе из одеяла,

Ольга начала было задремывать под размеренное повествование его величества, как вдруг вся комната сотряслась, словно что-то подбросило ее снизу. «Неужели здесь еще и землетрясения бывают?» — испуганно подумала Ольга, подскакивая в панике и не зная, куда бежать. Внизу, под полом, что-то глухо зарычало, и толчок повторился. В оружейном шкафу загремело содержимое.

— Не бойтесь, — чуть ли не хором поспешно заверили хозяева. — Шкаф надежный, за полгода ни разу не подвел. Он сейчас попрыгает немного, потом повоет, успокоится и

сядет доедать мясо.

— Кто? Шкаф? — растерянно уточнила Ольга и только тут сообразила, откуда запах и почему на вопрос «А где Савелий?» ей уклончиво ответили: «Так ведь полнолуние...»

— Вы что, держите Савелия в подполе? — догадался более сообразительный король.

— Мы попробовали разок выгнать наружу, едва живы остались, — грустно поведал общительный Гиппократ. — В подполе оно надежнее. Пол крепкий, шкаф в одиночку не сдвинуть, не то что поднять.

— А если подкопается?

— Он не успевает. А мы каждый раз все обратно закапываем. Когда у нас не получается запасти для него еды, он там с голоду совсем беснуется, но сейчас он сытый, так что сильно шуметь не станет.

— Ольга, — быстро предупредил король, — только не бойся. Я тебя умоляю. Что угодно, только не пугайся. Хотя бы до конца полнолуния.

— Да не беспокойтесь, ваше величество, — вздохнула Ольга. — Я не настолько нервная, чтобы от испуга начать рожать. Если что и случится, то естественным путем.

— Но я же надеюсь, оно еще не начало... случаться? Как ты себя чувствуешь?

Ольга пожала плечами.

— Как обычно. Я ведь все равно понятия не имею, как именно это все начинается и как себя при этом чувствуют.

— Разве Кира или другие женщины тебе не рассказывали?

— Они все рассказывают разное, — пожаловалась Ольга. — И попробуй угадай, как выйдет у меня.

— В таком случае нужно предусмотреть все варианты, — не растерялся король.

Ольга пообещала и даже честно

попыталась вспомнить все, что ей рассказывали о процессе появления на свет детей, но толку все равно оказалось чуть больше, чем ноль. Нет, поначалу все шло хорошо: Савелий перестал сотрясать пол и притих, ужин прошел спокойно, и даже удалось немного вздремнуть все на той же кушетке, пока герои пытались отчистить от залежей пыли каморку Жюстин, стоявшую запертой с того самого дня, как ее покинула хозяйка.

Но когда комната для дамы была наконец готова, а сама дама отмылась от последствий путешествия по лесу (насколько это было возможно на маленькой кухоньке в тазу) и уже

рисовала себе в воображении, как она сейчас выпитая, как во сне ее найдет Диего и они расскажут друг другу, что и там, и здесь у всех все в порядке...

Вот тут-то суровая действительность и улучила момент, чтобы в обычном своем стиле порушить все Ольгины планы и в очередной раз напомнить, что много мечтать — вредно. Ну а как же могло быть иначе! Уж кому-кому, но ей не стоило и надеяться ни на что другое. Конечно же, если согласно одному из «предусмотренных вариантов» сначала отходят воды, то в ее случае это должно произойти прямо посреди комнаты, в которой сидят семь

мужиков. Чтобы все в полной мере прочувствовали это позорище, а затем как следует перепугались. И попытки убедить себя, что это все же лучше, чем под кустом, помогают слабо, потому что сильнее всех здесь перепуган угадайте кто.

Первым опомнился король, хотя, похоже, на этот раз испугался даже он. До такой степени, что целых четыре секунды не знал, что сказать.

— Сглазил все-таки, зараза бесхвостая! — зачем-то произнес он и обреченно воззрился на виновницу конфуза. — Что ж, ничего не поделаешь, придется выкручиваться самим. Ольга, ничего не бойся, у тебя

все получится. Господа, у вас есть в доме уют?

— Кажется, у Жюстин где-то был, — припомнил наблюдательный Джеффри.

А Гиппократ со свойственной ему простотой поинтересовался:

— А на хрена?

— Нам понадобится много чистых проглаженных тряпок, теплая кипяченая вода и все, что можно использовать для дезинфекции. Носиться в панике по дому не обязательно, время у нас есть, но начать все же рекомендую с утюга. Ольга, как ты себя чувствуешь?

— Мокро... — чуть не плача,

отозвалась Ольга.

— И все?

— А что еще должно быть?

— Ну, раз схватки еще даже не начались, значит, времени на подготовку у нас предостаточно. Посиди пока здесь, в постель переберешься, когда белье перегладят. Если что-то изменится в самочувствии, сразу говори мне. А я, с вашего позволения, выйду на крыльцо и немного постою там. Мне нужно сосредоточиться и вспомнить все, что я когда-то читал на интересующую нас тему, поэтому попрошу меня не отвлекать без крайней необходимости. Все ясно?

Признаваться, что лично ей не ясно ничегошеньки, Ольга не рискнула. Она послушно забилась в уголок, чтобы не мешать героям, которые, несмотря на советы, все же забегали как подстреленные гоблины, проводила взглядом уходящего короля и от души пожелала тем неизвестным гадам, из-за которых она здесь оказалась, чтобы все их планы обломались так же, как и ее надежда на нормальные роды.

За медикаментами, подмогой и гномом Кира отправила Кантора. На этот раз он не только не стал уточнять, как долго ему еще «всякой

ерундой заниматься», а даже вроде обрадовался поручению. Наверное, торопился поскорее оказаться подальше от Флавиуса.

Глава департамента упорно игнорировал вопросы до тех пор, пока они не оказались наедине в кабинете Шеллара, и только тогда заговорил:

— Ваше величество, я объясню все, что вы хотели бы знать, но прежде ответьте мне на один вопрос. Где его величество?

— Я сама очень хотела бы знать, — с тяжким вздохом призналась Кира, опускаясь в мужнино кресло.

— Он находился в той башне,

руины которой я наблюдал при въезде на территорию дворца? — Флавиус присел на ближайший диван, и только тут королева поняла, отчего ее преследует чувство, будто чего-то не хватает. Без вечной папки министр выглядел непривычно, а сидящим в такой расслабленной позе она его вообще никогда не видела.

— Да. Но это не значит...

— Я был в курсе его варианта «на крайний случай». Какова вероятность того, что этот замысел успешно осуществлен?

— Я не умею высчитывать вероятности в уме, как Шеллар. По моим наблюдениям, между взрывом

на нижних этажах и обрушением верхних прошло достаточно времени, чтобы встать, собраться и без спешки отбыть. Я допускаю, что какие-нибудь непредвиденные и маловероятные обстоятельства могли им помешать, но в дальнейших действиях предпочитаю исходить из предположения, что мой супруг жив. И не намерена верить в обратное, пока своими глазами не увижу наглядные доказательства.

— Я согласен с таким подходом, — чуть склонил голову господин Флавиус. — Полагаю, к завтрашнему утру мы будем знать точно?

Кира опять вздохнула.

— Вы же знаете Диего. Риск никогда его не останавливал, а уж когда речь идет об Ольге...

— Я так и думал.

— А теперь расскажите, что случилось с вами и где вы были все это время.

— Сожалею, что заставил всех переживать, но у меня не было возможности выйти на связь, не засветив агента, у которого я скрывался. По той же причине я не могу открыть его имя. Даже вам — только с личного разрешения его величества.

— Я не настаиваю, можете

опустить имя и адрес, если это настолько секретно. Но хотя бы объясните, что произошло.

— Именно то, что, как я полагаю, удалось реконструировать в процессе следствия. Банда Бороды оказалась там раньше нас, и мы попали в засаду. Мои люди меня прикрыли и ценой своих жизней дали возможность спастись.

— А письма? У вас нет предположений, где ваш коллега из ордена мог их спрятать? Ваш кабинет обшарили со всем тщанием, Шеллар лично консультировал поисковую группу, но писем не нашли. Если они попали в руки врагов...

Флавиус едва заметно улыбнулся — как показалось Кире, утешительно.

— Ну что вы. Письма у меня.

— Но как вы успели? —
восхитилась королева.

— То, что у постороннего заняло бы несколько дней, требует не более минуты от человека, знающего все тайники в собственном кабинете. Честно говоря, у меня было больше проблем с заметанием следов, чем с этими письмами. Но пока я рекомендовал бы помалкивать о них. По крайней мере, пока не найдется его величество.

— Да, конечно. А с Элмаром что вышло? И как вы с Виктором

встретились? Что он вообще говорил?

— Я ехал туда же, куда и его высочество, поскольку рассуждал аналогичным образом. Виктор узнал о засаде и направлялся конкретно к этому месту, желая спасти друга. Мы оба немного опоздали, единственное, что успели, — не дать убийцам закончить работу. Там мы познакомились, добрались до казарм, и остальное вы знаете. Подробнее я доложу на совещании. Вы ведь планируете его собрать?

— Да, как только разберемся с последствиями. Кстати, у нас есть пленные; если вас не затруднит, было бы неплохо допросить их еще до

совещания.

— Можете мною располагать.

— Спасибо. И еще... хотя бы вкратце... чего нам теперь стоит ждать?

— Я пока не могу ответить на этот вопрос. Это зависит от нескольких факторов, которые мне пока неизвестны. Например, не улизнул ли опять Астуриас и удалось ли Темной Канцелярии накрыть всю подпольную сеть. Виктор дал им наводку, но кто-то все равно мог успеть скрыться. Словом, чтобы предсказать их следующий шаг, мне нужно знать, какими возможностями они располагают на данный момент.

Надеюсь, допрос пленных немного прояснит ситуацию.

— Да, господин Флавиус, я не знаю, говорил ли вам Шеллар, что делать, если среди пленных обнаружатся иномирцы и открыто об этом заявят...

— Конечно же на этот случай у меня есть инструкции — указанных персон надежно изолировать и все материалы засекретить. Позвольте приступить?

— Да, прошу вас. Встретимся на совещании. Я кого-нибудь за вами пришлю.

— Пришлите дона Диего, — посоветовал Флавиус. — Возможно,

мне понадобится запугать какого-нибудь особо необщительного пленника, а у него это получается с такой непринужденной достоверностью...

— Прекрасно, господа, просто восхитительно, — горько вздохнул господин Джемайл, взирая на испачканного в крови и копоты Астуриаса и бледного от пережитых волнений агента Сидоренко. — Провалив все, что можно, вы приходите искать убежища ко мне. Когда я и так первый подозреваемый.

— Больше нам идти некуда, — угрюмо отозвался Астуриас, стаскивая

куртку. — К Алисе я не пойду. Она ценит только удачливых союзников. Беглецов, ищущих убежища, она без малейших угрызений совести сдаст.

— Приятно, что подобных опасений в отношении меня вы не питаете, — все с той же безнадежной горечью прокомментировал юрист. — Как вам удалось и эту операцию запороть? Все же было спланировано до мелочей!

— Когда Многорукий отворачивается, именно в мелочах и начинаются сбои... — проворчал мистралиец. — Все одно к одному пошло. Сначала не успели вовремя выяснить о гномах и пушках. Потом

нас засекли раньше времени. Потом эти недоумки упустили того нового агента, объясните мне кто-нибудь — как?! Ну он же не маг и не полубог! Если только кто-то из четверых не предатель, я не представляю, какая это должна быть невероятная случайность. Еще и Бао, мститель, мать его, за честь семьи, нашел время для отстрела кровников... А все остальное уже потянулось следом. Небо свидетель, лучше бы вы этого рыжего варвара сразу оставили в том мире на веки вечные! Дешевле обошлось бы! Это же он слил эльфам нашу сеть, сорвал покушение на Элмара и привел солдат!

— Это была не моя идея, — вяло
огрызнулся Саня. Ругаться с
Астуриасом ему не хотелось —
слишком свежо было пережитое
потрясение и сознание того, что без
пронырливого мистралийца сам
агент, отрезанный от своих, спастись
не сумел бы. — И попадись мне эти
аналитики недоделанные, которые
изучали его дело и давали
рекомендации...

— Господа, а давайте вы
оставите пустые мечтания и
запоздалые сожаления, — вмешался
Джемайл, — и решите, что теперь
делать.

— Лично я собираюсь спать, —

сердито рыкнул Астуриас. — А Санчес посидит на связи и выяснит, успели ли что-то сделать в Поморье и Лондре. А ты...

— Во дворец я не пойду, жизнь мне не дорога, что ли? — не дал ему договорить Джемайл. — Если ее величество резала всех без разбору, только притворяясь вдовой, воображаю, что она сотворит, овдовев на самом деле. И лучше меня для этой цели ей никого не найти. Вы же понимаете, ситуация не особо располагает к соблюдению законности, после открытого вооруженного конфликта можно без церемоний зачищать неудобных, не

изыскивая даже правдоподобных предлогов. Я не пойду.

— Ладно, не ходи, — поразмыслив, согласился Астуриас. — Пошли кого-нибудь... Вот, помнится, ты вызвал в столицу старших братьев нашего покойного бастарда, которые вроде бы тебя наняли, и хотел включить их в игру. Они приехали?

— Еще вчера. Я им немного фиалки за уши посовал, но во дворец водить не стал, сами понимаете почему. Пообещал сегодня.

— Вот их и отправь. Расскажи им, как коварно и злодейски зарезали их родственничка, опасаясь, что восставшие против произвола честные

граждане его освободят. Пусть идут и предъявляют претензии королеве и регенту, а заодно и разведают, что там происходит и насколько искренне рыдает на пепелище безутешная вдова. Хотя после всего, что было, я теперь поверю в смерть Шеллара, только собственными руками пощупав труп.

— А смысл? — уныло поинтересовался Саня, размышляя между делом, что не так уж и безнадежно выглядит идея сбежать и затеряться в этом мире. Дядя Гриша ведь сумел, чем он хуже? — Мы ведь уже пролюбили все, что могли. У нас даже людей больше нет.

Астуриас упрямо нахмурился, всем видом выражая готовность драться до последней капли крови, лишь бы не вернуться на полочку.

— У нас остался еще один шанс. Обнародование контакта. С ним и остается работать. Пока эльфы не нашли излучатели — еще не все потеряно. Нам бы только дотянуть до середины осени. А другого пути у нас нет. Ты ведь не думаешь, Джемайл, что о тебе сразу же забудут, как только ты выйдешь из игры? Или поверят на слово, что ты из нее вправду вышел? У нас нет пути назад. Ни у кого из нас. Поэтому молитесь Многорукому и действуйте,

действуйте! Сидящим ровно на заднице не стоит даже рассчитывать на его благосклонность.

Недельные поиски все-таки принесли плоды, хотя и не оказались, вопреки ожиданиям Мафея, триумфом магической науки. Скорее наоборот. Почтенные мэтры (да и он вместе с ними) ежедневно до полного истощения Силы сканировали помещения Первого Оазиса, методично прочесывая каждый квадрат в поисках секретных дверей, пустот в перегородках, магических пологов и иллюзорных стен, скрывающих сокровенный тайник

Скаррона, но ничего не нашли. Зато обычные электрики, занятые ремонтом помещений, обнаружили какой-то неуместный кабель, уходящий в неведомое, а обычный, но весьма сообразительный господин Кетмень, узнав о странной находке, проявил упорство и любознательность, достойные Шеллара. Сначала он обошел кабельную аномалию со всех сторон, сверился с планом бункера и высчитал, что между четырьмя цельными стенами без дверей поместится небольшая комнатка. Затем поделился своим открытием с волшебниками, подозревая, что стены

эти могут оказаться цельными только на его непросвещенный взгляд. Когда же и мэтры не нашли в них никаких магических дверей или потайных проходов, просто и без затей предложил «ломать к гракам линиялым».

Звереющих от безнадежности магистров не пришлось упрашивать, а уж Мафея и вовсе наставник в последний момент удержал за рукав, чтобы не лез под руку мэтрессе Морриган, когда она что-либо рушит.

Обломки бетона осыпались неаккуратными глыбами, и из свежего пролома дохнуло морозом и благовониями.

— Он в самом деле больной психопат... — только и смог выдохнуть убас, по праву первооткрывателя переступив порог и сообразив, куда попал.

— Ну, если все, кто его знал, единодушно отказывали бедняге в душевном здравии... — едва шевельнул плечами мэтр Феандилль, великодушно пропуская вперед остальных. — Стоит ли сомневаться?

— Извращенец... — проворчал мэтр Максимильяно, оглядывая тайное святилище Нимшаста с неприкрытой брезгливостью.

Небольшая комнатка была отделана белым кафелем и освещена

несколькими магическими шарами вместо обычных здесь электрических ламп. Их нежный, чуть розоватый свет создавал в ледяной гробнице атмосферу, более подходящую спальне для новобрачных, и в то же время не выделял лишнего тепла, губительного для температурного режима. В сияющем золоченом гробу, под днищем которого натужно гудел мощный компрессор, возлежал на шелковых подушках молодой темноволосый мужчина. Возможно, при жизни он был даже красив, но обрядить таким образом покойника действительно мог только извращенец. Вся одежда мертвеца

состояла из косметики и золотых украшений, без сомнения украденных из местных разрушенных музеев — слишком уж они походили на древности мэтра Ушеба. Широкие браслеты охватывали запястья и лодыжки, несколько рядов ожерелий возлежали на неподвижной груди, голову венчала усыпанная бриллиантами диадема (причем, кажется, женская), и даже вместо трусов красовался легкомысленно-эротичный гульфик на золотых цепочках. Глаза и брови были густо подведены черным, в том неповторимом стиле, что пользовался популярностью у красавиц древнего

Бешваара. Теней и помады обожатель тоже не пожалел.

Словом, отвращение убаса Мафей прекрасно понимал и полностью разделял. Феандилль же взирал на это торжество гомоэротики с непонятной грустью и даже, кажется, с состраданием.

— Пожалуй, да, — произнес он наконец, отвернувшись от покойника. — Только человек с извращенным пониманием любви мог так обойтись с умершим возлюбленным. Независимо от пола.

— Так это что... он? — уточнил слегка растерянный убас.

— Да я бы эту сволочь не забыл

даже за десять тысяч лет! — заявил мэтр Ушеб. Судя по выражению его лица, подобная эстетика была ему столь же чужда, как и прочим, невзирая на древность украшений.

— Да, — негромко подтвердил эльф. — Это мэтр Скаррон, каким он был при жизни. Видимо, волшебное упокоение сказалось на нем таким вот странным образом.

Морриган лишь молча кивнула.

— И что с этим теперь делать? — спросил прагматичный Кетмень.

— Для начала — хоть прикрыть его чем-нибудь, — проворчал мэтр Максимильяно, из последних сил удерживаясь, чтобы не плюнуть.

— Драгоценности, полагаю, следует вернуть Конфедерации, — задумчиво произнес Феандилль. — Похоже, это не магические артефакты, а обычные исторические ценности. А само тело... Для начала тщательно обследовать, чтобы убедиться, что теперь оно вправду не представляет опасности, а затем, наверное, похоронить или сжечь.

— Скажи еще — с почестями! — не удержался раздраженный убас.

— Нет, зачем. Почести он вряд ли заслужил. Но какие-нибудь охранные обряды, возможно, понадобятся. Да и Морриган, наверное, захочет попрощаться с

братом, хотя при жизни они друг дружку откровенно недолюбливали. Посторожите, чтобы сюда никто не вломился и ничего не трогал. Я понимаю, что наши соратники пылают праведным гневом и желали бы отыгаться за все беды этого мира хотя бы на покойнике, но это может быть попросту опасно.

— Тогда заберите его отсюда куда-нибудь, — посоветовал Ушеб. — Телепортом там или как. Чтобы и не видел никто.

— Разумно, — согласился великомученик и легким движением руки переместил куда-то опасную находку. Вместе с гробом и прочими

прелестями.

— Нет! Не уходите!

— Ольга, будь же благоразумна.

Я вернусь через десять минут, за это время с тобой ничего не случится.

— Не оставляйте меня одну!

— Успокойся, прошу тебя. Мое присутствие на данном этапе ничего не решает.

— Я понимаю, мне просто страшно одной! И некого держать за руку!

— В таком случае я попрошу кого-нибудь посидеть с тобой.

— Ой! Только не сейчас!

— Хорошо, когда закончится

схватка...

Сидящие за столом мужчины нервно переглянулись. Хотя время уже перевалило за полночь, никто и не заикался о том, чтобы пойти спать, — каждый в глубине души считал недостойным и неподобающим бросить товарищей в такую минуту. Даже юный Роберто, успевший схлопотать отцовский подзатыльник за не вовремя заданный глупый вопрос.

— Кто пойдет? — деловито осведомился Джеффри. — Гиппократ, разумеется, отпадает, из остальных — добровольцы есть?

Совесьть подсказывала виконту

Бакарри, что с его стороны было бы честнее всего предложить свою помощь, поскольку именно он виноват в том, что сейчас происходит. Страх отчаянно сопротивлялся, сковывал язык и вызывал дрожь в коленях.

— Может, жребий бросим? — предложил Льямас.

— А почему это я отпадаю?! — возмутился Гиппократ. — Я тоже хочу посмотреть, как человек рождается!

— Там еще не на что смотреть, — сообщил Шеллар, появляясь в дверях. Голос его звучал ровно и спокойно, как обычно, но

дрожащие руки, пунцовые пятна на лице и оторванный рукав намекали, что присмотр за рожаящими дамами — не настолько мирное занятие, как кажется на первый взгляд. — К тому же там слишком тесно для кентавра. Господа, будьте любезны, смените меня кто-нибудь.

— Э-э-э... — неуверенно подал голос Бакарри, но страх все же опять взял верх. — Что с вашим рукавом?

— Оторвался, — кратко прокомментировал Шеллар, присаживаясь к столу и пытаясь набить трубку. — Во время схваток Ольга себя не контролирует и хватается за что попало.

— Это она его оторвала? — искренне ужаснулся Гиппократ. — Знаете, я передумал. У меня нет рукавов, а хвост мне пока не лишний.

— Пусть Торни идет, — предложил Джеффри. — У него кольчуга.

— Чтобы мне порвали кольчугу, подаренную бабушкой?

— Бросьте жребий, в самом деле, — нахмурился Шеллар. — Словом, как хотите, но чтобы к началу следующей схватки там кто-то был. Иначе я расскажу Кантору, что все дружно струсили.

— Я пойду! — решительно подхватился с места мастер Льямас.

Бакарри, дернувшийся секундой позже, так и завис, привстав над лавкой.

— Благодарю, — кивнул Шеллар. — Остальные пока могут не торопясь установить очередность, так как мне наверняка еще не раз потребуется выйти.

— То есть... — осторожно уточнил гном, — это еще надолго?

— Полагаю, да. Хотя должен признать, мои теоретические познания оказались не слишком полезными в реальной ситуации.

— Не переживайте, — подбодрил его Джефффри. — Во-первых, любые знания полезны. А во-вторых, даже

если вы в чем-то ошибетесь, природа все равно сделает свое дело.

— Если все пойдет как надо, то несомненно. Но если нет... Проклятье, что я тогда Кантору скажу?

Магистры толпились вокруг золоченого гроба, вызывающе нелепо смотревшегося среди обшарпанных серых стен многострадального Дома Совета, со странной смесью торжественного почтения и застарелого злорадства.

Последствия дизайнерских экспериментов гламурного лича были давно ликвидированы, и теперь

покойник лежал скромно и пристойно, укрытый черным покрывалом и подобающе безучастный к происходящему.

— Сам он больше не встанет, — подтвердил вслед за коллегами мэтр Алехандро. — Поднять его тоже никто не сможет. Если уж некромант такого уровня пробовал...

Он не стал договаривать — и так было ясно, кто имеется в виду. Тем более Морриган то же самое объявила два часа назад. А Ушеб — четыре.

— Так что, поджигать? — не утерпел Мафей, допущенный в узкий круг посвященных скорее в целях небольшой психотерапии, чем из

соображений пользы дела. Пользы от него не было никакой, только под руки лез всю ночь и работать мешал, но отослать его спать ни у кого не повернулся язык.

— Тебе бы только поджигать! — одернул его Макс. — Подожди.

— Мы ведь в помещении! — напомнил мэтр Вельмир. — К тому же, насколько я помню, мэтр Максимильяно еще не высказывался. У вас есть какие-то соображения, коллега?

Он понял, конечно же он все понял, и именно потому, что Макс так и не высказался. Наверняка давно заметил, что уважаемый коллега

трется и мнется с той самой минуты, как общее заключение прозвучало впервые, и именно «какие-то соображения» тому причиной. И он прав, как всегда, безошибочно прав и, наверное, даже чувствует, насколько важен вопрос, над которым сейчас ломает голову бедный агент Рельмо, потому и решился спросить, хотя до сих пор тактично ждал, пока тот сам выскажется.

Макс глубоко вздохнул и опустил глаза, словно обдумывал предстоящую речь.

Он понял это с первого момента, как только изучил находку дотошного убаса своими методами. Как только

увидел в бывшем пугале двух миров
обычного, лишенного былого
могущества покойника, с которым
можно поступить так же, как с любым
другим, — призвать ко входу и задать
вопросы. Не факт, что он на них
ответит, но все нужные ответы можно
получить и другим способом. Тем
действенным, хотя и опасным
способом, который использовался
этой весной для получения
зрительных образов от покойного
Хосе Игнасио. С одной разницей.
Обычный человек при подобном
контакте почти не представляет
опасности. Почти, хотя риск есть
всегда — какие-то доли процента на

вероятность неучтенных факторов. Но когда имеешь дело с бывшим некромантом, исход известен заранее, на все сто процентов, без всяких вариантов.

Вечный вопрос цены. Возможность узнать то, что известно одному лишь Повелителю — тайну иммунитета от излучателей и местонахождение филактерия Нимшаста, — в обмен на жизнь одного старого шархи. К счастью, он не единственный и не последний некромант на свете и не унесет новые знания с собой в могилу, так что обмен будет честным. Знание — на жизнь. Стоит ли оно того?

Он может просто промолчать. Может сказать правду, и никто его не осудит, ибо ни у кого из коллег язык не повернется потребовать чью-то жизнь в уплату за самые ценные знания. Может даже предложить себя в жертву, и его дружно отговорят. Но тогда... Что будет тогда?

Черт с ним, с Нимшастом и его филактерием, в конце концов, его можно действительно запереть в гробнице. Но излучатели... Три надежно спрятанных где-то на Дельте излучателя, под прикрытием которых «добрые соседи» уже начинают разрушать лишенный защиты мир. А где-то на Альфе растет партия

кристаллов, и до середины осени осталось меньше луны. Да даже если Раэл все же успеет их найти, никто не застрахован от вероятности, что рано или поздно кто-то найдет технический аналог. Тогда не только Дельте конец, но и эльфам придется уносить ноги, и оставшиеся в одиночестве шархи долго не устоят перед напором агрессивных и многочисленных людей... И нет другого способа, не оставил проклятый покойник никаких записей, Кайдэн пересмотрел все, не нашел, сами все перепроверили — тоже не нашли. А жизнь... что той жизни осталось, половина уже

прожита, а над оставшейся все равно маячит грядущий удар равновесного плеча и неуловимая вилка выбора... Если только он уже не проглядел ее за ежедневными мелочами.

— Вы совершенно правы, коллега, — произнес Рельмо, непроизвольно передергивая плечами, потому что его вдруг пробил озноб, словно за шиворот сыпанули снегу. — У меня есть одна интересная идея. Поднять покойного традиционным способом нельзя, но я мог бы спуститься к нему сам и получить ответы на вопросы, которые в противном случае он унесет с собой навсегда. Например, о загадочном

ритуале, сделавшем магов Повелителя невосприимчивыми к действию излучателей.

— Думаешь, он тебе скажет? — недоверчиво поморщилась Морриган.

— Нет, конечно. Но моя методика позволяет скачивать информацию напрямую, без разговоров.

— Но это опасно! — одновременно вскинулись бывшие напарники Вельмир и Феандилль, одинаково отягощенные излишним гуманизмом.

— Некромантия всегда опасна. — Макс заставил себя пожать плечами с как можно более

достоверным равнодушием. — Какой-то процент риска неизбежен, это касается и любой другой разновидности магии. Но ставка стоит риска, разве нет? Разве есть у нас иной способ обойти излучатели? И разве у нас есть время его искать?

— Не поймите меня превратно... — мягко и, как показалось Максу, даже вкрадчиво произнес эльф, пристально всматриваясь в его глаза. — Но не хотелось бы, чтобы ваша жертва оказалась напрасной.

Рельмо стойко выдержал этот взгляд. Станным образом любые сомнения и возражения коллег только

укрепляли его уверенность и усиливали стремление сделать то, что решил, независимо от того, вилка это или просто судьба.

— Уверяю вас, мэтр, вероятность несчастного случая не превышает стандартную и почти равна нулю. Но даже если что-то пойдет не так и случится самое худшее, я все равно останусь доступен для общения и смогу передать вам всю нужную информацию. Просто это займет немного больше времени.

— Как всегда — курица и свечи? — коротко спросила Морриган. Вот кого не надо полчаса уговаривать и убеждать, будто все под

контролем и опасности нет. Даже
знай она точно, что он задумал на
самом деле, не стала бы
останавливать. Взрослый человек
сделал свой выбор, знает, на что идет,
его решение, его право. А смерть — в
семье потомственных некромантов к
ней всегда особое отношение...

— Да, как всегда, — деловито
кивнул Макс.

— Какого цвета курица,
напомни?

— Любого, лишь бы живая.

— Мафей, — позвала
мэтресса. — Нам надо сходить в
лабораторию, а потом на кухню.

— Господа, — решительно

вмешался Феандилль, — я предлагаю не торопиться. Предстоящий эксперимент, насколько я могу понять, весьма сложен и требует от мага надлежащей концентрации и немалых усилий, а малейшая ошибка может стоить ему жизни. Сейчас уже глубокая ночь, мы все устали, и мэтр Максимильяно, в силу особенностей своей школы, даже сильнее остальных. Думаю, ничего не случится, если мы перенесем это мероприятие на завтра.

Первым его поддержал Вельмир, за ним хором согласились и остальные. Признаться, что отдых ничем не поможет и ничего не

изменит, Макс не решился — а вдруг еще упрутся и не позволят? И потом их гуманизм выйдет всем боком. Да и с родными неплохо бы попрощаться. И Диего предупредить, чтобы больше не искал, а то еще вляпается...

— Завтра так завтра, — кивнул он. — Тогда прихватите меня кто-нибудь в свой телепорт...

Разумеется, святой мученик оказался и любезнее, и шустрее всех. И вовсе не от избытка добродетели, а с простой и понятной целью — хоть на пару минут оказаться наедине с будущим коллегой. Макс вспомнил, как несколько месяцев назад сам безуспешно отговаривал Шеллара, и

подивился злопамятности богов. Особенно их светлых ликов.

— Что случилось? — напрямик спросил честный эльф, когда они очутились на площадке второго яруса пирамиды, то есть совсем не там, куда отправились ночевать все остальные.

— Ничего не случилось. Мэтр, я вовсе не сюда просил меня переправить.

— Насколько мне известно, ложь порицается и вашими богами.

— Что из сказанного мною вызвало у вас сомнения?

Мистик коротко и хрипло рассмеялся, не отводя взгляда.

— Некоторые вещи... становятся

очевидны для любого, кто уже побывал за гранью. Сейчас я вижу перед собой самоубийцу. Я должен знать причину. Для начала. Чтобы понять, что можно сделать, чтобы не дать вам взвалить на себя еще и этот грех.

— К завтрашнему... вернее, уже сегодняшнему утру найти другой способ добыть информацию. Я не шучу.

— Мы не настолько стеснены во времени. Подыщите более правдоподобное объяснение. А еще лучше — скажите правду.

— Вы — может быть, и нет. А я не могу откладывать выбор или

избегать его, если уж он предо мной встал.

— Вы хотите сказать, что намерены пожертвовать собой по велению долга?

— Неужели вы подумали, что по собственной прихоти? Давайте прекратим этот бесполезный разговор. И попрошу вас не тревожить понапрасну коллег. Я сделаю то, что должен, и вы не будете мне мешать.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему вы должны умереть и почему вам нельзя в этом помешать?

Макс выругался.

— Я еще Шеллара считал

занудой! Ну как вам доступно объяснить... Этого требуют боги. Такое объяснение вас устроит?

— Ваши боги настолько жестоки?

— Нет!.. Да чтоб вас... Объясняю еще доступнее. Однажды я здорово согрешил. Всякие наказания от наших богов прилетают не в посмертии, а сразу при жизни. Поскольку все это я натворил ради сына, прилетит нам обоим. У меня есть шанс искупить свою вину. Для этого я должен однажды — и никакой хрен не знает, когда именно, — сделать правильный выбор. И сейчас, когда мне пришлось выбирать между спасением мира и

собственной жизнью, я не имею права поступить иначе.

Пристальный взгляд упрямого святого чуть потеплел и расслабился.

— Значит, главное — сделать выбор, и, коль вы его уже сделали, теперь не столь важно, умрете вы в итоге или нет?

— Разумеется, — раздраженно отозвался Макс, теребя косу. — Если Скаррона вдруг настигнет приступ слабоумия и он позабудет воспользоваться возможностью, я не стану напрашиваться. Но такую вероятность не стоит даже рассматривать. А теперь отведите меня наконец, куда я просил. Я и в

самом деле хочу спать.

Больше возражений не последовало — видимо, почтенный мэтр счел объяснение понятным и приемлемым.

ГЛАВА 10

Если бы старгородские заговорщики видели гиганта мысли и отца русской демократии в эту критическую для него минуту, то, надо думать, тайный союз «Меча и орала» прекратил бы свое существование.

*И. Ильфу Е.
Петров*

Солнце медленно поднималось над испуганно притихшим городом,

над перепаханым и вытоптаным парком, над полуразрушенным дворцом и чудом уцелевшей Центральной башней. Честно говоря, Кира забралась сюда вовсе не для того, чтобы получше оценить масштабы разрушений и заново, с их учетом, изучить диспозицию. И даже не для того, чтобы поговорить с Кантором, — он все равно еще спал, и можно было ручаться, что, проснувшись, первым делом нашел бы ее величество независимо от того, какими окажутся новости. Ей просто хотелось побыть одной. Чтобы никто не лез ни с сочувствиями, ни с дурацкими вопросами, не говоря уж о

чем похуже. Попробуй кто-то в такую минуту еще и предъявить ей претензии, весьма вероятно, что это оказались бы последние претензии в жизни неосмотрительного предъявителя.

На развалинах башни уже кипела работа. Гномы еще вчера смонтировали подъемные устройства и принялись разбирать завал. На ночь пришлось сделать перерыв, но едва в предрассветной серости стало возможно отличить доску от кирпича, работа закипела с новой силой. Сомнительно, чтобы им удалось отыскать кого-то живого, но, по крайней мере, можно будет точно

выяснить, сколько людей там погибло и кто именно. Даже если у Кантора все получится с первого раза, Ольга с Шелларом были не единственными людьми в этой башне.

Кира невольно покосилась на Кантора, пытаясь уверить скребущих на душе кошек, что она все равно ничего не могла поделать. Когда вчера, едва лишь спустились сумерки, он без предупреждений и объяснений вдруг бросил работу и куда-то направился, игнорируя любые вопросы, пожалуй, только она поняла, куда и зачем. Но не остановила. И прочим велела не трогать и не вмешиваться. Да, она знала, что

магический поиск — очень рискованное занятие, если не знаешь, жив искомый объект или мертв. И что, если не повезет, можно и вовсе не проснуться. Но что можно было сделать? Напомнить об опасности? Как будто Кантор сам не понимал, чем рискует, и не шел на это сознательно, решив, наверное, что если случилось худшее — то и жить не стоит. Запретить в приказном порядке, чтобы еще и послал прилюдно? Или связать и насильно не давать спать? Так ведь человек — не машина, все равно рано или поздно организм не выдержит и отключится. И все равно такое чувство, будто

виновата.

Кира в который раз присмотрелась к спящему Кантору, ловя едва слышное дыхание и борясь с желанием разбудить его прямо сейчас. Просто чтобы удостовериться, что он не только жив, но и в своем уме и вообще способен проснуться. Ну и поскорей узнать, что же интересного он выходил в своих снах.

Пока она колебалась, не нарушит ли насильственное пробуждение какую-нибудь тонкую магию и вообще не будет ли это свинством с ее стороны, вмешалась судьба, приняв на этот раз облик толстенной балки, которая сорвалась с крюков и с

оглушительным грохотом рухнула туда, откуда ее пытались поднять.

Кантор встрепенулся и сел, обводя ошалелым взглядом развалины с копошащимися гномами.

— О, ты уже здесь... — безрадостно произнес он, рассмотрев Киру и, видимо, вспомнив, что вокруг происходит. — Давно ждешь?

— Диего, не томи, — резко отозвалась королева. — Раз ты все же проснулся, значит, они не погибли под развалинами, но твой кислый вид подсказывает, что случилось что-то еще. Что именно?

— Я их не нашел, — с отчаянием поведал Кантор, уставившись в пол и

начиная теребить серьгу. — И кто мне объяснит, что это значит?

— Например, что они не спят, — осторожно предположила Кира. — Ведь если бы с ними что-то случилось, ты бы не проснулся?

— Самое мерзкое, — безнадежно вздохнул Кантор, — что я не имею понятия, с какой вероятностью я мог бы проснуться или не проснуться в этом случае и значит ли это вообще что-нибудь... И папа, сволочь этакая, вместо того чтобы объяснить, закатил истерику, чтобы я, дескать, не смел и все такое. Я от него еле удрал. А теперь на душе кошки скребут — он сегодня какой-то рискованный

эксперимент затеял, просил, чтобы я к нему не ходил больше, пока точно не выясню, выжил он или нет... А я вот так от него удрал, даже не попрощался... Кира, понимаешь, я всю ночь их искал, и в результате мы, как и вчера, ничего не знаем!

— Это еще не причина отчаиваться, — упрямо нахмурилась королева. — Мало ли где они могли оказаться, может быть, им действительно не удалось этой ночью поспать. Я уверена, что уйти они успели.

— Но в развалинах покопаться приказала. — Кривая усмешка Кантора, казалось, говорила: «Ну вот

не надо меня утешать такими детскими глупостями, а?»

— Не поняла. — Кира намеренно сделала голос еще суровее. — Мне что, и дальше среди развалин сидеть? Если часть дворца разрушена, это место надо разгрести и восстановить. Независимо от того, есть кто-то под всем этим хламом или нет.

Кантора это не особо утешило, но крыть было нечем, поэтому возражать он не стал. Только вздохнул безнадежно.

— Ладно. Настанет ночь — еще раз попробую. Ну должны же они когда-то спать! Слушай новости.

— Ах да, ты упомянул, что

виделся с мэтром Максимильяно.

— И не только с ним. Но я по порядку. Папа уверяет, что они там уже почти добрались до секретов Повелителя и, если этот опасный эксперимент у них выгорит, через день-два все эти излучатели им будут по барабану. Вот тогда они вернутся и наведут порядок. Хочется надеяться. Еще я заходил к нашим героям. Пробовал их вывести, но что-то не пускает. Ты сегодня не узнавала, как они там?

— Узнавала, — кивнула Кира. — Все по-прежнему. Ты не спросил...

— Ну конечно, спросил, неужели, думаешь, забыл? Виктор мне

подробно изложил, как дошел до такого состояния, но чем тут можно помочь, не имеет понятия. Я, конечно, Терезе расскажу, но вряд ли ей от этого станет яснее...

— А что там случилось? Мне тоже расскажи.

— Сейчас... Главное — ничего не перепутать... Заодно проверю, все ли я запомнил. Итак, сначала его ударили электрическим разрядом — это примерно как небольшая молния. Потом ему дали некое хитрое зелье, чтобы допросить. Кроме того, он съел гномьих грибов, чтобы освободиться. Когда их действие закончилось, у него стали отказывать мышцы и начались

нелады с сердцем, поэтому он принял какие-то сердечные лекарства — то есть ему так кажется, но он не уверен — и добавил еще своих иномирских стимуляторов, потому что надо было срочно ехать Элмара спасать. Потом повторил, потому что опять действие кончилось, а они с Флавиусом еще не доехали до места. А потом и в третий раз, потому что кончился второй, а ему грака некуда было девать. Что из всего этого его в итоге свалило, он не знает, просто голова закружилась и дальше он ничего не помнит. Что теперь делать, он сам не знает.

— Неудивительно, что теперь он лежит тряпкой и еле дышит. Странно,

как он выжил вообще. Но врачам это обязательно расскажи, вдруг все же полезное что-то придумают. Или, если хочешь, я сама схожу.

— Да чего ты сама-то побежишь, можно подумать, тебе делать нечего. Я сейчас схожу. Только еще одну любопытную мелочь дослушай. Знаешь, что это был за звук, который поднял тревогу?

— Ваш приятель и это знает? — заинтересовалась Кира.

— Нет, это мне Элмар сказал. Это был ни много ни мало легендарный рог Деимара Основателя. Тот самый, с которым его похоронили и который до сих пор

хранится в старой усыпальнице.

— А Элмар откуда знает, как он звучит, если этот рог невесть когда в усыпальницу заперли?

— Можешь не сомневаться, уж они с Шелларом точно знают лучше всех. Они однажды пацанами в эту усыпальницу залезли — у Шеллара какой-то научный интерес образовался, а Элмар с ним за компанию полез, за приключениями. Ну и нашли они там этот рог, и наш герой не удержался — захотел приобщиться к славе предков. И ка-ак вострубил со всей фамильной дури... За это ему перепало так, что он до сих пор помнит и звук этого рога, и

неописуемое выражение лица Шеллара, с каким тот произнес: «Элмар, ты идиот!»

— Интересно... — задумалась Кира. — В этот раз тоже случилось нечто подобное?.. То есть это опять какой-то идиот забрался в усыпальницу и решил подудеть или причина была мистического характера?

— Не знаю, — мрачно ухмыльнулся Кантор. — Но точно уверен, какой будет официальная версия.

— Разумеется, — ничуть не смутилась королева. — Если выгодная версия сама напрашивается, зачем ею

пренебрегать? В последний раз звук этого рога слышали всего два десятка лет назад, старые слуги тоже должны его помнить. Тут и слухи запускать не потребуется, сами поползут. Единственное, что нужно, — не опровергать их. — Она помолчала, затем негромко, словно кто-то мог подслушать, добавила: — Шеллар именно так и поступил бы.

— Не сомневаюсь. — Кантор кое-как пригладил пятерней растрепавшиеся во сне волосы и поднялся. — Схожу навещу наших героев. Здесь я все равно больше не нужен, пока патроны не подвезут.

Сначала Макс хотел провести

сеанс наедине с Морриган, единственной, кто поймет все правильно и не станет мешать, что бы ни случилось, но надоедливый эльф опять вмешался — кротко моргая своими дивными глазами, попросил, чтобы его не лишали возможности присутствовать. Никто не смог отказать, точь-в-точь как это обычно бывало с Орландо. Почтенный мэтр Ушеб тоже попросил разрешения приобщиться к новым знаниям, безукоризненно вежливо и даже без единого непристойного слова. За ним и прочие мэтры возжелали присутствовать, да еще и куфти любопытствующие понабежали, а

достаточно большого помещения, чтобы всех вместить, не нашлось, потому что из Дома Совета их поперли... Ну, то есть старейшины слезно попросили хотя бы кровью его не заляпывать...

В результате свой последний подвиг самоотверженному герою предстояло совершить почти что на помойке — ну, если точнее, то у болота. На том самом месте, где мстительный мэтр Кайдэн когда-то пытался соблазнить Шеллара веревкой и деревом, а чуть позже сражался с комарами наместник Чань.

Макс то и дело ловил себя на странном ощущении, что

воспринимает происходящее как не совсем реальное. Будто все это происходит не на самом деле. Или на самом деле, но не с ним. Видимо, сознание не успело еще воспринять и переварить скоропалительное решение умереть и защищалось как могло.

— Удачи, — тихо пожелал Ален.

Морриган молча сложила пальцы от сглаза — на всякий случай, а вдруг мысленно тоже можно...

Эльф и мумия почему-то подошли вплотную и встали по бокам.

— Отойдите, — хмуро бросил Макс.

— Не обращайтесь внимания, —

извиняющимся тоном попросил Феандилль. — Мэтр Ушеб хотел подробнее рассмотреть этот не известный ему ритуал. Мы просто постоим, мешать не будем.

— Поклянитесь, — подозрительно сощурился Макс. Не хватало, чтобы этот ненормальный праведник додумался испортить ему все, пытаюсь спасти!

— Клянусь Создателем, мы не помешаем вам узнать все, что вы хотели.

Макс сгреб за шею обреченную курицу и поднял нож. Никакой торжественности момента он по-прежнему не ощущал. А может, так и

должно быть? Вот так, буднично и деловито, — брызги крови на покрывале, мелькание ножа, знакомые, как азбука, куриные потроха, заученные до автоматизма слова, сто раз пережитое пронзительное ощущение падения...

Скаррон действительно никуда не делся — примчался на зов, как самый обычный покойник. Или, напротив, мог бы уклониться, но жажда поквитаться хоть с кем-нибудь из врагов оказалась сильнее...

Он стоял с той стороны, такой же бесстыдно голый, каким его нашли, даже без украшений — наверное, каким был в момент смерти, и

смотрел через невидимую грань с затаенной надеждой. «Войди же, войди, дай мне тебя достать!» — умоляли его глаза.

Макс подошел ближе.

— Ну что, сам скажешь, как защищаться от излучателей, или мне все же войти? — произнес он, внимательно следя за противником. Не потому, что надеялся услышать ответ, — чтобы вызнать нужные сведения, их сначала требовалось вытащить наверх. Надо, чтобы источник об этом думал.

— Входи, — пригласил тот. — Входи, и все узнаешь.

— Конечно, узнаю, — спокойно

согласился Макс. — Ты же не сможешь не думать об этом, верно? Ты знаешь, что мне нужно, — защита от излучателей и филактерий Нимшаста. И ты будешь изо всех сил стараться не думать о них.

— Я ничего тебе не скажу, — снисходительно усмехнулся некромант.

— Правда? А что именно ты мне не скажешь?

Бывший Повелитель злорадно оскалился.

— Ты не прочтешь мои мысли оттуда. Тебе придется войти.

— А ты уже думаешь? — с живейшим интересом уточнил Макс.

— Какая разница? Ты все равно не войдешь.

— Войду, если хочешь. Как только ты представишь себе то, что мне нужно.

Еще некоторое время они препирались, обмениваясь шпильками и подначивая друг друга. Сколько именно — трудно было сказать, течение времени здесь либо не чувствовалось, либо сильно искажалось. К тому же большая часть внимания уходила на поддержание должного сосредоточения и анализ поведения противника.

Вскоре Скаррон начал нервничать, его раздражение

становилось все заметнее, а контроль над собой — все слабее. И когда он окончательно потерял самообладание, Макс резко, без предупреждения шагнул вперед, торопясь слиться с полупризрачной фигурой по ту сторону.

Ледяной холод сковал его в первые же секунды контакта, тело мгновенно отказалось повиноваться, но он не стал отвлекаться на ерунду. Сознание, еще живое и неподвластное смертному оцепенению, ринулось вперед и ворвалось в хоровод чужих воспоминаний, образов и мыслей. Нужный образ он нашел сразу — наверное, очень уж старательно

пытался его враг не думать об этом проклятом ритуале. Запомнить увиденное и понятое заняло какой-то десяток секунд, и за это время неумолимая хватка холода добралась до сердца и легких. «Наверное, так умирают, когда тонут», — невольно подумал Макс и тут же оборвал лишние, ненужные мысли, отвлекающие от главного. Он еще жив и будет жив еще хотя бы минуту, нужно срочно найти... Запомнить будет легко...

Из последних сил борясь с мучительным удушьем, он словно сквозь слой зеленого желе с трудом рассмотрел место и отметил название.

Затем что-то холодное и склизкое залепило глаза и набилось в нос, и больше он уже ничего не видел.

«Получилось?» — тревожно шепнул голос в глубине сознания, уже распадающегося под напором подступающей смерти.

«Да, — зачем-то ответил Макс, хотя это было уже никому не нужно. И добавил, словно сам себе в утешение: — Это будет недолго...»

Удушливая зелень вдруг вспыхнула красным, огненные разводы поплыли перед глазами, опять обретшими способность видеть. Или это зрительные центры мозга решили умереть красиво...

В следующий миг безумная вспышка боли пронзила сердце, и беззвучный крик увяз в горле, забитом зеленой жижей. А потом... потом сверху потек жидкий огонь. Он обжигал, как настоящий, и это было невыносимо больно, но в его объятиях плавилась и утекала мерзкая зелень и отступало леденящее дыхание смерти. Через несколько мгновений Рельмо смог сделать первый судорожный вдох, после чего с минуту стоял на коленях, надрывно выкашливая остатки зеленой слизи — скорее воображаемые, но организм ведь просто так не убедишь...

Занятый восстановлением

дыхания, он не сразу понял, что ни огня, ни холода, ни беспросветной зелени больше нет, что он опять может видеть, слышать и двигаться, вот только глубоко в груди по-прежнему щемит и ноет. Он торопливо поднял руку, пытаясь себя ощупать, и наткнулся на торчащую из груди рукоять.

— Ну, может, ты встанешь наконец, столько можно ползать! — раздраженно произнес кто-то прямо над ним.

Макс отпустил находку, оперся ладонями о пол для устойчивости и поднял голову.

Над ним стояли божества из

пророчества. Это ничего, что Карающий Меч Света был одет в форму Конфедерации, а его острые уши несолидно торчали из-под серебристых кудрей. Зато от него и в самом деле исходило сияние, а надлежащий волшебный меч можно было даже пощупать, потому что именно он сейчас торчал у Макса в груди. И пусть Повелитель Божественного Огня имел совершенно идиотский вид в красной хламиде по колено, из-под которой торчали тощие кривые ноги в плетеных сандалиях. Зато его ниспадавшие до пояса волосы в самом деле были огненно-рыжими, а тот самый огонь

Макс ощутил на собственной шкуре не далее как минуту назад.

— Прошу меня извинить, — виновато произнес эльф, протягивая руку. — Позвольте мне забрать меч.

И, не дожидаясь разрешения, схватился за рукоять и рванул.

Макс невольно вскрикнул от боли и опять на время забыл, как дышать.

Его подхватили под руки и помогли встать.

— Поторопитесь. Вам нельзя долго здесь оставаться.

— А... разве я не умер? — выдохнул он первое, что пришло в голову, и тут же догадался, что

сморозил глупость.

— Да ты выйдешь отсюда, или тебя пинком выкинуть?! — Хотя облик почтенного Ушеба здорово изменился в этой реальности, сварливый нрав остался прежним. И при всей его хамской беспардонности он был прав в одном: оставаться в туннеле нельзя ни единой лишней секунды.

Макс торопливо сделал несколько шагов назад и остановился у входа, как всегда.

— Но... как?

Эльф смущенно повертел в руках меч, состоящий, казалось, из чистого света, и улыбнулся.

— Не могли же мы вас бросить здесь одного.

— Как вы вообще туда вошли?

— С той стороны, — ухмыльнулся куфти, указывая себе через плечо.

— Мы ведь оба умерли, — добавил Феандиль. — И теперь можем ходить этим путем.

— А этот меч? Как получилось, что...

— Что он вам не повредил? Он и не может повредить живому.

— И священный огонь тоже, — добавил Ушеб.

— А почему вы не использовали свой меч против лича?

— Потому что он нематериален, — терпеливо пояснил эльф.

Макс перевел взгляд на его напарника, и тот даже не стал дожидаться вопроса.

— Да задери тебя кошки, что такого в моих волосах?! Неужели ты думаешь, что я всю жизнь ходил лысым?

— Нет, я не о том... Но... их цвет... несколько непривычен для куфти. Неужели в ваше время...

— Вот же тупой! — искренне изумился ископаемый мэтр. — В мое время приличные люди свои лохмы красили! В разнообразные приятные

глазу цвета! Ты хоть узнал что хотел, трепло?!

— Да... — с трудом вспомнил Макс. — Спасибо.

— Да не за что! — хором рассмеялись герои пророчества. — Иди уж. Там ведь все волнуются.

Макс в последний раз оглянулся на их довольные ухмылки и побрел в сторону выхода.

Время завтрака давно миновало, и приближалась пора обеда, а шестеро мужчин так и сидели по лавкам в напряженном оцепенении, даже не пытаясь поискать на кухне еду.

Впрочем, пятеро из них

прекрасно знали, что поиски все равно ничего не дали бы, — все, что оставалось съедобного, они нервно догрызли еще ночью, а заниматься стряпней, когда за стеной, можно сказать, помирает хорошая знакомая, казалось всем кощунством.

Джеффри Стоунбридж мысленно клял себя за неосмотрительные слова, которые запросто могли оказаться сглазом. Могли и не оказаться, в конце концов, бывают и просто слова, но уж слишком явно все сложилось — стоило ему ляпнуть о всемогущей природе, как она тут же повернулась к ним задницей. Вернее, младенца повернула. И не задом, а спиной.

Поперек.

Виконт Бакарри тоскливо посматривал на оружейный шкаф, последними остатками рассудка цепляясь за мысль, что еще один труп сейчас будет не к месту и только доставит всем лишние хлопоты. Пусть лучше его убьет Ольгин муж, может, ему от этого хоть немного полегчает...

Юный Роберто испуганно вжался в угол между стеной и печкой и не рисковал вообще раскрывать рот, получив еще два отцовских подзатыльника и гневное разъяснение, что его, болвана, покойная матушка точно так же

рожала больше суток.

Старший Льямас нервно ломал пальцы и кусал губы. Мысли его беспорядочно метались между воспоминаниями о покойной жене и появлении на свет его собственных детей и Кантором, которого он слишком хорошо знал, чтобы сохранять спокойствие.

Торнгрим сумрачно разглядывал погнутую латную рукавицу и думал о том, что, пожалуй, рановато он задумался о женитьбе. И что маму давно не навещал.

Даже Гиппократ притих и непривычно посерьезнел.

О чем сейчас думает его

величество, они боялись даже догадываться. Последний раз он появлялся почти час назад, шепотом, чтобы не услышала Ольга, объяснил ситуацию и еще раз горько посетовал на бесполезность теории. «Самое отвратительное, — сказал он напоследок, — я знаю, что надо делать в таких случаях. Но я не умею. Здесь нужен практический навык, а не теоретические знания». Нервно затянулся и еще тише спросил: «Кто-нибудь из вас хоть что-то смыслит в хирургии?» Оглядел одинаково вытянувшиеся лица, кивнул и убежал обратно, даже не загасив трубку. И больше не появлялся.

Что происходило за дверью с тех пор, невозможно было разобрать на слух — громкие стоны, иногда переходившие в крик, заглушали неразборчивую речь короля, а в них самих давно уже не содержалось ничего членораздельного. Герои молча слушали, тихо безумея от непривычного чувства беспомощности, и старательно избегали встречаться взглядами.

Стоны за стеной стихли, и спустя мгновение в наступившей тишине вяло и несмело раздалось тоненькое кваканье. Все как один вскинулись и с надеждой уставились на дверь. Кваканье не прекратилось, а

постепенно перешло в мяуканье. Еще несколько томительных минут — и дверь наконец открылась.

— О боги! — не удержался темпераментный мистралиец. — Все-таки разрезал!

На лицах остальных отразился примерно тот же вопрос, ибо рубашка его величества была залита кровью чуть ли не до пояса, а руки выглядели так, словно он их по локоть засовывал в тот самый предполагаемый разрез. В сложенных чашечкой ладонях вертелось и попискивало что-то крошечное, синенькое и страшненькое.

В первый миг Шеллар, кажется,

намеревался ответить чем-то из репертуара Кантора, на безукоризненном мистралийском и с надлежащим произношением. Но в последний момент овладел собой и обычным своим бесстрастным тоном процитировал главу из учебника, что-то насчет того, что объем кровопотери при нормальном течении родов составляет от трети до половины кварты.

— Она сама перевернулась, — пояснил он затем и протянул свою добычу навстречу привставшим с мест героям. — Представляете, когда я уже не знал, что делать, вдруг непонятным образом шевельнулась, скользнула

головкой вперед и вышла за считанные минуты. Просто мистика какая-то. У вас вода не остыла? Младенца надо обмыть и запеленать. Скорее, я должен вернуться.

Мужчины осторожно переглянулись, затем дружно уставились на Льямаса.

— У тебя, по крайней мере, были свои дети, — как бы извиняясь, произнес Джеффри. — Ты хотя бы в руках их держал... когда-то.

— Но они были вдвое больше! — ужаснулся тот, на глазах теряя цвет лица.

— Нам подождать, пока она вырастет? — поинтересовался

Шеллар.

Мистралиец мужественно подошел и подхватил хнычущий комочек под животик, как щенка.

— А вы чего рты разинули? — мстительно напомнил он соратникам. — Тащите давайте воду, тряпки, пеленки, что мы там еще готовили...

Герои дружно метнулись на кухню. Первым делом они опрокинули ведро с водой и начали было искать виновного, но мастер Льямас, так и стоявший посреди комнаты с новорожденной на руках, рывкнул на них примерно теми самыми словами, которых

общественность так и не дождалась от воспитанного Шеллара. Потом с кухни послышался звон бьющейся посуды и грохот разлетающихся сковородок, после чего дружный хор потребовал от Гиппократата убраться отсюда к едреным демонам вместе со своей лошадиной грацией. Огорченный и сердитый кентавр вылетел с кухни пулей, споткнулся о лестницу и чуть не переломал себе ноги. И руки заодно.

Справившись с первым подвигом — то есть донеся до большого обеденного стола котел с горячей водой, ведро с холодной и пустой таз, герои занялись тонкой алхимией.

Единственный признанный специалист по уходу за детьми одной рукой продолжал держать на весу несчастного младенца, а второй пробовал воду, гневно вопрошая соратников, не намереваются ли они заморозить несчастное дитя или же сварить живьем.

Дитя, видимо, почуяв, к чему идет, напряглось и выдало здоровый рев, не оставлявший сомнений в отцовстве великого Эль Драко.

В процессе купания неосмотрительно расстеленные на столе пеленки оказались щедро залиты водой. Пришлось бежать за другими и стелить на ближайшей

кровати. И тут-то выяснилось, что пеленать детей не умеет даже признанный специалист, ибо не мужское это дело. Нет, он видел когда-то, как это делала жена, но в тонкости не вникал...

В итоге бедняжку запеленали коллективно, применив всем известный принцип портянки. Тем временем гость, чтобы не казаться совсем уж бесполезным, вызвался вынести на улицу грязную воду, но поскользнулся на разлитой ранее чистой и не донес. От расправы его спас только статус гостя — каждый из хозяев решил про себя, что виноват на самом деле не упавший, а тот, кто

разлил воду первым, и тут же вспомнили, что виновного так и не нашли. Некоторое время герои обсуждали этот важный вопрос, а заодно достоинства и недостатки друг друга, ничего не выяснили, вовремя вспомнили, что ведут себя при детях неподобающе, и согласились, что кто бы пол ни залил, а помыть его теперь надо. Чтобы больше не ссориться, решили тянуть жребий, в результате мыть пол выпало Гиппократу, что вызвало всеобщее веселье, разбавленное отборной руганью избранника.

Из каморки выглянул Шеллар, заметил, что никогда не видел

кентавра, моющего пол, и с удовольствием посмотрит, как это будет выглядеть. Только не будут ли господа любезны сначала вернуть ребенка матери, если, конечно, они уже управились. И кстати, как на их взгляд, вот этот участок плаценты можно считать целым или здесь все-таки не хватает кусочка? А то в учебнике сказано...

Его речь прервал глухой «шмяк» и треск сломанной лавки — это упал в обморок виконт Бакарри.

О том, что у виконта Бакарри есть два старших брата, честно зачатых в законном браке, Кира уже

когда-то слышала от Шеллара. Вариант, что они объявятся в столице — то ли в надежде что-нибудь выгадать от внезапного возвышения младшенького, то ли просто из желания разобраться в происходящем, — тоже был предусмотрен все тем же Шелларом. Но чего она не ожидала, так это того, что оба старших Бакарри окажутся ростом ей по плечо.

На счастье, Бартин и Хойс отличались от красавца Гейрана не только внешностью, но и умом, и претензии свои высказали в высшей мере сдержанно и дипломатично. Попробуй они встать в позу и затеять

скандал, видят боги, Кира без малейших угрызений совести приказала бы их арестовать и сдать Флавиусу для скорого свидания с Тедди и его коллегами.

— Мой ответ будет кратким и внятным, — сказала она, выслушав продолжительные виляния вокруг вопроса. — Вас обманули. А теперь я, в свою очередь, хочу спросить, кто именно. И получить на свой вопрос такой же четкий ответ.

Братья озадаченно переглянулись. Такой прямолинейной наглости они не ожидали и надеялись на хоть какие-нибудь объяснения.

— В таком случае, где наш

брат? — произнес наконец старший.

— Там же, где и мой муж. Точнее я вам скажу, когда полностью разберем остатки Северной башни. И я не получила ответа на свой вопрос.

— Мы дали слово соблюдать конфиденциальность, — пояснил средний.

— Мы тоже не получили убедительных объяснений, — упрямо нахмурился старший.

— Объяснений чему? Тому, чего не было?

Дверь за спинами братьев Бакарри начала бесшумно открываться.

— Хотелось бы все же убедиться,

что этого действительно не было...

— Вот как, — вкрадчиво произнес Флавиус, так же бесшумно подкравшись поближе. — Значит, слово королевы для вас менее убедительно, чем слово того, кто поведал вам обратное? Я ведь не ошибаюсь, он свои слова тоже ничем не подкрепил? Теперь я тем более жажду узнать имя этого выдающегося господина.

Братья нервно переглянулись.

Флавиус положил перед ее величеством вновь обретенную папку, почтительно раскрыв при этом, и встал чуть сбоку.

— Прошу вас ознакомиться с

последними новостями и позволить мне пока самому пообщаться с этими господами.

— Да, конечно, благодарю... — отозвалась Кира, стараясь скрыть облегчение, и уткнулась в папку.

На первом листе четким крупным почерком было написано: «Делайте вид, будто внимательно читаете. Когда начнется, ваша задача — приказать, чтобы меня разместили в одной палате с его высочеством и Виктором. Когда закончится, этих двоих отпустите». Что именно должно начаться и зачем почти здорового Флавиуса запихивать в одно помещение с тяжелораненым

Элмаром и медицинской аномалией из иного мира, в записке не разъяснялось.

— Итак, господа, — продолжал между тем глава департамента, — мне кажется, у вас создалось превратное впечатление касательно того, кто кому должен предоставить объяснения. Прежде всего я желаю — и имею право — знать, каким образом вы оказались в столице. Кто вас пригласил или же уведомил об аресте вашего брата. Имя, адрес.

— Уведомили нас сразу же после известных событий. Извещение было анонимным, — уверенно отозвался Бартин, и даже Кира поняла, что он

врет. Джемайла прикрывает, не иначе. — Гонец передал его на словах и скрылся так быстро, словно опасался погони. Мы обеспокоились, послали в столицу верного человека с приказом все разузнать и, если понадобится, нанять для брата хорошего защитника...

— Этот человек может подтвердить ваши слова?

— Разумеется. — Хойе приподнял брови, словно его удивляло такое недоверие.

Флавиус не стал далее углубляться в вопрос — понятно же, что верный слуга подтвердит все, что ему прикажет господин, и проверять

нет смысла.

— И вы наняли господина Джемайла? Вы подтверждаете?

— Разумеется, а что с ним не так? Еще наша покойная матушка вела с ним дела...

— Это он вам сказал?

— Мы сами видели, как он несколько раз наведывался в наш замок после смерти отца, — пояснил Бартин.

— Сейчас вы приехали в столицу по его приглашению?

— Он написал, что все усложнилось и может потребоваться наша помощь.

— Этот бред насчет тайных

убийств вам поведал тоже он?

— Он перечислил все слухи, которые ходят по городу, — вмешался Хойе. — Это был лишь один из многих.

— И пока никто не потрудился их опровергнуть, — подхватил его брат. — Однако почему-то допрашивают нас, словно преступников.

Флавиус поскучнел и смерил взглядом сначала одного, затем второго.

— На данный момент вы подозреваетесь в соучастии, и я мог бы с полным на то правом допросить вас в несколько иных условиях, дабы

ВЫ МОГЛИ ВООЧИЮ УВИДЕТЬ, КАК НА САМОМ ДЕЛЕ ДОПРАШИВАЮТ ПРЕСТУПНИКОВ.

В дверь громко постучали, и, не дожидаясь ответа, в кабинет ворвался взъерошенный Кантор.

— Ваше величество, прошу прощения, это срочно.

— Да? — устало отозвалась Кира, видя, что Флавиус не проявляет недовольства прерванным допросом, а даже заинтересовался.

— Виктор очнулся, — доложил мистралиец. — Вы просили сообщать немедленно, господин Флавиус хотел его сводить на опознание...

— На какое еще опознание? —

недоуменно уточнила Кира, переводя взгляд на Флавиуса.

— Выслушав показания пленных, я заподозрил, что среди наемников были иномирские инструкторы. Вероятность мала, но, возможно, он кого-то узнает.

«Какого демона он все это вываливает при посторонних?» — забеспокоилась королева, но найти объяснение странному поведению министра не успела. Флавиус вдруг пошатнулся, закашлялся и медленно опустился на колени, прижимая ладони к лицу. Когда бросившийся на помощь Кантор подхватил его и попытался поднять, глава

департамент на мгновение отнял руки от лица, чтобы опереться о стол, и Кира увидела, что они в крови. Флавиус опять закашлялся, сплюнул кровь и зажал рот рукавом.

— Его надо срочно отнести в лазарет, — забеспокоился Кантор, пытаясь расстегнуть на министре камзол. Флавиус судорожно вдохнул и с трудом прохрипел:

— Письма... В кармане... должны остаться... со мной...

— Хорошо, хорошо! — заверила Кира, вскакивая. Что происходит, она уже поняла. Такая необычная болтливость Флавиуса могла быть только намеренной. Но вот цель

происходящего была ей все еще непонятна. — Я помню, что вы никому их не доверите, они останутся с вами. Охрана! Срочно отнесите господина Флавиуса на третий этаж. Пусть мэтресса Стелла лично осмотрит и сделает все возможное. И передайте, что я приказала положить его вместе с Элмаром. Она знает, последняя комната... Впрочем, я сама с вами пойду. — Она обратила взор на притихших братьев Бакарри и торопливо дернула подбородком вместо прощального поклона. — Господа, прошу простить, сейчас мне не до посетителей. Зайдите завтра. Или просто оставьте адрес — вам

сообщат, если появятся известия о вашем брате.

Господа не настаивали на продолжении беседы. Кажется, они даже обрадовались ее окончанию и возможности покинуть это неприятное место свободными.

Добравшись до палаты и спровадив охранников, Кира узнала две новости — одну приятную, другую нет.

Насчет Виктора Кантор соврал — тот, как и прежде, лежал без памяти. Флавиус, как она втайне и надеялась, тоже соврал — едва избавившись от посторонних, он тут же выздоровел и попросил прощения за испорченный

ковер. Кира хотела было сказать, что этот ковер испортили еще неведомо когда и под диваном скрывается прожженная дыра, но потом решила, что у нее есть и более важные темы для разговора.

— Что вы задумали, господин Флавиус? — спросила она, не особенно, впрочем, надеясь на ответ.

— Не хотелось бы сглазить, — уклончиво ответил глава департамента, старательно смывая с лица краску. — У меня к вам будет еще одна просьба, ваше величество. Любым способом убедите ее высочество не показываться здесь после наступления темноты.

— А она ходит сюда ночью? —
удивилась Кира.

— Через каждые два-три часа.

— Но ведь уже известно, что с
Элмаром все будет в порядке...
Самый худший прогноз — глухота и
головные боли до конца жизни, но у
него ведь все равно есть Азиль...

— Вот именно, —
многозначительно изрек Флавиус.

— Что — вот именно?

— Что с Элмаром все
определенно, — криво ухмыльнулся
Кантор. — Но он здесь не один.

Кира вдруг вспомнила, как
рыжий верзила всякий раз начинал
краснеть и мяться в присутствии

принцессы-регента, а та, в свою очередь, из просто сдержанной становилась настолько скованной, что начинала походить на скульптуру, и тихо ахнула.

— Не может быть...

— А то у вас с его величеством было иначе, — фыркнул бестактный мистралиец.

— Вот не ври! Конечно, иначе!

— Ну да, вас пихали в спины с двух сторон всего пару лун, — согласился Диего. — Интересно, этим двоим сколько лет понадобится?

Астуриас мрачно поскреб трехдневную щетину — свидетельство

тяжелого стресса и долгих мучительных переживаний — и ядовито произнес:

— А я-то наивно полагал, что больших идиотов, чем покойный патрон, не бывает в природе.

— На этот раз кто тебе не угодил? — мрачно огрызнулся Саня.

— Теперь к твоим подельникам, прозевавшим Элмара и его рыжего приятеля, присоединился и Борода со своей шайкой, — уточнил Астуриас. — О небо, уж его-то я считал надежным исполнителем! А этот лопух все-таки упустил Флавиуса! Мало того, он еще и прощелкал изъятие писем!

— Что доказывает, — язвительно заметил агент Сидоренко, — отсутствие связи между техническим прогрессом и тупостью.

— Господа, — поморщился Джемейл, — прекращайте ругаться. Я рассказал вам все, что принесли из дворца братья Бакарри, теперь не пора ли вам отсюда убираться? Я на сто процентов уверен, что Флавиус им не поверил. Как только он оклемается, первым делом возьмется за меня. Мне самому не помешало бы убираться подальше, а если тут найдут еще и вас...

— Успокойся. Легочное кровотечение удержит его в лазарете

как минимум на несколько дней.

— Как будто ему некого послать, кроме себя самого!

— Вы правы, господин Джемайл, — вздохнул Саня. — Мы уйдем завтра утром. Я уже получил инструкции...

— В которых не учтено, что Флавиус смылся вместе с письмами, Элмар выжил, а новый агент вот-вот опознает среди убитых двух своих бывших сослуживцев по Каппе, которых вы так удачно завербовали. Местным он, скорее всего, не скажет, но кому надо доложит обязательно.

— Ну, доложить и я могу, а что толку? Здесь из наших только ты да я,

и даже оружия нормального у нас нет.

— «Нормального»... —

презрительно скривил губы Астуриас. — Как меня бесит ваш снобизм, ты бы только знал... Ну, была бы у тебя хорошая снайперка, и что, ты бы сумел застрелить трех человек, лежащих темной ночью в темной комнате?

— Ну хотя бы попытаться можно было...

— Попытаться можно и так, — в сердцах бросил мистралиец, уставившись на свой пояс с оружием, валявшийся на стуле. — Я бы даже попытался, если это чем-то поможет.

— Конечно, поможет. Все

вернется на исходные позиции, когда у сторонников короля не было никаких доказательств и можно было распространять нужные нам настроения. Но толку мечтать, все равно добраться до Флавиуса и его писем невозможно.

— Для неумех вроде вас — и правда невозможно... — скорее задумчиво, чем язвительно подтвердил Астуриас. — Джемайл, у тебя план дворца далеко?

— Ты что, хочешь сам слазить? — испугался Саня, догадавшись, к чему идет. — Ты хоть представляешь, какая там сейчас охрана?

— Еще бы, — подтвердил вор, расстилая перед собой протянутый лист. — Они сказали, третий этаж, последняя комната? Взгляни. Там мост почти рядом. Только подняться на этаж.

— Мост перегорожен и заминирован. А на этажах полно охраны.

— Ну, если рассчитывать пройти по мосту парадным маршем, прогноз получится печальным, — опять ударился в язвительность Астуриас. — Но у него ведь есть еще перила. Не думаю, что их тоже заминировали. А что до стражи на этажах, то по ним никто шляться не

собирается. Я понимаю, при таком высоком уровне развития цивилизации люди не просто теряют навыки лазанья по стенам, но даже забывают, что такой метод передвижения когда-либо существовал... Но хотя бы догадаться можно было?

— А ты сможешь? — обеспокоился господин Джемейл. — Я-то помню, что двадцать лет назад ты мог залезть куда угодно и вылезть обратно незамеченным. Но сейчас уже и возраст не тот, и специализацию ты давно сменил...

Астуриас чуть усмехнулся.

— Не сменил. Расширил. Не

переживай, уж один этаж я точно одолею. Мне нужна будет веревка, костюм, стеклорез и... ах да, фонарик не нужен, у меня прибор ночного видения остался при себе.

— А где же взять глушитель? — запричитал Саня. — Ты ведь переполошишь всю охрану первым же выстрелом!

Мастер-вор в последний раз ухмыльнулся и любовно погладил ножны.

— Открою тебе великую тайну. Кроме пистолета с глушителем на свете уйма другого бесшумного оружия.

Это место Кантор узнал с первого взгляда — тот самый пустой пляж на эгинском побережье, где Ольга познакомилась с Гиппократом, а их величества смущали общественное спокойствие публичным исполнением супружеского долга. На этот раз король был один. Он тихо сидел на берегу с трубкой в зубах, бессмысленно таращился куда-то вдаль, где море сходилось с небом, и его нескладная долговязая фигура, традиционно сложенная втрое, маячила на фоне заходящего солнца, словно вырезанная из бумаги.

Сердце несчастного кабальеро подпрыгнуло чуть ли не до самого

горла, и он ринулся напрямик через пляж, увязая в песке, чтобы удостовериться, что это не картинка, не чучело, не декорация, а действительно живой, настоящий Шеллар, который может точно сказать, где сейчас Ольга, что с ней и почему ее сон невозможно найти. Примерно на полдороге он не выдержал и заорал на весь пляж, так что гуляющие по песку чайки вспорхнули и заметались, переполошено галдя.

Король чуть повернул голову и вскинул руку в безмолвном приветствии. Больше он не сказал ни слова и не пошевелился, пока между

ними не осталось всего несколько локтей. Только тогда он обернулся и укоризненно произнес:

— Кантор, неужели это действительно необходимо — так орать?

— Где Ольга? — выдохнул Кантор, обессиленно падая рядом.

— С ней все в порядке. Успокойся, умоляю. Кстати, поздравляю. У тебя прелестная, очаровательная дочь.

— Так вот почему... — только и смог простонать Кантор, получив наконец ответ на мучивший его вопрос — где они были всю ночь.

— Почему ты не нашел нас

прошлой ночью? — безошибочно догадался король. — Да, именно поэтому. Мы не спали. Извини, конечно, что тебе пришлось понервничать, но дети не спрашивают нашего мнения, когда им появляться на свет.

— Но я и сейчас не нашел Ольгу!

Шеллар устало сгорбился и опять уставился на море.

— Попробуй чуть позже. Наверное, малышка проснулась и Ольга ее кормит. А пока у нас есть немного времени, расскажи, что там у вас случилось, чем все кончилось и что с Кирой.

Кантор только сейчас сообразил,

что бедный король точно так же, как и он, мучается неизвестностью, и почувствовал себя эгоистом и свиньей.

— У нас тоже все в порядке... ну, почти. Мы отбились, Кира цела и невредима, у нее все под контролем, Флавиус нашелся... Вот только Элмар ранен, но не смертельно, он выживет, все будет хорошо, доктора сказали, от пары переломов не умирают...

— Я так и знал! — безнадежно вздохнул король. — Он все же не усидел, когда все началось, и ринулся на подвиги.

— Все могло быть намного хуже. — Попытка утешить получилась

слишком откровенной и довольно глупой, но промолчать Кантор не смог — слишком уж убитым выглядел король. Причем еще до того, как узнал. Уж не умалчивает ли он случайно о чем-нибудь... что могло бы слишком расстроить собеседника?

— Да я понимаю, но все равно...

А, не обращай внимания, я просто устал, перенервничал и немного пьян. Ты виделся с отцом, с дядюшкой или еще с кем-нибудь? У них там что? Я имею в виду, есть ли новости от наших мэтров?

— Сегодня они должны были провести какой-то эксперимент, обещали, что если все получится, то в

течение дня-двух они вернутся, но точно я выяснить не успел. Мы с папой разругались вдребезги, и я от него удрал. А Дэна искать побоялся, потому что от него удрать у меня бы не получилось, если что. Сегодня обязательно найду и расспрошу. Папа не велел искать его самого, пока его родственники не подтвердят, что он остался жив после того эксперимента, знать бы, что же они там наколбасили...

— Узнай у Дэна. Он должен быть в курсе. Что с Виктором? Он вернулся?

— Вернуться-то вернулся, — вздохнул Кантор. — Но в каком

состоянии... У него там такая история вышла...

— Все же подстава... — догадался Шеллар. — Что с ним сделали? Он хотя бы смог сохранить рассудок? И что они успели от него узнать?

— Да ничего не успели. Только притащить его на одну из своих подпольных точек, себе же на беду. Он сказал, что связался со своей начальницей и передал все их коды и схему сети. Если на других точках не успели что-то заподозрить и перекрыть доступ, то Темная Канцелярия уже всех повязала. А даже если успели, кабины в Аррехо и Даэн-

Риссе они по-любому потеряли вместе с людьми, которые там были.

— Молодец какой, — с искренним восхищением произнес король. — На такой успех я даже не рассчитывал. Значит, помимо того что им не удалось захватить дворец, они еще и кабины потеряли? Вот что, Кантор, ты обязательно наведи своего дядюшку и выясни, не передавал ли Раэл каких-нибудь новостей. Точнее, меня интересует один конкретный расклад: удалось ли ему полностью устранить угрозу или же у противника остались возможности для маневра. Если верно первое, спроси об инструкциях для

нас. Если же второе, передай, что я сливаю молоко, ибо далее ждать нет времени — новый удар постараются нанести в течение ближайших дней.

— Какое молоко? — не понял Кантор.

— Он знает. Это кодовая фраза. Если на этот случай Раэл предусмотрел другие варианты, выслушай и вернись ко мне. Если же других инструкций не поступит, ты должен будешь сделать следующее. Сразу после беседы с Дэном наведишь Элвиса, Пафнутия, Александра, Амарго, Агнессу и Лао и от моего имени передашь им все ту же кодовую фразу — время сливать

молоко. Александру помимо этого передай, чтобы отослал Хрисса к вам. Когда проснешься, предупредишь Киру и Флавиуса, что я запускаю последний вариант. Они тоже в курсе.

— Прежде всего, — упрямо скрипнул зубами Кантор, — я собираюсь повидаться с Ольгой. А потом уж бегать по снам и разливать всем молоко. Вы где сейчас? Вас можно забрать домой или без телепорта это будет слишком далеко?

Король в очередной раз вздохнул.

— Без телепорта это будет вообще никак, да и с ним не очень... Мы в лесу, у Семерки. Именно поэтому я и прошу срочно вернуть

домой Хрисса. Он будет нужен, чтобы как можно скорее забрать нас с Ольгой. Даже если маги все-таки вернутся, вряд ли кто-то, кроме Пьера, знает ориентиры этого забытого всеми богами места. И напоследок, если получится, забеги еще раз ко мне и расскажи, что в итоге получилось.

— Постараюсь, — пообещал Кантор. — Если только вы не вскочите ни свет ни заря, как обычно.

— Попробуй. Может быть, и не вскочу. Прошедшей ночью я не спал, поэтому вполне вероятно, что этой просплю дольше. Но на всякий случай долго не задерживайся, а то знаю я тебя — как увидишь Ольгу, так и

засядешь с ней до утра любезничать...
А время не ждет. И на еще один
всякий случай, если мы все же не
увидимся до завтра: разговоры о
вмешательстве высших сил и
вострубившем из могилы
родоначальнике уже пошли?

— Не знаю, — признался
Кантор, — но Кира уверена, что
пойдут обязательно.

— Передай ей, что, если она
хочет поддержать эту легенду, пусть
позаботится о том, чтобы не всплыла
правдивая история происхождения
этого мистического звука.

— Шибануться об сарай! — не
удержался Кантор. — Мы там все

головы себе изломали, а вы, сидя здесь, уже все знаете?

— Знал бы и ты, если бы был чуточку наблюдательней. В усыпальнице прячутся трое бывших солдат Повелителя, которые вовремя догадались дезертировать. По ночам они выбираютя наружу подышать воздухом и, по всей видимости, заметили угрозу раньше всех. Аман всегда отличался сообразительностью, и идея запереться в своем убежище и поднять переполох оттуда наверняка принадлежала ему. Поэтому пусть Кира позаботится, чтобы их не обнаружили раньше времени и при

первой же возможности тайком отправили домой. Желательно не обижая при этом. Все-таки они спасли нас всех и заслуживают снисхождения.

— Я передам, — кивнул Кантор. — Если это все, то побегу дальше — чем раньше я всех обойду, тем больше вероятность успеть вернуться к вам еще этой ночью.

— Беги, конечно. — Шеллар опять отвернулся и уставился вдаль, словно избегал смотреть в глаза. — Я буду ждать здесь.

На этот раз отыскать Ольгу удалось быстро, хотя ее сон не показался Кантору подходящей

обстановкой для радостной встречи и поздравлений. Бедняжка валялась под каким-то облезлым кустом в грязной луже и жалобно причитала о своем извечном невезении, одновременно пытаясь натянуть пониже подол. Рядом стоял на коленях лично его величество, норовя этот самый подол задрать, вокруг беспомощно топтались все мужчины Семерки, а чуть поодаль валялся в обмороке безмозглый претендент на престол. Вдали зловеще и плотоядно выли волки.

— А ну идите все домой, — решительно расталкивая зрителей, приказал Кантор. — И вы, ваше

величество, тоже. И этого недоумка заберите. Дальше я сам.

Ольга прервала причитания, натянула все-таки юбку на колени и уставилась на него с опасливым удивлением.

— Это сон, — поспешил объяснить Кантор, присаживаясь рядом. — Тебе все это снится. На самом деле ты уже родила и все не так ужасно, как тебе кажется.

Ольга простонала что-то невнятное и бросилась ему на шею.

— Господи, это ты! Живой...

— Конечно, живой, что мне сделается? Только не плачь, ну не сейчас, я тебя прошу... Неужели все

было так страшно, что тебе теперь подобное снится?

— Диего, ты не представляешь... — всхлипнула Ольга, привычно уткнувшись носом в его плечо и не ослабляя объятий. — Ты вообразить себе не можешь, какое это было чудовищное позорище...

— Ну все, все, ну не плачь, оно ведь уже закончилось, уже все в порядке... Если, конечно, король мне не соврал.

— Оно-то закончилось, но я этого, наверное, до самой смерти не забуду...

— Глупости, если надо будет — попрошу папу заблокировать тебе

память, и всего-то. С тобой правда все в порядке? И с малышкой?

— Не знаю... наверное... Я же не разбираюсь...

— А что говорит Жюстин?

— Да ее там нет...

Вот тут уж испугался и Кантор.

— Как — нет? А кто же роды принимал?

— Лично его королевское величество собственной персоной... — прорыдала Ольга, бессовестно утирая нос о его камзол. — Я же говорю — позорище... Не представляю, как он сам это пережил...

Кантор понял наконец, почему

Шеллар так странно вел себя и почему он «устал, перенервничал и немного пьян», но все же попытался хоть немного утешить рыдающую жену.

— Ой, да брось ты, его величество — человек без предрассудков, вряд ли его сильно потрясло то, что ему довелось увидеть. И тебе нечего стесняться, все происходившее — совершенно естественно и нормально.

— Может быть, но мне все равно было ужасно неловко. А уж видел бы ты короля... Каменную физиономию он делать умеет в любых обстоятельствах, но какого она была

цвета...

— Да это все мелочи, это пройдет и забудется, лишь бы с тобой и с ребенком все было в порядке. Это главное. У тебя молоко хоть есть или как у Киры?

— Еще не знаю. Я вообще до сих пор будто в полубреду после всего этого. Диего, вы же нас как-то заберете, а? Я боюсь, вдруг там что-то не так, вдруг у меня и в самом деле молока не окажется, а тут глухой лес, ни врача, ни кормилиц, ни даже козы завалящей.

— Обязательно заберем, — заверил ее Кантор. — Если не получится с телепортом, я сам сяду на

дракона и прилечу за тобой. Все будет хорошо, обещаю.

В ответ на это запросто можно было услышать весьма неприятное напоминание о том, что «самого лучшего доктора и мага, чтобы обезболит» он ей тоже как-то обещал, но Ольга то ли забыла, то ли проявила такт и великодушие.

— Вот, значит, как... — задумчиво покачала головой Морриган, изучая покрытый рунами лист бумаги.

— Да, представь себе, — развел руками мэр Вельмир. — А что еще мог придумать некромант?

— Так вы разобрались? — влез в разговор изнывающий от любопытства Ален. — Ну расскажите же далекому от некромантии законопослушному магистру, в чем состояла суть этой великой тайны, над которой мы бились целых полгода? И Силантию, наверное, тоже будет интересно, правда?

— Тебе известна разница между нежитью стабильной и призванной? — устало переступил копытами мэтр Хирон. — Ну хотя бы теоретически?

— Разумеется. Стабильная нежить автономна; будучи однажды создана, она не нуждается далее в

магической подпитке и может существовать отдельно от мага. Призванная поднимается временно и держится на Силе заклинателя, а лишившись поддержки, немедленно самоуспокаивается. Знаю, конечно, это основы теории магии. Этот принцип, кстати, не только в некромантии применяется.

— Вот принцип стабилизации нежити и был использован как основа для ритуала, — объяснил Вельмир. — Только вместо опорных связок стабилизируется сам канал Силы.

— Значит, вы сможете повторить ритуал и сделать нас всех такими же невосприимчивыми к излучению, как

и маги Повелителя? — робко подал голос Мафей, которому не терпелось скорее приступить к практике, а теорию оставить до лучших времен.

— Именно этим мы сейчас и займемся, — пообещал наставник. — С вашего позволения, начать я хотел бы с себя...

— Нет, давайте начнем с меня, — заволновалась Морриган.

— Да бросьте монетку, что ли, а то вы до завтра будете взвешивать меру ответственности и выяснять, кто должен рискнуть первым! — сердито бросил мэтр Максимильяно. — По мне, так начать следовало с Мафея, чтобы, пока вы разберетесь с

остальными, он слетал домой и привел Орландо.

— Ни за что! — хором отчеканили Вельмир и Морриган.

— Довольно этих глупых пререканий, — вмешался Хирон. — У кого есть монетка?

— А смысл подбрасывать монету, если любой из нас может ее пролевитировать, как ему угодно? — засмеялся Ален.

— А смысл в том, — сурово нахмурился кентавр, — что все остальные будут следить за чистотой эксперимента. Пойманный на жульничестве автоматически считается проигравшим.

С «чистотой эксперимента» все же возникли сложности. Монетка то повисала в воздухе, то вставала на ребро, то вовсе улетала под потолок, а определить проигравшего было невозможно, потому что жульничать пытались оба участника, и видно было, что отступать не намерен ни один.

Ален посмеялся и предложил тянуть спички, и тут же возник новый спор — кому тянуть первым, потому что и Вельмир, и Морриган прекрасно прозревали длину спички сквозь ладонь.

Попробовали писать номера на бумажках — почтенные магистры

дружно вцепились в одну и ту же и едва не подрались. Кончилось все тем, что утратил терпение даже святой. Вырвав из рук мэтра Алехандро кастрюльку с бумажками, он сунул ее мэтру Максимильяно и велел тянуть. По одной, не глядя.

Тот поспешно запустил руку внутрь и вытащил сжатый кулак.

— Кому? — сурово спросил эльф.

— Мафею, — упрямо заявил мэтр.

— Показывайте.

На бумажке оказался номер третий.

— Следующую!

— Вам.

— Открывайте.

— Девятый.

— Далее.

— Морриган. Пятый.

— Так не пойдет! — возмутилась мэтресса. — Должен быть первый или второй!

— Потом пересчитаем. У кого из вас двоих номер окажется меньше, тот будет первым, другой будет вторым, а остальная очередь сдвинется. Продолжайте.

— Мэтр Алехандро. Седьмой.

— Ну вот... — огорчился мистралиец. — Этак пока до меня очередь дойдет, давно за полночь

перевалит!

— Ничего страшного, — уверенно успокоил его Вельмир. — Даже если придется работать всю ночь, обработаем всех.

Спрыгнув на балкон второго этажа, Астуриас остановился перевести дыхание и начал изучать стену, по которой ему предстояло взобраться. Задача не выглядела особо трудной, и он мимоходом подумал, что все эти дворцы и особняки словно нарочно приспособлены для того, чтобы хороший вор мог в них забраться и беспрепятственно перемещаться, — всевозможные

карнизы, украшения, балкончики и прочие архитектурные излишества сводят на нет любое количество охраны в коридорах. К тому же наивная королева так мудро сосредоточила все охраняемые объекты в одном месте, что просто смех разбирает. Несколько минут несложной акробатики, аккуратная дыра в стекле, легкий поворот — и вот мы без проблем попадаем в особо охраняемый лазарет, где лежат в одной комнате сразу три главных свидетеля. Гениально до умиления. Надо только проверить, нет ли в комнате охраны...

Несмотря на то что все пока шло

гладко, Астуриаса все больше одолевало смутное беспокойство, однако он не мог пока точно определить, нюх ли сигналил о конкретной опасности или всего лишь привычная постоянная готовность к неприятным сюрпризам судьбы играет с ним злую шутку. Вероятность наткнуться на засаду существовала, и отбросить ее было никак нельзя — когда имеешь дело с Флавиусом, надо всегда учитывать вариант с ловушкой. Из-за этого и не мог определить мастер-вор, чего больше в его ощущениях — сознательного расчета или мистического нюха. В любом случае, позаботиться о запасном

варианте стоило, поэтому он привязал к перилам веревку, старательно отмерил такую длину, чтобы при необходимости можно было спрыгнуть и не долететь до земли каких-то несколько локтей, и обвязал второй конец вокруг пояса. Если даже его действительно ждут, эта нехитрая страховка поможет быстро ускользнуть. Но задача тогда останется невыполненной и жизнь сильно усложнится...

Добравшись до нужного этажа, он некоторое время постоял на карнизе под окном, прислушиваясь к происходящему внутри и пытаясь уловить возможные признаки засады.

Группа захвата обязательно выдаст себя каким-нибудь движением, если прислушиваться и присматриваться достаточно долго, — люди дышат, двигаются, иногда даже переговариваются и курят...

Внутри было тихо, и тени от горящей внутри свечи не шевельнулись на занавеске.

Выждав еще немного, Астуриас взялся за стекло.

Он пришел. Расчет был верен. Каким бы подозрительным ни выглядел слишком удачный слив информации, как бы рискованно ни было в такую минуту лезть в самое

логово врага, он все же пришел, потому что не мог не прийти. Едва слышный скрип стекла свидетельство тому.

Конечно же он пришел лично, потому что действовать надо срочно, а другого вора, равного мастеру по квалификации, под рукой не оказалось.

Сейчас он вынет вырезанный кусок стекла, бесшумно отодвинет щеколду и откроет окно. Осторожно заглянет между опущенными шторами и увидит, что в комнате чисто — никакой засады, никого постороннего, только три пациента смирно лежат в своих кроватях — кто

спит, а кто и без сознания... Тогда он просунет голову дальше и осмотрит ближние углы, потолок над окном и пространство между шторами и стеной. И окончательно удостоверится, что посторонних в комнате нет.

Их ведь и в самом деле нет. Мастер Астуриас не единственный, кто предпочитает особо важные дела выполнять лично.

Коротенькая стрела карманного самострела чуть дрогнула, поднимаясь, и замерла, нацелившись на то место, где должны были появиться ноги незваного, но весьма ожидаемого гостя. Смазанный

парализующим зельем наконецник застыл в ожидании цели. Конечно, яд был бы надежнее, но убить, не допросив, такой ценный источник информации — непозволительное расточительство...

Створки все-таки скрипнули — едва слышно, но прокол налицо. Нервничаете, мастер?.. Теперь дожидаться, когда он опустит вторую ногу и сделает шаг, — а то еще выбросится в окно, и лови его потом... Но не затягивать, иначе успеет заметить, что дыхание доносится не с того места, где лежит предполагаемая жертва...

Вот он остановился... Наверное,

что-то насторожило. Все. Ждать больше нельзя...

Стрела вошла четко в колено, чуть выше сапога. Астуриас, наверное, успел понять, что влип, рвануться в сторону окна, но даже если бы он и успел спрыгнуть, теперь это его не спасло бы.

В следующий миг он грохнулся об пол всем телом, выронил нож и внезапно исчез прямо на глазах.

Прежде чем охотник успел осознать масштаб и последствия своего поражения и найти ему объяснение, на соседней кровати приподнялась над подушкой растрепанная рыжая башка и слабый,

НО ВЕСЬМА НЕДОВОЛЬНЫЙ ГОЛОС
ПОИНТЕРЕСОВАЛСЯ:

— Что за фигня?

«А если он не ушел? —
мелькнула паническая мысль. — Если
только спрятался и продолжит свое
дело, как только все утихнет? Надо
срочно обыскать все с учетом
возможной невидимости...»

Как бы нарочно, чтобы еще
больше усложнить ситуацию, дверь
открылась, и на пороге появилась
мэтресса Тереза с лампой в руках.
Совершенно не учтенная в
планировании посторонняя величина,
которая вообще должна сейчас спать!

— Что здесь за грохот? — строго

спросила она, проходя внутрь. — Что упало? У вас все в порядке? А почему окно открыто?

Под туфелькой что-то звучно хрустнуло.

— Это еще что? — В следующий миг недоумение в голосе юной мэтрессы сменилось искренним негодованием. — Господи, да что за свинарник здесь развели! В палате интенсивной терапии ползают какие-то гигантские насекомые!

Неужели?

Не веря в такую удачу, он все же осторожно выглянул из-под кровати.

Да. Сегодня бог-покровитель оказался на правильной стороне. В

задницу демона У всю потерянную информацию, чего она стоит в сравнении с тем, что свершилось несколько мгновений назад...

— Это не я, стопудово! — отозвался так не вовремя очнувшийся Виктор. — Я же полную дезинфекцию проходил, ну никак не мог я таракана с собой завезти!

— А это еще что за жмурки-пряталки? — еще пуще вознегодовала Тереза. — Господин Флавиус, вы должны лежать в постели, почему вы залезли под кровать? И кто лежит на ней?

— Прошу меня извинить, того требовала государственная

необходимость, — пояснил Флавиус, разгибая спину и удовлетворенно разглядывая раздавленного скорпиона.

— А вот это откуда здесь взялось, вы можете объяснить? — не унималась госпожа доктор, обличающе указывая носком туфельки на свидетельство вопиющей антисанитарии.

Флавиус поразмыслил и решил, что истина в данной ситуации не принесет ничего, кроме огорчения и расстройства.

— Вероятно, влетело в окно, — с обычным непроницаемым видом предположил он и, хотя скорпион

выглядел безнадежно расплюснутым, все же для гарантии старательно додавил его каблуком. — Просто выбросьте его в мусор и не беспокойтесь. Я сию минуту вернусь в постель.

И направился к своей кровати, где трофейный зомби честно шевелил грудной клеткой, имитируя дыхание, как ему было велено. Через полтора шага глава департамента все же не выдержал — остановился и, тщательно подбирая слова, добавил:

— Кстати, мой нюх мне подсказывает, что очень скоро к нам вернется наш придворный маг, так что за жизнь кавалера Лавриса можно не

опасаться.

ГЛАВА 11

Кроме того, были серьезные основания бояться, что клиндассы погубят государство и объедят все деревья в парке Сюрпризов.

Т. Янссон

Доктор Рельмо озадаченно оглядел гостя и после продолжительной паузы произнес:

— Э-э-э... Наверное, не стоило понимать срочность настолько буквально...

Глава Темной Канцелярии небрежно поправил обернутую вокруг бедер простыню и пожал плечами.

— Тебе важна была срочность или мой внешний вид? Я решил, что, раз ты звонишь среди ночи, тебе будет неважно, покрашен я или нет.

— Раэл, на твою раскраску мне наплевать в любых обстоятельствах, но штаны надеть можно было? У меня в доме три женщины, причем одна из них несовершеннолетняя, а другая — моя жена. А ты явился голым.

Эльф повторно пожал плечами.

— Что за человеческие предрассудки? К тому же твои домашние все равно спят.

— Тогда давай уберемся куда-нибудь, пока не проснулись.

— Как хочешь, — снисходительно усмехнулся эльф, и спустя мгновение они оказались в изысканно обставленной спальне. Эстетику помещения несколько портила развороченная постель, но обеспокоенному доктору было не до того.

— А Толик не здесь? — уточнил он на всякий случай.

— Он тебе тоже нужен? — уточнил в свою очередь Раэл. — Я к тому, что Толик и срочность существуют в разных параллельных реальностях...

— Нет, искать его не надо, просто я подумал, что если он здесь, то проще его позвать, чем потом пересказывать...

— Его здесь нет, — коротко ответил эльф. И после паузы добавил: — Мы расстались. В этом смысле. Чтобы ты не ломал себе голову над тем почему — я ведь знаю, что ты не спросишь из вежливости, но из головы эти навязчивые мысли не выкинешь, — поясню. Мы сошлись во мнении, что наши отношения начинают мешать работе и что-то одно придется прекратить. Так что ты хотел сказать? Наверняка что-то важное, раз позвонил в такое время.

— Только что ко мне заходил Диего.

— В сон, я надеюсь? — слегка обеспокоился Раэл, вспомнив, наверное, рассказ о трупах за гаражами.

— Да. Он виделся с Шелларом. Тот очень интересовался, всю ли сеть вы накрыли.

— Нет, — недовольно поджал губы глава Темной Канцелярии. — Только Ортан, Мистралию и Галлант.

— Я знаю. Я ему так и сказал. В ответ он попросил тебе передать, что тогда Шеллар дает отмашку всем прочим королям «сливать молоко». Я не знаю, что это значит, но, по его

мнению, ты должен понять.

— Разумеется. — Раэл помрачнел. — Я другого не понимаю — почему нельзя было подождать день-другой и хотя бы со мной посоветоваться.

Дэн развел руками.

— Извини. Я вообще не в теме и помочь не могу. Он что-то сделал не так?

— Этот вариант мы обсуждали и разрабатывали вместе. Он мог хотя бы из вежливости посоветоваться, а не ставить меня перед фактом.

— У него есть на это лишний день?

Глава Темной Канцелярии

задумался.

— Может быть, и нет, — сказал он наконец. — Все зависит от того, насколько сильно лобби «отпетых» в мировом правительстве и как быстро сможет протолкнуть контакт.

— Но он же запрещен!

— В том-то и дело, что после скандала с «Севером» и зафиксированного вооруженного вмешательства можно при желании объявить контакт уже состоявшимся. Сама корпорация из игры вышла — им сейчас не до богатств иных миров, все силы брошены на то, чтобы обрубить возможные связи с исполнителями и убедительно

изобразить полную непричастность, даже неведение. Зато их конкуренты, только и ждавшие возможности потеснить их у кормушки, выдвинули и активно эксплуатируют новую концепцию контакта. Вкратце это можно изложить так: «малочисленная секретная служба не справляется со своей задачей, эльфы реальной помощи не оказывают, преступники Альфы беспрепятственно вмешиваются в дела Дельты, и только государственные структуры Альфы могут защитить несчастных аборигенов». То есть «пустите нас туда, и мы там наведем порядок». Сам представляешь, что начнется, когда

они получают открытый доступ.

— Даже не «если», — печально отметил Дэн. — «Когда».

— К тому идет. Сейчас я еще могу как-то сопротивляться и тыкать им под нос договор. Но середина осени все ближе, и разговоры о его пересмотре уже начинаются. На это и был рассчитан наш последний вариант — спровоцировать контакт до того, как положение станет безвыходным, и пересмотреть договор по выгодному для Дельты сценарию. Сейчас относительно удачный момент — Шеллар считается пропавшим без вести, маги заперты на Каппе, «отпетые» постараются

воспользоваться ситуацией, пока она не изменилась.

— А есть вероятность, что она вообще изменится? — еще сильнее помрачнел доктор Рельмо. — Мы ведь даже не знаем, что произошло у Макса. Он не велел его искать, пока не убедимся, что он пережил свой опасный эксперимент, и я до сих пор ничего не знаю.

— Вчера я там был, — спокойно сообщил Раэл. — Ситуация уже изменилась. Макс нашел способ игнорировать излучение. Вот поэтому я и сомневаюсь — стоило ли сливать молоко... Хотя, может быть, это и к лучшему. Кое-какие дыры в договоре

давно пора заткнуть.

Он бросил взгляд на часы и поднялся, уронив простыню.

— Раз уж ты меня разбудил, наведуясь-ка я к ним на Каппу. Тебя домой отправить или хочешь со мной?

— Домой, — качнул головой доктор. — Я никого не предупредил, беспокоиться будут. Да и к Витьке хотел зайти.

— Тогда передай ему кое-что на случай, если он все же выберется обратно в реальность.

— От тебя? — с насмешливым притворным изумлением распахнул глаза Дэн.

Раэл недовольно нахмурил

тонкие брови и сурово изрек:

— Это инструкции по работе.

За один только вид сияющей физиономии Кантора Кира готова была простить ему все — и наглое нарушение субординации, и оставленный пост, и даже то вопиющее обстоятельство, что он вломился к ее величеству в неурочное время, обхамив и распахав охранников, и застал ее полуодетой. Но признавать это вслух сочла неразумным.

— Если сейчас ты не скажешь мне чего-нибудь прекрасного, — посулила она, набрасывая рубашку, —

я тебя чем-нибудьогрею.

— Они живы! — счастливо выдохнул бесстыжий мистралиец, прикрыв за собой дверь. — Разве это не прекрасно?

— Это замечательно, — искренне согласилась королева, продолжая одеваться. — Но ты хотя бы мог не демонстрировать это всему дворцу? Ведь может просочиться...

— Что за дурацкие подозрения! — рассердился Диего. — Я несколько лет катался по всему миру по фальшивым документам и выдавал себя за кого угодно. Мой опыт подпольной работы в десять раз больше твоего. Неужели я бы

позволил себе радоваться напоказ! Я пришел сюда с обычной мрачной рожей и поругался с охраной, как делал всегда.

Королева поспешила уйти от неприятной темы:

— А они сказали, где находятся?

— Да. Далековато, к сожалению, без телепорта не достать. Правда, Шеллар разрешил мне вызвать сюда Хрисса, и, как только он доберется, я за ними слетаю. Спасибо его величеству за нечеловеческую доброту, не мог Аррау предложить. Сам теперь и узнаёт, каково летать на этом кривокрылом паразите.

— А ты не пробовал с ним по-

человечески обращаться? — Можно было и не заострять проблему, но чувство справедливости все же победило. — Я летала на Хриссе и ничего плохого о нем сказать не могу. Во всяком случае, когда он трезвый.

— Хрисс летает, словно под ним не воздух, а разбитая дорога в ямах и колдобинах, — мигом оцетинился Кантор. — Даже когда трезвый. А нам младенца везти.

— О, значит, тебя можно поздравить? Девочка, как и предсказывали?

— Да. — Рассерженное лицо мистралийца мгновенно просветлело.

— Как Ольга?

— Цела и здорова, только совершенно без сил. Она почти сутки рожала. Кстати, тебя вспоминала.

— Ну вот! — огорчилась Кира. — Теперь она будет думать, будто я ее обманула из желания утешить! А я, между прочим, чистую правду сказала!

— Насчет того, что всех дел-то часа на четыре и ощущения — словно сходить по большой нужде во время запора? Вот именно это она и вспоминала. Но ты не переживай, она тебе с самого начала не поверила.

— Ты так и не сказал, где они.

— В лесу, у Семерки. Представляешь, они все полгода

просидели там и знать не знали, что тут творится! И выбраться не могли — Савелий ведь исправно оборачивался, а колдовать над ним было некому. А что стало с Пьером и Жюстин, вообще неизвестно.

— Почему неизвестно? — удивилась Кира. — Я их как-то видела, они добрались до Лондры, просто не ко двору явились, а скромно жили в небольшом приморском городке. И тоже, кстати, очень переживали за оставшихся. А что говорил Шеллар? Он что-нибудь передавал?

— Он велел передать, что время сливать молоко. Буду очень

благодарен, если господину Флавиусу ты сообщишь об этом сама. И еще передал, что, если не успеет вернуться вовремя, вам с Тиной придется справляться самим. Он очень на вас надеется.

— А Тина-то хоть в курсе?

— Вот сама у нее и спросишь, и заодно все объяснишь, если окажется не в курсе. Меня его величество в суть дела посвящать не стал.

— А где там Флавиус?

— Потащил Виктора кого-то опознавать.

— Ты не спрашивал, у него получилось то, что он затевал?

— Нет, я их видел только издали.

В лазарете все тихо, если не считать гневной речи Терезы перед санитарями, по вине которых в какой-то из палат оказался мусор и насекомые. Но Флавиус выглядит довольным, как Орландо после косяка.

— Значит, получилось. Если уж Флавиус позволил себе выглядеть довольным, это он точно провернул что-то запредельно успешное. Ты остальным королям рассказал про молоко?

— Да.

— Что они сказали?

— Да по-разному... Агнесса потребовала немедленно ее разбудить,

Элвис предупредил, что, если я где-то сболтну, что ему снилось, мне не жить, Пафнутий и во сне разговаривает так же, как и в реальности... Никто не возражал, если ты об этом.

— А что снилось Элвису? — заинтересовалась Кира.

— Вот тут мы и узнали, как дешево ты ценишь мою жизнь, — фыркнул Кантор. — Нет уж, я дал слово кабальеро, и к тому же в этом вопросе я Элвиса понимаю и полностью с ним согласен. Я бы тоже убил на его месте.

— Ваше величество... — тихо раздалось из-под потолка.

Реакция была одинаково стремительной и одинаково здоровой — Кира схватилась за меч, а Диего рванул из-за спины пистолет.

— Кто здесь? — так же тихо спросила королева, быстро оглядываясь в поисках спрятавшегося невидимки.

— Это я. Ваш придворный маг, если не узнали. Вы одна?

— Здесь Диего. Он докладывает мне новости. Вы здесь? Вы вернулись? Значит, этот эксперимент...

— Я в бывшем кабинете его величества. Подойдите туда. Дон Диего, прошу вас найти ее высочество

принцессу Тину и господина Флавиуса и тоже привести в кабинет. Очень попрошу вас воздержаться от излишних проявлений радости, никто пока не должен знать, что я здесь.

Последнее наставление показалось Кире лишним, во всяком случае применительно к Кантору. Бедняга так надеялся отвертеться от встречи с Флавиусом, и на тебе!

Она сочувственно взглянула на его вытянувшуюся физиономию и развела руками.

— Иди зови. Да не расстраивайся, подумаешь, пару слов сообщить. Зато теперь тебе не придется летать на Хриссе, чтобы

забрать Ольгу.

Флавиуса Кантор нашел в одном из дворцовых подвалов, у двери бывшего овощехранилища, наспех переоборудованного в тюремную камеру. Изнутри кто-то отчаянно бился в дверь и истошно вопил:

— Витька, скажи им! Скажи, что меня можно обменять! Что им за меня заплатят! Что я не просто так, я из другого мира! Я им столько могу рассказать! Меня нельзя вешать! Ты же меня узнал! Мы же работали вместе, мать твою, мы же товарищи! Скажи им!

Висящий на плече охранника

Виктор только болезненно морщился при каждом новом крике. Флавиус с отрешен-но-задумчивым видом внимал, медленно переводя взгляд с него на дверь и обратно.

— Что он имеет в виду? — поинтересовался наконец он. — Вы действительно друзья?

— Просит, чтобы я за него вступился, — хмуро пояснил рыжий. — Это было всего лишь деловое знакомство, для дружбы наши Оазисы слишком далеко, просто в такой ситуации за соломинку хватаешься... А вы что, в самом деле их казните?

Флавиус столь же задумчиво

заглянул в папку.

— Я еще не решил. Остальных — непременно, причем показательно и публично, а насчет него надо посоветоваться с его величеством.

Он заметил Кантора и уделил ему выразительный взгляд, вопрошавший: «Тебе что здесь надо?»

— Вас ждут в кабинете его величества, — коротко и четко изложил Кантор.

На лицо главы департамента снизошло такое нечеловеческое удовлетворение, словно он получил долгожданный и желанный подарок.

— Сию минуту. Госпожа регент и ее величество уже уведомлены?

— Да.

— У вас есть другие поручения в данный момент?

— Пока нет, а что?

— Проводите господина Виктора обратно в лазарет. Он еще не вполне оправился и не может ходить самостоятельно.

Кантор послушно подставил плечо, радуясь, что не пришлось сопровождать самого Флавиуса.

— Вы и правда знакомы? — тихо спросил он, когда они общими усилиями доковыляли до лестницы.

— Правда, конечно, — уныло признался Виктор. — Приятелями не были, но по региону все агенты друг

друга знали. Я даже подумать не мог, что кто-то из наших на подобное подпишется... А уж чтобы аж трое...

— Он здесь еще и не один?

— Здесь — один. Еще два в леднике. Они всей операцией командовали. Черт, ну неужели, потеряв работу, можно вот так сразу же потерять и совесть? Знали же, во что лезли...

— Ты лучше вот над чем подумай. Твой этот знакомый — он идиот или сволочь? Он так одурел со страху, что не подумал, как тебя подставляет своими воплями, или нарочно хотел сдать?

— Не знаю. Еще может быть —

рассчитывал, что никто, кроме меня, его не поймет. А может, им и в самом деле дали инструкции в случае чего сливать правду и провоцировать контакт. Не знаю, ей-богу. Но в любом случае тошно от всего этого.

Выбравшись на первый этаж, они остановились передохнуть.

— И как тебя Флавиус сюда дотащил? — подивился Кантор, пользуясь случаем, чтобы сменить плечо. — Он же сам на одном упрямстве держится.

— Сюда я сам дошел, — печально поведал Виктор. — А потом у меня опять нога отказала. И зря ты с другой стороны забегаешь, не

получится. Эта рука у меня с самого утра висит.

— И долго это у тебя будет?

— Понятия не имею. Будешь смеяться, даже производители стимулятора не знают. Дэн вчера туда дозвонился, хотел что-нибудь полезное выяснить... А откуда им знать, если они никогда не тестировали препарат на совместимость с правдоделами и гномьими грибами, причем одновременно и с передозом... Страшно хотели посмотреть своими глазами, изучить и накропать пару статей в научные журналы. Могу поспорить, еще и дружно удивились,

что жив остался, только Дэн об этом тактично умолчал. Ну, пойдём дальше, что ли. На меня и без того все как-то странно смотрят...

— Ещё бы, — фыркнул Кантор. — После того как ты спас Элмара и торжественно въехал сюда на его Орке, которого, кстати, потом едва поймали четыре паладина, ты здесь теперь герой. Не как с тем дурацким пророчеством вышло, а настоящий.

— Хорошо хоть поймали, — вздохнул Виктор, аккуратно обходя вопрос о своем героизме. — Я больше всего боялся, что, если свалюсь, он вразнос пойдет.

— И тебя сожрет первым? —
поддел его Кантор.

— Ломать зубы о паладинский
доспех, когда вокруг полно добычи
помягче? — в тон ему отозвался
герой.

— А, тебе уже рассказали?

— О чем?

— Как он при поимке сломал
четыре зуба, пытаясь выгрызть из
панциря одного из ловцов?

— Нет. Но ничего удивительного.
В его жизненном опыте паладинские
доспехи не присутствовали. По
крайней мере, на зуб их пробовать не
доводилось. Элмар как-то ни разу ему
такой возможности не предоставил.

Кстати, ты с ним виделся ночью? Ну, там, во снах?

— Сегодня я слишком много ходил по верхнему Лабиринту и в нижний не спускался. А что?

— Да мне показалось, к нему уже не надо спускаться так далеко.

— Сегодня проверю, — пообещал Кантор и немного замедлил шаг, чтобы пропустить санитара с двумя ведрами. — А что у вас тут сегодня случилось, если Тереза с утра полировала мозги санитарам, а они теперь все скребут и надраивают?

Виктор со скорбным сочувствием оглянулся на пробежавшего труженика и вполголоса пояснил:

— Да вроде как в нашей палате таракана нашли. Поскольку я его с Каппы завезти не мог никак, мне начинает казаться, что эти твари разумны и нарочно меня преследуют.

— Да ну, чушь... — Кантор остановился в дверях, так как дорогу им загородил еще один санитар, отчаянно натирающий пол. — У нас, можно подумать, своих тараканов нет.

— Но она сказала — гигантский, — пояснил Виктор. — А гигантские тараканы...

Санитар остановился, поднял голову и сообщил:

— Не таракан это был. Скорпион мистралийский.

— Откуда он мог здесь взяться?

— Не знаю, может, ты приволок.

Но точно не таракан. Нам эту дрянь всем чуть ли не под нос ткнули, как вещественное доказательство. Я хорошо рассмотрел, хоть он и раздавленный.

— Не говори ерунды, — рассердился Кантор. — Я не из Мистралии сюда приехал. Там, где я был, скорпионы с доброго пса размером, и раздавить их... — Он вдруг споткнулся на полуслове и торопливо уточнил: — А господин Флавиус его видел?

— Видел, видел, — ответил за парня Виктор. — Ему, кстати, тоже

досталось за то, что под кроватью сидел. Вот ты можешь предположить — зачем?

— Наверное, кого-то поджидал, — пожал плечами Кантор, сообразив, что раз Флавиус промолчал, то у него наверняка были причины, и, если сейчас поделиться догадками с кем не следует, он наверняка будет очень недоволен. — В засаде. Скорпиона, например.

— Не смешно, — проворчал санитар и посторонился, пропуская их. — Вот натопчете тут сейчас, а мне потом перемывай...

— Как все прошло? — сдержанно

поинтересовался Элвис, поскольку понять что-то по физиономии любимой сестрицы было не проще, чем вычислить, когда блефует в карты кузен Шеллар.

— Наилучшим образом, — так же сдержанно отозвалась Элизабет. — Все как ты и рассчитывал. Я только что получила сообщение из Маунтшира. Секретарь градоначальника взят под стражу аккуратно, без шума и вне дома. Дом обыскали, комнату нашли. Сейчас задержанный и все документы по делу уже на полдороге к столице. Как ты и приказал, на месте его не допрашивали, везут к нам.

— Прекрасно, — одобрил Элвис.

— А теперь, может быть, ты объяснишь — хотя бы лично мне, что это все значит и каковы наши дальнейшие действия?

— Помнишь дело лорда Сильверстоуна? — вопросом на вопрос ответил король.

Госпожа министр едва заметно нахмурилась.

— Связь между этими делами я заметила без твоих напоминаний. Меня интересуют более конкретные вещи.

— Вот их мы и будем выяснять.

— Откуда сведения, ты мне тоже не скажешь?

— По оперативным каналам.

— Элвис, все оперативные каналы идут через меня.

— Не все. Но арестованный об этом догадываться не должен.

— Тебе не кажется, что проще ввести меня в курс дела, чем рассчитывать, что я сумею это достоверно изобразить?

— Бетти, если бы я хоть на мгновение в тебе сомневался, я бы непременно разжевал тебе все, как Ноне, в терминах начальной школы для благородных девиц. Но поверь, лучше будет, если ты поймешь все по ходу разговора. Сама увидишь.

— Если ты так говоришь, —

бесстрастно согласилась принцесса Элизабет. — Теперь касательно второго твоего поручения. Я подумала, что оптимальным вариантом будет использовать Мэри Энн.

Элвис вежливо кивнул в знак согласия. Младшая кухарка с черной кухни Мэри Энн слыла при дворе бичом божьим и карой небесной: криворука, ленива, феерически глупа, и даже ее смазливая мордашка, которая, по мнению прочей прислуги, до сих пор спасала девицу от неизбежного увольнения, в последние годы начала увядать. На самом же деле причина загадочной

неистребимости Мэри Энн таилась в другом. Любимым занятием младшей кухарки было собирать и разносить сплетни, что делало ее бесценным инструментом для слива информации или запуска дезинформации в случае надобности.

— Ты ее лично туда отправила?

— Если ты имеешь в виду «лично я» — то нет, распоряжение спустили по цепочке вниз, Дороти якобы внезапно уехала в провинцию к больной матери, а Мэри Энн якобы случайно подвернулась под руку, ибо, как обычно, бездельничала. Если же ты имел в виду «лично ее» — то да, ей выдали в руки корзинку и отправили

по известному тебе адресу. Кстати, по дороге эта мерзавка втихомолку сожрала две булочки. Можешь не сомневаться, через несколько часов весь штат прислуги будет в курсе, что в неприметном домике на окраине столицы скромно живет затворницей молодая дама с младенцем и наша кухня исправно снабжает ее провизией. Ты знаешь Мэри Энн, она такой лакомый кусочек не упустит. Хотя мы и не вычислили еще нового агента при дворе, новость доберется до него, кем бы он ни был.

— За булочки пусть вычтут из жалованья, — отметил Элвис.

— А больше ты мне ничего не

хочешь объяснить?

— Ты подозрительно настойчива. Тебе не приходило в голову, что существует уровень секретности еще выше твоего?

— Неужели?

— А ты полагаешь, твой коллега Флавиус просто так целый год не знал, кого и о чем допрашивал его король прошлым летом?

— Во-первых, король ему не брат. Во-вторых, насколько я поняла из твоих слов, уже знает. А я узнаю тоже через год?

— Нет. Частично — сегодня же, а частично — через несколько дней.

Элизабет помолчала, напряженно

шевелия поджатыми губами. Затем медленно, подбирая каждое слово, спросила:

— Ответь мне на один вопрос. Шеллар знает, что ты слил известный нам адрес?

Элвис тоже помолчал, колеблясь. Затем решительно произнес:

— Я не отвечу, так как, по сути, это два вопроса.

— С каких пор ты настолько перестал мне доверять?

— Вопрос слишком важен, чтобы делать исключения для кого бы то ни было. Даже для тебя. А чем больше ты настаиваешь...

— Я поняла. Настаивать далее не

буду. Но учти — подозрения и недоверие обычно взаимны. И если мои окажутся верными...

— Давай ты сперва проверишь, а потом скажешь, — прервал ее брат. — Я тебя тоже прекрасно понял. На том и остановимся.

Заседание дворянского собрания спешно созвали еще в среду, но поскольку многих его членов просто не было в городе, пришлось ждать два дня, пока они не съедутся. Откладывать дальше единодушно сочли нецелесообразным все — и организаторы, и участники, и придворный маг, который так и не

показался никому на глаза. В лазарет он наведалься невидимым, внимание уделил только Элмару и особливо тяжелым пациентам, которые не могли его увидеть, будучи без сознания. Прямо оттуда мэтр отправился в Лондру, дабы разыскать прозябающих в беспредельной скромности Пьера и Жюстин, но к началу заседания обещал вернуться и незримо присутствовать. От этого «незримого присутствия» Кантору было несколько не по себе, хотя неприятного воздействия классической магии он не чувствовал. Да и причин нервничать у него хватало и без всяких неучтенных

магов. Во-первых, перед самым началом заседания ему сообщили, что Ольгу только что переправили из ненадежного убежища Семерки в безопасное место, и будь его воля — он бы бросил все и помчался к ней, но кто бы позволил сейчас отлучиться одному из главных свидетелей? Во-вторых, именно по той же причине он сейчас сидел не на привычной снайперской точке, а на скамье за спиной выступающих, и ему было плохо видно зал, не говоря уж об отсутствии под рукой успокаивающей гладкости приклада.

Атмосфера в зале сильно напоминала похоронную, не хватало

только траурных одеяний и
приспущенного флага. Как пояснила
регент в кратком вступительном
слове, официальное объявление о
кончине короля состоится не ранее,
чем будет обнаружено тело. Поймите
правильно, господа: несмотря на всю
очевидность ситуации, ее величеству
уже дважды случалось
преждевременно примерять вдове
покрывало, и промахнуться
аналогичным образом в третий раз ей
бы не хотелось. Вместе с тем
отсутствие его величества ничуть не
помешает разобраться в неприятной
ситуации, сложившейся вокруг его
персоны, — а необходимость

поставить наконец точку в этом вопросе назрела давно, и тянуть с этим дальше нельзя, так как дело дошло уже до открытого мятежа. Пригласить сюда всех придворных магов и правителей северных держав, к сожалению, все еще невозможно, но свидетелей и без того будет достаточно.

Первым выступил Флавиус, и, по мнению Кантора, одного его с лихвой хватило бы, чтобы цвет ортанского дворянства дружно обделался и хором восславил героя и мученика Шеллара III, только бы избежать пристального подозрительного взгляда главы департамента. Но Флавиус подошел к

делу обстоятельно и привлек всех, до кого смог дотянуться. Даже Элмара из лазарета приволокли — к счастью, ему отшибло только слух, а память и речь не пострадали.

После того как глава столичного подполья изложил свою историю и зачитал пресловутые письма, спасенные им из тайника в кабинете, слово дали Элмару, в виде исключения позволив не вставать. Но разве стал бы истинный герой пользоваться столь унижительной привилегией? Разумеется, Элмар встал, на одном костыле допрыгал до кафедры и повис на ней, не слыша, как это деревянное сооружение

отчетливо потрескивает под его весом.

Речь его была подобающе краткой, четкой и предельно ясной. В завершение принц-бастард обвел взглядом зал и сообщил:

— Господа, я вас не слышу, поэтому ответить на вопросы вряд ли смогу. Если же у кого-то есть возражения или сомнения в правдивости моих слов, вы можете прислать мне письменный вызов на поединок. Обещаю, что, как только встану на ноги, все желающие будут удовлетворены по очереди, в порядке поступления вызовов.

Кантор прикусил губу, чтобы

скрыть невольную ухмылку, неуместно нарушающую общий похоронный настрой. Что-то ему подсказывало, что пихаться локтями за место в означенной очереди никто не будет.

Ожидавшие в коридоре друзья отвели Элмара обратно в лазарет, и настала очередь Кантора. Он рассчитывал отделаться так же кратко, как и принц-бастард, но оказалось, что подобные поблажки были предусмотрены только для больных и глухих. Буквально на третьей фразе сообразив, что свидетель намерен высказаться как можно короче, господин Флавиус

принялся задавать дополнительные вопросы и чуть ли не щипцами вытягивать из него живописные, но никому не нужные подробности. Во всяком случае, Кантор полагал, что уважаемое собрание прекрасно обошлось бы без разъяснений о технической стороне его сновидческих способностей. И заставлять его пересказывать полностью историю Ольгиных приключений было истинным издевательством. А уж когда речь зашла о содержании чужих снов, Кантор просто внаглую отказался отвечать, сославшись на бесконечное множество честных слов,

стребованных с него лично его величеством и прочими субъектами сновидений. Этот допрос настолько выбил его из равновесия, что попытайся кто-то из зала задать провокационный вопрос — и поединок состоялся бы здесь и сейчас, без всяких письменных церемоний. Но то ли Кантор был настолько убедителен, то ли кровожадные намерения слишком явственно читались на его лице, то ли Элмар распугал всех заранее... Словом, прекрасной возможностью подраться никто не воспользовался. Даже Флавиус, кажется, понял, что дальше нервировать горячего мистралийского

парня выйдет себе дороже, и отпустил свидетеля с миром.

Однако напрасно Кантор надеялся, что на этом все закончится и он сможет наконец изловить за мантию кого-нибудь из «незримо присутствующих» и отправиться туда, где ждала его многострадальная жена и до сих пор еще не виденная дочь. Как же! Самое интересное только начиналось!

Точно в тот момент, когда Кантор уже возвращался на место, а Флавиус еще не приступил к подведению итогов, у дверей началось подозрительное шевеление, слишком слаженное, чтобы быть

непредусмотренным. Стук в дверь, охранник быстро о чем-то шушукается со стучавшим, затем бежит к Флавиусу и шушукается с ним, глава департамента изображает на лице легкое удивление и торжественно объявляет, что приехали еще несколько свидетелей, которых никто не ждал, но все с радостью выслушают. Честное слово, качество постановки оценил бы даже Карлос.

Флавиус церемонно поднялся с места и подобающим возвышенно-официальным тоном провозгласил:

— Господа, наше скромное собрание почтил своим личным присутствием глава клана Сигмар

Рутгер Шварц Восемнадцатый. Прошу всех оказать его величеству надлежащие почести.

Заскрипели стулья, зашуршали наряды, зал безропотно встал, в немом изумлении приветствуя владыку клана. Пожалуй, это был первый случай в истории, когда гномьи правители лично являются на подобные человеческие мероприятия, да еще и выступают с официальными заявлениями.

Притом что самого его появления было довольно, чтобы сразить почтенное собрание наповал, Рутгер Шварц, видимо, счел эдакую малость недостаточной и приложил все

усилия, чтобы впечатлить господ до совершенной утраты дара речи. Полный церемониальный наряд подземного властителя не просто сиял — он сочетал в себе непостижимое количество разных видов и степеней сияния. Строго и тускло отсвечивал полированный парадный панцирь, ярко и нахально сверкала золотая отделка, празднично переливались драгоценные камни, а лезвие священной королевской секиры, отражая свет из окон, пускало угрожающие зайчики прямо в одуревшие глаза почтенной публики.

На фоне блистательного Рутгера Шварца скромный король Мистралии

остался практически незамеченным, хотя его выход тоже объявили официально и со всем почтением. Он озарил зал своей традиционной улыбкой и, тихонько прокравшись за спиной коллеги, присел рядом с Кантором.

Кантор ответил на приветственный кивок и снова уставился на сверкающую спину владыки клана. Ему безумно хотелось встать и уйти, и, если бы не торжественность момента, он бы так и сделал. Не требовалось выдающихся умственных способностей, чтобы понять, что будет дальше. Сейчас его величество расскажет, как его

наземный коллега дурил орден и
наместника при переговорах с
гномами, может, даже зачитает что-то
из тайной переписки. Возможно,
дипломатично напомнит, что
многовековой союз клана Сигмар и
королевства Ортан со времен Деимара
I основывался большей частью на
дружбе правящих домов, а кому
попало продавать
высокотехнологичное оружие и
предоставлять льготы на торговый
сбор у гномов не принято. А может
быть, и не намекнет. Может, прямым
текстом скажет. Топором
многозначительно поблескивая.

А потом, пока господа не

очухались от шока, к кафедре выйдет непревзойденный оратор и могущественный эмпат Орландо II. Он изящно облокотится о кафедру, обведет зал чистым, детски невинным взором и улыбнется. Проникновенно, ласково, чуть ли не влюбленно, словно говоря: «Ну мы же все здесь такие славные, хорошие люди и прекрасно друг друга понимаем...» Выдержит паузу. Отбросит падающую на глаза челку. Выпрямится.

И заговорит.

О долге короля. О тонкостях политики. О необходимом балансе ума и силы. О выдающихся способностях дорогого друга и его

непревзойденном умении правильно их применять. О тяжком непосильном труде внедренного агента. О пути вора, о том, чего он требует, и об обратной его стороне.

На обратной стороне он остановится особенно детально, выжимая слезу из слушателей трагическими подробностями несостоявшейся казни и последующей долгой борьбы со смертью... Сам Кантор за такое мог бы и морду набить, но Шеллару все равно королевское воспитание не позволит.

В его речи будет не так много фактов, как, например, у Флавиуса, зато будет море эмоций — сильных,

чистых, напролом проникающих в душу. И когда он закончит, даже самые непримиримые противники обольются слезами раскаяния и будут искренне корить себя за то, что плохо думали о таком великом человеке. Может, к завтрашнему утру они опомнятся, как было в Девятом Оазисе, но возражать будет поздно, да и неуместно как-то.

А королевская семья Ортана получит желаемое. Шеллар избавится от необходимости что-то кому-то доказывать и официально восстановит право на трон. Элмар сможет спокойно жениться и не переживать о коронации, уже мелькающей в его

кошмарах. Его сестра тоже с радостью сложит с себя тяготящее ее регентство и сможет подумать о личной жизни. Кира обретет полноправный статус матери наследника. И только самому наследнику вся эта суета пока неинтересна — лишь бы кормили вовремя да пеленки меняли...

Кантор тоскливо покосился на вожделенную дверь, прикидывая, сколько еще продлится это представление, и вдруг подумал, что Шеллар своего сына вообще не видел до сих пор. Полгода уже прошло, малыш уже подрос, научился сидеть, ползать, погремушками тарыхтеть, чего там еще дети делают в этом

возрасте... А отец его до сих пор не видел. И неизвестно когда увидит. Вот засада-то...

Узрев на пороге сгинувшего в иных мирах агента Рельмо, региональный координатор соизволила даже отложить надкусанную ватрушку и отставить огромную чашку с чаем, что следовало трактовать как высшее проявление уважения. Что до удивления, то его она не потрудилась даже изобразить.

— Макс! Моя ж ты прелесть! Я знала, что ты вернешься! Расскажи только, как именно, а то наша база из

лавочки превратилась просто в игорное заведение...

— Боги, Жак и здесь принимает ставки? — слегка опешил почтенный мэтр, до сих пор не замечавший за коллегами подобных нездоровых наклонностей.

— Не знаю, они по сети ставки делают. — Матильда Соломоновна пожала плечами и указала на свободное кресло. — Садись, рассказывай.

— На текущий момент официальная версия будет такой, — недовольно ухмыльнулся Макс. — Я приехал с восточного побережья. На лошади.

— То есть потом она поменяется? — уточнила проницательная начальница.

— Пусть следят за обновлениями в сети, — мстительно ушел от ответа агент. — Я же надеюсь, ты ставок не делала?

— Несолидно в моем возрасте подобными глупостями баловаться, — кокетливо усмехнулась Матильда, и Макс понял, что от подчиненных она не отстала, несмотря на возраст и должность.

— И на что, если не секрет?

— Не на лошадь, уж будь спокоен. Тебя там Раэл искал, что-то показать хотел. Ты с местными уже

виделся?

— Да, я в курсе последних событий. Можешь не рассказывать.

— А ты мне, часом, не расскажешь, чего твой каппийский босяк не выходит на связь? Кстати, мои поздравления — ты нам сосватал истинное сокровище. И недели не проработал, а уже выявил и обезвредил подпольную сеть. Которую ты, кстати, искал — сколько?

Макс опустил в кресло, устало вытянув ноги, словно и правда приехал на лошади. Впрочем, за день он набегался так, что чувствовал себя примерно соответствующе.

— Все проблемы от моей ужасающей репутации, — притворно пожаловался он. — Если бы хоть кто-то набрался смелости похитить меня, я бы тоже геройски выявил и обезвредил. Но кто виноват, что эти господа такие трусы?

— Ты можешь ему сказать, что на этот раз это не провокация, его вызываю действительно я, пусть появится наконец! Мне нужны его показания, а то эти побитые заики такой бред несут, что впору сценаристам продавать.

— Могу. Но он все равно появится не раньше, чем сможет нормально передвигаться. Если надо,

я могу взять у него показания. Но вообще-то, если сегодня-завтра ему полегчает, лучше будет, если он явится сам.

— Да-да, — подтвердил возникший в кабинете клуб зеленого тумана. — У Раэла там на него кой-какие планы...

— Через дверь — никак? — сварливо заметил Макс.

— Тебе что за разница? — Проявившийся Толик по-детски показал язык и без приглашения уселся рядом. — Макс, Раэл хотел тебя видеть.

— Какие еще планы? — нахмурилась Матильда.

— Что-то связанное с молоком, но мне не объяснили.

— По-моему, молоко прекрасно слили без него, — поморщился Макс. — Лучше пусть к врачам наведается да выяснит, что там с его имплантом. Надо же его восстанавливать...

— Ну, в целом да, — согласился инспектор. — Но он бы весьма изящно все дополнил. Трудно вам, что ли, его доставить? Я могу с телепортом помочь, если он настолько уж плохо передвигается.

— Хорошо, попробуем что-нибудь сделать. На Альфе уже отреагировали?

— Еще бы! Мы тут с Раэлом наблюдали пару секретных совещаний...

— Как?

— Ради такого дела лично дядя снизошел.

— Да нет, как вас не засекли?

— Ну мы ж примерные, послушные и законов не нарушали, — принялся кривляться неисправимый Толик. — Мы на Альфе и не думали колдовать, что ты! Дядя их и с Эпсилона прекрасно достал. По счастью, Кантора в компании не было, и никто даже не заподозрил, что мы смотрим. Макс, ты бы видел, что там творилось! Будто все тридцать

рыл между собой женаты и сейчас как раз разводятся, пытаюсь честно поделить нажитое за полвека совместной жизни.

— С одной поправкой, — угрюмо прокомментировал Рельмо. — Имущество они делили не свое.

— Ага, знаешь, как забавно за всем этим наблюдать, зная, что оно им и не достанется!

— Не сглазь, болтун! Как быстро это все у них продвигается?

— Вчера утром в Маунтшире арестовали агента Шульца. После обеда, как только его довели до столицы, Элвис его допросил и отпустил. В пять он явился на базу и

обо всем доложил. Информация полетела наверх с такой стремительностью, что свет, пожалуй, позорно отстал бы. Ассамблея заседала до полуночи. Тридцатка — с четырех утра до девяти. Сейчас они разбежались раздавать указания своим политикам. Веселенький денек будет сегодня на Альфе...

— А... сопутствующее обстоятельство?

— Там пока тихо. Либо информация еще не доползла — там же несколько лишних звеньев по пути, оно по-любому дольше получится, — либо просто не поднималось на таком высоком уровне. Мы ведь можем

поглядеть только на тех, кого дядя лично знает. Да как бы оно ни было, все равно ведь узнаем, когда сработает.

— Не заподозрят провокацию?

— Они проверят обязательно. Кстати, Раэл просил тебя в частном порядке навестись в вашу лабораторию, помурлыкать там со знакомыми дамами и попросить, чтобы тебе просигналили, если кто-то затребует образец ДНК его величества.

— Сделаю, не вопрос. Только сигналить лучше кому-то более доступному, я почти наверняка буду в поле.

— Хорошо, пусть мне, — подала голос региональный координатор, успевшая за время их разговора прикончить оставшиеся полторы ватрушки. — Пусть пришлют коротенькое сообщение невинного содержания, о любых примесях в любом продукте.

Вот что Макса всегда в ней поражало — даже будучи обычным чистокровным человеком без магических способностей, Матильда непостижимым образом чуяла, когда можно задавать вопросы, а когда не надо. И даже более того — в ситуациях «когда не надо» обычно ухитрялась самостоятельно найти

правильный ответ. Интересно, насколько близка она к истине на этот раз?

— Спасибо, — кивнул он. — Ты доложишь обо мне наверх, чтобы я сам туда не совался?

— Ой, ну что за вопрос! Я даже скажу, что лично вводила тебя в курс дела не менее часа и все это время ты был в моем кабинете. Только не забудь, как обсудите с Раэлом все, что хотели, вернуться сюда и выйти через дверь.

— Тиля, тебе цены нет! — растроганно сообщил Макс и, не удержавшись, послал начальнице воздушный поцелуй.

— Прибереги комплименты для лаборанток, старый льстец, — усмехнулась та, но в хитрых темных глазах промелькнуло ностальгическое воспоминание о давно прошедшей молодости.

Не то чтобы Витька не любил театр — все же он вырос в гуманитарной семье и к культуре родного мира приобщался с детства. Поклонником, правда, не стал, но недобрых чувств к этому виду искусства не питал. А вот чего он действительно терпеть не мог — так это ситуаций, когда в театр превращали реальность. Ту особую

разновидность вранья, когда все знают правду, но честно отыгрывают свои роли в насквозь фальшивом действе. И как назло, в последнее время ему все чаще приходилось не просто впутываться в подобные постановки, но и играть в них одну из главных ролей.

Вот и сейчас его вытащили из лазарета, оторвав от увлекательного общения с глухим Элмаром, который с удовольствием рассуждал и строил планы на будущее, не оставляя собеседнику возможности донести до него ответные мысли, и приволокли на базу, дабы он там в очередной раз поиграл в их тошнотворные игры.

Если вдуматься, все и так прекрасно знали дальнейшее содержание разговора. Первая его половина, то есть объяснения по поводу похищения агента Кангрема и его последующих действий, в игру не входила — обычный отчет, с обычной долей умолчаний и традиционного превращения личных мотивов в служебный долг. Ну в самом деле, какой же уважающий себя агент признается, что ушел с точки, где ему было велено ждать, спасти друга из числа аборигенов? Это же непрофессионально. А вот предотвратить новое преступление выявленной банды — звучит уже

солиднее. Опять же про зачарованную веревочку посторонним знать ни к чему. Будь они с региональным координатором наедине, он бы объяснил, но комиссия из центра «Альфа» — не те собеседники, с которыми стоит откровенничать. Про грибы, правда, сказать пришлось — дескать, угостили знакомые гномы, отказываться было невежливо, носил в кармане, когда дошло дело до драки — вспомнил и сунул в рот, но раскусить не успел, далее чистую правду. Как раз удачно получилось списать на гномье зелье свое загадочное освобождение — вдруг подействовало, и фиксаторы удалось

разломать. Да-да, потому они так и выглядят. И вообще, объяснить все свои действия агент не может, так как находился в не совсем адекватном состоянии, пусть объясняют те, кто ему вколол неведомо что... И со стимуляторами переусердствовал по причине все того же состояния. Словом, показания по делу о подпольной сети были привычной правдоподобной полуправдой. А вот потом начался спектакль.

— Пару дней назад, — с честным видом излагал он, стараясь не смотреть на главу Темной Канцелярии, который тоже пришел поиграть в свои любимые игры, — я

узнал, что в нападении на дворец участвовали трое моих бывших коллег из «Каппы». Те, что до работы в агентстве были военными или вроде того. Двое погибли, где и как их завербовали — я не узнал. Один — бывший наш агент в Девятом Али Насураллах — попал в плен и рассказал, что его нашли «какие-то люди», когда он после отстранения и эвакуации пытался найти работу. Он готов сотрудничать, с радостью опознает всех, если увидит, и расскажет все, что знает, лишь бы мы вмешались и не дали местным его казнить.

— Минуточку, — подал голос

Раэл, тщательно изображая недоверие и готовность уличить. — При каких обстоятельствах вы с ним виделись и общались?

— Главе местных спецслужб показалось, что этот конкретный наемник — не из местных. Поскольку из других миров они имели контакт только с Каппой, он вызвал меня, чтобы проверить свои подозрения — не опознаю ли я соотечественника.

— И? — синхронно насторожились господа из «Альфы».

— Он узнал меня первым, — неохотно признался Витька. — Я еще мог бы выкрутиться, объяснить наше знакомство — ведь могли же мы

встречаться на Каппе, хоть и жили в разных Оазисах. Но Али то ли настолько одурел от страха, то ли, наоборот, рассудил, что каппийское происхождение только ускорит его печальный конец... Словом, он признался, кто он на самом деле, и заодно сдал меня.

— И Флавиус поверил? — продолжал изображать сопротивление Раэл. — И вы не могли, например, сказать, что он врет, или что у него проблемы с психикой, скажем, из-за давней контузии, или еще что-нибудь убедительное? Ведь вам бы поверили охотнее, чем ему!

— Я так и собирался

поступить, — огрызнулся Витька. — Но пока я изображал удивление, он, не останавливаясь, вывалил еще и адреса обеих кабин в столице. После этого уже не было смысла отпираться — Флавиус проверил бы обязательно и убедился бы, что это правда.

— И что ты сказал? — строго спросила Матильда Соломоновна.

— Примерно правду, — пожал плечами агент Кангрем. — Что такие, как я, охраняют их мир от таких, как Али. Что наш мир ничего плохого им не хочет. «Мы пришли с миром» и все такое. А что я еще мог сказать?

Раэл надменно отвернулся, источая презрение.

— И он вас просто отпустил? — уточнил один из дознавателей «Альфы».

— Не «просто». Он изъявил желание встретиться с кем-нибудь из нашего руководства. Чтобы обсудить эту некрасивую ситуацию.

— И вы не потрудились объяснить ему возможные последствия контакта? — По части угрожающего шипения Раэл вполне мог бы потягаться с тем же Флавиусом.

— Он считает, что это еще как бы не контакт, пока все происходит в режиме секретности. А обнародовать или нет — это будет решать король,

когда Флавиус обсудит все с моим начальством и доложит о результатах.

— Минуточку, но разве король не...

— Флавиус утверждает, что «не». Подробностей он мне не сообщал, а расспрашивать его — сами понимаете... В том положении, в каком я оказался, оставалось только радоваться, что живым отпускают...

— Я убежден, что это сознательная, спланированная провокация! — перебил эльф. — Я ни за что не поверю, что два проваленных агента за три дня — случайное совпадение. Да еще при такой однообразной реакции местных

спецслужб.

— Если это и не совпадение, — возразил один из «альфовцев», — то организовали его уж точно не наши. Как бы они могли заставить местные спецслужбы в разных странах одновременно искать контакта?

— Я уверен, что агентов слили нарочно, — не унимался Раэл. — А реакцию местных могли и просчитать. То, что агенты при этом рискуют жизнью, таких господ обычно мало волнует.

— Вряд ли... Для контакта все равно хватило бы и одного подобного случая, зачем же дублировать? Я еще понимаю, если бы первый не удался,

но когда повод уже есть? Нет, не думаю. Скорей всего, действительно совпадение. Или же местные раскрыли нас давно и теперь почему-то решили действовать. Вон в прошлом году в «Дельте» было два смертельных случая при странных обстоятельствах. Кто знает, где эти агенты были перед смертью, с кем общались и что рассказали?

— Что мне сказать Флавиусу? — напомнил о себе Витька.

— Пусть свяжется с лондрийскими коллегами. Там позавчера почти то же самое случилось — явился агент и доложил, что его раскрыли и жаждут

поговорить с его начальством. Лично его величество Элвис и сестра его Элизабет. Устраивать контакт отдельно для каждого королевства не совсем удобно, пусть уж все вместе соберутся и решат, где и как примут нашу делегацию.

— Понял, — кивнул Витька с надеждой, что на этом цирк закончится.

— И выясните все же, что там точно с этим бессмертным королем и будет ли он присутствовать на этой встрече.

— Обязательно. Я могу идти?

Комиссия переглянулась, и все трое дружно поднялись.

— У нас больше нет вопросов.

— У меня есть, — сказала региональный координатор. — Остайся на минутку.

Когда господа из центра скрылись за дверью, она полюбовалась зачем-то на свой монитор и сообщила:

— Увидишь Макса, передай, что мне пришли результаты анализа из лаборатории. Нету в том вишневом йогурте никаких следов натуральных фруктов. А теперь давай бегом в санчасть, тебя там уже ждут.

— Ага, значит, украли уже, — отметил Макс, выслушав дурацкое

сообщение насчет йогурта. Что оно кодовое, Витька понял сразу, как только услышал, но менее дурацким оно от этого не стало. Выбрали же условную фразу, хоть стой, хоть падай...

— И как вы полагаете, — с живейшим интересом подался вперед его величество, — когда нам ждать визита?

— Как только они получат результат анализа ДНК. Может, завтра, а может, позже. Вы точно уверены, что вашу гениальную затею не разоблачат?

— По этому анализу — точно нет. Подменьш был создан из моей

крови. Моей и Киры. Там найдут ее и мою ДНК. Углубленный медицинский осмотр мог бы выявить кое-какие подозрительные факты, но младенец выглядит абсолютно здоровым, необходимости в таком осмотре не возникнет. Да и не фатально это, даже если разоблачат. Мы лишимся одного приятного бонуса в игре, но сам процесс уже запущен, и отыграть все назад невозможно. Контакт пошел, ни одна из сторон уже не может сделать вид, будто ничего не было. На всякий случай можно проработать оба варианта.

Макс хмуро кивнул, почему-то недовольно косясь на Жака.

Витька тоже промолчал. Суть и так понятна, а если ему захотят что-то дополнительно объяснить — вопросов ждать не станут. Вот, значит, что это было за «молоко»... Пройдохи предвидели, что в случае контакта от местных будут любыми способами добиваться согласия на полное открытие мира, и подсуетились заранее. Если кровно заинтересованные в результате соседи все равно будут искать рычаги давления, почему бы не подсунуть им один — удобный, действенный, только липовый. Пусть возрадуются и пользуются на здоровье.

— Считать что-то нужно

будет? — деловито уточнил Жак. — А то у меня все в Лютеции осталось...

— Ты мне лучше вот что скажи! — неожиданно агрессивно накинулся на него Макс. — Это ты по сетке тотализатор устроил насчет моего возвращения? Ты хочешь, чтобы нас спалили на твоих детских выходках?

— Пусть найдут сначала, — ничуть не смутившись, парировал Жак.

— Ну а если найдут? Что тогда?

— Да кому я сдался — искать меня? Кого может заинтересовать мелкое развлекалово в служебной сети, когда тут судьбы миров

вершатся? Зато я под это дело при тотализаторе беседку открыл и узнал уйму интересного из болтовни игроков.

— И каковы расклады? — заинтересовался король. — На что ставили?

— По этому конкретному вопросу?

— А что, ты еще и по другим ставки принимал?! — разгневался Макс.

— По этому, — невозмутимо уточнил Шеллар.

— Основная масса — на самый логичный вариант, который выбрали бы сами, оказавшись на месте Макса.

Телепортом в какой-нибудь отдаленный район, где работает магия и есть ориентиры у кого-нибудь из коллег, оттуда — своим ходом до ближайшей кабины. Очень мало — на вариант «сгинул с концами». Еще меньше — на оптимистичный вариант с восстановлением магии и возвращением всей компании. Было несколько оригинальных версий, но, кроме авторов, на них никто не ставил.

— Предсказуемо... — слегка разочаровался его величество. — Даже если не уточнять, что на верный вариант поставили ты, Толик и, может быть, еще два-три человека.

— Восемь, — возразил Жак.

— Ах да, я не учел неизбежный процент умников, которые под разными именами поставили на несколько вариантов для верности. Какие еще темы ты предоставил для споров и обсуждений?

— Я вам список принесу, если хотите. Последнюю я открыл вот буквально вчера, когда в беседках начали говорить о контакте. Там получилась такая многоуровневая конструкция, похлеще, чем с вашей женитьбой...

— Можешь не воспроизводить, я примерно представляю схему. Лучше объясни, что ты собираешься делать с

выигранными деньгами?

— Я найду что, — заверил Жак. — Вон хотя бы Насте подкину. Ну, мне смотаться в Лютецию или так обойдемся?

— Пока так, — решил Шеллар. — А твои материалы посмотрим потом вместе. Мне нужны кое-какие сведения с цифрами и переводчик, чтобы это прочесть. Кстати, а почему не пришел Кантор?

— Он ушел в город, — поведал Макс. — Вы же сами ему велели потолковать с местными бардами.

— Но он ушел еще утром! С ним точно ничего не случилось?

— Мафей мониторит его

передвижения. С утра Диего успел побывать в доме Жака и в родном театре, сейчас он отправился обедать в одно местечко, где собираются поэты, на вечер у него запланированы две тусовки музыкантов... Если останется время, он обещал вернуться к старым приятелям, теоретически — чтобы накидать Юсту материала для новой пьесы, а на самом деле они там наверняка устроят попойку в честь встречи и прибавления в семействе.

— Кстати, о прибавлении. Как себя чувствует Ольга?

— Сами бы и спросили, — нахально влез в разговор Жак. — А то мне кажется, вы ее опять избегаете,

как позапрошлой зимой. Опять что-то такое отчебучили, за что вам стыдно?

— Идиотский вопрос. Я постарался максимально ограничить круг допуска к этой информации, но уж ты-то прекрасно знаешь, что произошло! И должен бы понимать — на этот раз упомянутое тобой чувство взаимно.

— Да он представления не имеет, как происходят роды, — насмешливо заметил Макс. — Потому и не понимает.

— Нет, он просто бесстыжий, — поставил диагноз его величество. — И не видит в ситуации ничего неловкого. К примеру, Кира подобных

идиотских вопросов не задает. А Ольга до сих пор при виде меня приобретает цвет созревшей вишни, и, как ни прискорбно признаваться, я тоже могу контролировать только выражение лица, но не цвет... Наверное, нам и не стоит видеться, пока травмирующий эпизод не сотрется из памяти хотя бы частично.

— Да бросьте! Врачи это делают чуть ли не каждый день, и ничего!

— Жак, ты наивно путаешь причину и следствие. Знаешь, я тоже не краснею, когда потчую оппонентов разнообразной дезинформацией, хотя и знаю, что врать нехорошо. Возможно, я воспринял бы ситуацию

проще, будь это какая-нибудь незнакомая, совершенно чужая женщина. Но Ольга — это слишком. Не хватало только, чтобы Кантор опять начал ревновать.

— Нет, — мимоходом отметил Макс. — У него и мысли не возникло, с чего вы взяли? Он просто рад, что все обошлось, и в глубине души вам благодарен, хотя наверняка не пожелает признаться.

— А он знает, что кто-то без спросу читал его мысли? — не упустил случая позлорадствовать Жак.

— Я не читал его мысли. Я просто хорошо его знаю и чувствую некоторые нюансы, связанные с... —

Он сделал невнятный жест, означавший, видимо, что слушатели сами прекрасно знают, что имеется в виду. Витька не знал. Правда, трудно было бы не догадаться. — Но Жак опять увел разговор куда-то в дебри, а нам еще надо проработать оба варианта. Может, позвать Раэла?

— Если он не занят и у вас есть возможность позвать его быстро, я буду рад его видеть. Если же это невозможно — лучше не терять времени. Все равно вечером то же самое будет обсуждать Международный Совет вместе с магами. И кстати, мэтр, вам не кажется, что ваши соплеменники с

Беты тоже должны быть в курсе происходящего, как субъекты договора Раэла? Было бы только справедливо, если бы они присутствовали не только на конечном мероприятии, но и на стадиях подготовки.

— Раэл тоже так считает и обещал их пригласить, — заверил Макс и повернулся к Витьке. — Ты как сейчас, ходить можешь или тебя проводить?

— Проводите, — распорядился Шеллар, прежде чем агент Кангрем успел открыть рот. — Вы же знаете, что самочувствие нашего друга может меняться произвольно в любой

момент. Хотя имплант ему восстановили, последствия от стимуляторов еще остались. Если вдруг на середине пути у него опять отнимется нога, лучше, чтобы рядом кто-то был.

— Да не надо, — отмахнулся Витька, поднимаясь. — Сегодня с самого утра еще ни разу ничего не случилось, наверное, прошло уже. А если вдруг что — в коридорах полно народу, кто-то да поможет. Я вам еще буду нужен сегодня?

— Пока не могу сказать точно, а что?

— Гномы обещали зайти, — пояснил Витька. — С пивом. Ребята

до сих пор переживают, что так и не угостили меня, когда я был у них в гостях. Да и Элмару хоть какое-то развлечение.

— Кто бы сомневался... — с мрачной иронией заметил король. — У Элмара это развлечение входит в число любимых, даже когда он здоров. Вы там с этим пивом осторожнее, гномы в него кладут разнообразные специфические ингредиенты...

— Опять грибы? — не удержался Витька, с ужасом вспомнив последние несколько дней.

— Из грибов они его варят. Но не из тех, не бойся. А что добавляют —

сам понятия не имею, но лично наблюдал несколько раз, как дядюшку выносили с официальных мероприятий и как он после них несколько дней ходил скрючившись и выслушивал от мэтра однообразные лекции о патологиях системы пищеварения.

Витька вспомнил каппийский самогон и невольно содрогнулся. Языкастый Жак немедленно уцепился за новую тему:

— А на примере ваших личных ощущений что можете сказать?

Его величество окинул своего шута снисходительным взором и пояснил:

— Ничего. Во-первых, я никогда не имел привычки злоупотреблять напитками на дипломатических встречах, а во-вторых, мой организм нормально переносит любые изыски гномьей кулинарии.

«Вот же везет некоторым...» — позавидовал было Витька, но тут же сам себя одернул. Везет не везет, а завидовать — последнее дело.

ГЛАВА 12

Мне уже не раз доводилось присутствовать на военных советах. Это времяпрепровождение никогда не вызывало у меня восторга, но я терпел.

Р. Л. Асприн

Утро пятнадцатого дня Желтой луны не задалось практически у всех, кого ни спроси, — ясное дело, понедельник, чего от него еще ждать.

Элмар со своим рыжим приятелем и очень кстати

завернувшим на огонек графом Орри набрались гномьего пива столь основательно, что утром на койке Виктора обнаружился второй паладин, причем в таком состоянии, что в лазарете ему было самое место. Оба паладина дружно стонали и хором интересовались, не видел ли кто Мафея. В палате царил полнейший разгром, по сравнению с которым несчастного одинокого скорпиона можно было считать декоративным элементом интерьера. Ни раненый герой, ни его доблестный соратник этим ничуть не обеспокоились, так как обоих больше волновало собственное самочувствие.

Зато заглянувшая в этот бедлам Тереза заставила бедного графа позавидовать глухому товарищу, что, впрочем, ничуть не исправило ее испорченного настроения.

Кантор явился под утро, тоже с явными признаками похмелья, парой ссадин на помятой физиономии и сбитыми кулаками. По одному взгляду королевы предвидя последующий вопрос, он коротко отчитался, что все выполнено в лучшем виде, небольшие творческие разногласия устранены, никого не убил. После чего без какой-либо паузы поинтересовался, не видел ли кто Мафея. На крайний случай и почтенный мэтр сойдет.

Виктор обнаружился чуть позже висящим на перилах подвальной лестницы. Руки-ноги у него на этот раз остались в полном порядке, чего нельзя было сказать о печени. Если не считать проклятий в адрес собственной неосмотрительности и обещаний неведомо кому никогда больше не тянуть в рот неведомо что, пришельца интересовали только два вопроса: что они туда намешали и не видел ли кто Мафея.

Мафей в итоге нашелся и страждущим не отказал, но пришел от этого в крайнее раздражение и ворчал не хуже наставника.

Ворчал и Шеллар, которого

пьяные приключения кузена и прежде всегда огорчали, а сегодня и вовсе могли привести к демаскировке Мафея или еще какой-то накладке в планах.

Обилие безобразных нарушений дисциплины и раздраженных лиц на каждом шагу не могло не сказаться на душевном равновесии и самой королевы. Разумом она понимала, что такой настрой совершенно неуместен для предстоящей встречи с иномирскими дипломатами, назначенной на сегодня, и от этого только сильнее нервничала. И вот в этот самый неподходящий момент, когда она изо всех сил старалась

привести себя в спокойное рабочее настроение, демоны опять принесли братьев Бакарри.

— Хочешь, я приму их сама? — великодушно предложила Тина, заметив недовольство ее величества. Сама она тоже выглядела огорченной, но поскольку так она выглядела постоянно, трудно было определить, сказались ли и на ней утренние события.

— Да нет, не надо, — вздохнула Кира. — Просто побудь здесь, чтобы у меня не возникло соблазна на них отыгаться за все утренние неприятности.

— А мое присутствие имеет

значение? — удивилась принцесса.

— Не обязательно твое, — честно призналась Кира. — Шеллар на меня действует примерно так же. Наверное, дело в королевском воспитании и личном примере, не знаю.

На этот раз братья держались еще осторожнее и почтительнее, что было и неудивительно после кратенькой беседы с Флавиусом в четверг и собрания в пятницу. Прежде всего они заверили королеву в своей нерушимой преданности и полном согласии с политикой короны и только затем позволили себе поинтересоваться — не поступило ли каких новостей об их непутевом брате?

— Ваш брат нашелся, — с некоторым облегчением сообщила Кира — ей давно надоело крутить и вилять вокруг простого вопроса. — Он жив, и скоро вы сможете с ним увидеться.

Судя по реакции братьев, они уже не только заказали младшенькому гроб, выкопали могилку и договорились с ближайшим жрецом, но и согласовали меню для поминального ужина. Не говоря уж о том, что оплакать и похоронить жертву несчастного случая им было бы намного выгоднее, чем пережить губительный для чести семьи суд над изменником и бунтовщиком.

— Да-да, — поспешила подтвердить Кира, избавляя их от необходимости задавать глупые вопросы. — Виконт Бакарри действительно жив. Кроме того, он раскаялся в своих заблуждениях и скорей всего будет прощен.

— Но как? — не удержался от восклицания Хойе.

— В подробности меня пока не посвятили, — выкрутилась Кира. Легенда чудесного спасения обитателей башни была уже заготовлена, но запускать ее не было распоряжения, да и вдохновения что-то не ощущалось. — Полагаю, его величество расскажет все по

возвращении. Ах, я забыла упомянуть: он тоже спасся.

Об этом все равно официально объявят через час-другой, пусть подданные начинают радоваться.

— И... когда мы сможем увидеть Гейрана? — осторожно поинтересовался Бартин, наверное опасаясь услышать еще какую-нибудь неожиданную новость.

— Вам сообщат, — пообещала Кира. — Я попрошу вас не уезжать пока из города, возможно, его величество пожелает задать вам несколько вопросов.

Последняя просьба несколько омрачила радость от известий, и

братья поспешили откланяться, пока ее величество не вспомнила еще о чем-нибудь этаким — например, о господине Флавиусе, у которого, наверное, тоже вопросов поднакопилось.

А королева вдруг обнаружила, что навязчивое желание кого-нибудь покусать незаметно испарилось. Наверное, добрые вести благотворно действуют на расположение духа, даже если их сообщать, а не получать. А может, просто общая атмосфера беседы исподволь настроила ее величество на дипломатический лад. Как бы то ни было, теперь можно не расходовать душевные силы на

обуздание неуместного раздражения, а сосредоточиться на содержании предстоящих переговоров. Пусть они и предварительные и местами больше напоминают спектакль Погорелого театра... Кстати, неплохо бы повторить текст, пока есть еще время. И инструкции. И следить, следить за языком!..

Точно в указанное время в главные ворота въехала закрытая карета, сопровождаемая торжественным парадным эскортом из дюжины паладинов и незаметным — из трех дюжин сотрудников департамента Безопасности. Сейчас гостей проводят в приемную, где

Флавиус проведет с ними небольшой предварительный инструктаж о местных обычаях и правилах поведения во дворце — на всякий случай, вдруг они чего-то не знают. А йогом, опять же в точно указанное время, в малую гостиную официально вступят посланцы из иного мира. И, увы, это будут не безобидные раздолбай вроде Ольги или Жака, а скорей духовные братья господина Хаббарда.

При мысли об этом Кира ощутила неприятный холодок, пробежавший по спине. Не тот страх, что испытывает молодой солдат перед первым боем, нет — там всего лишь

могут убить, там все просто, примитивно и где-то даже позвериному. А вот когда тебе уже доверили людей и дали ответственное задание, вот тут он и появляется — страх не справиться с задачей, не оправдать доверия, осрамиться, провалиться... Проклятье, профессиональные дипломаты, они же ее сожрут и косточки выплюнут — аккуратно в ложечку, по всем правилам этикета... Неужели Шеллар этого не предвидел? Или это тоже часть плана? Или, несмотря на все обстоятельства, он все же надеется, что она выстоит? Он без колебаний доверил ей солдат, но тогда он имел

на то основания, как офицер королева Ортана никогда не давала повода в себе сомневаться. А вот дипломатия не самое сильное ее место, достаточно вспомнить историю с бестолковой утопленницей и доносом...

— Что-то не так? —
обеспокоилась Тина.

Кира давно подозревала, что ее вечно отрешенный вид обманчив по крайней мере наполовину — то есть кузина Шеллара действительно могла просто задуматься, но уж точно не чаще, чем обычный человек. И сейчас наверняка заметила, что ее величество вдруг занервничала.

— Беспokoюсь, — честно призналась Кира. — Дипломат из меня, честно говоря, не ахти какой, а ведь придется с матерыми мастерами общаться... Как думаешь, я справлюсь?

— Не волнуйся, — сочувственно взглянула на нее Тина. — Ты и не должна производить впечатление опытного дипломата. Шеллар ведь все объяснил.

— Я помню. Мне объяснили мою роль. Я человек военный, прямой, как древко алебарды, поэтому тонких намеков не понимаю и их следует доносить до меня исключительно прямым текстом...

— Совершенно верно. А я хрупкая слабая женщина, полностью не от мира сего и так далее. От нас не требуется результат в переговорах, когда дойдет до дела, Шеллар явится сам.

— Я прекрасно помню — всего лишь заставить их сказать лишнего, не надо мне напоминать. Я именно этого и боюсь — неубедительно сыграть свою роль, где-то переиграть, где-то упустить тот самый намек, который следовало не понять, — словом, каким-то образом испортить игру.

— А ты не бойся, — безмятежно посоветовала принцесса. — Даже если они тебя раскусят, уличить-то

все равно не смогут. Валять дурочку не так сложно, как ты думаешь. Это все равно что показывать врагу полторы сотни паладинов и двести «Котов», пряча на этажах пушки, а в подвалах гномов. А уж это ты точно умеешь.

— Спасибо, — невольно улыбнулась Кира, оценив сравнение, и тут же поспешно умолкла и выпрямилась, потому что дверь начала открываться.

Их было трое — высокий мужчина лет тридцати, чернокожий, как маэстро Гарри; строгая седая дама средних лет и еще один мужчина, почтенного возраста хин с суровым

выражением лица. Похоже, соседи позаботились сразу же предъявить если не все, то хотя бы основные расы, проживающие в их мире.

Поскольку встреча считалась не совсем официальной, от основной части подобающих церемоний принимающая сторона заранее отказалась — чтобы не усложнять задачу, избежать лишних свидетелей и создать обстановку приватности. Никаких тронных залов, почетного караула, шныряющей туда-сюда прислуги и герольдов с фанфарами — малая гостиная, скромный столик с напитками и лично Флавиус, который представил гостей и тут же удалился.

Охраны с виду нет совсем, но на самом деле где-то в углу стоит невидимый придворный маг — на всякий случай, для контроля. А в кабинете Шеллара сидят у зеркала он сам, эльфы и, наверное, кто-то еще и тоже внимательно следят за ходом беседы...

Короткие официальные приветствия, вежливые поклоны, уверения в несказанной радости от встречи с обеих сторон — равно неискренние, как показалось Кире. Она, конечно, знала, что с той стороны контакта желали и действительно ему обрадовались, но вряд ли это относится к

непосредственным исполнителям. Выгоду получит кто-то другой, а их работа — делать нехорошие намеки вооруженной женщине, имея при этом в качестве защиты только дипломатический статус. То-то у почтенной дамы сквозь маску учливой доброжелательности проступает страх, а пожилой господин, произносящий приветственную речь, в своей торжественности напоминает воина, бесстрашно смотрящего в глаза смерти... Или это ее фантазии? Надо будет потом спросить у Шеллара, если что-то было — он наверняка заметил...

— Неудивительно, —
прокомментировал Раэл, чуть
покачивая бокалом и издали любуясь
картинкой в зеркале. — Ведь у них
действительно есть причины бояться.
И вовсе не того, что Кира, поняв
намек, вспылит и накинется на них.
Нет, на этот счет они совершенно
спокойны. Но за свою
продолжительную карьеру в
Ассамблее и господин Иводзума, и
госпожа Метлецкая не раз лично
встречались с «глазами Дира» и
понимают, что их сегодняшние
действия могут иметь для них
последствия.

— И все же действуют, —

заметил Шеллар.

— Их работа включает элемент риска. А последствия лишь вероятны, а не неизбежны. Кстати, ты заметил, что Кира тоже учуяла их опасения?

— Разумеется. Воины чуют слабинку противника, его страх для них — как запах крови для хищника. А третий? Что скажете о нем?

— Грант еще молод. Тщеславен. Самоуверен. Из той породы «золотой молодежи», что никогда не знала отказа ни в чем и поэтому полагает, что может все, имеет право на что угодно и ничего ему за это не будет. Никогда не сталкивался с серьезными трудностями и не получал жестоких

уроков от жизни. Я уверен, старшие и более осмотрительные коллеги воспользуются его слабостями, чтобы аккуратно спихнуть на него наиболее щекотливые вопросы.

— Те, которых сами боятся?

— Именно. Ну и кроме того, он молод, хорош собой и сексуально привлекателен, это еще одна из причин, почему к переговорам с дамами привлекли именно его.

— Они надеются этим очаровать Киру? — Шеллар удивленно приподнял бровь. — У них что, настолько плохо с информацией?

— Не думаю, что это вообще просчитывалось всерьез. Просто на

всякий случай, вдруг выстрелит. Ты бы видел, какую красавицу снарядили к Элвису.

Они умолкли, прислушиваясь к разговору в зеркале. Господина с приветственной речью сменила дама. Глубоким, хорошо поставленным голосом она принялась вещать о сказочных перспективах грядущего контакта, о знаниях и технологиях, которые позволят менее продвинутому миру совершить гигантский скачок в развитии, о взаимовыгодном сотрудничестве в области торговли и культуры, и такое радужное будущее вырисовывалось из ее рассказа, что даже в самых смелых

мечтах не могло привидеться.

— Интересно, — подал голос Шеллар, — Элвису сейчас излагают тот же текст или с вариациями?

— Тот же, — уверенно предположил Раэл. — Если хочешь, потом сверим. Частности начнутся позже.

— О, я не допускаю даже тени сомнения, что конкретные приманки будут разными, — усмехнулся король. — Уж конечно Элвису не будут предлагать новый глаз, у него свои пока на месте. Я даже не уверен, что ему вообще могут что-то интересное предложить. Насколько я знаю, добавить четыре-пять пальцев

роста не в состоянии даже у них.

— Думаю, его тоже будут ловить на младенца, — предположил глава Темной Канцелярии. — Пообещают найти и вернуть прежде, чем об этом узнаешь ты, чтобы Элвис мог сохранить перед тобой лицо.

— И при этом не просчитают, как быстро кузен Элвис догадается, что тем же младенцем будут шантажировать меня?

— Возможно, так и будет. А если просчитают, то превентивно заверят, что ничего подобного не планируют, ибо с тебя и новой ноги достаточно.

— Все равно хлипковато для Элвиса. Что ж, потом увидим. Давай-

ка послушаем, что скажет молодой человек. Похоже, самый щекотливый вопрос действительно оставили ему.

Самый младший из иномирских дипломатов не понравился Кире сразу. Если в старших чувствовались выдержка, опыт и внутреннее достоинство, то этот, казалось, весь состоял из вальяжного самодовольства. Держался он так, словно не для серьезной беседы сюда явился, а исключительно произвести впечатление на дам. Все, о чем он говорил, Кира слышала еще вчера в изложении Шеллара и могла лишь отметить, что супруг выразался

яснее. Настолько, что даже перевод с дипломатического на общепринятый не требовался.

Чем больше говорил молодой дипломат, тем больше он раздражал королеву и тем труднее становилось сохранять на лице выражение вежливой заинтересованности, но Кира стойко терпела и готова была держаться, сколько потребуется. Тина, более привычная к светским условностям, без труда изображала милую, но малость блаженную марионетку, не вполне понимающую, что она здесь делает и кто все эти люди. Можно было смело спорить на что угодно, что вот эту кукольную

мину с восторженно распахнутыми глазами она подсмотрела у сестры. Не хватало только заинтересованно приоткрытого ротика, но тогда был бы уже перебор.

Когда оратор умолк, выжидающе переводя взгляд с одной дамы на другую, словно ожидал ответа на высказанную в конце выступления «надежду на взаимопонимание», Тина заговорила первой, так как ее величество замешкалась, не уверенная — следует ли ей именно сейчас выдать заготовленный ответ или подождать более конкретного повода?

— Это так мило с вашей стороны. — В глазах госпожи регента

просияло искреннее умиление, словно она только что получила в подарок прехорошенькую шляпку или что-то в этом роде, чему там обычно девушки радуются. — Позвольте заверить, что мы очень ценим вашу помощь, и выразить глубочайшую благодарность...

Кира терпеливо выслушала ответную речь — благо ее высочество не стала растягивать оную на полчаса — и, едва лишь отзвучали заверения, выражения и надежды, поспешила подхватить:

— Позвольте мне со своей стороны также заверить глубокоуважаемых послов в моем

совершеннейшем почтении и поблагодарить за великодушное предложение. Однако мне показалось, что наши добрые соседи не вполне правильно понимают суть проблем, с которыми мы здесь столкнулись, из-за чего им сложно оценить, какая именно помощь нам сейчас пригодилась бы. Видите ли, главная проблема, кою мы действительно неспособны решить без посторонней помощи, заключается в нескольких раскиданных по континенту устройствах, блокирующих магию. Эта злонамеренная диверсия — дело рук тех самых преступных элементов, которые, как вы верно заметили,

проникли к нам из вашего мира и перекупили устройства у прежних наших врагов. Если бы вы помогли нам разыскать их и уничтожить, наша благодарность была бы поистине безгранична. А остальные проблемы мы бы тогда решили сами.

Послы единодушно скорчили одинаково скорбные мины, словно три дня перед зеркалом тренировались, — чтобы и трагизм, и сочувствие, и без лишнего пафоса.

— Боюсь, все не так просто, — безрадостно поведал все тот же господин Грант. И как можно было найти сходство между этим лицемером и милейшим маэстро

Гарри? Да он второй Артуро Сан-Барреда, и даже хуже, потому что тот врал вдохновенно и неумело, а этот — расчетливо, холодно и в полной уверенности, что уличить его невозможно. — Дело вовсе не в этих устройствах. Уже не в них. На днях наши стражи захватили и уничтожили одно из них, когда раскрыли убежище преступников, и, увы, от этого ничего не изменилось. Как полагают наши ученые, длительное применение этих устройств нарушило что-то важное в самом строении мира, и магия стала из него уходить. Сейчас пострадала лишь часть континента, но прогнозы неутешительны — область

катастрофы будет со временем только расширяться. Это одна из причин, по которым мы решились предложить вам помощь. Очень скоро вам придется срочно искать замену всему, что ранее работало на магии, и новые технологии были бы весьма кстати в этой ситуации.

«И придет это время где-то через луну — когда у вас кристаллы вырастут», — мысленно прокомментировала Кира, а вслух вежливо возразила:

— Позволю себе не согласиться. Это всего лишь гипотеза. Ваши ученые могут ошибаться — это весьма вероятно, учитывая, что о магии в

вашем мире известно крайне мало. У наших магов-теоретиков может быть другое объяснение происходящему. Да и остальные два устройства пока не найдены, и где они находятся — неизвестно. Все дело может быть просто в них. Нужно прежде всего найти их и хотя бы одно показать нашим ученым в действующем виде. И только потом, если совместные исследования подтвердят какую-то из версий...

— Совместные исследования были бы прекрасным способом продемонстрировать взаимное стремление к сотрудничеству и добрую волю обеих сторон, — с едва

заметным оттенком сочувствия произнесла дама, — но прежде чем мы сможем к ним приступить, мы должны для начала установить дипломатические отношения, без которых само пребывание на вашей территории наших специалистов будет незаконным.

— Дальнейшие действия и конкретные детали можно будет обсудить позже, — поддержал ее пожилой хин. — После того как будет принят основной договор, определяющий статусе сторон и характер отношений. Мы привезли вам экземпляр проекта, чтобы вы могли ознакомиться...

— Благодарю вас. — Кира сидела ближе, чем Тина, поэтому сама протянула руку за документом. — Его величество обязательно ознакомится и, возможно, пожелает обсудить что-то дополнительно, прояснить какие-то моменты, внести поправки...

— Как скоро он прибудет? — живо заинтересовался темнокожий дипломат. — Дело в том, что все это следует сделать как можно скорее, в идеале — прямо сегодня. Чтобы уже завтра-послезавтра можно было собраться для подписания.

— Что вы, это невозможно. — Тина безукоризненно изобразила светское «легкое недоумение». —

Проект нужно обсудить с остальными правителями, а собрать их всех вместе потребует времени. Без телепортации — очень много времени. К тому же, зная моего кузена, я уверена, что у него будет множество вопросов и предложений по тексту договора.

— С транспортом мы можем помочь, — предложила дама. — Наши телепортационные кабины удобны и совершенно безопасны. Кроме того, для обсуждения не обязательно всем присутствовать лично — наша связь позволяет видеть и слышать собеседника из любой точки планеты.

— Я даже покажу, если позволите, — мигом вскинулся Грант

и, не дожидаясь ответа, выложил на стол нечто весьма напоминающее знаменитую папку Флавиуса. — Как раз сейчас наши коллеги в Лондре тоже ведут переговоры. Мы не будем их отвлекать, а просто взглянем...

На внутренней стороне «обложки» высветился знакомый малый зал Элвиса и сам король, восседающий за столом переговоров в обществе сестры и супруги. Тина старательно удивилась и восхитилась, а Кира сдержанно уточнила:

— Это вроде того, что наши маги делают с зеркалами?

— Да, только магия для этого не нужна.

— ...Вчера из жилого дома на окраине столицы, — ровным бесцветным голосом вещала между тем Элизабет, что-то выкладывая перед собой на столе, — был похищен младенец мужского пола шести с половиной лун от роду. И на месте преступления сотрудники моего ведомства обнаружили вот эти предметы, вне всяких сомнений происходящие из вашего мира. Хотелось бы услышать объяснения — как сей факт согласуется с вашими понятиями о дружбе и сотрудничестве.

Сами предметы в поле зрения не попали, и ответ послов ничего не

прояснил, поскольку произносился на их родном языке, поэтому Кира обратилась к сидящим напротив:

— О чем речь?

— Мы ведь уже упоминали о преступниках, проникших в ваш мир, — извиняющимся тоном пояснил господин Иводзума. — К сожалению, объяснить, зачем им понадобилось похищать младенца, мы пока не можем, но, судя по тому, что способ и объект похищения выбраны не по принципу наименьшей сложности, можно предположить, что кому-то нужен был именно этот конкретный ребенок...

В разговор включился Элвис —

видимо, ему задали закономерный вопрос, с чего это спецслужбы и лично глава государства занимаются вопросами уровня рядовых полицейских. Или поинтересовались родителями. Или еще какие-то подробности пожелали уточнить.

— Скажем так... этот младенец для меня не чужой. — Если бы Элвис не попытался сначала увильнуть от ответа, отделяваясь иносказаниями, ему б не поверили даже иномирские послы. Пусть они и видят его впервые в жизни, все сведения о его величестве наверняка заранее изучили. — И для меня очень важно найти его как можно скорее, пока о

похищении не узнали некие близкие мне люди, по просьбе которых я должен был его спрятать и сохранить.

В ответ опять залопотали что-то непонятное.

Кира стойко демонстрировала недогадливость и невосприимчивость к намекам.

— Хорошо, буду откровенен, если это так важно для вас, но считаю себя вправе ожидать ответной любезности. Не сообщайте пока ничего Шеллару. — Пауза, ответная реплика. И неохотное подтверждение: — Это не проговаривалось прямым текстом, но у меня сложилось то же мнение. Именно поэтому для меня

вопрос чести найти и вернуть его, чего бы это ни стоило.

— А я не поняла... — растерянно произнесла принцесса.

— Я поняла одно, — твердо произнесла Кира. — Элвис хочет что-то скрыть от Шеллара. И уж я-то позабочусь, чтобы Шеллар обязательно об этом узнал.

Посол торопливо захлопнул папку.

— Ах, как неудачно мы выбрали момент... А ведь наши коллеги, наверное, пообещают Элвису хранить тайну...

— Они в самом деле точно

синхронизировали оба разговора или в записи пустили? — Шеллар, полюбопытствовал Шеллар, придирчиво оглядывая сапоги — достаточно ли пыльные, чтобы не возбуждать подозрений.

— В записи, конечно, — охотно пояснил Раэл. — Ты уже собираешься идти?

— Да, пожалуй, пора выходить на исходную позицию. Долго изображать непонимание при таком четком раскладе Кире уже не удастся. Сейчас ее аккуратно спросят, кого бы я мог подсунуть Элвису на сохранение, и придется «догадаться», иначе они поймут, что настолько запредельная

глупость может быть лишь притворной. Далее пойдет простая схема: «чтобы мы могли вмешаться и заняться розыском преступников и похищенного младенца, нам надо сначала подписать договор, и как можно скорее, поэтому быстро подписываем все как есть, а потом будем разбираться». Тут уже требуется мое присутствие.

— Тогда удачи, — едва заметно усмехнулся эльф.

— Благодарю. — Шеллар ответил почтительным кивком и направился к двери.

Переход через коридор занял у него не более минуты, но этого

времени ее величеству хватило, чтобы вплотную приблизиться к международному — даже межмировому! — скандалу.

При виде входящего короля она мгновенно умолкла и приветствовала его официальным поклоном.

— Прошу простить мне столь вопиющее нарушение протокола, — тоже с поклоном произнес Шеллар, не останавливаясь у порога, а направляясь сразу к столу переговоров. — Однако я и без того непростительно опоздал, поэтому терять время на церемонии было бы излишеством. Ваше величество, извольте сесть. Ваша поза тоже

является нарушением протокола, и, боюсь, у вас нет для этого достойного оправдания.

— К демонам протокол! — взрыкнула королева. — У нас похитили ребенка!

— Согласен, это серьезная причина для тревоги, но тем не менее столь откровенно демонстрировать свои переживания перед иноземными послами королеве не подобает. Я убедительно прошу вас удалиться и предоставить дальнейшее обсуждение мне. — Он ободряюще улыбнулся и добавил: — Я разберусь с этим. Не беспокойтесь, дорогая. Вы же знаете — я умею решать любые вопросы.

Ваше высочество, будьте любезны, представьте мне уважаемых послов и затем можете тоже быть свободны. Я знаю, вас утомляют дипломатические церемонии.

Послы вежливо ждали. Профессионально-любезные улыбки на их лицах застыли словно приклеенные.

Хотя переговоры с королем планировались с самого начала, все трое прекрасно понимали, что с его появлением проще не станет. Конечно, ему не придется намекать по три раза, с ним всегда можно договориться, и, без сомнений, он умеет достойно проигрывать. Но

отчего-то навязчиво вспоминается его предыдущая капитуляция. И чем она закончилась для победителей...

За последние полгода старая традиция собраний Международного Совета основательно подзабылась, и присутствие придворных магов уже воспринималось как само собой разумеющееся. Да и сами собрания больше напоминали не то военные советы, не то тайные сборища заговорщиков. Сегодня их величества соблюдали конспирацию особенно тщательно — официально удалялись в опочивальни, закрывали за собой двери, гасили свет и уже в полной

темноте ждали придворных магов.

По тем же причинам пришлось отказаться от привычных дворцовых залов и кабинетов, а также от любого вида прислуги и охраны — даже самые близкие и преданные из них были бы нежелательными свидетелями. Заседание проходило в лесной хижине Семерки — стосковавшиеся по цивилизации хозяева радостно покинули ее еще два дня назад и охотно разрешили почтенным мэтрам пользоваться (при условии, что не будут мусорить, бить посуду, топтать огород и раздавать ориентиры кому попало).

Когда прибыл Шеллар,

большинство уже собралось — традиционно опаздывали только Факстон и Агнесса. Александр и Лао вполголоса что-то обсуждали, Пафнутий, по обыкновению, молчал, заинтересованно к чему-то приносиваясь. Орландо, с трудом сдерживая расплывающуюся ухмылку, наблюдал за Элвисом. Король Лондры внимательно изучал взятый с полки стакан, и лицо у него было такое, словно он открыл для себя неизведанные ранее стороны жизни. Видимо, он никогда не предполагал, что кроме чистой и грязной посуды существует еще и «теоретически вымытая».

— Как у вас все прошло? — поинтересовался Шеллар, приветствуя одним поклоном сразу всех собравшихся.

Элвис осторожно, словно опасаясь заразиться, вернул стакан на место и вежливо сообщил:

— У меня сложилось впечатление, что уважаемые гости имеют ложное представление об уровне моего умственного развития.

— Я бы сказал «об уровне нашей информированности», так будет точнее, — поправил Шеллар, присаживаясь рядом. Несмотря на то что комнату давно отмыли, вернули на место шкаф, застелили пол и даже

обеспечили подушечки для сидения, он чувствовал себя здесь неуютно. Пожалуй, Ольга забудет обо всем довольно быстро, а вот ему с его выдающейся памятью придется сложнее...

— Нет-нет, об их неосведомленности касательно нашей информированности я знал заранее. Но даже предположить не мог, что меня сочтут настолько доверчивым. Вообрази, дорогой кузен, — они пообещали мне скрыть от тебя факт похищения и даже не усомнились, что я в это поверю!

— У них не было оснований сомневаться, — заверил Шеллар,

старательно отводя взгляд от двери в маленькую комнату. — Одним из поставленных мне условий было изображать полное неведение, следовательно, для тебя подготовили убедительное подтверждение.

— Расчет на твое полное подчинение тоже кажется мне слишком смелым, — заметил Элвис.

— Исходя из доступной им информации расчет был правильным, — возразил Шеллар. — Я и сам бы рассчитал так же. При необходимости выбора из двух зол я всегда стараюсь найти третий вариант и, чтобы выиграть время на поиски, могу пойти на частичные уступки.

Весь фокус в том, чтобы под видом частичной уступки вынудить меня сделать шаг, который впоследствии окажется необратимым.

— А на чем сошлись в итоге? Тебе хоть пообещали вернуть? Профессиональный интерес.

— Разумеется, пообещали. Намекнув при этом, что по возвращении ребенка его место займет кто-то другой. Моей отважной супруге не помешало бы посетить клинику регенеративной хирургии. Кузине требуется помощь психолога, и, возможно, их продвинутая медицина сможет разобраться, отчего она так и не смогла стать матерью.

Насчет Элмара и меня самого можно не объяснять...

— Тонко, — оценил Элвис. — Но ведь рано или поздно у тебя родственники кончатся.

— К тому времени будет поздно что-либо предпринимать, на это и был расчет.

— А что еще от тебя потребовали? Склонить на нужную сторону остальных?

— Предлагали заняться этим нынче ночью и даже обещали помочь с телепортом. Я отказался. Нет необходимости — со всеми можно переговорить непосредственно перед подписанием. Александр, Агнесса,

император Лао и Орландо прислушиваются к моему мнению, и убедить их будет делом нескольких минут. Факстон и без того с восторгом воспримет возможность расширить рынки сбыта и усовершенствовать технологии. С тобой уже договорились. А одинокое частное мнение Пафнутия ничего не изменит, каким бы оно ни было.

— И они поверили?

— Я очень убедительно опасался лезть в их телепорт без гарантий, что вылезу оттуда живым и в нужном месте.

Элвис завистливо вздохнул и подытожил:

— У тебя было интереснее.

— Не переживай. Завтра будет еще интереснее, и уж это ты не пропустишь.

— О, в этом можно не сомневаться! — донеслось из серого облачка, возникшего у печки. Голос мэтрессы Морриган напоминал мурлыканье сытой кошки, не просто поймавшей мышку, а по меньшей мере обнаружившей тайный ход в кладовую колбасной лавки. — Завтра будет весело, уж это я вам обещаю.

— А где мэтр Вельмир? — уточнил Элвис, обнаружив, что мэтресса прибыла одна.

— Он зайдет за Джоаной. Кстати,

в ее возрасте пора бы уже освоить больше одной школы хотя бы на начальном уровне. Телепортация не столь уж сложна, зато насколько проще стало бы и ей и нам.

Короли тактично промолчали, все как один подумав, что подобные вопросы почтенные магистры обычно решают между собой, а их величеств это не касается. А если и касается, то не в той степени, чтобы поддерживать беседу на сомнительные темы.

Едва мэтресса успела отойти от точки телепорта, на этом же месте появились Ален с Агнессой. Королева-мать даже для такого случая не решилась сделать исключение —

на ее руках мирно посапывал его величество Шарль VI, которого она последние несколько лун не отпускала от себя ни на мгновение.

Шеллар грустно полюбовался на эту идиллию и спрятал уже почти набитую трубку.

Обмен приветствиями еще продолжался, когда появились последние участники совещания, и опять пошел по кругу. Затем посыпались вопросы, которых за то время, что президент Совета Магнатов был лишен возможности видеться с прочими правителями, накопилось великое множество. Эта милая задушевная болтовня рисковала

затянуть заседание надолго, поэтому Шеллар спешно предложил начать, а все вопросы, что сыпались сейчас из их величеств, выяснить по ходу дела.

В общих чертах ситуация всем была известна, поэтому в своем докладе он уделил больше внимания юридической стороне дела. Тезисно изложил основные положения договора Раэла, в нескольких словах охарактеризовал позиции сторон, коротко описал историю взаимоотношений трех миров и как раз намеревался перейти к обсуждению их собственного места в межмировом сообществе, когда вдруг заметил, что Агнесса клюет носом,

Александр тайком зеваает, а Орландо с мэтром Аленом, укрывшись за широкой спиной Пафнутия, втихомолку играют в «башенки».

Это натолкнуло его на мысль, что доклад, наверное, следовало сделать еще короче и постараться уложиться в два часа, но, видят боги, он не представлял себе, что еще можно было сократить, — и так ведь половина необходимой информации осталась без внимания...

Шеллар сделал паузу, достаточно долгую, чтобы все присутствующие проснулись, заинтересовались и вновь обратили внимание на него. Последним опомнился Орландо —

состроил виноватую рожицу и даже извинился, но фишки убрать не потрудился, лишь как бы невзначай прикрыл их беретом.

— Итак, предложенный нам договор, который, надеюсь, все успели изучить заблаговременно, призван юридически урегулировать сам факт установления взаимоотношений между двумя мирами. Поскольку, согласно ему, инициатива исходит от нас, тем самым наш мир выводится из сферы действия предыдущего договора и всякие ограничения с наших партнеров снимаются. Фактически они смогут на законных основаниях

делать все, что сочтут нужным, — вмешиваться в наши внутренние дела, вести свою пропаганду, оказывать экономическое давление и даже развязывать вооруженные конфликты, если найдут для этого подходящий предлог. Уточняю — подходящий по их законам, а не по нашим, поскольку обоснование своих действий им потребуется лишь для своей внутренней оппозиции и собственного населения. Да и то не потому, что в противном случае им кто-то что-то запретит, а просто чтобы красиво выглядеть. С нами же и вовсе никто считаться не намерен.

— Так я и знал! — не удержался

Факстон.

— Тебе тоже успели сделать предложение? — заинтересовался Шеллар, прервав ради такого дела свой доклад. — Когда?

— Давно уже, еще весной... Или в начале лета. И не только мне, а почти всем членам Совета Магнатов. Мы еще тогда специально собрали тайное заседание, чтобы это обсудить. И я еще тогда сказал: господа, вы же сами понимаете, что значит связываться с неизвестными партнерами, которые неведомо откуда вылезли, и что у них на уме, вы знать не знаете. Сначала вам обещают неописуемую прибыль и сказочные

перспективы, а потом вы оглянуться не успеете, как эти новые партнеры отожмут ваш бизнес и хорошо, если в живых оставят. Я знал, я чувствовал — конкуренты это, а не партнеры!

Мэтресса Джоана уставилась на внука с умилением и гордостью, словно призывая всех оценить блестящие результаты ее воспитательных трудов.

— Ты был совершенно прав, — кивнул Шеллар. — И я очень рад, что тебе не придется отдельно объяснять, насколько губительным может оказаться стремление к сиюминутной выгоде. Господа с тобой согласились?

— Почти единодушно, но

гарантировать столь же единодушную искренность я бы не рискнул.

— А делился ли ты этой информацией и своими соображениями с партнерами-гномами?

— Нет, — удивился Факстон. — А надо было?

— Не уверен, что в то время это было уместно, но сейчас... Я вот с Рутгером поделился. Впрочем, мой пример никого ни к чему не обязывает, у меня с кланом Сигмар особые отношения. Позвольте продолжить. Как я уже упоминал, наши соседи вовсе не ставят себе целью завоевать, разграбить и

уничтожить наш мир — они скорее духовные собратья Факстона, и цель их проста — получить прибыль. Вполне вероятно, что, если бы это можно было проделать на основании взаимовыгодного партнерства, конфликта вовсе не произошло бы. Но наши миры слишком разные, а если к тому же лишить нас магии — условия становятся слишком неравными. Сегодня послы битый час расписывали нам с Элвисом невероятные достижения техники, медицины и науки, которые их мир может нам предложить, и это действительно нужные и полезные знания. Но, как разумные люди, мы не

можем не задаться вопросом: что они хотят получить взамен? И что мы можем им предложить? Ведь никто из присутствующих, надеюсь, не рассчитывает, что нас желают облагодетельствовать бесплатно, от широты души?

— Помнится, речь шла о сырье и продовольствии... — припомнил Факстон.

— И экзотическом туризме, — добавил Элвис.

— Думаю, вы понимаете, что это значит. В условиях открытого торгового обмена мы через десяток лет превратимся в захудалую колонию, источник дешевого сырья и

еще более дешевой рабочей силы, причем не по чьему-то злому умыслу, а просто в силу естественных экономических причин. Более того, мы остановимся в развитии и утратим возможность когда-либо достичь того же уровня, что и наши соседи. Регулировать происходящие в обществе процессы нам не позволят — наших партнеров устроят лишь послушные и согласные правители, тех же, кто посмеет встать между ними и их законной прибылью, быстро заменят на какого-нибудь Астуриаса.

— Кстати, кто-нибудь знает, куда он подевался? — заинтересованно

вскинулся Орландо.

Почтенные мэтры переглянулись, пряча усмешки.

— С ним случилось ужасное несчастье, — уклончиво намекнул Шеллар. — Ты же маг, неужели сложно просчитать простейшую логическую последовательность?

— Да нет же, что с ним случилось, я понял. Но не знает ли кто-нибудь, где он теперь? У меня есть чудесная маленькая витринка и уйма свободного места в королевском музее...

— Мне очень жаль, но экспонат был безнадежно испорчен. И давайте не отвлекаться, нам еще надо

выработать конкретный план действий на завтра.

— А что тут думать? — с легким удивлением в голосе произнес император Хины. — Бесчестить себя нападением на послов вряд ли кто-то согласится, но мы можем просто отказать им и выгнать. Мы можем даже отказать вежливо, извиниться и проводить с почтением.

— Если бы вопрос решался настолько легко, мы сделали бы это давно. Беда в том, что отказать от контакта — не значит избавиться от навязчивых гостей. Сами подумайте: почти полвека они незримо присутствовали в нашем мире, и мы

ничего не знали о них. Что им мешает продолжить пассивное наблюдение, выжидая между делом удобного случая повторить попытку?

— А может... — неуверенно начал Александр, оглядываясь на придворного мага, как будто искал поддержки.

— Нет-нет, открытый военный конфликт — это никуда не годное решение, с какой стороны ни глянь. Единственный способ обезопасить себя на ближайшее будущее — это получить реальный, эффективный контроль над пребыванием их людей в нашем мире и возможность изучать их так же, как они изучали нас. Наше

общество тоже не стоит на месте, мы развиваемся, растем, познаем новое, и кто знает — может быть, через несколько столетий дозреем до полноценного, равноправного контакта. А пока нам стоит узаконить уже существующий статус, вступив в сообщество цивилизованных миров, но не на тех условиях, которые нам пытаются навязать, а на более приемлемых для нас. Вот здесь я кратенько, в общих чертах, набросал проект...

— Ваше величество! — не удержался придворный маг, и в голосе его мгновенно появились знакомые нотки рассерженного наставника. —

Прошу меня простить, но, думаю, что выражу общее мнение, если осмелюсь напомнить, что краткий проект не может занимать восемнадцать листов мелким почерком на обеих сторонах. А также обратить ваше внимание на стрелки часов, которые в настоящий момент показывают без четверти час ночи.

Шеллар внимательно сверился с часами, уточнил, что на самом деле сейчас двенадцать сорок три, и отложил свой проект, пообещав изложить его быстро и сжато за оставшиеся семнадцать минут. Если все будут слушать внимательно и кто-нибудь отберет у Орландо игрушки.

ГЛАВА 13

И резолюция была подписана: Пух, Сова, Пятачок, Иа, Кролик, Кенга, Большая Клякса (это была подпись Тигры) и Три Маленькие Кляксы (это была подпись Крошки Ру).

А. Милн

— Привет! — Жак боком протиснулся в дверь, воровато оглядываясь и придерживая под мышкой что-то похожее на широкую черную доску. Мельком оглянулся на

дверь в соседнюю комнату, откуда доносился негромкий размеренный напев, и уточнил: — Кантор тоже здесь?

— А где он, по-твоему, должен быть? — удивилась Ольга, сползая с кровати, чтобы встретить гостя. Мимходом проверила, завязаны ли тесемки, на месте ли поясок, в порядке ли волосы — словом, не выглядит ли она лахудрой в ночнушке. У этих поморских рубах грань между одеждой и исподним весьма тонка и зависит от незначительных на первый взгляд нюансов, а Ольга о таких мелочах вечно переживает, словно о чем-то страшно важном. Ладно бы

еще король пришел, но тут же все свои...

Колыбельная смолкла, и через несколько мгновений появился и Кантор — непривычно безоружный, в полурасстегнутой рубаше и в тапочках. Жак уж и не помнил, когда последний раз видел его таким.

— Я думал, как обычно, на боевом посту, — пояснил он, пристраивая свою ношу на столике. — У оптического прицела, орлиным глазом следит за малейшим движением в зале... Тебе что, решили именно на сегодня дать выходной как особо семейному товарищу?

— Хрень какая... — нахмурился

Кантор. — На самом деле я здесь, потому что драгоценный мой папенька велел забиться подальше и не отсвечивать своей подозрительной физиономией, компрометирующей его перед начальством.

— Да ведь все всё равно знают!

— Я тоже так думаю, но он не хотел об этом лишний раз напоминать. И подозреваю, очень не хотел, чтобы в случае, если стрелять все же придется, это оказалось связано с Семейей. Пусть даже я принадлежу к ней только формально. А ты что тут делаешь?

— Спасая вас от скуки и мук неутоленного любопытства, —

хихикнул Жак, вытаскивая экранную рамку. — Вы же хотите узнать, что там будет?

— Ой! — спохватилась Ольга, отрывая зачарованный взор от игрушки из будущего. — А деточка спит? Мы ее не разбудим?

— Спит, — пожал плечами Кантор. — Как только я ее на руки взял, так и уснула.

— Я думала, ты ее укачиваешь, — ласково рассмеялась Ольга. — А тебе просто попеть захотелось?

— Вдохновляет, — усмехнулся маэстро. — Не бойся, не проснется. От моего пения ведь не проснулась. Не думаю, что переговоры будут

намного громче. Даже если и начнется крик, мы все равно дверь закрыли.

— Деревня! — с умилением произнес Жак и протянул им по небольшой полукруглой шуковине. — Держите клипсы. Рассаживайтесь, почтеннейшая публика, шоу начнется минут через пять.

— А кто-то знает, что ты подсматриваешь? — вкрадчиво поинтересовалась Ольга. — И где ты вообще взял... э-э-э... насколько я понимаю, это компьютеры у вас такие, да?

— Знает? — фыркнул Жак. — Да

я тут, если хотите, не просто развлекаюсь, а документирую исторический момент, как изволил выразиться его величество. Толик в зале с камерой, я здесь на приеме.

— Как всегда, невидимый? — уточнила Ольга.

— Конечно. Официально съемка тоже ведется, но знаем мы эти государственные инфоканалы — потом для новостей нарежут на свое усмотрение...

В дверь робко постучали.

— Можно войти?

— Конечно! — отозвался Жак, недоумевая, с чего Терезе понадобилось стучать и

переспрашивать. Да если бы даже Ольга в эту минуту кормила грудью, неужто Тереза каким-то образом помешала бы?

В следующий миг его недоумение сменилось пониманием. Ну конечно же, разве могла Тереза отказать несчастным больным, если они даже не попросили, а только вежливо поинтересовались, а нельзя ли и им...

Первым в дверной проем с трудом протиснулся Элмар на костылях, за ним, слегка прихрамывая, вошел Виктор, следом проскользнула Тереза и аккуратно прикрыла дверь. Остальной лазарет она, к счастью, не прихватила.

Диего уступил даме стул, а прочим приглашающим жестом указал на кровать.

— Вы тоже хотели посмотреть? — уточнил Жак, слегка растерявшись от внезапного прибавления публики. — Хоть бы предупредили, я только три клипсы взял... Тереза, возьми мою, я все равно сейчас на штекер сяду...

Диего молча протянул свою шуковину Виктору.

— Я и так услышу, — пояснил он. — А Элмару не надо, он все равно ничего не слышит.

— А смысл тогда?.. — пожал плечами Жак.

— А компания?! — возмутилась
Ольга.

— Каковы ставки? —
поинтересовался агент Кангрем,
присаживаясь рядом с Элмаром на
покрывало. — Кто-то еще, кроме
посвященных, поставил на
правильный вариант?

— Да предостаточно. — Жак
хихикнул и принялся разматывать
провод от штекера. — Есть люди,
которые просто желают верить в
высшую справедливость. Есть
рисковые ребята, которые всегда
ставят на самый маловероятный
вариант в надежде, что счастливый
случай принесет им крупный

выигрыш. Есть такие, что задницей чувят. Есть, в конце концов, просто проницательные, вроде его величества... В общем, если все пройдет как ожидается, мы с тобой получим раза в два меньше, чем рассчитывали.

— Я не ставил, — мимоходом заметил Виктор.

— Почему? — искренне изумился Жак.

— Да ну на хрен! Не хватало еще, чтобы из-за моего невезения такая афера накрылась!

— Опять ты за свое... неужели не убедился до сих пор, что все это бред?

— Насчет всего остального —

может, и так, но когда речь идет о деньгах — просто злой рок, иначе не скажешь. Я ни разу в жизни ничего не выиграл, даже когда ставил на боях без правил, где всех знал как облупленных. Нет уж, лучше не рисковать.

— Маньяк... —
прокомментировал Жак и предупредил: — Я сейчас подключаюсь и после этого... как бы немного не здесь буду. Разговаривать я смогу, а вас слышать — нет. Поэтому если что-то важное надо будет сказать — вот сюда, в дырочку. А по пустякам меня не отвлекайте.

В дверь опять постучали.

— Это еще не все? — Жак замер с занесенным штекером.

— Мне можно войти?

— Мафей? — чуть ли не хором изумились все присутствующие. Кроме Элмара, который не слышал ни стука, ни голоса.

— Да входи конечно... — проворчал Жак. — Ты-то что здесь делаешь? Неужели там для тебя дела не нашлось? Хотя бы на телепорте?

— Господин Раэл предупредил, чтобы я не показывался, — пояснил Мафей, чуть ли не на цыпочках прокрадываясь в комнату. — Мое лицо однажды засветилось где не надо, и было бы неудобно и

неуместно, если бы меня вдруг кто-то опознал. А мне ведь тоже интересно, что там будет.

Жак махнул рукой и слегка усилил звук, понимая, что клипс все равно на всех не хватит. Мафей протянул руку и достал из воздуха грифельную доску.

— Если бы я знал, что Элмар тоже здесь, я бы ее сразу прихватил, — словно извиняясь, пояснил он. — Позвольте, я с ним рядом сяду, чтобы ему видно было.

Жак, фантазия которого не продвинулась дальше субтитров, отвергнутых за неимением нужной раскладки местных рун, мысленно

обозвал себя тупым гоблином.

— Это все или мы еще кого-то ждем? — уточнил он.

Зрители переглянулись. Затем Кантор осторожно поинтересовался:

— А ее высочество будет присутствовать на историческом мероприятии? Если нет, может быть, стоит и ее позвать?

— Не будет, — ответил Мафей, поднимаясь и откладывая доску. — Только правящие монархи. Супруги допущены, но без права голоса. Так я сбегаю за Тиной?

— Только быстро, — взмолился Жак. — Вот-вот уже начнется...

Мафей управился менее чем за

минуту. Но за эту минуту Кантор успел быстро о чем-то пошущукаться и с Ольгой и с Терезой. Первая озарилась сочувствием и быстро закивала, вторая недовольно нахмурилась, но обе зачем-то нацепили ненужные уже клипсы и уставились на экран, словно там уже было на что смотреть.

Мистралиец удовлетворенно оглядел сначала их, затем парочку на кровати и почему-то остался стоять. Наверное, чтобы не вскакивать лишний раз, когда войдет дама.

Едва прибывшие проявились в сером облачке, Кантор немедленно бросился к принцессе с

приветствиями и любезно предложил место на кровати. Рядом с Виктором, который немедленно обеспокоился и сделал безнадежную попытку отодвинуться. Вот только для этого ему пришлось бы подвинуть Элмара, а принц-бастард всегда славился несокрушимостью. Тина беспомощно скользнула взглядом по девушкам на стульях и убедилась, что они ее не видят и не слышат. А нахальный мистралиец уже подхватывал даму под локоток со всей своей кабальерской обходительностью, ненавязчиво подталкивал, чуть ли не усаживал...

И как только бедная принцесса

все же села на предложенное место, паразит так ловко втиснул рядом свою поджарую задницу, что ее высочество оказалась практически вплотную прижата к Виктору.

Сначала оба прожгли возмущенными взглядами коварного манипулятора и наткнулись на обаятельнейшую улыбку и невиннейший взгляд.

— О, простите! — повинился Кантор и даже слегка отодвинулся. — Я вас толкнул. Нижайше прошу ваше высочество меня простить!

Извинение было произнесено безукоризненно и даже вроде бы искренне, но в голосе хитреца

появились подозрительно воркующие оттенки, а во взгляде промелькнул отблеск того самого неистового пламени, что бросало к ногам несравненного Эль Драко сердца самых неприступных красавиц.

Ее высочество поколебалась мгновение и осталась на месте, хотя около Кантора еще оставалось сантиметров пять свободного пространства.

Жаку было невыносимо интересно понаблюдать эту безмолвную игру далее, но увы — времени на развлечения уже не оставалось.

Кабину для высочайшей делегации смонтировали еще с вечера прямо в дворцовом парке, в одной из беседок. Хотели даже в самом здании, но его величество воспротивился решительно. Проявив неприятную для собеседников осведомленность, он указал на прискорбный факт, что сии ненадежные телепорты почти не защищены от взлома и недобитые злоумышленники могут этим воспользоваться. Возможность вломиться во дворец изнутри будет для них слишком большим соблазном.

В доказательство искренности подозрений его величества сразу же по окончании монтажа с одной из

дворцовых башен эффектно спланировал дракон и улегся вокруг беседки, напоследок продемонстрировав гостям все великолепие своей пасти.

Утром первые прибывшие контактеры выходили на свет с некоторой опаской, но к этому моменту страж беседки уже убрался со своего поста и нес почетный караул на Южной башне.

Семь представителей Союза Народов Альфы неторопливо следовали между двумя рядами конных паладинов, сияющих парадными доспехами, и со сдержанным любопытством

рассматривали дворец — то ли как достопримечательность, то ли как грядущее приобретение. Неискушенному зрителю могло бы показаться, что перед ним спокойные и уверенные в себе люди, честно выполняющие свой долг перед обществом, но более проницательный наблюдатель легко мог заметить некоторую напряженность и даже настороженность, скрытую под внешней любезностью. Хотя предварительная договоренность, казалось, была достигнута и до полного успеха не хватало лишь формального объявления и нескольких подписей, долгий опыт

работы в международной и межмировой политике выработал в этих людях привычку не доверять и внутреннюю готовность к любым неожиданностям, а Тенью большинство из них обладало с рождения. Обстоятельства могут в любой момент меняться, люди — внезапно пересматривать свои же решения, да и невозможно учесть все без исключения, всегда может всплыть что-то непредвиденное.

Источники непредвиденных осложнений следовали на пару шагов позади альфовской делегации и на первый взгляд выглядели мирно и безопасно, но можно ли доверять их

учтивому спокойствию? Светлый Эстелиад как-то слишком уж безмятежен для политика, проигравшего дипломатическую войну, и поди пойми — то ли он умело скрывает огорчение, то ли у него и в самом деле нет причин огорчаться, то ли все дело в непостижимой эльфийской ментальности и возвышенная ностальгия, с которой он сейчас озирает места своей юности, для него и вправду важнее низменных политических игрищ. Обычно бесстрастный Раэл сегодня выглядит еще бесстрастнее, чем обычно, и его холодное точеное лицо своей

неподвижностью традиционно напоминает мраморную статую. И опять же попробуй догадайся — бессильную ярость прячет он под этой маской или тайное злорадство, или же проблема вовсе не в этом, а просто косметику наложил чересчур густо и теперь боится даже мускулом шевельнуть, чтобы штукатурка не посыпалась...

Два верховных шамана шествуют с таким отрешенным видом, что поневоле возникают подозрения — точно ли это всего лишь культурная особенность или же старые ведьмаки втихомолку чужие мысли подслушивают, повода для скандала

ищут? Кое-какие меры против них, конечно, приняли — например, приготовили места на самом дальнем конце стола, подальше от Шеллара, чтобы хоть до него не достали, ну, еще кое-какие мелочи, но ведь всего не предусмотреть...

Поначалу все вроде шло гладко — приветствия, представления, рассаживание прибывших на заранее оговоренные места... Казалось бы, ничего подозрительного, но четверо из семи вдруг ощутили неясное беспокойство, на первый взгляд ничем не обоснованное. Остальные трое, наделенные Тенью в меньшей степени, прочли тревогу во взглядах

коллеги и тоже принялись внимательно изучать обстановку, пытаясь понять, что именно из неосознанных впечатлений могло вызвать такую реакцию.

Когда окончились приветствия и все уже расселись по местам, а король Ортана поднялся, чтобы произнести заранее подготовленное обращение к дружественной цивилизации с просьбой об открытии дипломатических отношений, причина была обнаружена. Вот только облечь ее в конкретную претензию было бы затруднительно — слишком уж эфемерны такие свидетельства, как взгляды, улыбки, выражения

лиц...

Слишком откровенная враждебность в глазах несдержанного короля Александра, слишком сладко-лукавая улыбочка короля Орландо, отсутствие следов тревоги о пропавшем ребенке во всем облике королевы Киры... Едва заметные мелочи, несущественные, неуловимые, каждая по отдельности вроде и не значит ничего, а в совокупности — заставляют задуматься и встревожиться.

Краткое вступление о важности происходящего в этом зале, о новом этапе в жизни нескольких миров и несказанной радости выступающего

по этому поводу завершилось, и, едва
речь пошла о деле, смутное
предчувствие абстрактного подвоха
окончательно оформилось в
конкретный и недвусмысленный
факт: его величество говорит совсем
не то, что должен бы сейчас говорить.

— ...Таким образом, исходя из
общих интересов держав — участниц
Международного Совета, мы
обращаемся к представителям всех
трех сторон договора Раэла с
просьбой о присоединении мира
Дельта к упомянутому договору в
качестве четвертой стороны, с
сохранением существующего статуса
закрытого мира и внесением в

договор необходимых дополнений, регулирующих...

Что же случилось? Аналитики крупно просчитались, прогнозируя поведение Шеллара? В исходные данные вкралась ошибка? Или они просто устарели — например, из-за пережитого за последние полгода в психике его величества произошли изменения, и теперь он, не дрогнув, жертвует ребенком ради блага государства? Или же изменился вовсе не он, а что-то в раскладе в последний момент?

Мысли о том, что этот расклад заранее спланирован именно в таком виде, а сами они оказались жертвами

чужой провокации, казалась невероятной. Не может такого быть, анализ ДНК не может ошибаться, если только образцы подменили...

— ...Пункт два. Агентство «Дельта», созданное для изучения культуры и быта мира Дельта, сохраняет свой статус секретной службы под совместным контролем государственных органов Альфы, Эпсилона и Дельты. Пункт три. Для изучения законов, быта и культуры мира Альфа организовать аналогичную структуру со стороны Дельты под совместным контролем тех же сторон...

Эльфы и шархи слушали с

вежливым интересом, никоим образом не проявляя удивления или облегчения. Впрочем, это ничего не значило — семеро представителей Альфы тоже никаких признаков растерянности не проявляли, хотя ни один из них не представлял себе, что теперь делать и как реагировать на внезапное изменение в ходе переговоров. Нет, вариантов-то каждый из них мог предложить по нескольку, но ни один не давал возможности вновь свернуть к первоначальному проекту. Обидеться на обман, отказаться подписывать и демонстративно покинуть зал? Безнадежно. Оставшиеся две стороны

подпишут, а перед ними потом поставят вопрос — как следует понимать их поведение? Как намерение разорвать договор и вернуться к прежней политике агрессии, захвата территорий и грабежа? А по собственной инициативе идти на конфликт, чреватый массой осложнений вплоть до войны, дураков нет. Отложить до прояснения всех недоразумений? Могут и настоять, но если настаивать не станут — вежливо напомнят, что до окончательного результата переговоров их люди не имеют права здесь находиться, поэтому не будут ли дорогие соседи любезны свернуть и

эвакуировать свою культурно-познавательную сеть, подозрительно смахивающую на шпионскую... Опять конфликт, как ни поверни... И ведь придется в самом деле сворачивать — кабины еще можно тайком перевезти в другие места и установить новые точки, а заново внедрять агентов, которые уже один раз засвечены и каждого знает в лицо уйма народу...

Самое мудрое и безобидное, что можно было сейчас сделать, — это попросить о перерыве в заседании, что захваченные врасплох господа и поспешили объявить.

— А официальную съемку-то

прекратили, — хихикнул Жак, комментируя что-то, не слышное для остальных. — А сейчас самая вкусняшка пойдет. Хоть бы узлы не порвались, когда народ ломанется нашу трансляцию смотреть...

— А их там не накроют? — забеспокоилась Ольга, уже вообразив себе спецназ, вышибающий двери, перепуганных хакеров в потайных подвалах и прочие традиционные прелести из виденных когда-то боевиков.

Жак ее не слышал, вместо него ответил дядя Витя:

— Если они каждые пять минут перебрасывают прием-передачу на

разные узлы и при этом хорошо за собой затирают, накрыть такую массовую авантюру практически невозможно.

— Так это ж сколько народу нужно?

— Много, но Жак говорил, что поднял на уши всю свою старую тусовку, а они, в свою очередь, еще знакомых подключили, и знакомых знакомых.

Его величество на экране с выражением вежливого дружелюбия на лице выслушивал какого-то важного дяденьку в красивом и, наверное, очень дорогом костюме. Дяденька тоже был вежлив и

предупредителен, но в его голосе все же чувствовались нотки недовольства.

— ...И хотели бы получить объяснение столь внезапному отходу от предварительных договоренностей, — закончил он фразу, и в паузу немедленно вклинился его величество.

— Охотно, сударь. — Судя по голосу короля, он только и жаждал поскорее объяснить дражайшему гостю все, что тот желал узнать, и сейчас безмерно рад выпавшей возможности. — Как вы, наверное, знаете, вчера на предварительном обсуждении с вашими послами возникли некоторые обстоятельства,

под давлением которых мне пришлось согласиться на предложенные условия, которые я считал и продолжаю считать крайне невыгодными для нашей стороны. Однако, давая свое согласие, я упомянул, что оно останется действительным лишь в случае, если эти обстоятельства не изменятся.

Его величество, как всегда, в своем репертуаре. Наверняка ведь произнес волшебные слова где-то вскользь, между делом, так, что на них и внимания никто не обратил. А если и обратили, то даже мысли не допустили, что «обстоятельства» в самом деле могут измениться.

— Я чувствую себя обязанным извиниться за недоразумение, — продолжал между тем Шеллар, словно не замечая реакции собеседника. — Если бы вокруг известной вам истории с похищением младенца было немного меньше умолчаний и недоговорок, подобного недопонимания не случилось бы. Его величеству Элвису следовало быть более откровенным со мной и не скрывать неприятностей из опасения потерять лицо, моей супруге стоило бы сначала выяснить все досконально, прежде чем делать поспешные выводы, но большая часть вины лежит все же на мне. Я должен был сразу

объяснить кузену все тонкости дела, а во время вчерашней встречи — перепроверить информацию, прежде чем руководствоваться ею в столь важных решениях. Поэтому прошу принять мои извинения, а также, если вам будет угодно, извинения от его величества Элвиса и моей супруги. Также я надеюсь, что причины второго недоразумения объясните мне вы.

— Если вы будете так любезны предварительно объяснить мне, о чем идет речь... — То ли важный дяденька так умело изобразил непонимание, то ли и в самом деле был сбит с толку.

— Вчера во время беседы с послами от них поступили сведения, что длительное применение магоподавляющих излучателей произвело нарушения в общем магическом фоне мира, вследствие чего восстановить его до прежнего состояния невозможно, даже более того — ухудшение будет прогрессировать и распространяться на ранее не затронутые регионы, пока не покроет весь мир полностью. Должен отметить, я со всей серьезностью отнесся к этому заявлению и, принимая решение, исходил из необходимости дальнейшего существования без

магии. Как оказалось впоследствии, заявление послов не соответствовало действительности, и было бы уместным выяснить источник этой подозрительной информации, дабы разобраться, имеем ли мы дело с ошибкой или сознательным искажением фактов.

— К сожалению, у меня нет информации по данному вопросу, — изящно ушел от ответа дяденька, — поэтому я не могу ничего объяснить прежде, чем уточню источник и достоверность. Однако что заставило вас усомниться в правдивости этой теории?

— Тот факт, что наши маги

успешно ее опровергли, —
жизнерадостно возгласил его
величество и ловким движением
фокусника достал из внутреннего
кармана небольшой продолговатый
кристалл. Во всяком случае, в
королевской лапице он точно казался
небольшим. — Нейтрализация
излучения полностью снимает
проблему. Занятная вещица, верно?
Этот кристалл был конфискован
сегодня утром на одной из
нелегальных точек ваших
контрабандистов. С помощью
магического поиска они
отслеживаются без особых
сложностей. Кстати, надо будет

отдельно обговорить вопрос о статусе ваших граждан, арестованных на нашей территории по различным обвинениям — от контрабанды до попыток свержения законного правительства. Да и с их соучастниками, остающимися на вашей территории, тоже надо что-то решать. Список получился изрядный, и в него попало множество персон, занимающих в вашем обществе высокое положение... — Кристалл исчез в недрах королевских карманов, и на свет был извлечен сложенный вчетверо лист бумаги — наверное, тот самый список. — Если вам угодно будет ознакомиться, можно

пригласить... вот, к примеру, господина Раэла, я надеюсь, он еще помнит языки нашего мира. Сударь, вы не могли бы...

Златокудрый эльф словно специально ждал, когда его позовут, — одним плавным движением переместился от столика с напитками к уединившимся в сторонке государственным деятелям и бесстрастно, как автомат, принялся зачитывать имена и должности, Ольге совершенно незнакомые. Лицо важного дяденьки при этом приобрело такое выражение, словно он полностью отрицал окружающую действительность и намеревался

публично объявить о ее иллюзорности.

— Хотелось бы решить это как-нибудь цивилизованно, не прибегая к полузабытым старинным традициям, — продолжал разглагольствовать его величество, ловко втискиваясь в каждую паузу в чтении. — Должен признаться, для современного просвещенного человека они выглядят довольно-таки варварски... Да и это не самое точное определение — ведь даже с варварами в последнее время подобные вопросы чаще решаются в рамках существующих дипломатических отношений.

— В самом деле? — заинтересовался Раэл, возвращая ему листок. — Удаленное правосудие больше не практикуется? За прошедшие триста лет его успели отменить?

— Его никто не отменял, — охотно пояснил Шеллар. — Просто с развитием международных отношений отпала необходимость прибегать к подобным способам вершения правосудия. Все державы континента связаны между собой разнообразными договорами, регламентирующими выдачу преступников или делегирующими судебные полномочия друг другу. К

тому же законы за прошедшие столетия изменились в сторону смягчения, а удаленное правосудие хорошо только для свершения смертной казни, а вот доставка преступника для отбытия срока заключения уже сопряжена с некоторыми трудностями. Хотя в нашем случае... организация заговора и вооруженного мятежа, покушение на правящего монарха... Вряд ли доставка потребуется.

— За это все еще варят в масле? — живо поинтересовался глава Темной Канцелярии.

— Ну что вы, этот изуверский способ отменили еще в прошлом веке.

— Какая жалость; на мой взгляд, несколько персон из вашего списка поистине достойны именно его... — Раэл обернулся к важному дяденьке, который внимательно прислушивался к их обмену репликами и пытался из обрывков информации и полунамёков восстановить полную картину описанных «варварских обычаев». — Видите ли, так называемое «удаленное правосудие» в те времена, когда я здесь жил, применялось в случаях, когда иноземный подданный, совершив преступление в чужой стране, скрывался на родине и оказывался недоступен для правосудия обычного — например,

из-за отсутствия правовой базы или если государства находились в состоянии войны. Суд происходил без участия обвиняемого, приговор выносился заочно, а в исполнение его приводили специальные охотники или просто наемные убийцы.

— Действительно варварство и дикость, — согласился дяденька. — Вы в самом деле намерены возродить это беззаконие?

— Что вы, — заверил его король, — напротив, я намерен действовать строго в рамках соглашения, которое мы с вами подпишем.

— А если не подпишем?

— Постойте, почему? Это ведь была ваша инициатива.

— Например, если какие-либо из предложенных вами пунктов договора окажутся неприемлемыми для нашей стороны.

— Что именно из предложенного может, на ваш взгляд, оказаться неприемлемым?

— Нам придется еще обсудить это с остальными членами мирового правительства. Мы семеро — лишь малая его часть и уполномочены только подтвердить уже принятое решение, но не принимать собственное по вновь возникшим вопросам.

— В таком случае не стоит ли нам вовсе прервать нашу встречу и разойтись по домам до тех пор, пока вы не определитесь с ответом на наше предложение?

— Зачем же расходиться всем? — внес предложение господин Раэл. — Делегация Альфы пусть отправляется домой, если им необходимо дополнительное обсуждение, а мы вместе с делегацией Беты останемся и заключим пока договор о сотрудничестве магических цивилизаций. У меня как раз заготовлен проект...

— Прекрасная идея! — с энтузиазмом поддержал его

Шеллар. — Сейчас закончим перерыв, быстро обсудим сроки, проводим наших уважаемых гостей, пригласим представителей Конвента Архимагистров — мне кажется, представлять нас как магическую цивилизацию должны специалисты... Извините, я оставлю вас до конца перерыва — мне нужно уведомить почтенных мэтров...

Его величество шустро испарился, оставив собеседников наедине, — как поняла Ольга, исключительно затем, чтобы дать им возможность поговорить о вещах, о которых сам он ну совсем ничегошеньки не знает и даже не

догадывается.

— Вы, конечно, обсуждайте... —
скучающим тоном произнес Раэл,
отвлеченно созерцая спину
удаляющегося Шеллара. — Но учтите
при этом пару моментов, ранее вам
неизвестных. Для начала, тянуть
время в надежде дожждаться
созревания кристаллов я вам
настоятельно не рекомендую. Во-
первых, потому, что это уже не
актуально. Во-вторых, на этот период
вам придется приостановить работу
агентства «Дельта», а если договор
так и не будет подписан — и вовсе
убраться из этого мира. И в-третьих,
очень скоро вам потребуется помощь

специалистов, чтобы поймать и обезвредить то, что вы похитили под видом наследного принца Кендара в надежде оказать давление на его отца.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Бросьте, все вы прекрасно понимаете, вы можете врать Шеллару, но я-то сейчас ваши мысли читаю. Только не надо становиться в позу и возглашать, что я нагло признаюсь в нарушении закона, — мы сейчас находимся на территории государства, где мои действия абсолютно законны. Я не стану предавать гласности все то, что узнал из ваших мыслей, но и вы попытайтесь понять, насколько глупо выглядит ваше демонстративное

непонимание.

— Ничуть не глупо, — не теряя достоинства, возразил дяденька и зачем-то потрогал гарнитуру на ухе. Наверное, хотел намекнуть, что не настолько же он дурак — вслух признаваться в таких вещах без гарантии, что никто его не прослушивает и что его откровения не всплывут завтра где-то в записи. — Мне действительно непонятно почти все вами сказанное. И напомнить я вам хотел не о нарушении закона, а о том, что здесь ваша магия не работает.

— Должен вас огорчить — работает, — едва заметно усмехнулся эльф. — Именно поэтому я и

утверждаю, что идея разместить в мире Дельта дополнительные магоподавители утратила актуальность. Они вам не помогут. Магия — такая же наука, как и все остальные, и она точно так же не стоит на месте. Возникают новые проблемы — ищутся новые решения. Вот и проблема излучателей недавно была решена. Что же касается похищения... Вы можете успешно скрывать это ровно до тех пор, пока главный объект недоразумения не проголодается. Даже если что-то случится с самими похитителями, мы не будем торопиться поднимать шум. Но когда это существо сбежит и

начнет кушать законопослушных граждан, далее скрывать от населения существование столь серьезной угрозы их жизням станет недопустимо. Как только появятся известия о первых жертвах, мы будем вынуждены обнародовать все известные нам факты. Из соображений безопасности.

— Ваши рассуждения отдают излишней театральностью, — не спешил сдаваться противник. — Что вызывает обоснованные сомнения в их правдивости. Вы уверены, что все действительно настолько сложно и без специалиста мы не справимся? А если мы официально обратимся к вам,

вы сможете отказать нам в помощи, зная, как это будет выглядеть?

— Мы не откажем, — мило улыбнулся Раэл. — Мы с готовностью порекомендуем вам подходящего специалиста. Человека, ибо некромантия — исключительно человеческая школа магии, среди эльфов она не нашла распространения. Слишком неэстетично, частенько неэтично, да и способностями в этой сфере мы не блещем.

— А что это вообще такое?

— Понятия не имею, надо спросить местных магов, каким оригинальным экспериментом они

ознаменовали частичную отмену запрета на некромантию. Но могу с уверенностью заявить, что попытка избавиться от похищенного существа примитивными методами вроде «свернуть шею» ничем хорошим не кончится. Изолировать можно попытаться, но без шума все равно не обойдется. Учитывая безудержное воображение приверженцев конспирологии и их количество, можно ожидать рождения новой народной сказки. Если я верно помню, некоторые особо успешные вы уж двести с лишним лет опровергнуть не можете, и не потому, что они слишком правдоподобны, а потому,

что людям нравится думать о властях плохо. Самое смешное, что до истины вряд ли кто-то додумается, а вот популярные в известных кругах версии о тайных экспериментах на беззащитных младенцах, о киборгах-убийцах и «конторе, которая все скрывает» расцветут пышным цветом.

— Это не первая подобная провокация с вашей стороны, — поморщился дяденька. — Чем вы намеревались меня удивить?

Раэл удивленно поднял брови.

— Провокация? Вас кто-то силой заставлял воровать младенцев у соседей?

— Этот вопрос вам стоит

адресовать похитителям, а не руководству Союза Народов.

— Похитителей спросите сами, когда поймаете, — это ваши подданные...

Камера уплыла к другой группе — наверное, там зашла речь о чем-то более важном, чем традиционный обмен шпильками, но вдоволь насладиться доступом к запретному зрителям Мегасети не удалось. Перерыв окончился, все вернулись на свои места, а через каких-то четверть часа закончилось и само мероприятие. Делегация Альфы попрощалась и двинулась к выходу, торопясь до следующей условленной

встречи обсудить предложенный вариант и решить — то ли соглашаться, то ли отказываться, то ли прикрывать агентство и не торопясь торговаться дальше. Оставшиеся расселись поближе, и на этом познавательная передача прекратилась. Как пояснил кому-то Жак, сейчас должны появиться придворные маги, которые, во-первых, не желают раньше времени показывать лица широкой публике, а во-вторых, мигом засекут подпольную камеру.

— И что теперь? — поинтересовался Мафей, которого на

следующий этап переговоров тоже не пригласили и даже раскладов не объяснили подробно.

— Помнутся, пожмутся и согласятся, — с уверенностью предположил Жак, складывая аппаратуру. — Уйти совсем — это чересчур радикально, это поражение, можно сказать. А остаться, пусть и на невыгодных условиях, — всего лишь тактическая уступка. Взаимодействие между мирами, пусть и ограниченное, все равно оставляет возможности. Хоть и маленькая, а все ж надежда. За нее они и уцепятся.

— Самое противное, — проворчал дядя Витя, известный

своим неизменным пессимизмом, — что рано или поздно они все равно до своего доковыряются. Чертовски обидно будет.

— Что жизнь нам теперь предстоит веселая — в этом и не сомневался никто, — согласился Жак. — Но вот насчет результата ты малость загнул. Ковырялки у них короткие для начала. А новый договор их еще и укоротит по самые держалки. А время не только на них будет играть, но и на нас. Тут и раньше-то не совсем уж стоячее болото было — и наука, и магия потихоньку развивались, а после таких потрясений и вовсе рванут.

Контакт с технологическим миром уже случился, пусть и не особенно приятный, но сколько идей принес! Ты же сам видел, как гномы на машину отреагировали. Да и люди здесь тоже не бестолочи какие. Теперь понесется, только следить успевай. А переход магии из элитарной в массовую начался еще с тех пор, как его величество основал свой спецкорпус. Это был только эксперимент, а дальше обучение будет расширяться. И учти вот еще что: случись между мирами откровенная война, тут нам бы и вправду туго пришлось, но в войне разведок и дипломатий магия дает неплохое

преимущество. Как это было на Бете в начале века, помнишь?

— Я малость моложе, — огрызнулся дядя Витя, но больше возражать не стал. Только почему-то в который раз на Диего покосился, и нехорошо так, будто тот его обидел чем.

А Диего, хоть и прекрасно все видел, только ухмылялся да шлангом прикидывался. Видать, что-то Ольга пропустила, пока все ее внимание было приковано к экрану. Хоть бы не подрались...

— Ну что, — подал вдруг голос Элмар, видя, что представление закончилось и начинаются обычные

разговоры-посиделки, — может, за вином сходить?

Возражение было на удивление единодушным — пусть словами все воспользовались по-разному, но на дверь в детскую указали одинаково, а мужчины еще и по лбам себя постучали.

— Я же не предлагаю наливать и младенцу, — обиделся принц-бастард.

Мафей застрочил по доске, пытаясь покороче растолковать суть проблемы.

— Извините, мне пора идти, — произнесла принцесса, стараясь как можно непринужденнее отклеиться от соседа и подняться с должной

грацией. К Ольгиной безнадежной зависти, ей это почти удалось. — Было очень приятно...

— Виктор, проводи ее высочество! — в один голос воскликнули Диего, Жак и Мафей.

— А Элмара кто проводит? — попытался увернуться тот, но Элмар, который дружного хора, разумеется, не слышал, как раз в этот момент поднял голову и попросил:

— Виктор, будь другом, проводи Тину. Я пока здесь побуду, еще кое-что выяснить хочу. А то Мафей не успевал писать, и я не все понял.

Ольга так и не поняла, отчего дядя Витя покраснелся. Наверное, как

и она сама, вечно боится маху дать, а сопровождать принцесс — это ж стопудово вагон условностей и всяческих тонкостей этикета... А мужики тоже хороши — подставили беднягу, лишь бы самим задницы не поднимать! Они-то хотя бы местные, а он ведь вообще ничего не знает...

— Простите меня, ради бога... — начал Витька, едва сделав пару шагов от двери, скрывшей их от проклятого сборища гадов, сводников, манипуляторов, тупых шутников и недогадливых бестолочей.

Принцесса замедлила шаг и взглянула на него с вежливым

удивлением.

— Вас-то за что?

Витька окончательно смешался и зачем-то выпалил:

— Я... я его на дуэль вызову!

Ее высочество опустила глаза.

— Не поможет, — сдержанно отметила она, царственным жестом возлагая ладошку на перила. — Кроме того... я бы не хотела, чтобы к этому происшествию привлекалось внимание. А еще больше не хотела бы, чтобы вы каким-то образом пострадали.

— Это он страдает! — сгоряча посулил Витька, напрочь забыв обо всем, кроме вопиюще

непочтительного поведения Кантора.

— Маэстро не силен в фехтовании, — сдержанно отметила Тина, — но вы знакомы с холодным оружием еще меньше. А как он стреляет, вы сами знаете.

— Тогда... тогда я просто набью ему морду! То есть... я хотел сказать, лицо...

— Это кому? — жизнерадостно донеслось снизу, и Витька увидел поднимающегося им навстречу Толика. Лопоухий Дэнов шурин был, как всегда, счастлив, доволен жизнью и полон стремления над чем-нибудь поприкалываться. Остановившись на площадке, он попытался изобразить

нечто вроде поклона в сторону госпожи регента, и ей поневоле пришлось тоже остановиться, чтобы ответить на приветствие. — Вы от Ольги?

— Ага, — отозвался Витька, неловко переминаясь с ноги на ногу, потому что ее высочество и не подумала продолжить путь — то ли желая перемолвиться парой слов с эльфом, то ли по ошибке решив, будто ее провожатый хочет с ним поболтать.

— А там что, все уже разбежались? Мне Раэл велел у Жака кое-что забрать...

— Да нет, сидят...

— А ты чего такой

встопорщенный весь? — не унимался болтливый эльф. — И чья морда тебе на этот раз не угодила? Неужто Жак ухитрился пошутить неудачно?

— Нет, — буркнул Витька.

— Маэстро Эль Драко действительно вел себя чересчур вольно, — сказала Тина. — Но уверяю вас, это не повод для поединка. Тем более что он извинился.

— Чего-о? — Ухмылка Толика с трудом держалась на грани откровенного хохота. — Вить, тебе свою-то морду не жалко? Кантор, конечно, зараза та еще, но, во-первых, вряд ли он со зла, а во-вторых, ты давно с Дэном не спарринговал?

Забыл, как эти гаврики дерутся?

— Да плевать, получится у меня или нет! — разъярился Витька. — Но должен же ему хоть кто-то сказать в глаза, что он вел себя как свинья! Где это видано — принцессу жопой пихать!

В следующий миг он сообразил, что сказал, и запоздало заткнулся, хотя это уже никакого значения не имело.

— В твою сторону? — безжалостно уточнил эльф.

— Какая разница! — рыкнул Витька, уже не зная, на кого он больше зол — на Максова паршивца, на ушастого болтуна или на самого

себя за только что сказанное.

Ее высочество чуть склонила голову, подтверждая Толикову догадку. Витька видел только ее затылок, но сдержанная улыбка представлялась так ярко, словно принцесса стояла к нему лицом.

Толик поглядел на обоих, покачал головой и наконец перестал ухмыляться.

— Вить, — произнес он со странным оттенком не то сожаления, не то сочувствия, заметно сдобренного насмешкой, — ну что за хрень ты такую несешь? Ты знаешь и Макса, и Диего, и Байли знал, и в целом представляешь себе, что они

такое — мужики ветви Кирин. Ты можешь хоть на миг себе представить, что кто-то из них способен на унижительные шутки по отношению к даме?

— Я видел, — мрачно прорычал Кангрэм.

— Что Кантор подпихнул даму к тебе? И ты, зная о его способностях, все же решил, что это неумная шутка?

— По отношению к даме — это еще хуже, чем просто шутка!

Толик вздохнул.

— Вить, не забывай, что дам он чует втрое лучше, чем нас. И не вари воду на пустом месте.

Он ловко обогнул Тину и легкой

белкой взлетел по ступенькам.

А Витька только два пролета спустя сообразил, на что паршивец намекал. И от этого у него окончательно отнялся язык. Да они что, сговорились? Если уж так хотелось что-то донести до несообразительного товарища, неужели нельзя было это сделать наедине или хотя бы не в присутствии той самой дамы, на которую намекал ось! Она ведь тоже поняла! Как теперь с ней разговаривать вообще? Как будто ничего не было? Как будто он так и не понял намек, доступный для понимания даже Пако? Тина и без того уж, наверное, считает его

умственно неполноценным и общается только из вежливости да еще из чувства благодарности за брата... Дать понять, что не поверил?... А как? «Вы не подумайте, будто я о вас могу подумать...» А если она не заметила, внимания не обратила, а он тут начнет отношения выяснять?

У двери, ведущей в королевские покои, принцесса остановилась и наконец повернулась лицом — поблагодарить и попрощаться.

— Спасибо, дальше провожать не нужно, — произнесла она с обычной едва заметной улыбкой. Взгляд ее был настолько ясным и спокойным, что

Витька даже засомневался — может, и впрямь не заметила? Или до такой степени в нем уверена, что даже не допустила мысли, будто он мог поверить в бредовые намеки Толика? — И... я, конечно, не вправе чего-то от вас требовать, но примите как совет... Не надо вызывать маэстро на поединок или затевать драку. Уверяю вас, для него не составит труда извиниться еще раз, если потребуется. К тому же пребывание в столь... тесной близости к вам можно назвать неподобающим для дамы, но ни в коем случае не неприятным для меня лично.

«Дождался,

дубина

стоеросовая... — ошалело думал Витька, продолжая стоять истуканом перед давно захлопнутой дверью и бессмысленно пялясь на затейливую резьбу. — Докатился. Теперь уже не только всякие эльфы и озабоченные потомки Кирин, а даже сама госпожа регент... Или это вовсе не намек был, а она просто утешить меня хотела, чтобы не чувствовал себя виноватым? Ну не может же такого быть, чтобы ей и в самом деле чем-то приглянулся бестолковый неудачник, да еще и старше ее лет на пятнадцать...»

Осень налетела внезапно, словно спохватившись — как же так, что же

это, Желтая луна к концу близится, в Лондре уж давно листья падают, в Поморье не сегодня завтра и первых заморозков можно ожидать, а в Ортане все никак лето не кончится! Куда это годится!

Буквально за два дня авральной работы запоздалая осень вызолотила дворцовый парк, затянула небо серыми облаками, спрятав солнышко и выстудив воздух до подобающей температуры, щедро полила все это сверху дождиком и, довольная результатом, отправилась отдыхать.

— Завтра опять солнце будет, — предсказал Мафей, полюбовавшись напоследок закатом перед тем, как

задернуть шторы.

— Хотелось бы, — ворчливо отозвался Диего, приобнимая Ольгу и прижимая к себе. — Не хватало, чтобы дети простудились!

— Что за ерунда, — отозвалась Кира. — Они тепло одеты, да и в помещении не холодно.

Его высочество наследный принц Кендар радостно взвизгнул, как бы подтверждая полнейшую комфортность своего существования, и сделал очередную попытку вскарабкаться на дядюшку Элмара. Тереза поспешно оттащила его и попыталась усадить, но малыш решительно вырвался и в очередной

раз пополз по дивану за спинами сидящих. Всего несколько дней назад его наконец переправили из Такката, где он благополучно пересидел все летние катаклизмы, в дом настоящих родителей, и он все еще чувствовал себя в гостях и порывался изучать неизведанные пространства дворца.

Ольга на всякий случай заглянула в корзинку, дабы убедиться, что вертлявый червячок не выпутался из «теплых одежд» и ушко не торчит из-под сбитой набекрень шапочки. Это им, взрослым, не холодно, а двухнедельная кроха и простудиться может.

— Будет солнечно, — повторил

Мафей. — Но тепло не будет. Лето и так затянулось.

— Чем такое лето, пусть уж лучше холодно... — опять проворчал Диего.

— Маэстро нынче злой, — поддел неисправимый Жак. — Не иначе опять весь день имя для дочери подбирал и опять не преуспел.

— А вот я кому-то в лоб... — начал оскорбленный мистралиец, и Ольга поспешила отвлечь его, пока не вспыхнул. На этой стадии нежное пожатие пальцев и легкий поцелуй в щечку еще действовали.

С именем для дочери действительно возникла проблема.

Куда ни кинь, чуть ли не каждое женское имя напоминало маэстро о какой-нибудь конкретной даме, с которой он имел честь быть знакомым ранее, а он категорически не желал, чтобы родная дочь напоминала ему о бывших любовницах, как бы прекрасны и замечательны они ни были.

— А кто тебе виноват? — сурово нахмурилась королева. — Бурная молодость, хорошая память и персональные капризы — это все твое, сам и справляйся. В конце концов, есть еще эльфы, гномы и разнообразные варвары, у них нераспаханных имен, как травы в

степях, выбирай на здоровье.

— Я их не знаю, — проворчал Диего. — А те, которые знаю, не годятся, потому что...

— Потому что именно оттуда ты их и знаешь, — вздохнула Ольга.

— Или они непроизносимы, — согласился Диего. — Или просто неблагозвучны. И вообще, ты представляешь себе девушку вроде моей матушки с гномьим именем?

Его величество, который до сих пор сидел молча, вытянув ноги к камину и внимательно наблюдая за передвижениями наследника, устало бросил:

— Помочь?

— Давайте не сейчас. Вы устали, у меня настроение хреновое, и зрителей чересчур много.

Король молча пожал плечами. Последние несколько дней выдались утомительными. Договор, как и предполагал Жак, все-таки подписали, но хлопот от этого только прибавилось. Почти целую неделю после исторического события короли, их придворные маги и прочие допущенные к секретной информации персоны трудились как пчелки и только сегодня наконец смогли отдышаться. Бедный мэтр Вельмир, который последние три дня застрял в своем старом облике и, похоже,

молодеть больше не соби́рался, ушел спать, а неугоми́мый Шеллар III рухнул в кресло и уже минут двадцать сидел там, не шевелясь и не подавая голоса.

— Ваше величество, — как бы изда́лека завел Жак, — а вы в самом деле настолько устали, что даже не расскажете нам ничего?

Король скользнул взглядом по собравшимся, как бы оценивая, что из его гипотетического рассказа может быть доступно и понятно этой милой компании.

— Например?

— Что теперь будет?

— А что такого будет? —

удивился Мафей. — Мы же победили. Все будет хорошо.

Шеллар вздохнул и одарил кузена снисходительно-сочувственным взглядом.

— Вряд ли стоит называть это «победой». В нашей работе окончательных побед не бывает в принципе. Можно сказать, что мы выиграли эту битву, но она не последняя. Будем жить дальше. Работать, любить, растить детей, познавать новое... — Он перевел взгляд на сына и чуть улыбнулся. — Кстати, где кузина Тина и ее застенчивый воздыхатель?

— А тебе непременно надо,

чтобы они тоже были здесь? — уточнила Кира.

— Мне просто интересно, они где-то вместе или опять попрятались друг от дружки и возвышенно страдают?

— Ну, они в этом деле не первые, — ухмыльнулся Диего, насмешливо косясь на его величество.

— И даже не вторые, — невозмутимо парировал тот.

— Ну, первые и вторые за несколько лун управились, — поспешил развить тему Жак, пока Диего не разобиделся и не заругался. — А на эту пару ставки неутешительные... Вот чего они, а?

Им ведь никакие суслики не мешают...

— Сказал тоже, — фыркнул Мафей. — Там этих сусликов стаи бегают.

— Это верно, — кивнул Шеллар. — Цвет нашего дворянства не сможет спокойно спать, пока наследная принцесса не пристроена. Большинство из них, полагаю, даже позабыли напрочь, что официальный брак лишит ее права наследования. И они очень даже мешают, хотя Тина и старается их избегать.

— Почему?

— Вы, наверное, сами давно заметили, что наш друг Виктор

крайне невысокого мнения о своей персоне и сама мысль о том, что принцесса может проявить к нему интерес, для него недопустима и нереальна. Даже видя обратное собственными глазами, он все равно пытается найти ее поведению другое объяснение. А наблюдая миграции сусличьих стай вокруг ее высочества, немедленно оное найдет. Конечно же его привечают лишь затем, чтобы он своим присутствием распугивал нежелательных ухажеров. Хотя на самом деле — строго между нами! — все дело в том, что он поразительно напоминает ей первого мужа.

— По-моему, не будь их, он бы

все равно что-нибудь придумал, — поморщился Диего. — Сказала б уж она ему прямо, видит же, что сам он никогда не осмелится.

Шеллар с огорчением развел руками.

— Принцессе не подобает.

— Ничего, — вздохнула Ольга, — вот поправится Элмар, он ему быстро растолкует, что к чему. Как он умеет — доступно, наглядно и тактично.

Элмар с интересом прислушивался. Азиль вернулась пять дней назад, и все это время он каждую ночь старательно лечил свой пострадавший слух, наплевав на сломанную ногу и прочие

последствия покушения. Теперь окружавшая его тишина уже не была столь беспросветной, но слышал он все же плохо, а просить, чтобы в ухо крикнули, стеснялся.

Тереза в очередной раз отодрала от Элмара упорного принца Кендара и пересадила в пустое кресло. Тот радостно взвизгнул, пошлепал руками по подлокотникам и вернулся к облюбованному маршруту: кресло — столик — диван — опять столик — опять кресло — и обратно.

— Интересно, сколько раз он уже так прополз? — покачала головой Ольга. — И не надоест ведь!

— Двадцать шесть, — с

ГОТОВНОСТЬЮ ОТОЗВАЛСЯ ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВО.

— Скоро и твоя так же
поползет, — предрекла Кира. —
Опомниться не успеешь.

Ольга со вздохом покосилась на
корзинку, в которой сладко
посапывала безымянная малышка. Ей
казалось, что вся эта круглосуточная
канитель с кормежкой, дойкой,
пеленками и вечно подтекающим
молоком не кончится никогда.

— Да тут скоро массовый выполз
пойдет, — хихикнул Жак. — Полгода
без магии — это ж почитай вся
контрацепция местная тю-тю. К зиме
демографический взрыв грядет.

— Да, — согласилась Кира. —
Первой нас обрадует Эльвира... А вы
когда думаете?

— Я — хоть сейчас! — заверил
шут. — Осталось Терезу уговорить.

— Сначала — экзамены и
диплом! — непререкаемым тоном
изрекла та.

— Мы, наверное, скоро, —
поделилась Азиль. — Я чувствую...
что-то приближается.

— Кстати, — спохватилась
Ольга, — я ведь тут вчера Камиллу
видела! Она что-то не в настроении
была общаться и шустро смылась, но
даже я разглядела, что она тоже... к
зиме готовится.

— И на старуху бывает проруха, — усмехнулся Жак. — А у нее еще профессия такая... связанная с риском.

— Интересно, с кого на этот раз слупят алименты? — хмыкнул Диего.

— С покойника алиментов не требуешь, — помрачнел король. — Но вряд ли Камилла захочет сама растить этого ребенка. Думаю, она охотно отдаст его на воспитание любому, кто пожелает принять на себя эту обязанность, лишь бы никогда больше не видеть и не вспоминать.

— Сомневаюсь, чтобы желающие выстраивались к ней в очередь, —

недобро усмехнулась Кира.

— Это не имеет значения, — спокойно отозвался Шеллар. — Первым в этой очереди буду я. Думаю, мэтр не станет возражать. Мафей вырос и вскоре освободит место для нового ученика...

— А меня ты даже из вежливости не спросишь? Как всегда, поставишь перед фактом — дорогая, вот тебе еще один ребенок?

— Если бы я планировал привлекать тебя к воспитанию этого ребенка и уходу за ним, я бы непременно спросил. Но поскольку из рук кормилиц и нянь он сразу перейдет к обучению магии, я

полагаю более разумным спросить мэтра.

— О, так вы даже знаете, кто отец? — Жак даже заерзал от любопытства. — А нам скажете?

— Тебе уже не терпится растрепать об этом всем знакомым?

— А что, нельзя? Камилла хочет оставить это в тайне?

— Если я правильно догадываюсь... — ахнула Ольга, сама ужасаясь смелости своих гипотез, — у нее все равно не получится. Там по одному виду опознать можно будет безошибочно.

— Правильно, — вздохнул король. — Если только не окажется

трансформером, как Морриган.

Диего что-то проворчал себе под нос — кажется, ругательство. Кира помрачнела еще сильнее.

— Я понимаю, что все дети имеют право на жизнь, что отыгрываться на младенцах за преступления отцов — низко, но одного не понимаю: почему тебе вдруг потребовалось оставлять это существо при дворе и принимать в собственную семью? На память, что ли? Так у тебя, кажется, и без того сувениров осталось достаточно.

— Нет, конечно. Я просто хочу, чтобы он вырос нормальной, здоровой личностью, и намерен лично

проконтролировать этот процесс. Поверьте, этот мир избежит многих проблем, если...

— Да ладно вам фиалки-то всем за уши совать, — не удержался Жак. — Ни для кого не секрет, что вы почему-то питали к этому чудовищу необъяснимую симпатию. Даже Ольга заметила, хотя так и не объяснила почему.

— Потому что ближе к концу своей жизни он почти перестал быть чудовищем, — тихо произнесла Азиль. — Вы просто не успели узнать его другим.

— Нет, не поэтому, — возразил король, уставившись на своего шута

долгим неодобрительным взглядом, отчего тот даже заерзал. — Вы все хорошо меня знаете, могли бы и догадаться.

— Могли бы, — согласилась Кира. — Более того, мы могли бы придумать каждый по несколько собственных версий, вероятных и обоснованных, но чтобы отыскать среди них правильную, потребовалось бы влезть тебе в голову.

— А давайте мэтра попросим? — предложил Жак. — А то его величество, как всегда, — подразнит, ничего не скажет и предложит догадываться самостоятельно.

— Я уже привык, что задачи,

требующие умственных усилий, вы предпочитаете не решать, а искать кого-нибудь знающего ответ... — Его величество по привычке полез в карман за трубкой, но вовремя спохватился. — Если вам так уж лень думать самостоятельно, попробуйте на минуту представить, что выросло бы из меня, если б меня воспитывал не мэтр Истран, а кто-то вроде Повелителя.

Ольга попробовала, но в ее воображении судьба самого Повелителя от этого не изменилась. Только при таком раскладе на момент вторжения его уже не было бы в живых, а на его месте прочно сидел

бы любимый ученик, быстро превзошедший наставника в коварстве и искусстве многоходовых интриг. И бессмертие бы не помогло.

— И повернулся у тебя язык сравнивать! — вознегодовал Мафей. — Это же... ты! А то — он!

— Эта разница между нами — заслуга наших наставников, — повторил Шеллар. — И Харган все время был для меня живым напоминанием об этом. Ему уже ничем не помочь, но мы можем хотя бы позаботиться о том, чтобы его потомок не повторил судьбу отца.

— Мэтра только жалко, — вздохнул эльф. — Сколько он со мной

намучился... и опять все сначала.

— Да ладно, — ухмыльнулся Диего. — Этот хотя бы эльфийской инфантильностью страдать не будет.

— Ага, только ломать носы и мебель по поводу и без.

— Не обязательно, — возразил король. — К примеру, за мэтрессой Морриган я никогда не замечал подобной привычки. И вообще, может, это будет девочка.

Ольга торопливо заглянула в корзинку — не проснулась ли ее собственная девочка. Нет, кулечек мирно сопел, позволяя надеяться, что до десяти часов проблем не возникнет.

— А вы куда теперь пойдёте? — Добившись желаемого от короля, Жак переключился на Диего. — Как там дела с вашим театром?

— Да уж получше, чем с твоим домом, — съязвил маэстро. — Здание стоит, чего ему сделается. Карлос жив, трезв и почти здоров. Труппа сбежится, только свистни. Ольге, конечно, первое время трудновато будет, но не вечно же ей грудью кормить. А потом уж можно будет или с няней оставлять, или с собой на работу брать. Там народу много, присмотреть всегда есть кому. Я ведь вырос в театре, и ничего.

Принц Кендар с фамильным упорством вернулся к незавершенному делу, от которого его то и дело пытались оторвать. Он опять вцепился в рукав Элмара и попытался подтянуться, опираясь на подгибающиеся ноги.

— Узнаю дорогого кузена, — покачал головой принц-бастард, подхватывая племянника здоровой рукой. — Ну иди сюда, ты же не отцепишься, я вашу породу знаю...

Наследник престола, поднятый на уровень лица, радостно задрогал ножками, пошлепал ладошками по дядюшкиным манжетам и со счастливым хохотом ухватил Элмара

всей горстью за нос.

ЭПИЛОГ

Десять лет спустя

Над цветущим садом плыл аромат цветов и басовито жужжали пчелы. Умеренный ветер с моря разносил по двору сладковатый запах, примешивая к нему нотку соленого морского воздуха и разбавляя вкусным дымком жаровен. В замке Муэрреске давно привыкли к тому, что сеньор может в любой момент независимо от времени суток вдруг вывалиться из телепорта в сопровождении гостей и объявить, что сегодня праздник. Причем персональные праздники

сеньора редко совпадали с общепринятыми, а гостями мог оказаться кто угодно — от ватаги уже нетрезвых актеров до августейших персон. Поэтому столы, посуда и жаровни на всякий случай всегда хранились в боевой готовности, а тент уж лет пять как заменили постоянным дощатым навесом.

Сегодня сеньора почтили своим присутствием гости «высшей категории», что создавало некоторые неудобства для гуляющих из-за стандартных мер безопасности, но, с другой стороны, позволяло надеяться, что после праздника не придется чинить стулья и отмывать углы. Хотя

если взглянуть с третьей стороны, дюжина разнополых детей в возрасте от четырех до десяти лет по разрушительности способны сравняться с таким же количеством взрослых мужчин в любой степени опьянения.

— Боги, — неодобрительно покачала головой королева Кира, наблюдая с балкона за стайкой детей, с визгом носящихся по саду. — Это же стадо кентавров какое-то! Они же тебе все цветы вытопчут вместе с деревьями!

— Не сомневаюсь! — съязвил в ответ маэстро Диего. — Ты бы предпочла, чтобы они ходили

колонной по четыре, отдавали честь и цветы вытаптывали только строевым шагом и по команде!

— У тебя там спуск к морю надежно огорожен? — забеспокоилась мэтресса Тереза. — Никто не свалится?

— Успокойся, там забор, калитка, ступеньки, все прочное и надежное. Да и охрана там не для мебели.

— Стража — не няньки, чтобы за детьми присматривать, — нахмурилась Кира. — Их задача — охранять объекты от внешней угрозы, а не следить, что веселенького задумает детвора на этот раз и не

опасно ли это.

— Да что с ними может случиться в саду? — беспечно махнул рукой Орландо. — Там же нет ничего, кроме апельсинов.

— А ульи? — педантично уточнил Шеллар.

— Они не в первый раз в этом саду, — напомнила Ольга. — В ульи они уже лазили пару лет назад и давно усвоили, что этого делать не надо. Да и неужто мы сами за ними не присмотрим? Отсюда же весь сад видать, если они полезут к ульям или к морю — мы сразу увидим. Пусть побегают, в жмурки, в салочки поиграют, в городе ж разве есть где

побегать детям...

Жак вдруг хихикнул:

— Конечно, есть! Дворцовый парк именно для того и создан, чтобы отважные кабальеро устраивали там пробежки, а придворные дамы удили рыбу с набережной...

— Эх, веселое было время... — ностальгически вздохнул Кантор. — Нынче придворные дамы уже не те. Не в смысле рыбной ловли, а в смысле подглядывания из-за кустов за мужчинами, падения в обморок и прыжков с моста в воду — топиться.

— И «те» не понадобятся еще лет десять, — согласно кивнул его величество. — Это как минимум, если

рассчитывать на то, что будущая супруга наследника окажется более... традиционной женщиной. Ибо его подрастающая сестрица, по моим наблюдениям, на «тех» развее что опыты ставить будет.

— «Те» дамы при дворе не так уж и нужны, — заявила королева. — Зато приятно видеть, что твой выдающийся ум передан по наследству.

Шеллар грустно окинул взглядом сад.

— Я бы предпочел, чтобы он передан Кендару. Править-то ему. А при нынешней сложной ситуации...

— Прошу тебя, — взмолился Орландо, — давай хоть сейчас

оставим на время политику! Мы собрались отдохнуть, давай о чем-нибудь приятном! Ольга, расскажи лучше, как продвигается ваш грандиозный проект первого в мире полнометражного фильма?

— А как он может продвигаться, если единственный оператор то на подвигах, то на свидании, то к магистерским экзаменам готовится, то другими тремя проектами занят? Мы этот фильм два года снимаем и еще столько же, наверное, снимать будем.

— Если бы вы с Юстом не переписывали сценарий каждые пару лун, уже и закончили бы, — возразил

Кантор.

— Но хочется же сделать на достойном уровне, чтобы не стыдно было и через пол века показывать!

— Замахнулись на шедевр — терпите теперь! — хихикнул Жак.

— Там не дождь ли, случайно, накрапывает? — забеспокоилась королева Эльвира, задирая голову к небу. — Кажется, что-то капнуло мне на шляпку.

— Это не дождь, — простодушно утешил ее супруг. — Это чайка.

— Боги, неужели вся прелесть отдыха состоит в том, чтобы на королеву Мистралии гадили чайки! — рассердилась Эльвира. — Честное

слово, лучше бы мы все-таки у Элмара собрались...

— Ага, — фыркнул Орландо, аккуратно доставая из воздуха платочек, чтобы вытереть пострадавшую шляпку. — И сидели бы всей толпой в гостиной, а дети бегали бы по нашим головам. В Ортане сейчас еще холодно, а у нас — тепло, солнышко, апельсины цветут...

— Чайки летают, — копируя его мечтательный тон, вставила королева.

Его величество мимоходом испепелил запачканный платочек и продолжил:

— Особо морозостойкие товарищи могут уже и водичку

проверить...

— Может, потом и проверим, — пообещал Элмар. — Правда ведь?

Виктор неопределенно пожал плечами. На его широкой конопатой физиономии читалось невысказанное объяснение, что подвигов ему хватает и в повседневной жизни, а отдохнуть он бы предпочел как-то поспокойнее, годы его уж не те... Про эти самые «не те годы» он последнее время упоминал при каждом удобном случае. Похоже, в какой-то момент эта зацикленность на возрасте заменила ставшие неуместными прежние причитания о невезении. Недавно он даже обмолвился о том,

чтобы уйти на покой, чем до полусмерти перепугал Мафея, а Элмара заставил надолго задуматься. Случившийся при этом Жак, по обыкновению, поднял героя на смех, указав, что три шебутных рыженьких пацаненка, вне всяких сомнений, являются показателем глубокой дряхлости и телесной немощи их родителя. Виктор в гневе запустил в насмешника кружкой и с тех пор вслух о «покое» больше не заикался. Всякие напоминания о своем многочисленном потомстве он почему-то воспринимал болезненно — может, ему за это от начальства попадало, а может, по привычке

боялся счастья или просто не готов был к такому его количеству.

Первый, как водится, получился случайно, по традиционному арифметическому недоразумению, и поначалу внезапную беременность ее высочества не восприняла всерьез даже она сама. Горький опыт первого брака не располагал к надеждам — мертворожденный первенец, три выкидыша и два замерших плода навсегда уверили принцессу Тину в безнадежности дальнейших попыток. Но когда, к всеобщему удивлению, точно в срок на свет появился совершенно здоровенький мальчишка, она на радостях не пожелала

останавливаться. Виктор хватался за голову и выражал опасение сдохнуть прежде времени, Элмар ободряюще хлопал товарища по плечу и уверял, что его девочкам нужны достойные женихи, а практичный Шеллар довольно ухмылялся и вносил дополнения в список наследников. На робкие протесты дворянского собрания он с традиционным занудством однообразно предлагал процитировать тот ускользнувший от его внимания закон, в котором сказано, что права незаконнорожденных детей наследной принцессы чем-то отличаются от прав того же Элмара, а

также обосновать отнесение официального фаворита к категории «неизвестно кого». Словом, как заметил однажды мэтр Вельмир, смешивая себе эликсир от головной боли после очередного трудового дня, «в ближайшие полвека вымирание этой династии уж точно не грозит».

— Я бы не рекомендовал лезть в воду даже самым закаленным, — изрек Шеллар, попыхивая трубкой и созерцая окрестности. С виду он мог показаться расслабленным и безмятежным, но на самом деле уже успел оценить место проведения грядущей вечеринки с точки зрения безопасности, пересчитать скрытых

по периметру охранников и удостовериться, что легкомысленное заявление хозяина о надежности ограждений соответствует истине. — Вероятность последствий составляет в среднем около сорока процентов. Для Элмара это, возможно, и не имеет значения, а вот у Кантора послезавтра вечерний спектакль, и даже банальный насморк может испортить ему выступление.

— А я завтра обещал навеститься к Александру, в моторе покопаться. — Виктор тут же уцепился за возможность отказаться от купания, не прибегая к сомнительным аргументам. — Тоже не хочется там

соплями трясти.

— А похмелье тебе, конечно, не помешает, — не преминул подколоть его Жак.

— А я не собираюсь напиваться.

— И правда, чего ты к нему прицепился? — вступился Элмар. — Даже если напьется — мэтр Мафей у нас на что? Кстати, а где наш почтенный магистр, чью мантию мы, собственно, сегодня и обмываем?

— Мэтр Мафей уединился где-то с мастером Шань, — с едва заметной иронией пояснил Шеллар, от внимания которого не ускользнула и эта деталь.

Мужчины

немедленно

заухмылялись, а Ольга с деланным удивлением поинтересовалась:

— И что, никто даже ничего не скажет о нравах современной молодежи?

— Стариков тоже нашла! — возмутился Орландо.

— Переживать о нравах молодого поколения мы начнем лет через шесть-семь, — добавил Шеллар с добродушной усмешкой, указывая на сад. — Когда вот эта милая компания войдет в соответствующий возраст. Но вы со своими красноречивыми ухмылками на этот раз промахнулись — наши юные друзья уединились вовсе не для того, о чем вы подумали.

Во-первых, они спустились к морю, где нет соответствующих условий, а во-вторых, больше похоже, что им предстоит разговор на серьезную тему. У дамы был очень обеспокоенный и даже огорченный вид, а кавалер встревоженно заглядывал ей в лицо, надеясь догадаться, о чем сейчас пойдет речь.

— О черт, они же предохраняются, я надеюсь? — вскинулся Виктор.

— Они взрослые люди, — вступилась Ольга.

— Даже если кое-кто и эльф безалаберный, — подтвердил Диего, — это все равно ничего не

значит. Женщины шархи умеют управлять своим организмом. Примерно так же, как эльфы — регенерацией. И детей заводят, только когда сами хотят.

— Угу, — ничуть не успокоился Виктор. — А отец тебе не рассказывал, как у твоей прабабушки получился твой дедушка?

— Это же другое дело! У посвященных оно иначе происходит! Им боги напрямую подсовывают, тут хоть как извернись — не отделаешься.

Азиль чуть подалась было вперед, словно хотела что-то сказать, но передумала и опять откинулась на спинку кресла. Одним из самых

заметных изменений в ней после созревания оказалось неожиданно обретенное умение промолчать, причем не по настоятельной просьбе, а по собственному разумению. Посторонние мужчины исчезли из ее жизни резко и несколько неожиданно даже для близких, вместе с ними пропала и способность к видению всего связанного с сексом. Зато теперь она всегда могла точно объяснить, отчего плачут дети, что у них болит, чего им хочется, чего они боятся и многое другое, обычно сокрытое от нормальных взрослых. Даже ощущения еще нерожденных детей не были для нее тайной. Так же

легко она могла найти общий язык с любым животным, а растениям достаточно было одного ее присутствия, чтобы расти, цвести и плодоносить с удвоенной силой.

Невольное движение Азиль не укрылось от зоркого глаза его величества. Он пристально прищурился, несколько секунд присматриваясь — не последует ли еще каких скрытых сигналов? Затем перевел взгляд на калитку, за которой скрылась парочка заговорщиков.

В полицейском управлении Даэн-Рисса инспектора Шань с первого дня работы за глаза прозвали

пигалицей. В глаза опасались, ибо весь департамент Порядка был искренне уверен, что юная протееже Флавиуса на самом деле его внебрачная дочь. Лезть с прямыми вопросами никто не рискнул, но наблюдательному человеку и без того понятно, что о случайном совпадении тут и речи быть не может. Во-первых, протекция. Во-вторых, заметное даже слепому фамильное сходство. В-третьих, возраст подходящий. Ну а когда пигалица на первом же допросе без единого прикосновения (не говоря уж о каких-то там палачах) раскатала матерого рецидивиста Колбасу так, что он рыдал в истерике и на все

управление каялся не только в убийстве приказчика табачной лавки, но и еще по тринадцати эпизодам, о которых его вообще не спрашивали... Тут бы только полный болван не узрел тяжелой наследственности главы департамента Безопасности. Один взгляд чего стоит. Присутствовавший при событии патрульный стражник впоследствии божился, что готов был тоже рухнуть на колени и повиниться в получении трех серебрушек взятки в прошлом году, и лишь чудо спасло его от позора.

Руководство департамента Безопасности с высшей категорией допуска только ухмылялось, слушая

эти гениальные догадки, но к развенчанию никаких усилий не прилагало. Они-то прекрасно знали, откуда на самом деле взялась агент Рельмо, сколько ей лет и чья она племянница, но режим секретности никто не отменял, а начальник вроде бы и не имеет возражений. К тому же редкий дар этой иномирской ведьмочки бывает очень полезен и в делах более тонких, чем обычные уголовные расследования.

По службе инспектора Шань характеризовали со всех сторон положительно, непосредственное начальство даже тайком воздавало хвалу богам, что сотрудница им

досталась толковая, смышленная, работающая и без всяких этих, знаете, женских глупостей. А то ведь влиятельные родственники, бывает, такое пристраивают, что не знаешь потом, куда сбагрить, чтобы хотя бы не мешало.

Коллеги очень удивились бы, увидев сейчас суровую деву, хлюпающую носом в закрытой беседке, прилепившейся к склону, словно гнездо ласточки. Может быть, даже версия насчет родства с Флавиусом показалась бы им сомнительной.

— Ну... это неожиданно... — неуклюже пытался ее утешить мэтр

Мафей, растерянный и шокированный новостью, но все еще не в силах найти в ней что-то особо трагическое. — Но отчего же тут плакать? У всех наших друзей уже есть дети... даже у Тины с Виктором... и все счастливы. Что плохого в том, чтобы рожать детей? Разве ты собиралась прожить всю жизнь бездетной?

— Именно это я и собиралась! — сердито всхлипнула Саша. — Ну какие дети при моей работе? Ты разве не понимаешь, сколько проблем теперь свалится и на нас, и на нашу родню, и на наше начальство, и на все три мира? Боги, ну за что, а? Что я опять такого сделала? Чем

провинилась?

— Да может, они и ни при чем вовсе, — попытался вступить за богов Мафей, в основном из опасения, как бы они не обиделись на несправедливое обвинение — если оно вдруг и вправду несправедливое.

— А чем еще можно объяснить невозможное? Ты же понимаешь, что с точки зрения всех законов биологии и даже магии это невозможно? У тебя ведь заклинание на месте? Точно?

Мафей на всякий случай проверил, обмирая от ужаса, — а вдруг что не так?

— На месте. Как и последние одиннадцать лет.

— И у меня тоже все было под контролем. А кроме того, у меня еще и чип стоит для пущей надежности. Не могло там ничего само по себе завестись. Если при надежном тройном предохранении с двух сторон я все же умудрилась вляпаться — это только боги удружили, больше никому.

— Ну, может, они как лучше хотели...

Саша достала платочек и принялась тщательно вытирать распухший нос и покрасневшие глаза.

— Ты так и не понял. Вот попробуй представить, что будет дальше. Не утипусечки всякие над

кульком из пеленок, а хотя бы такой простейший вопрос: где наш ребенок будет жить? Если он вырастет здесь, я не смогу потом забрать его с собой. Если там — он будет расти фактически без родителей. А что его ждет, когда вырастет?

— Ну... — Мафей призадумался. — Сейчас трудно сказать. Это зависит как минимум от того, чьи способности он унаследует. Будет он шархи или классическим магом. Если второе — вопрос, где жить, не стоит вовсе. А если первое... Ну, давай с Шелларом посоветуемся. В любом случае, слезами тут не поможешь.

— Да я и сама знаю... —
вздыхнула агент Рельмо, выискивая на
платочке место посуше. — Но как
представлю себе объяснения с
начальством... Со всеми тремя
начальствами... «Извините, это не я,
оно само...» Глупо до ужаса. Как
нашкодивший малолетний эльф. Или:
«Я соблюдала все предосторожности,
но тут вмешались боги...» Полной
дурой буду выглядеть.

Мафей пододвинулся поближе,
обнял ее и привлек к себе.

— Все пройдет, — вполголоса
проговорил он, чуть касаясь губами
нежной кожи на виске. — Любые
неприятности случаются,

заканчиваются и забываются. Ну, будут проблемы. Ну, придется чем-то жертвовать, терпеть неудобства. Но ничего действительно страшного не случится. Да, жить на два мира — сложно, но как-то же справлялись с этим до нас и после нас будут... Зато у тебя останется продолжение в этом мире, что-то, что будет напоминать мне о тебе через сотню лет... И вообще, дети — это здорово!

Его речь прервал дребезжащий грохот и хоровой детский вопль.

Мэтр Мафей и его подруга ринулись к выходу, но успели только увидеть, как мимо них по ступенькам, набирая скорость, пронеслось

жестяное корыто с двумя пассажирами на борту.

«Убьются же, балбесы!» — ужаснулся Мафей и одним прыжком взлетел, надеясь догнать малолетних лихачей до того, как они перевернутся или врежутся в берег внизу, но не догадался взглянуть вверх, откуда уже мчался на помощь еще один такой же летун, и оказался точно у него на пути. С треском столкнувшись лбами, мэтр Мафей и его величество Орландо II рухнули на ступеньки, пребольно стукнувшись для равновесия еще и противоположными местами, и в один голос выругались.

Пока они опомнились,

проморгались и смогли опять взлететь, корыто достигло нижней ступеньки и, проехав еще несколько локтей по песку, благополучно остановилось.

— Ну конечно, кто бы усомнился. Если случилось ка-кое-то безобразие — там наверняка не обошлось без его высочества Ринальдо!

Наследный принц Мистралии жалобно поднял круглые, как у котенка, глаза на столпившихся вокруг взрослых, лица которых не предвещали ничего хорошего. Его густые, почти девичьи ресницы мелко-мелко задрожали.

— Просто странно, — заметила мэтресса Тереза, — как это без Алекса обошлось?

— Он вытянул короткую палочку, — честно пояснил принц Кендар, благоразумно держась в сторонке от виновников переполоха. — А я говорил — не надо слушать Джессику.

Его младшая сестренка сделала непонимающее лицо и пролепетала, внезапно разучившись выговаривать половину букв:

— Я нисего не говолила пло кладеную книфку...

— Отставить подставлять брата! — рявкнула мама. — И

притворяться младенцем — тоже отставить!

— Ну почему! — чуть не разревелась принцесса. — Почему, когда так делают Касси, Манолито или Габи, им все верят, а мне нет! Мне тоже три с половиной года!

— Потому что они не притворяются, — педантично пояснил Шеллар. — Они такие и есть. А если бы тебе хотелось скрыть истинный уровень своего развития, притворяться следовало постоянно, а не по особым случаям. Так это была твоя идея?

— Это была идея всехняя, — порыцарски вступился принц Деимар,

сурово нахмутив рыжие бровки.

— Джессика только придумала систему безопасности, — добавила Ро.

— А корыто нашел Коррадо, — уточнила Тарна.

— Ничего же не случилось... — проныл Ринальдо, пуская первую слезу. Сейчас он уж и не рад был, что выиграл у Алекса право первым опробовать новую забаву.

— И не должно было случиться, — рассудительно добавил Рене. — Мы все предусмотрели.

— А если бы вы перевернулись? — укоризненно произнесла все еще бледная королева

Эльвира. — Ну представьте на миг, что это дрянное корыто перевернулось бы на середине пути! Вы же могли разбиться!

— Не-е-ет! — хором заверили дети.

— Со мной же был Рене... — всхлипнул Ринальдо, наследственным чутьем предвидя, что за авантюру с корытом попадет в первую очередь ему. Потому что первому наследнику всегда попадает больше всех.

— И что?

— У него же есть крылышки! — разъяснила свою гениальную идею Джессика. — Если бы корыто перевернулось, он бы подхватил

Ринальдо и взлетел!

Взрослые обреченно переглянулись.

— А я говорил — он не успеет! — заметил Кендар. — Но послушали почему-то Джессику.

— И что с вами со всеми делать? — грозно спросила Кира.

Дети испуганно притихли.

— Давайте сделаем так, — на правах верховного судьи вмешался Шеллар. — Все дети пусть сейчас идут за стол. И больше от него не отходят. А завтра мы с Джессикой подробно обсудим все недочеты в ее системе безопасности. Выслушаем ее теорию, потом доводы Кендара,

экспериментальным путем проверим, сколько времени требуется Рене, чтобы сменить облик и взлететь, — и может ли он вообще взлететь с грузом, примерно равным собственному весу...

— Шеллар, ей же три с половиной года!

— Ничего страшного, дорогая, если она в этом возрасте берется рассчитывать страховочные мероприятия для экстремального спорта, пусть хотя бы научится делать это правильно. Я в ее годы подобных ошибок уже не допускал.

— Дети — это так здорово, правда? — язвительно прошептала

Саша на ухо Мафею.

Он тихонько поймал ее руку и ободряюще стиснул — мол, держись, все будет хорошо.

— Конечно, здорово, — убежденно ответил Кантор, который, как обычно, услышал слова, для него не предназначенные. — В конце концов, мы все ими были.

И уставился на злополучную лестницу с ностальгической улыбкой.

* * *

Уважаемые читатели! Поскольку электронные версии не помогут Автору писать новые книги, вы можете это исправить: web-money

Оксана Петровна принимает на
к о ш е л е к **Z765938819912**
(удостовериться в ЭТОМ, найти
единомышленников, а также задать
вопросы и следить за ВЫХОДОМ НОВЫХ
КНИГ МОЖНО ТУТ: pankeeva.info)

Также ждем вас в СОЦИАЛЬНЫХ
с е т я х : [facebook.com/pages/Oksana-
Pankeeva/](https://facebook.com/pages/Oksana-Pankeeva/) и vk.com/deltaworld